

К. КРОМИАДИ

ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ...

К. Кромиади

**ЗА ЗЕМЛЮ,
ЗА ВОЛЮ...**

Сан Франциско

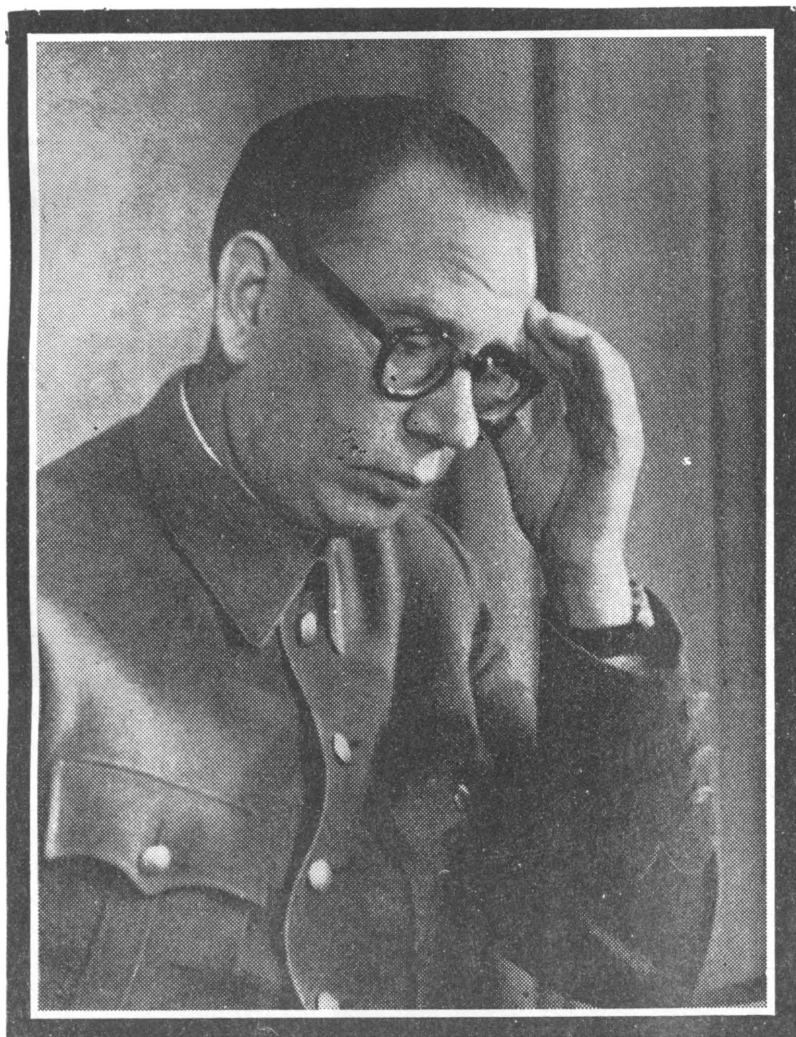
1980 г.

Союз Борьбы за Освобождение
Народов России — СБОНР

К. КРОМИАДИ

**НА ПУТЯХ
РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ
1941 – 1947 гг.**

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ УЧАСТНИКОВ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ**

**Генерал-лейтенант
АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ВЛАСОВ**

Предисловие

В этот сборник — На путях русской освободительной борьбы во время Второй мировой войны — вошли ряд моих статей и очерков, одновременно обнародованных в выходящих в Нью-Йорке «Новом Журнале» и в газете «Новое Русское Слово». Основная же моя тема — «Моя работа в Штабе ген.-лейтенанта А. А. Власова» печатается впервые. Позволил же я себе упомянутые статьи и очерки подвести под одну общую шапку исходя из того, что темой каждой из этих статей и очерков является какая-то определенная часть русского вопроса в Германии и на оккупированной ею территории. А последовательное их изложение создает приблизительное общее представление о событиях того времени.

Я благодарю СБОНР, и Издательство «Глобус», за оказанную мне материальную, техническую и моральную поддержку для издания этой книги;

Особую благодарность высказываю Ирине Евгеньевне Сабуровой, всегда охотно помогающей власовцам в их работе и принявшей активное участие в подготовке моего материала к печати;

Спасибо друзьям из Союза Борьбы за Освобождение Народов России, благодаря которым эта книга увидела свет;

Спасибо и Косте Кружину за художественное оформление обложки.

К. Кромнади.

Введение

НАЧАЛО ГЕРМАНСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ 41-45 г.г.

Последняя мировая война, возникшая между Германией и Советским Союзом, как известно, с первого же дня приняла катастрофический характер для Советского Союза.

Внезапное нападение немцев на Советский Союз — на своего союзника, без объявления войны, застало красноармейцев врасплох и полностью парализовало их обороноспособность. Как рассказывали потом участники этой операции со стороны немцев, они сами до начала наступления (22 июня в 5 час. 30 мин. утра) ничего не знали о предстоящем им наступлении; официально их войска перебрасывались на восток на отдых. Когда же получили приказ перейти границу, в казармах застали красноармейцев, врасплох; они толпились в корридорах и проходах между нарами в одном белье и на требование поднять руки вверх, в недоумении твердили — «Мы же союзники, мы ведь друзья!» — Дальнейшая картина этого акта дополняется в еженедельных обзорах кино-постановок того времени, где вместе с успехом своих войск на фронте, показывали и бесконечные колонны советских военнопленных, босых, в одном белье с поднятыми руками вверх, идущих в немецкий тыл. Картины эти были по-истине удручающие. Мимо такого удручающего зрелища нельзя пройти молча.

Спрашивается, как все это могло случиться, о чем думало советское командование? Как могла пройти незаметно для органов советской разведки перегруппировка германских войск? Тем более, что для нанесения своего первого удара, немцы перебросили на советскую границу такой большой контингент живой и технической силы, с которой им удалось одним мощным ударом разбить не только советские пограничные части, но и войска, расположенные в значительной глубине прифронтной полосы. Мало того, ее хватило и для развития дальнейших операций по всему восточному фронту, чтобы не дать врагу оправиться от нанесенного ему удара, чтобы использовать силу своего удара до конца.

Ошеломленные и перепуганные красноармейцы окончательно растерялись — одни сдавались в плен, другие, кто как мог, бежали на восток. Само собою разумеется, что в

красных частях была нарушена дисциплина, субординация и главное — система управления войсками. И это положение все больше и больше усугублялось, ибо отступавшие не успевали оторваться от наступавшего врага и привести свои войска в порядок для принятия боя.. Пехоте трудно было уйти от вражеской авиации, танков и моторизованной артиллерии... Окрыленные же своими головокружительными успехами, немцы развили бешеные темпы наступления. Их авиация беспрерывно бомбила советские тылы — она громила авиапункты, артиллерийские парки, пути сообщения, живую силу. А танковые дивизии и корпуса глубокими обходами врезались в советскую территорию и отрезали тыл от фронта, образовывали котлы и принуждали разрозненные отступавшие советские части капитулировать. Трофеи немецких армий тогда насчитывались сотнями тысяч пленных и полным уничтожением технической силы врага. Правда, на этом страшном пути отступления среди красных командиров находились люди волевые и решительные, коим удавалось на ходу сколотить кулак и дать бой наседающему врагу, но на фоне массового отступления такие попытки носили местный характер и кончались самопожертвованием.

В связи с таким небывалым поражением, в течение первых месяцев войны Россия очутилась в положении беззащитном и немецкая армия, не встречая серьезного сопротивления, занимала русские города один за другим. Короче говоря, через три месяца такого интенсивного наступления, немцы вышли на линию фронта — Архангельск, Ленинград, Москва, Харьков; в германских лагерях военнопленных томилось около четырех миллионов советских солдат и офицеров, уничтожено и захвачено было все техническое вооружение разбитых армий и на оккупированной территории осталось от 50-60-ти миллионов населения на милость победителя.

Ирония судьбы — в течение двух десятков лет командование Красной Армии кичилось тем, что оно воевать будет на территории врага; в связи с этим свою стратегию и тактику разрабатывало применительно к ведению боевых операций на неприятельской территории, а враг застал и командование и политруков мирно спящими в постелях. Нельзя понять как все это могло случиться? Ведь каждая армия, в зависимости от обстановки, обязана принять соответствующие профилактические меры, гарантирующие не только ее безопасность, но и выполнение ее боевой задачи. А тут целых два года, как Западная Европа продолжает гореть в огне войны, над всеми ее странами реют нацистские флаги, а на советской стороне до этой роковой ночи войска, распо-

женные у границы и в приграничной полосе, не были приведены в боевой порядок, ибо по показаниям тогдашних плененных офицеров, их артиллерийские части были расчленены и расквартированы далеко друг от друга, в авиационных и танковых частях не хватало горючего.

Тут напрашиваются три вопроса, требующие пояснения:

1) Если Гитлер без объявления войны напал на целый ряд стран Западн. Европы и заполонил их, почему советские вожди решили, что этого с ними не может случиться и не приняли мер предосторожности?

2) Как могли органы разведки Красной Армии выпустить из своего поля зрения факт такой большой перегруппировки германских войск у своей границы, тем более, что к тому времени Германия была вооружена до зубов и вся ее молодежь находилась под ружьем?

3) Чем объяснить такую небывалую доверчивость Сталина и его окружения по отношению к Гитлеру, который тогда уже растоптал все существовавшие в Европе политические международные акты, как и общепринятые нравственные и моральные требования и захватывал одну страну за другой. Мало того, как могли советские вожди, характерной особенностью которых является никогда и никому не доверять, на этот раз довериться вчерашнему своему врагу и не приняли в отношении его никаких мер предосторожности?

Мне думается, что пояснения к этим трем основным вопросам нужно искать в тогдашней сложной политической и экономической обстановке, сложившейся в Западной Европе и в Советском Союзе.

Начнем с того, что в тогдашней Европе господствовали две силы, опиравшиеся на строгую диктатуру — это коммунистическая и национал-социалистическая. Обе эти диктатуры конкурировали между собою, остальные страны жили своими внутренними делами. Коммунистическая партия, придерживаясь заветов Ленина, одержима была идеей мирового коммунизма и к тому времени успела опутать весь земной шар своими филиалами, через которые и сеяла смуту. Национал-социалистическая, разгромив у себя коммунистов и укрепив за собою власть, задалась целью осуществить имперские цели Третьего Рейха (Великогерманские). Таким образом, столкновение этих двух диктатур намечалось естественным ходом событий. Однако оба диктатора к схватке не были готовы, оба нуждались в отсрочке. Отсюда возникла необходимость прибегнуть к дипломатической игре, держа нож за пазухой.

Вот почему ставится вопрос о неподготовленности Ста-

лина встретить врага. Надо полагать, что получив согласие Гитлера на дележ Польши и захват балтийских стран и Бессарабии, Сталин размяк и лишился бдительности, он искренно пошел навстречу своему новому другу???

Не менее непонятен и второй вопрос — как не доглядели армейские органы разведки такой крупной перегруппировки германских войск у своей границы? Тем более, что к тому времени германская армия уже была действующей и вся ее молодежь уже была под ружьем. Мне кажется, что такое непростительное упущение можно объяснить только тем, что в то время, после основательного кровопускания, учиненного Сталиным в рядах Армии в 37м году (расстреляно было 33 тысячи человек командного состава), Армия была терроризована и скована страхом, комсостав был подавлен, никто не считал себя в безопасности и каждый командир содрогался от неожиданного стука в дверь. Само собою разумеется, что командиры не дерзали усумниться в истинности дружелюбия немцев к Советскому Союзу, раз это им было продиктовано сверху. Мало того, при таком положении дел, каждый командир страшился проявить свою инициативу в вопросах высшей политики, каковыми тогда считались взаимоотношения между Германией и Советским Союзом. А Сталин, диктовавший всем и вся, боялся информировать своих подчиненных в пределах необходимых. Таким образом красноармейский состав действовал впотьмах, точно выполняя приказы сверху. Он ничего не мог менять, если даже почувствовал гитлеровские агрессивные намерения в отношении России. Учитывая характерную особенность Сталина и всей его системы правления, — никому и ни в чем не доверять, надо полагать, что он и Гитлеру тоже не доверял, как и тот ему, но оба они вынуждены были заигрывать один с другим, чтобы выиграть время. И гитлеровцы, чтобы избежать вероломного нападения на них Сталина, еще в 37м году спровоцировали процесс Тухачевского при помощи Бенеша и обезглавили и обескровили Красную Армию. Оказалось, что Сталин сам боялся своей Красной Армии не меньше Гитлера и, воспользовавшись немецкой провокацией, расстрелял 33 тысячи человек командного состава, в том числе и всю его верхушку. Могу себе представить как тогда Гитлер жалел, что он еще не был в состоянии использовать этот сталинский промах. Он не только тогда сам еще не был готов к войне, но еще и несговорчивые западные демократии связывали его по рукам и по ногам; он боялся ведения войны на два фронта. Однако, избавившись при помощи Сталина от опасности с Востока, Гитлер решил перед тем, как напасть

на Советский Союз, обеспечить свой тыл с Запада. В связи с этим 1 сентября 39 года он напал на Польшу, а 3 сентября Англия и Франция объявили ему войну, чего он и добивался (Тут нужно заметить, что если сараевское убийство в четырнадцатом году формально послужило поводом к возникновению Первой мировой войны, то образование Данцигского коридора послужило формально поводом к возникновению Второй мировой войны). Так завязалась Вторая мировая война. Но чтобы яснее очертить обстановку того времени, нам нужно еще раз вернуться к предвоенным временам, когда Англия и Франция, чувствуя угрозу со стороны Гитлера, направили в Москву свою военную делегацию с предложением Сталину заключить тройственный союз. Переговоры продолжались с 12 — 21 августа 39 г. и ни к чему положительному не привели. Но интереснее всего то, что Сталину хотелось создать для Гитлера удобную обстановку, при которой тот рискнул бы напасть на западные демократии. В связи с чем от предложений англо-французской делегации он отказался, а через два дня, 23 августа он подписал пакт о ненападении с немцами и заключил с ними торговый договор. При этом, по словам одного очень авторитетного лица, занимавшего тогда высокий пост в одном из министерств Гитлера, во время ведения неудачных переговоров англо-французских делегатов с советчиками, Риббентроп тоже был в Москве в Кремле и посажен был в соседнюю комнату и по микрофону слушал ход переговоров. (Видимо Сталин старался убедить Гитлера в своей искренности и преданности). Так ли было или нет, не знаю. Однако рассказ этот для тогдашних взаимоотношений Гитлера и Сталина являлся характерным и правдоподобным. Ведь поделили же потом между собою Польшу, Сталин с благословения Гитлера занял Балтийские страны и Бессарабию. А за все это до 22 июля 41 года он услужливо и бесперебойно снабжал Гитлера сырьем, помогая ему громить страны Западной Европы. Но Гитлер добрался до берегов Атлантического океана и Сталину следовало насторожиться и ждать направленность дальнейшей экспансии Фюрера, тем более, что немцы большие контингенты своих войск стали перебрасывать с запада на восток, на отдых. Но вместо бдительности Сталин и его окружение продолжали пребывать в блаженной дреме. Даже после нападения немецких войск на красноармейцев, 22 июня 41 года, когда первые вести о поражении дошли до него, он усмотрел в происшедшем интригу местных генералов и предупредил Молотова быть осторожным в своих выступлениях. И только дальнейшие вести с фронта убедили его в

том, что началась настоящая война, в которой его армии понесли тяжелое поражение с неслыханно большими потерями. Таким образом, если даже отказаться от варианта, что между Гитлером и Сталиным возникло какое-то взаимопонимание и остаться при мнении, что оба вождя вели дипломатическую игру, стараясь обмануть и использовать один другого, то надо признать, что Гитлер обыграл Сталина как только можно было это сделать. Грозный диктатор сам не заметил, как он очутился в положении обманутого, обыгранного, попавшего в мышеловку. Судя по его дальнейшему поведению, нужно полагать, что только после этого неожиданного нападения немцев на его войска (без объявления войны) Сталин понял всю сложную игру, которую Гитлер с ним сыграл. Он понял, что теперь земля в прямом смысле этого слова горит под ногами и с ним случился нервный шок. Те, кто тогда имели возможность слышать его обращение к народу свидетельствуют, что зубы его отбивали дробь о стакан, из которого он время от времени глотал воду. Можно сказать — в этот момент с плеч кровавого демона свалилась мантия и он заговорил человеческим языком. Он взывал к «братьям и сестрам», он взывал к теням героев старой дореволюционной России (Александра Невского, Суворова, Кутузова, которых он не смог расстрелять только потому, что они ушли из жизни много раньше, чем он появился на свет); вспомнил и о своих еще недострелянных генералах и маршалах сидящих в застенках НКВД с перебитыми ребрами и выбитыми зубами. Их надо было в срочном порядке освободить, привести их в должный человеческий вид и вернуть в строй. Короче говоря, страх перед наступавшим врагом заставил Сталина с молниеносной быстротой отвернуться от своего коммунистического идола и повернуться лицом к исторической национальной России, к той самой России, которую коммунистическая власть и прежде всего он сам, систематически безжалостно терзали, растапывали в грязи ее святыни и, истребив в тюрьмах и концлагерях десятки миллионов человек, превратили страну в очищенный плацдарм для построения коммунизма, а перепуганное и до предела терроризованное население в безмолвный строительный материал для своих безумных политических экспериментов.

В этот момент Сталин должен был бояться народной мести больше, чем германского наступления. У него перед глазами пронеслись учиненные им страшные злодеяния над безвинными людьми, перед ним восстали многомиллионные его жертвы и он не только понимал, но и знал и чувствовал,

что народ его ненавидит, насколько человек способен ненавидеть. Он понимал, что вынужденный молчать народ, вместе с ним остро ненавидит и коммунистическую партию со всеми ее атрибутами — эту чуму XX века, ибо между ним и партией с одной стороны и народом с другой стоят страшные картины воцарения коммунизма в стране; десятки миллионов расстрелянных и замученных в тюрьмах и концлагерях ЧК, НКВД, поголовное истребление крестьянства и многие другие зверства, учиненные над невинными людьми. И он страшился, что в этот тяжелый и решительный момент над ним могут разразиться народный гнев и возмездие. Сталин очутился в положении волка на псарне. И он бросил казенную партийную фразеологию и заговорил языком, понятным и близким народу.

Отсюда и возникла необходимость манипулировать именами героев дореволюционной России. Кстати, это двурушничество тогда привело коммунистов к парадоксу — с одной стороны восхвалять и славить Суворова, а с другой Пугачева, которого Суворов разбил и заповалил, как мятежника.

Короче говоря, со дня вторжения немцев в пределы Советского Союза, советская пропаганда взяла на вооружение патриотические и национальные лозунги, которые до того рассматривались как архаизм и контрреволюция и жестоко преследовались (сколько народу было арестовано и расстреляно за буржуазный национализм?) Однако, когда этот первый шок прошел, партийная верхушка, чтобы в какой-то мере вернуть утерянные ею позиции, придумала лозунг в борьбе против немцев — «За Родину — за Сталина!». Умно, ничего не скажешь! Объединила необъединимое. Само собою разумеется, что за Родину сражаться будет каждый, а за спиной Родины устроился Сталин с уверенностью, что она и его вытянет, и вытащила.

Так или иначе, а заигрывание Сталина с Гитлером привело к разгрому советской армии и ввергло страну в бездну страшных жертв и страданий. И понадобилось много времени, пока народ не всколыхнулся и не поднялся на борьбу против жестокого агрессора, какими показали себя нацисты на оккупированной ими территории.

Однако, если нападение Гитлера на Сталина застало последнего врасплох, то конец июня 41 года нельзя назвать удачным моментом для немцев начать войну с Советским Союзом, с такой гигантской страной и с большими ресурсами, ибо в то время их войска были рассеяны по всем странам Западной Европы. Мало того, на Западе Гитлер не достиг своей цели, ибо он не смог заставить Англию и Францию

капитулировать. Потерпев поражение, они в спешном порядке продолжали мобилизовать все свои силы и возможности продолжать борьбу против агрессора-Гитлера. Таким образом, немцы на Западе завязли и их военные успехи там принесли им больше вреда, чем пользы, ибо, если раньше, намереваясь напасть на Советский Союз, Гитлер опасался нападения с Запада, удара в спину, то теперь он должен был считаться с той лютой злобой и ненавистью, которые он вызвал у всех оккупированных им стран, даже и тех, кто при любых условиях предпочли бы остаться нейтральными, чтобы избежать участия в большой войне. Таким образом, каковы бы ни были возможности оккупированных народов, их военный потенциал был мобилизован и действовал по всем направлениям против оккупантов.

И потому, несмотря на их головокружительные успехи — захват всех западных стран и выход к Атлантическим берегам и берегам Северного и Средиземного морей, западный фронт все еще продолжал оставаться действующим и поглощать соответствующую живую и техническую силу оккупантов. И если ко всему сказанному прибавить и многочисленные гарнизонные и тыловые службы в оккупированных странах, мы увидим, что к моменту нападения Гитлера на Советский Союз, очень большой контингент его войск был скован крепко на Западе. И если несмотря на свое незавидное положение Гитлер все-таки решил напасть на Советский Союз, то надо полагать исходил он из того, что тот к войне не подготовлен, ибо Красная Армия не успела оправиться от того тяжелого удара, какой нанес ей Сталин в 37м году, (он ее обезглавил и обескровил). Армия к войне не подготовлена, его западная граница не укреплена. (Старая граница снесена и вооружение ее снято, а новая граница еще не укреплена. Видимо не успели перевезти вооружение со старой границы на новую). Следовательно, пока не поздно надо напасть на дремлющего врага и несколькими мощными ударами сломать хребет Красной Армии, захватить промышленные центры Европейской части России и принудить врага к капитуляции. (В 42м году, после разгрома Армии Тимошенко, Гитлер по радио сообщил: «Мы сломали хребет Красной Армии и теперь осталось ликвидировать ее остатки.») Недаром говорят, что кого Господь желает наказать, отнимает у того разум. Лучший пример для оправдания этой поговорки трудно подобрать.

Сравнительно легкие победы Гитлера на Западе вскружили ему голову, а непомерные агрессивные цели отняли у него разум. Он возомнил себя гением, он не переносил инако-

мыслия, его нельзя было в чем-нибудь переубедить ни историческими примерами, ни стратегическими соображениями. Он жил и мыслил в другой плоскости. А между тем, не сумев дипломатическим путем добиться взаимопонимания и сближения со странами Запада, он силой оружия превратил все покоренные страны Запада во врагов Германии. Казалось бы, принимая во внимание этот последний факт, прежде чем напасть на Советский Союз, он постарается изучить своего врага досконально и взвесить свои собственные возможности, но он всем пренебрег, считаясь со своими собственными соображениями. Он как то сказал: «В наше время техника в значительной мере сократила время и пространство и потому исторические примеры не являются убедительными.» Очевидно он забыл поговорку «Палка о двух концах».

А между тем, по свидетельству многих выходцев из Советского Союза, там народ ждал прихода немцев, ждал их с нетерпением и надеждой на освобождение от страшной тирании коммунистов, ждал их как доброжелателей, пришедших с протянутой рукой помощи. Ведь шли же русские войска на войну против турок, чтобы освободить балканские страны от турецкой неволи. Да Гитлер сам оказал немалую помощь Франко в Испании в борьбе против коммунистов во время гражданской войны. Однако гитлеровцы вторглись в пределы Советского Союза с первого же дня, как вражеская завоевательная сила. С самого же начала войны, гитлеровцы не переставая глумились над честью, интересами и суверенными настроениями населения. Тем кто в начале прихода немцев встречали их с цветами и хлебом с солью, много горя и страданий пришлось перенести от пришельцев. Им ничего другого не оставалось, как по примеру своих отцов и дедов, взяться за оружие и стеной стать на защиту своей страны. А раз дело до того дошло, то любая молниеносная война должна была окончиться для агрессора крахом. Что и случилось. Однако я думаю, что вообще против такой страны, как Россия, если даже она очутилась в положении Советского Союза, с ее громадными просторами и неблагоприятными климатическими условиями для молниеносной войны, с ее огромной живой и технической силой и разными другими возможностями, любая молниеносная война обречена на поражение.

В связи с вышеизложенным, вспоминаются слова покойного генерала Власова: «После войны Сталин обязан Гитлеру и Розенбергу поставить памятник в Москве, на Красной Площади. Это они помогли ему выиграть войну.»

В заключении этой главы хотелось бы сказать несполь-

ко слов о лозунгах Гитлера времен войны. Так например, во время наступления на страны западной Европы, он говорил, что он построит новую справедливую Европу на 500 лет вперед, а когда начал войну против Советского Союза говорил, что он ведет Крестовый поход европейской цивилизации против коммунистического варварства. Однако этим громким заявлениям Гитлера никто значения не придавал, да они и выглядели фиговым листком, не говоря о их абсурдности.

Такова была общая картина событий, на фоне которых разыгралась трагедия русской освободительной борьбы во время мишувшей мировой войны.

В странах победителей и побежденных вышло много мемуаров, посвященных событиям Второй мировой войны и обнаруживавших моменты тайной закулисной деятельности правителей воевавших стран. Однако я предпочел остаться в рамках моих личных воспоминаний, дабы обрисовать картину тогдашних событий, как она выглядела со стороны, как она представлялась рядовому обывателю, ибо именно в этой обстановке возникло и развивалось все мною ниже изложенное. При этом я не касаюсь анализа сражений — побед и поражений. Я, в пределах мне доступных, занялся предвоенными взаимоотношениями Гитлера со Сталиным, приведшими к тяжелому поражению Красной Армии в ночь с 21-22-ое июня и его последствиями.

Однако, чтобы читатель имел возможность в какой-то мере обсудить затронутые мною вопросы, позволю себе привести некоторые наиболее важные данные мемуаристов, имеющие прямое отношение к затронутым мною вопросам.

Так, например, нам говорят мемуаристы, что:

а) военная разведка Красной Армии тогда стояла очень высоко и она своевременно оповестила Сталина о скоплении германских войск на советской границе,

б) что торговый атташе США в Германии госп. Вуд в Берлине еще в январе 41 года раздобыл гитлеровский план войны «Барбаросса» и переслал его в Вашингтон. А на основании этого документа, американское правительство в марте 41 года сообщило Сталину о предстоящем нападении Гитлера на него,

в) что член германской миссии, одновременно советский шпион в Токио Зорге своевременно информировал Ста-

лина о готовящемся Гитлером нападении на него,

г) что перед началом войны немецкий фельдфебель-перебежчик сообщил, что Гитлер предпримет нападение на Советский Союз в ночь на 21-ое июня. И еще, что информированный Сталин усилил свои войска на германской границе, что он дал приказ пехоте незаметно для немцев выйти на позиции и занять огневые точки, а артиллерии и авиации — замаскироваться на местах своего расположения.

Пусть все это будет так. Но тогда чем объяснить факт катастрофы, имевшей место в ночь с 21-го на 22-ое июня? Чем объяснить то, что красноармейцы были застигнуты немцами врасплох и целыми колоннами в одном нижнем белье и босыми шли в плен, а артиллерия и авиация, не будучи готовыми к бою, были разбиты на местах. (У авиации не оказалось горючего, а артиллерия была рассредоточена на местах расквартирования — по заявлениям тогдашним пленным офицеров).

И почему ко времени нападения Гитлера на Советский Союз, на старой границе укрепления были снесены, (после раздела Польши между Гитлером и Сталиным), а на новой еще не возведены? Очевидно не успели технику со старых укреплений перебросить на новую границу.

И в заключение — война началась ночью с субботы на воскресенье, а товарные поезда груженные сырьем по поставкам для Германии, целый воскресный день продолжали идти навстречу наступавшим германским войскам и попадали им в руки. О чем думали соответствующие органы Советской власти и как такой факт связать с предварительными профилактическими распоряжениями Сталина?

И если принять к сведению ту колоссальную работу, которую предприняли немцы для того, чтобы подготовить свой сокрушительный удар по врагу одновременно по всему фронту, то предварительные оборонительные мероприятия Сталина покажутся смехотворными. Фактически граница Советского Союза в должной мере не была оснащена ни живой, ни технической силой, и части, стоявшие на границе и в прифронтовой полосе, не были приведены в боевой порядок. И вся вина за это лежит на диктаторе, помимо которого никто не смел лезть вперед и проявить свою инициативу.

Вот почему я считаю, что в сложной политической игре, завязавшейся между Сталиным и Гитлером, последний обыграл своего оппонента, следствием чего последовало и все остальное.

Доброй ночи доброй!
Кто знает, кто знает!

Ваша родина со своим и своим
ветром. Ваш родной. Ваш родной
ваш. Ваш родной. Ваш родной.

Ваш родной
10.9.44

П. С. Кучковская и другие

Часть I

**Настроение и положение немцев
и русских группировок
1941 – 1945 гг.**

НАСТРОЕНИЯ БЕРЛИНСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ ВО ВРЕМЯ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

В этой главе я коснулся настроений берлинских обывателей до и во время минувшей войны. Но тема сама по себе характерна и охватывает настроения не одних только берлинцев, тем более, что Берлин того времени посещался немцами разных городов и концов Германии. Но кто бы эти немцы ни были, весть о возникновении войны между Германией и Советским Союзом приняли холодно. Во-первых, они были разочарованы в своих ожиданиях, что с падением Парижа война на Западе окончится и родные их с фронта вернутся домой, во-вторых — новой войны, да еще с таким гигантом, как Советский Союз, боялись; не знали, что она может им принести. Я бы сказал, что войну Гитлера против Польши в 39м году и войну против Советского Союза народ воспринял по разному.

Формально, война Гитлера против Польши началась из-за Данцигского коридора, которым версальские миротворцы в 18м году отрезали Восточную Пруссию от остальной Германии и тем самым поставили Германию в прямую зависимость от новообразовавшейся Польши. Германский народ эту национальную обиду болезненно переживал, а поляки в вопросе пользования коридором не особенно шли навстречу немцам. В связи с этим, когда Гитлер со своими войсками двинулся на Польшу, народные массы отнеслись к его поступку с некоторым удовлетворением. Я бы сказал, что Данцигский коридор послужил в 39м году поводом для возникновения Второй мировой войны, как и Сараевское убийство послужило поводом к возникновению Первой мировой войны в 14м году. Но война против Польши окончилась, наступила капитуляция последней, а военный очаг все больше и больше разрастался, что немецкого обывателя сильно беспокоило. Уже в период борьбы против западно-европейских народов мнения обывателей сильно разнились, и очень многие жаждали конца войны и возвращения своих сыновей и мужей домой. Я помню людские настроения в связи с падением Парижа; женщины смеялись, от радости плакали, танцевали, что мол теперь конец войны. Сам Париж по себе мало кого интересовал, но этот факт в представлении людей связывался с концом войны. Этим бедным людям тогда в

голову не приходила мысль, что война на Западе — это всего лишь прелюдия к большой войне на Востоке. А между тем у тогдашнего поколения немцев раны от потерь во время Первой мировой войны были еще свежи. Были свежи и последствия от понесенного поражения, когда люди в течение пятнадцати послевоенных лет не только бедствовали, но порою и голодали. Вот почему возникновение новой войны да еще с такой громадной страной, как Советский Союз, немецкие обыватели встретили очень холодно. Наша соседка и трое ее молодых приятельниц, у которых мужья находились на фронте с самого начала войны, нередко собирались вместе и плакали. И имели основания плакать, ибо их мужья домой больше не вернулись; все они пали в боях на Востоке.

Короче говоря, если после раскиссирования коммунистической партии и налаживания хозяйственной жизни страны германские обыватели чествовали своего Гитлера и гордились им, то начало войны против Советского Союза уже поколебало их веру в него, они уже почувствовали тяжесть ярма, которое он надел им на шею. С этого времени начинается подпольная критика поступков Фюрера, того Фюрера, о котором раньше можно было думать что угодно, но никто не решался высказать свою критику. Даже враги его предпочитали молчать. А между тем, антинацистов было немало. К таковым относились остатки разбитых коммунистических фаланг, преследуемые нацистами социал-демократы и традиционные монархисты (Дейтшнационал). Все эти «анти» до поры до времени молчали, они были ошеломлены первыми успехами своей армии на фронтах, но прошли первые месяцы и никого уже удержать нельзя было.

Дело дошло до того, что несколько профессоров, врачей и священников открыто стали критиковать нацистские порядки. Священники в проповедях обличали зверское обращение властей с людьми. В Вильмерсдорфе, в одной из церквей священник в проповедях не стеснялся громить нацистов за их деяния. Но на одной воскресной службе нацисты заполнили церковь и после проповеди арестовали священника. Этот священник до конца войны сидел в концлагере и вышел оттуда живым трупом. Нужно сказать, что власти не церемонились с так называемой оппозицией. Они наводили ужас на население своими полицейскими органами. Одно слово ГЕСТАПО для немцев означало такое же страшлище, как для русских ЧК. Все профессора, врачи и священники, о которых я упомянул, были арестованы; в застенках тюрем и концлагерей их третировали, издевались над ними и морили их до

смерти, или же расстреливали. Короче говоря, нацисты утвердили свою власть над Германией, так же как коммунисты утвердили свою власть над Россией и жестоко карали каждого, кто дерзал не согласиться с ними.

Я здесь умышленно обхожу вопрос преследования и истребления евреев за их расовую принадлежность, ибо вопрос этот по своему значению грандиозный и с моей точки зрения выходит за рамки понимания нормального человека. Одно только могу сказать, что глядя на евреев того времени, мне каждый раз становилось стыдно за себя и других, мимоходящих. Одновременно с положением евреев в нацистской Германии, вспоминались и наши братья в Советском Союзе, которых десятками миллионов такие же одержимые психопаты гноили и расстреливали в застенках тюрем и концлагерей ЧК, НКВД и КГБ. Разница заключалась в том, что в Германии зверствовали нацисты, а в Советском Союзе коммунисты. Да будут и те и другие прокляты!

Однако, картина была бы далеко не полной, если бы я не указал на то, что в стране было много миллионов энтузиастов, поклонников Гитлера, уверовавших в его непогрешимость и его непобедимость и доверивших ему свою судьбу. Толпы берлинцев шпалерами окаймляли дороги, по которым он должен был проехать и сплошь да рядом простаивали целыми ночами, чтобы утром при проезде можно было его приветствовать. И приветствовали его как рыцаря, поднявшего меч против коммунизма, (он уничтожил коммунизм в Германии, он помог Франко одолеть коммунистов в Испании, он уничтожит коммунистов и в России, говорили они), но было и очень сильное течение, которое не только не могло мириться с его зверствами, порочащими немцев, но и понимавшее, что он уже втянул их страну в грязную авантюру, из которой ей трудно будет выбраться.

Короче говоря, с начала германско-советской войны, звезда Гитлера, спасителя Германии от неминуемого коммунизма, стала тускнеть и особенно это стало заметно в конце 42-го года, после его неудачных операций на среднем участке фронта и главным образом под Москвой. Само собою разумеется, одновременно и органы власти закручивали гайку против растущей критики и в стране стало наблюдаться напряженное состояние; уже появилось понятие «мы» и «они». А между тем, война шла своим чередом и постепенно всасывала в себя и тех и других, не считаясь с их психическим состоянием; — одним приходилось сражаться на фронте, другим работать и трудиться для фронта.

В Берлине работа кипела — официальные учреждения

работали с предельной нагрузкой, улицы с утра и до поздней ночи бывали переполнены толпами людей, среди которых изобиловали военные мундиры, свои и чужие. Город стал походить на военный стан. Гостиницы и рестораны с трудом обслуживали своих гостей, питание было строго рационировано, но спиртного можно было доставать из-под полы и охотники до веселья особенно не страдали. А на вокзалах одни поезда выбрасывали на перроны толпы людей, другие брались штурмом уезжавшими по назначению. Шарлоттенбургский, Силезский и Герлицкий вокзалы превратились в муравейники; там, дожидаясь своих поездов, люди на ночь устраивались кто как мог и полы там превращались в сплошное человеческое ложе. (Люди приезжали на вокзалы с вечера и оставались там ночевать, ибо ночные налеты вражеской авиации часто разбивали пути городского транспорта и нельзя было рассчитывать во-время попасть на вокзал). В связи с перегрузкой вокзалов, провожавших дальше контрольных будок не пускали. Но и без них перроны бывали переполнены сплошной человеческой массой уезжающих и приезжающих, при этом особенно критический момент наставал, когда одним нужно было выходить из вагона, а другим войти, люди упирались друг в друга со своими чемоданами и деваться было некуда. А над всем происходящим довлела правительственная пропаганда. Крикливые речи вождей и их приспешников передавались по радио, ими бывали полны газеты и журналы. Много говорилось и писалось о своих фронтовых успехах, о захваченных городах и селах, о разбитых советских армиях, о захваченных новых сотнях тысяч военнопленных, об уничтоженной советской технике. Несколько раз в день, перед особо важной радиопередачей играли фанфары, гремели марши, привлекая внимание слушателей. Помимо этого, во всех кинематографах, на всех сеансах перед началом сеанса показывался недельный обзор, посвященный почти исключительно победам на фронте.

Но хуже всего была новая расистская теория — это делить людей, вернее, нации на людей первого сорта (юберменшей) и второго сорта (унтерменшей). К первой группе относились немцы и народы Западной Европы, ко второй все народы востока. Этим делением нацисты наделяли себя, юберменшей, правом поступать с унтерменшами по своему усмотрению. (Об этом будет сказано в одной из последующих глав). К чести немцев, в среде которых я тогда вращался, многие приходили в ужас от подобных высказываний и считали расовую теорию фюрера признаком помешательства.

Но так или иначе, а время шло и Молох войны все боль-

ше и больше требовал жертв со стороны мирного населения. Уже давно немецкие успехи на фронте сменились неудачами и в связи с этим и жертвы их возросли, уже фронтовые потери стали исчисляться десятками и сотнями тысяч. А неприятельская авиация беспрепятственно налетала на германские города, превращая их в сплошной битый кирпич. В Берлине при ковровых налетах противовоздушная оборона молчала и на небе не показывался ни один истребитель; американцы хозяйничали там как хотели. И порою, когда приходилось наблюдать за страшными делами их рук, не делали никакой разницы между ними и наци. Уж чересчур много ужаса и горя причинили тогда они совершенно и ни в чем неповинным людям.

Дело дошло до того, что людям было негде укрыться, одни развалины, а если кое-где и остались стоять целые кварталы, то окна с разбитыми стеклами и окна забивались картоном, который вылетал при очередном налете. Люди в домах-холодильниках мерзли — топить было нечем, да и питание сильно оскудело. Голод и страх уже заглянули в глаза почти каждого берлинского обывателя. На улицах все больше и больше стали показываться мужчины и женщины в трауре, с заплаканными глазами и серыми исхудалыми лицами. А со временем, таковые стали заполнять улицы и учреждения города. Под тяжестью понесенных жертв, личных невзгод и ощущения приближающейся катастрофы, люди бродили по улицам как тени, без улыбки на устах. Чувствовалось, что жизнь этих людей уже сломана, что горе уже стало спутником дальнейшей их жизни и ни дутые успехи на фронтах и ни тыловая нацистская свистопляска их больше не интересует.

А между тем, дела на фронте все больше и больше ухудшались и жертвы немцев увеличивались. В связи с этим и в тылу у родных страх за судьбу своих сыновей и мужей фронтовиков рос и перешел в психоз. Люди стали бояться прихода к ним почтальонов — недобровестников.

В Берлине, в одной табачной лавке, хозяин которой пал на фронте (жена о гибели мужа не знала), подходит почтальон с телеграммой об извещении, а жена, увидев подходящего к их дому почтальона, выскочила на улицу и в истерике кричала Ней! Ней! Почувствовала беднар женщина надвигавшаяся на нее горе.

Конечно, ко всему вышесказанному присоединилась и скорбь за судьбу своей родины, которую к тому времени враги крепко взяли в клещи с востока и запада, на Герма-

нию все больше и больше надвигались сумерки, на шее ее затягивалась петля.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БЕРЛИНЕ

Был воскресный день, 22 июня 1941 г. Берлин еще не проснулся от ночного сна и затемненные улицы еле-еле прорезывались предрассветной зарей. Трамваи, omnibusы и метро еще не шли и мне предстояло добраться до места своей работы пешком. По пути, на одном из перекрестков, вынырнувший из темноты встречный велосипедист, налету, выкрикнул; — сегодня ночью между Советским Союзом и Германией началась война; и, не остановившись, промчался дальше. Я остался стоять на месте, как вкопанный.

Нужно заметить, что возникновение этой войны задолго перед тем довольно часто муссировалось в обывательской среде Берлина и по этому поводу приводились фантастические подтверждения из тайной кухни наци. Но мы, русские эмигранты, этим слухам не придавали особого значения, поскольку тогдашняя политическая и военная обстановка приводили к противоположному заключению. И тем не менее война возникла и застала нас врасплох. Лично на меня весть о возникшей войне подействовала так сильно, что я растерялся и не знал, что предпринять. Во мне как-будто что-то оборвалось и все, что мне предстояло делать потеряло свое значение. Как будто не было и минувших двадцати пяти лет эмиграции. Мысли перекинулись к прошлому. Передо мною, как на кинематографической ленте, прошли картины былых времен гражданской войны, когда окрыленные победами, мы верили, что не сегодня, так завтра займем Москву и как потом счастье нам изменило. Вспомнились наши уставшие и изможденные колонны, оставлявшие Воронеж и Орел и под натиском численно превосходящих сил противника, отходивших, а перед ними тысячи и тысячи гражданского населения — мужчин и женщин, покинувших свои насиженные места, с узелками в руках, бежавших куда-то на юг, на неизвестность.

Вся эта многотысячная людская масса своими ногами месившая сначала глину, а потом и снега по бесконечным дорогам степей юга России, потом прижата была к Черноморским берегам и частично стала достоянием красных, а значительная ее часть принуждена была покинуть родину и покинуть ее с песней на устах: «Смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один прольем кровь молодую...» Да, вери-

ли, что борьба не кончена и что опять вернемся.

С тех пор прошли целых 25 эмигрантских лет. Старшее, ведущее поколение эмиграции уже ушло из жизни и тогдашняя молодежь уже убелена сединами; кадры значительно поредели и рассеялись по всему свету. А над Россией опять загремели пушки и вновь заиграли зарницы войны. Господи, что все это сулит нашей замученной и истрадавшейся России? Какой тернистый путь еще ей предстоит пройти? Под влиянием столь тяжелых мыслей и переживаний, решил было вернуться домой, но вспомнил, что я обещал людям, меня ждут и я могу их подвести; я пошел в гараж и позвонил по телефону жене. Она же, выслушав мою новость, еле слышным подавленным голосом спросила: — А что будет дальше? На что я мог ответить — не знаю.

С наступлением утра, когда город проснулся и началась повседневная жизнь, все заговорили о новой войне; о ней писали, ей посвящены были почти все радиопередачи. О войне же на Западе, длившейся уже два года, как-будто забыли, она стала привычной.

В этот день с утра были арестованы все служащие советских официальных учреждений и эмигранты, жившие по советским паспортам. Последних в полицейских участках сразу же отпустили, а советских граждан потом обменяли на таких же немцев, застрявших в Советском Союзе.

Утром того же дня жене нужно было пойти в молочную за положенным нам пол литра детского молока, но она боялась nasкочить на неприятность и не решалась выйти на улицу. Однако нельзя было оставить ребенка без молока и пришлось идти.

На улице было тихо и встречные соседи по-старому приветствовали ее, а в молочной соседки, стоявшие в очереди, точно сговорившись, предложили ей подойти к стойке без очереди. В свою очередь, хозяйка, отпустив жене вместо пол литра, целый литр молока, участливо спросила, знает ли она о случившемся. Все присутствовавшие молчали, у всех был подавленный вид и никакой злобы.

Да простят мне читатели описание этих частных моментов, я позволил себе это сделать, поскольку описанные события являются характерными для тогдашнего времени и поскольку после возникновения войны ни население и ни официальные власти к русской эмиграции своего отношения не изменили. Здесь уместно будет упомянуть, что из нашей эмиграции преследовались, еще до русско-германской войны, эмигранты еврейского происхождения, но мы были бес- сильны им помочь. И тем не менее, наш Архиепископ Берлин-

ский и Германский ТИХОН, приходивших к нему с просьбой русских евреев крестил и выдавал им свидетельства о крещении. К сожалению, это им не помогло, а Гестапо потребовало от Синода убрать Тихона из Германии. В результате Архиепископ Тихон был отозван в Сермские Карловцы, а ближайшие его сторонники репрессированы (В. Левашов был посажен в тюрьму, граф А. Воронцов-Дашков предупрежден, что если не успокоится, то будет выслан из страны, а у К.К., представителя от германской епархии на заграничный собор в Сермских Карловцах отобрали Гестапо документы с запретом покинуть страну и с угрозой быть арестованным).

Первые же вести с фронта были удручающими; Гитлер двинулся на Восток с открытым забралом завоевателя, а Красная Армия разбита и отступает почти без сопротивления. Стало ясно, что на карту поставлена судьба России. Гитлер и Сталин сделали свое каиново дело, а дерутся немцы против русских. Положение русской эмиграции в Германии стало безвыходным. Ее пути с путями местного населения разошлись, между ними как бы выросла невидимая стена, они воспринимали происходящее на фронте каждый по-своему. Само собою разумеется, что как немцы, так и русские стояли за интересы своей родины и в этом отношении личная заинтересованность и личные взаимоотношения отходили на второй план. С этого времени уже не слышно было за рюмкой водки, как это бывало раньше: «Лучше с чертом, но против большевиков». Теперь на улицах, в домах и ресторанах постоянной темой разговоров были фронтовые события; заводились споры, делались прогнозы и предположения. В то же время, под тяжестью нахлынувших событий, людские настроения, дошедшие до крайнего предела напряжения, распались веером от крайне непримиримых до советских патриотов включительно; но последних было очень мало. Обуреваемые патриотизмом, эти, иногда весьма уважаемые люди, желаемое принимали за существующее; остальные же, понимая всю тяжесть создавшегося положения и оставаясь антикоммунистами, искали более правильный путь разрешения задачи. И как ни странно, с приходом красных в Берлин, пострадали именно совпатриоты, так например: троих расстреляли, один покончил с собою, с одним случился удар и одного увезли в концлагерь, откуда вернулся через одиннадцать лет полным инвалидом.

А в общем вся русская эмиграция зорко следила за происходящим на фронте и глубоко переживала трагедию России. Так например: в кинематографах, после еженедельных обзоров, где показывались фронтовые события, по заплакан-

ным глазам можно было определить число русских в зале. Одновременно делались и попытки активизировать свою деятельность.

Начальник 2-го Отдела Общевоинского Союза, стараясь включить эмигрантов в дело, где решается судьба их родины, в письменной форме обратился к германским властям с соответствующим письмом, но ему ответили, — в войне Германии против Советского Союза привлечение русской эмиграции не предусмотрено. Тогда он обнародовал свою переписку с немецким главнокомандующим в приказе по отделу и разрешил членам союза действовать самостоятельно, но поддерживать с ним тесную связь.

Конечно, кое-кто из эмигрантов тогда его осуждали, но я думаю, что для тогдашней обстановки он поступил совершенно правильно. Иначе, о какой сыновности, преданности и любви к родине можно говорить, если в самый трудный и решительный для нее момент не пойти ей на помощь? И не является ли пассивность в данном случае осудительной?

Само собою разумеется, что читатель спросит — а что могла беспомощная эмиграция предпринять в обстановке минувшей международной гигантской бойни?

— При таком варианте, при каком война окончилась, она конечно, ничего не в состоянии была сделать. Но и этот вариант тогда считался самым невероятным. Ведь от того, что англо-американцам поневоле пришлось бороться вместе с Советами против Гитлера, коммунизм не перестал быть главным идеологическим и практическим их врагом. Ведь он возник, существует и старается осмыслить свое существование именно как антикапиталистическое явление. В то же время на войне счастье бывает переменчиво и то, что недоступно сегодня, само собою дается завтра. К тому же предпосылки к созданию не только большой освободительной армии, но и целого освободительного движения были налицо. К сожалению и немцы и англо-американцы предпочли игнорировать возможности, обеспечивавшие интересы не только национальной России, но и их собственных стран. И таким образом, обе воюющие стороны общими силами подняли на щит победителя, Коммунистическую партию СССР.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГЕРМАНИИ В 1941 ГОДУ

В последних числах августа 1941 года мне позвонил редактор «Нового Слова» В. М. Деспотули и сообщил, что в мини-

стерстве Восточных областей, в ведении которого находились лагеря военнопленных, за исключением тех, которые были расположены в прифронтовой полосе, решено организовать комиссии по распределению пленных по специальностям и что он рекомендовал меня организаторам этих комиссий.

Надо заметить, что с самого же начала войны до нас стали доходить слухи о тяжелом положении русских пленных в лагерях и у каждого из нас возникла мысль как-то придти им на помощь. Говорилось очень много, но толком никто не знал, что в этих лагерях происходит, ибо доступ к пленным для посторонней публики был закрыт.

Одно напоминание имени министра Розенберга и его министерства действовало на нас — русских — как красная тряпка на испанского быка, но долголетняя мечта встретиться с потусторонней Россией и искреннее желание помочь пленным заставили меня согласиться на сделанное мне предложение. Я отправился в отдел министерства, где формировались эти комиссии и был зачислен в одну из них. Комиссия, в которую я попал, состояла из председателя (немец-партиец), его заместителя (немец, говоривший по-русски), двух русских, двух украинцев и одного белоруса. Приблизительно таков был состав и других комиссий. К тому времени было организовано около одиннадцати подобных комиссий. К сожалению, старания последователей политики Розенберга к этому периоду уже дали свои всходы и, как русские, так и украинцы и белорусы, в одной и той же комиссии относились друг к другу холодно и почти враждебно. Таковы, как правило, были взаимоотношения между эмигрантами — членами всех комиссий, и наша в этом отношении не составляла исключения. Однако, эта взаимная неприязнь при первой встрече потом сглаживалась и постепенно, за редким исключением, между нами вырабатывались товарищеские и даже дружеские взаимоотношения. Общая судьба и страшная действительность, с которой нам пришлось столкнуться в лагерях военнопленных, сблизили нас. Что касается нас, русских, мы с первого же дня нашей встречи, еще до выезда комиссий на места, обменялись мнениями относительно предстоящей работы и решили действовать согласованно, независимо от того, что наша работа протекала в разных комиссиях и в дальнейшем, при каждой очередной встрече, устраивали маленькие совещания, на которых, учитывая минувший опыт, принимали новые решения по проведению в жизнь задуманных нами мероприятий. Как общее правило, участники комиссий смотрели на свою роль, как на начало будущей активной

антибольшевистской борьбы, в возникновение которой каждый из нас искренне верил. Работа в лагерях военнопленных казалась нам первым камнем в будущем строительстве и потому мы старались заложить его правильно. Правда, политика германского правительства с самого же начала войны не давала нам основания строить воздушные замки, но мысли забегали вперед и верилось, что то, что на сегодня является для немцев нежелательным, завтра или послезавтра будет для них неизбежной необходимостью. Мы были уверены в том, что победоносное шествие немецких армий в глубь России неизбежно захлебнется, что и заставит их превратить завоевательную войну в освободительную, чтобы тем самым привлечь русские народные массы на свою сторону.

Так или иначе, а комиссии приступили к работе, и 1 сентября 1941 года мы разъехались по определенным маршрутам. Наша комиссия из Берлина направилась в Польшу (Генералгүвернеман), и рано утром 2-го числа мы прибыли на пограничный пункт в Кутно. Общий вид города был ужасный: он весь лежал в развалинах. Здесь польская армия героически сражалась, пытаясь отразить германское наступление. Но стальная германская машина сокрушила плохо вооруженных поляков и превратила и этот городок в сплошные развалины. На месте вокзального здания стояло несколько наскоро сколоченных барачков, где производились проверка документов и обмен германских денег на оккупационные марки.

Из Кутно мы направились в Варшаву. И если картина разрушенного Кутно и полураздетых поляков произвела на нас удручающее впечатление, то картина разрушенной польской столицы нас потрясла. Красавица Варшава была превращена в сплошные руины, на фоне которых отдельные дома, а иногда и целые блоки, возвышались как-то неестественно и сиротливо. Не было улицы, которая сохранила бы свою былую красу. От разрушенных домов отдавало тяжелым и затхлым запахом, затруднявшим дыхание.

И тем не менее, эта плененная и разрушенная польская столица сумела в какой-то мере сохранить свое бывшее величие. Жизнь в ней, в полном смысле этого слова, была ключем. На вокзалах без конца, днем и ночью, подходили и уходили поезда, переполненные военными; улицы кишмя кишели автомобилями и прохожими; в ресторанах и кафе нельзя было найти свободного стола. Город был перегружен.

Тяжелое впечатление произвели на нас поляки. Источенные и удрученные лица плохо одетых людей наполняли улицы и здания вокзалов. Все куда-то торопились, куда-то

выезжали и откуда-то приезжали. Специальные поезда для польского населения были переполнены и, буквально, облеплены людьми. Тут я впервые столкнулся с издержками Второй мировой войны и сначала многое мне было непонятно, но потом я узнал, что бесправное и тяжелое положение, в которое были поставлены побежденные поляки, и развившаяся на этой почве спекуляция в стране, и главным образом в Варшаве, сделали свое дело, поставив жителей столицы в безвыходное положение. Каждый из них должен был бегать с утра до вечера, чтобы как-то раздобыть средства к существованию. По тем временам в Варшаве свободно можно было купить все, что угодно, но цены на все были астрономические. Как сумело просуществовать преследуемое и беспризорное население Варшавы в течение шести лет войны, мне непонятно и до сих пор. И тем не менее, чувствовалось, что поляки разбиты, но не покорились. Оккупанты-немцы ходили по улицам с опаской и имели для этого все основания: польские националисты ушли в подполье и организовано боролись против немцев; террористические акты не прекращались, несмотря на жестокие меры, которые оккупанты применяли к террористам.

Как-то, проходя по площади, на которой стоит памятник Понятовскому, я заметил, что шедшие мимо памятника поляки снимали шапки. Это обстоятельство меня тронуло до глубины души и вызвало глубокую жалость к побежденной нации. Едва ли кто-нибудь мог так понять и воспринять глубокую трагедию польского народа, как понимали это мы, русские эмигранты, боровшиеся и потерявшие родину, скитающиеся за ее границами в течение четверти века.

Но, как везде, так и среди поляков нашлись люди, которые спекулировали вместе с немцами и наживали на этих операциях колоссальные деньги. Этими спекулянтами были переполнены рестораны, кафе и бары Варшавы, где зарождались и проводились в жизнь огромные операции купли и продажи и пропивались немалые суммы. На фоне общего голода и нищеты эта картина напоминала мне «пир во время чумы».

Из Варшавы мы выехали в Ярослав. Это — маленький городок, заложенный в свое время Ярославом Мудрым, у окраины которого и до сего времени стоят сторожевые башни, построенные в дни княжения Ярослава. Помимо этих башен городок ничем не отличается от других маленьких, провинциальных польских городков.

В восьми километрах от города были расположены два лагеря военнопленных, с которых мы и должны были начать

свою работу. Оба лагеря считались маленькими; в первом было около 20.000 человек, а во втором 10 тысяч.

Остановились мы в городе, но каждый день небольшая полугрузовая машина немецкой комендатуры доставляла нас в лагерь к половине девятого утра и после работы привозила нас обратно в город.

Первый день, когда мы посетили лагерь, был дождливым и холодным. Подъехав к лагерю и выйдя из машины, мы увидели у обочины дороги двух откормленных немецких солдат, раскуривавших папиросы, а перед ними, стоявшего на коленях, русского военнопленного с сизым от холода лицом и до того тонкой шеей, что, казалось, голова его насажена на стелек. Пленный черпал тощими и сизыми руками воду из канавки, проложенной вдоль шоссе, и смывал глину с сапог своих победителей. От этой картины у меня потемнело в глазах, точно кто-то дал мне пощечину. Гитлеровская установка — разгромить и покорить Восток — стала наиболее остро понятной в этой обстановке. Видно было, что победители обходятся с пленными, вопреки всем до того существовавшим законам и понятиям, как с обреченными.

Работу свою мы начали в первом лагере, где содержалось 20.000 человек. Несмотря на то, что со времени начала войны прошло всего лишь три месяца, общий вид пленных был ужасный. В лагере, обнесенном основательно колючей проволокой и охраняемом пулеметчиками, стоящими на сторожевых вышках, было устроено несколько бараков для лагерной администрации и охраны, а пленные жили в землянках и спали на голой земле. К тому же, настали холодные, дождливые дни, все землянки протекали, а 40 процентов пленных были без шинелей, без гимнастеров, а иногда и без обуви. Немного позже, когда я случайно попал в лагерьный склад, мне пришлось убедиться в справедливости показаний пленных. Новые сапоги и алюминиевые котелки отбирались у пленных и аккуратно развешивались в складе, предназначаясь для сдачи, а люди ходили босыми и еду свою шли получать или в какую-нибудь консервную банку, или в шлемы, или же попросту подставляя раздатчику руки, сложив их «лодочкой», причем последние торопились тут же жадно выпить свою «баланду», чтобы она не утекла в щели между пальцами, ибо с каждой каплей этой жидкости уходила в землю частица их жизни.

Вид у пленных был ужасный: полураздетые, грязные, истощенные, с обросшими лицами и, главное, дошедшие до полного отчаяния. Судьбой их никто не интересовался; своим же правительством они были поставлены вне закона

(советское правительство объявило своих пленных изменниками родины и отказалось войти в Международный Красный Крест), а лагерные условия жизни, созданные немцами, были невыносимы. И в силу этого народ погибал. К тому же, обхождение администрации с этими полунормальными от полного сознания своей обреченности людьми было возмутительно. Рукоприкладство и применение оружия здесь было явлением нормальным. Но самым ужасным было то, что довольствие пленных носило чисто формальный характер. Утром и вечером пленный получал по кружке горячей воды, на обед (условно) литр баланды и на целый день ломоть хлеба. От такого питания люди дошли до полного истощения и еле-еле стояли на ногах. В эту зиму, а зима была исключительно холодной в 1941 году, 80 процентов военнопленных, согласно немецким же подсчетам, умерло от голода и холода.

Можете себе представить, как эти несчастные люди цеплялись за тех, кто приходил с воли, стараясь как-то избежать неминуемой смерти. Многие из них предьявляли сброшенные на ту сторону германской авиацией листовки с призывом к красноармейцам сдаваться в плен и обрести свободу, и взывали к совести германских властей, прося справедливого к себе отношения. А между тем, каждому из них смерть уже не раз заглядывала в глаза, а о свободе не могло быть и речи. Сердце рвалось на части при виде этой трагедии, трагедии, перед которой бледнели все остальные ужасы войны. Из глубины души вырывались возмущение и упреки не только по адресу советской власти и германского правительства, поставивших пленных в такое безвыходное положение, но и по адресу всего христианского мира, который равнодушно относился к трагедии, разыгравшейся в лагерях. Если судьба пленных в лагерях производила ужасное впечатление, то еще страшнее становилось от сознания, что наш христианский мир, с его гуманными идеями, обанкротился, и человек превратился в алчного и хищного зверя.

И все-таки, положение пленных в этих лагерях было многим лучше, чем в Холме, где в двух лагерях находилось по 60.000 человек. Недаром лагеря, расположенные в Холме, носили название «лагерей смертников».

Ужасное положение пленных в лагерях, конечно, рассеяло наши иллюзии и расстроило наши планы. Ни о какой политической работе говорить не приходилось. Речь могла идти только о спасении людей от неминуемой гибели. И, зная распоряжение Гитлера выпустить украинцев из лагерей военнопленных, а вообще квалифицированных рабочих привлечь на работу по их специальностям, — мы делали тысячи, и

тысячи пленных украинцами и квалифицированными рабочими, чтобы таким образом вывести их из-за проволоки и спасти их от смерти. И тот из них, кто смог дожидаться осуществления этих распоряжений, остался жить, а остальные так и покончили счеты с этим миром, не дождавшись свободы.

Должен заметить, что остаться жить или умереть в лагере, в немалой степени зависело и от самих пленных. Те, кто обменивали свою еду и одежду на папиросы и табак, очень быстро тощали, простуживались и умирали. Те же, кто оказался одетым в шинели (среди попавших в плен летом, когда было еще тепло, многие были без шинелей) и еду свою съедали полностью — кое-как выдерживали условия плена. В некоторых лагерях среди пленных очень часто попадались какие-то уродливые шарообразные фигуры. Я сначала не мог понять в чем дело, но потом мне объяснили, что у этих людей нет шинелей и чтобы не мерзнуть они обматывали себя соломой, засовывая ее под гимнастерку и брюки; другие то же самое делали иначе: если имели шпагат или проволоку, они обматывали себя соломой поверх надетых на них лохмотьев и обвязывались. У таких людей сохранилась воля к жизни, к борьбе за нее и благодаря этому они уцелели.

Не раз я задавал себе вопрос: нарочно ли морят немцы голодом людей в лагерях или же захлестнувшая их гигантская волна пленных мешает им справиться со своей задачей? Правда, трудно было организовать довольствие пяти миллионов людей в то время, когда все внимание было направлено на фронт. Но почему же тогда в лагерях раздевали людей, отбирали у них сапоги и котелки? Почему комендант лагеря в Ярославе приказал собрать и сложить на площади те доски, на которых должны были спать пленные в землянках, заставляя этим самым людей спать в грязи? Чем объяснить то обстоятельство, что пленного за простое непослушание протыкали штыком?

Конечно, в лагерях военнопленных комендант являлся вершителем судьбы всех тех десятков тысяч людей, которые попадали под его опеку, и от личных моральных качеств каждого отдельного коменданта зависели и жизнь, и смерть этих подневольных людей. Но и основные инструкции правительства, которые давались этим комендантам, ставили последних почти в столь же безвыходное положение. Что касается коменданта лагеря в Ярославе, то это был отвратный и жестокий человек.

Однако, отношение администрации и охраны лагерей к пленным в немалой степени зависело и от непонимания ими

друг друга. Как правило, в лагерях с десятками тысяч пленных имелся один или два хороших переводчика (лучшие переводчики были взяты в фронтовые части), а все остальные или очень плохо говорили по-русски, или же плохо говорили по-немецки. Пленных очень часто немцы били и гнали, не понимая их нужды и их просьбы. Это обстоятельство, в свою очередь, вызывало злобу и вражду пленных к немцам, что последние чувствовали и относились к пленным еще строже.

В том же Ярославле, в лагере № 2 (нумерацию лагерей я точно не помню), было 10.000 человек. В этом лагере люди выглядели много лучше, чем в первом и на расспросы о их жизни, пленные не высказывали особых жалоб. Они пеняли на тоску по родине и на то, что их судьбой никто не интересуется. Пленные эти были особенно довольны своим комендантом, о котором отзывались, как о родном отце.

Как-то я улучил момент, когда комендант был один и, подойдя к нему, поблагодарил его за заботу об этих несчастных людях. Комендант выслушал меня и сказал:

— Мне не нужна ваша благодарность. У меня у самого два сына на фронте и не сегодня, так завтра они могут оказаться в таком же положении, в какое попали эти несчастные люди. Может быть и им тогда кто-нибудь поможет. То, что я делаю, я делаю от души, но и мои возможности ограничены, чтобы помочь этим несчастным людям, как я того хотел бы, чтобы сохранить им жизнь. Я состою комендантом этого лагеря всего лишь два месяца и за это короткое время мои волосы успели поседеть.

Как-то ночью шел сильный дождь и на улице было страшно темно. Мы сидели у себя в комнате и готовились к работе на завтрашний день. Вдруг раздались сначала одиночные, а потом и частые выстрелы. Предположив, что это стреляют польские террористы, мы потушили свет и стали выжидать дальнейших событий. Стрельба все продолжалась и скоро на улице, где мы жили, появились автомобили, которые останавливались, щупая близлежащие улицы и огорды прожекторами. Через некоторое время стрельба поредела и перешла на одиночные выстрелы, но усилилось автомобильное движение, увеличился свет прожекторов, лучи которых осветили и нашу комнату. Мы не могли понять, что все это означало. На улицу выйти было нельзя, а расспрашивать немцев нам было неудобно.

На следующее утро мы узнали, что ночью немцы вели колонну пленных с вокзала, через город, в лагерь, и что плен-

ные, воспользовавшись темнотой в городе (улицы не освещались), разбежались. По бегущим и шла стрельба. Эту вестъ мы встретили молча, нервы у всех были натянуты и никто не мог выговорить спокойно слова. Молчал и наш председатель. Тем временем к дому подошел наш грузовик, куда мы и стали по одному взбираться. Кузов его оказался свежее вымытым, но на боковых стенках и на полу местами чернели сгустки крови.

Мы вышли из машины и отказались ехать на работу. Мы поняли, что и наш грузовик ночью собирал и вывозил расстрелянных пленных.

В этот же день выяснилось, что ночью конвоиры вели с вокзала партию откуда-то издалека привезенных в Ярослав украинских пленнх для передачи их украинскому комитету. Пленные об этом плане ничего не знали и, воспользовавшись ночной темнотой, решились на бегство, думая, что этим спасут свою жизнь. По ним-то и шла стрельба.

Наш отказ ехать на машине, вывозившей убитых пленнх и еще запачканной их кровью, привел нашего председателя в ярость. Он попытался сделать разнос шоферу за то, что последний был так неосторожен, но шофер не остался в долгу и, не менее грубо огрызаясь, оправдывался тем, что он работает со вчерашнего утра и еще не спал. Кончилось это дело тем, что мы пошли в лагерь пешком. По дороге, в канаве, прилегающей к шоссе, мы видели одиночные трупы убитых пленнх, незамеченные в темноте немцами.

В этот же день, во время работы в лагере, я заметил, что двое пленнх вели под руки третьего, плачущего и еле передвигающего ноги. Я подошел к ним и спросил в чем дело. Мне ответили, что только что германский солдат проткнул плачущего штыком в спину. Тогда только я заметил, что вся шинель раненого испачкана кровью и путь, по которому он шел, отмечен кровавыми следами. Чаша терпения переполнилась. Я пришел в бешенство от такого произвола и издевательства над беззащитными людьми и поднял скандал. Узнав об этом скандале, комендант лагеря вызвал нашего председателя к себе, а тот, вернувшись, внушительно сказал мне, что я не должен забывать, что я послан сюда Восточным министерством со специальным заданием и не имею права вмешиваться во внутренние дела лагеря. Я попробовал было возразить председателю, но опомнился и постарался принудить себя к молчанию, ибо быть исключенным из комиссии, с которой можно было проникать в лагерь и хоть чем-нибудь помогать этим обреченным на смерть людям — не хотелось.

Ко всему сказанному нужно прибавить и то, что военнопленные как в ярославских лагерях, так и во всех других лагерях, где мне пришлось побывать, с самого же начала администрацией лагерей были распределены по национальностям и были строго изолированы друг от друга. И в худшем из всех положений находились великороссы. Как было указано выше, советское правительство (это чудовищно, но это было так) отказалось от своих пленных, объявив их изменниками родины, а так как советское правительство не входило в Международный Красный Крест и войти в него отказалось, то и русские пленные в Германии оказались вне закона, без всякой юридической, моральной и материальной помощи. В лучшем положении находились пленные украинцы. По договоренности львовского украинского комитета с германским правительством, почти каждую неделю подъезжали к лагерям члены украинского комитета с обозом крестьянских телег, с родными и близкими сидевших в этих лагерях пленных, и получали очередную «порцию» предназначенных к выпуску украинцев. Как правило, многие из них не держались на ногах и их выносили или вывозили на телегах.

Вместе с украинцами выпускали из лагерей и тех русских, которых мы вписывали в списки украинцев, и нужно отдать справедливость членам украинского комитета: — они знали об этом, но не было случая, чтобы они нас выдали. Русских пленных, выхोдивших вместе с украинцами, они вывозили, кормили их, а затем отпускали их на все четыре стороны. Однако, немалую работу в отношении помощи пленным делало и русское население этих областей. Как правило русские женщины выходили на улицы, по которым водили рабочие команды пленных, и старались снабдить их пищей, которой располагали сами (по тем временам, русское городское население занятых областей Польши само голодало). Когда же мы приехали в город Холм и вошли в сношение с местным русским населением, то в этом городе сразу был организован комитет для помощи военнопленным в лагерях и не мало интеллигентных людей этот комитет спас от голодной смерти. Трогательно бывало наблюдать за тем, как женщины, по указанию этого комитета, приходили в лагерную канцелярию, прося отпустить на поруки военнопленного, которого называли своим родственником (внуком-племянником, шурином и т. д.), причем в канцелярии они должны были назвать имя, фамилию и номер билета пленного, о котором просили, выучивая эти данные согласно нашим указаниям. Когда же приводили такой женщине

пленного, о котором она хлопотала, и она видела совершенно незнакомого человека, грязного, вшивого и измученного, женщина бросалась ему на шею, целуя и называя его десятком ласкательных имен. И почти во всех случаях немцы таких пленных отпускали на поруки. А семьи, в которые эти пленные попадали, несмотря на то, что сами голодали, месяцами кормили и поили их. Некоторые из этих пленных и по настоящее время живут в западных демократических странах.

Особенно жалкое впечатление производили женщины-пленные. В условиях лагерной жизни им было очень тяжело и они старались держаться вместе. В Седлицком лагере мне пришлось говорить с женщиной-врачом, которая объединила вокруг себя всю женскую группу. Эта умная, интеллигентная и образованная женщина сумела поставить свою «команду» в такое положение, что лагерная администрация о всей ее группе отзывалась с большим уважением. Во время нашей беседы, она говорила:

— Конечно, лагерные условия очень тяжелы, но все переносимо, за исключением недостатка белья и воды, что не позволяет нам ни переодеться, ни помыться.

Выслушивать это было чрезвычайно тяжело, ибо говорила русская женщина, оказавшаяся в таком тяжелом положении, а мы твердо знали, что мы не в состоянии ей помочь. Правда, белья мы им потом достали, но что значила такая помощь, когда условия плена лишили их всего того, без чего женщина жить не может, не страдая морально и физически.

Само собой разумеется, что исключительно тяжелые условия жизни в лагерях создали, или вернее породили, и совершенно иной мир, чем тот, к которому привыкли все нормальные и свободные люди. Здесь каждый пленный постоянно чувствовал на себе дыхание смерти и борьба за жизнь, естественно, должна была выдвинуть вперед звериные законы.

Можете себе представить моральное состояние человека, который спрашивает вас (пленные называли нас большей частью — пан, иногда — господин, а иногда и — пан-господин):

— Скажите, пан, за что Господь нас так наказывает? Ведь мне всего двадцать лет, я жизни еще не видел, а мне придется умереть здесь, в лагере.

И представьте себе тысячи, и тысячи молодых людей, чувствующих на себе дыхание смерти и дошедших до полного отчаяния.

Голод был такой, что в районе расположения лагерей были съедены все травы и их корни. Почти во всех лагерях приходилось нам наблюдать такие сцены, как например:

Группа полуживых пленных тащит через лагерь телегу, нагруженную брюквой или картофелем для кухни. Несмотря на усиленный наряд лагерной полиции, вооруженной громадными палками, для охраны продовольствия, — пленные набрасываются на телегу, не обращая внимания на сыпящиеся на них градом побои. А лагерная полиция, состоявшая тоже из пленных, была жестокой, не знающей милосердия и на побои не скупилась.

Такие сцены обыкновенно кончались тем, что полиция в конце-концов разгоняла несчастных голодных людей, но на месте схватки оставалось несколько затоптанных и искалеченных человек, которых тут же за ноги оттаскивали в полицейский барак.

Нужно заметить, что, как правило, каждый день администрация лагерей составляла рабочие команды из наиболее здоровых и крепких еще пленных, которые, под конвоем, направлялись на работы, носившие военный или общественный характер. На эти работы старались попасть все, даже те, кто еле-еле стоял на ногах, ибо каждому хотелось хоть на миг покинуть это царство смерти, а, кроме того, этим рабочим командам и по пути, и на месте работы гражданское население передавало еду. И нередко среди этих пленных оказывались такие, которые не только не были в состоянии работать, но не могли даже проделать путь к месту работы. Таких товарищи должны были поддерживать на своих плечах, стараясь довести их до конечного пункта маршрута, незаметно для конвоя.

И вот, к одной такой команде вышла навстречу крестьянка с ведром вареного картофеля и с лепешками, которые несла в фартуке. Она обратилась к проходящему мимо конвоиру, показывая на картофель и на пленных. Немец понял в чем дело и, сказав «ферботен», прошел мимо. Но следующий конвоир, приложив руку с растопыренными пальцами к глазам, дал ей понять, что он ничего не видит. Обнадеженная жестом конвоира, крестьянка подошла близко к команде, но в это время произошло нечто ужасное: пленные из рядов набросились на эту женщину и через минуту на месте, где она стояла образовалась форменная свалка обезумевших людей, пытавшихся добраться до заветного ведра. На эту свалку в свою очередь набросились конвоиры и стали бить людей резиновыми палками, кого куда попало. Кончилось тем, что свалка была разогнана, но на месте происшеств-

вия остались лежать раздавленная насмерть крестьянка и несколько человек растоптанных и искалеченных пленных.

В связи с создавшимся положением и лагерная администрация обходилась с пленными, прибегая к жестоким и крутым мерам. Говоря это, я не имею в виду побоев и издевательств над людьми, а хочу сказать, что немцы все время находились на границе напряжения, при котором они должны были пускать в ход оружие, чтобы разрядить атмосферу. Это нередко практиковалось только для того, чтобы установить необходимый порядок. Часовые с вышек открывали огонь при каждом подозрительном случае: подошли ли пленные слишком близко к проволоке, или развели огонь (что тоже было запрещено), или происходили какие-то внутренние массовые волнения — часовые стреляли.

Как-то в Холме, во время работы, подошел ко мне старший врач лагеря и попросил помочь ему. Оказалось, что в эту ночь один из солдат, побывавший на работе, раздобыл там несколько штук картофеля, запаса дровами и пытался этот картофель сварить. Часовой с вышки открыл огонь по костру и несколькими пулями тяжело ранил сидевшего у огня предприимчивого пленного, варившего картофель. Товарищи унесли раненого, но они вынуждены были скрывать его от лагерной администрации. Вызванный к больному старший врач не имел ни медикаментов, ни перевязочных средств и потому не мог помочь пострадавшему. Он просил меня раздобыть необходимые ему материалы. Материалы эти врачу были доставлены, но этот случай открыл мне совершенно новую для меня область жизни пленных.

Оказывается, в лагерях водились санитарные землянки (я говорю о лагерях, где люди размещались в землянках, но были и лагеря, где пленные жили в палатках, а в некоторых лагерях их размещали в сохранившихся старых русских казармах), но в распоряжении врачей не было никакого инструмента, медикаментов и перевязочных средств. Больные в этих землянках лежали на голой земле и обслуживались примитивными народными средствами. Этот же врач (русский) рассказал мне, как однажды ночью ему пришлось сделать операцию больному аппендицитом, изъяв отросток при помощи гвоздя, причем освещением служили спички, зажигаемые стоявшим рядом «ассистентом»-пленным. Случай этот оказался тяжелым и отложить операцию до утра было невозможно, а для немедленной операции под руками у врача ничего не было. Поэтому пришлось идти ва-банк: достать спички, раздобыть гвоздь (гвозди в лагере являлись продуктом для обмена, и каждый пленный, выходявший на работу,

старался подобрать или иным способом раздобыть гвоздь), расплющить его, наточить и заменить им операционный нож. И поразительнее всего, что проведенная таким образом операция оказалась удачной и пациент остался жить.

Не менее интересный случай имел место в 1942 году в Русской Народной Национальной Армии, когда тяжело раненному осколком гранаты в живот капитану Каштанову врач сделал ночью операцию, вырезав у него пол-желудка; операция протекала под открытым небом, при свете автомобильных фар и прошла блестяще.

Время шло, и пленные в лагерях с каждым днем все больше и больше слабели. Молодые и сильные организмы, полные жизни, постепенно доходили до полного истощения и, вместе с тем, острая жажда жизни как-то притуплялась, потухала и сменялась безразличным отношением как к самому себе, так и ко всему окружающему. Наступала депрессия и жизнь постепенно потухала, унося людей в иной мир. К тому же, с наступлением холодов смертность повышалась. В лагерях, где было сосредоточено по 30 и 40 тысяч человек, ежедневно умирало в среднем, по пятьсот человек. Полуживые пленные целыми днями таскали по лагерным дорожкам на носилках, представлявших собою четыре вместе сложенные доски, а то и просто за ноги без всяких носилок, покойников на свалочное место, откуда затем уже на телегах их вывозили в братские могилы. Вид этих процессий был кошмарен. Нельзя было без содрогания смотреть на транспортирование скелетов-трупов, с торчащими в стороны тонкими, как палочки, руками и ногами и с обмазанными глиной лицами. Нередко такая процессия останавливалась, прося у мимо проходящих товарищей помощи, ибо люди, сносившие покойников, не в силах были справиться со своей ношей. Но нередко пленные и без всякой ноши увязали в глубокой лагерной глине и, не будучи в состоянии вытащить ноги, оставались стоять на месте до тех пор, пока кто-нибудь им не помогал. Глядя на все это я приходил в отчаяние от сознания, что значение живых людей в этой обстановке сведено на-нет и что с мертвыми здесь обходятся, как с падалью. Ни о религии, ни о культуре, ни о гуманизме даже и говорить не приходилось. Эти понятия были в этом страшном месте неуместны. Царство смерти вступало тут в свои права, пожиная обильный урожай, а доведенные до отчаяния люди, стараясь вырваться из цепких лап смерти, нередко превращались в подобие животных.

На дошедших до полного истощения пленных их же товарищи смотрели, как на живых покойников и если среди

них оказывались люди, потерявшие всякие моральные устои и не брезгавшие ничем, то они устанавливали слежку за умирающими и, дождавшись момента смерти, раздевали покойников догола. При этом, нередко были и случаи, когда зимой, в мороз, раздевали человека еще не отошедшего в потусторонний мир.

Мне не раз приходилось слушать жалобы врачей на то, что при освидетельствовании покойников бывали случаи, когда среди них обнаруживали еще живых людей, но голых.

В таких случаях, как сами врачи, так и здравомыслящие пленные оказывали помощь несчастному. Находились и люди, которые устанавливали очередь и на определенный срок давали свои шинели, чтобы прикрыть умирающего, упрасивали кухонное начальство отпустить доктору немного горячей воды и, таким образом, отогревали жертву мародеров. Правда, в отношении охотников за умирающими применялись страшно жестокие меры наказания их же товарищами по несчастью, но деморализация части пленных дошла до такой степени, когда и жестокие наказания не смущали их. Дошло до того, что мародеры действовали организованно и при этом каждая группа этих людей старалась ни в коем случае не допустить мародеров из других землянок к своей: каждая такая «организация» могла пользоваться добром, остающимся от покойников только своей палатки. При этом, для очистки совести, перед тем, как раздеть покойника, смерть его устанавливали при помощи зеркала, то-есть перед тем, как раздеть покойника, к губам его прикладывался кусок жести из консервной банки и если глянцевая поверхность жести не покрывалась потом, покойника считалось возможным раздеть.

Приобретенное таким путем барахло шло тут же на лагерный «рынок» (если можно назвать так подпольную торговлю, имевшую место почти во всех лагерях), где обменивалось на баланду, бутерброды и сигареты, которые вносились в лагерь полицией и разными другими людьми с воли.

Несколько слов о лагерном «рынке». Разными неведомыми путями в лагери вносились продукты питания и курево, которые обменивались там на золотые зубные коронки, кольца, часы и вообще на все то, что представляло собой ценность. Было страшно слушать о том, как снимали лагерные спекулянты, при помощи того же гвоздя, золотые коронки с зубов своих товарищей. Конечно, слабовольные люди очень скоро становились жертвой лагерных рвачей, ибо тот, кто променивал свою шинель, гимнастерку или паек на папи-

росы — был обречен на смерть. В условиях плена он погибал или от простуды, или от истощения.

Бывали случаи, когда покойников обнаруживали по утрам с вырезанными ночью ляжками или же с вынутым сердцем и печенью. Виновников таких преступлений свои же строго наказывали. Таковых выискивали, арестовывали, устанавливали их виновность и передавали их немцам на расстрел. И тем не менее, каннибализм не прекращался.

Немецкая администрация, не будучи в состоянии справиться с ею же порожденными ужасами, прибегала к помощи внутренней полиции, которая подбиралась из пленных. Как правило, внутренняя полиция формировалась из людей здоровых, крепких, но аморальных. Эти человекообразные животные не знали ни жалости, ни сострадания к своим товарищам. Они безнаказанно избивали людей и нередко запарывали их до смерти. Имена Василия Васильевича Колесниченко и Личманенко, как проклятие, останутся в памяти каждого пленного, сидевшего в холмском лагере, на всю жизнь. При помощи тех же полицейских вносились в лагеря и продукты для черного рынка. Полицейские в лагерях были хозяевами положения и на фоне истощенных лиц пленных, их лоснящиеся от жира физиономии вызывали общее отвращение и ненависть.

Нередко на полицейские должности попадали коммунисты и, чтобы приобрести доверие немецкой администрации и выслужиться, они расправлялись с людьми похуже немцев. Как ни странно, но немцы таким полицейским из пленных доверяли во всем и нельзя было убедить их в том, что эти господа делают в лагерях большевистское дело. С этим явлением мне и потом приходилось встречаться много раз, и каждый раз мои попытки убедить немцев в том, что эти господа, только и знающие, что щелкать каблуками, на все отвечать «яволь!» и терроризировать народ, — являются большевистскими агентами и выполняют большевистские задачи, ни к чему не приводили. Немцы доверяли охотно только тем, кто беспрекословно исполнял их волю.

В холмском лагере находился среди пленных Василий Иванович Карпенко. Этот господин вошел в доверие к немецкому коменданту лагеря и был взят в комендатуру для допросов (в роли следователя) поступавших в лагерь пленных. В связи с характером его работы немцы вывели его из лагеря и поселили в городе на частной квартире. Карпенко стал доверенным лицом немецкой комендатуры и бичом для тех пленных, которые попадали в его руки. Имя Карпенко проносилось всеми с отвращением и его бы наверняка придумали

шили, если бы он оставался жить в лагере. Очевидно предусмотрев это, немцы вывели его из лагеря заблаговременно, а добраться к нему в городе было невозможно. Но в один прекрасный день Карпенко вовсе скрылся, а потом выяснилось, что он присоединился к польским партизанам. Немцы постарались этот вопрос замять.

И второй пример: в Седлицком лагере начальником полиции был назначен один русский полковник из пленных. Это был здоровый, высокий мужчина, с одутловатым и рябым лицом. С громадной дубиной в руках он целыми днями расхаживал по лагерю и творил суд и расправу собственноручно. Пленные его боялись и старались всеми силами не попадаться ему на глаза. Помню, как однажды я попробовал воздействовать на его лучшие чувства, но этот зазнавшийся господин в грубой форме заявил мне, что он назначен комендантом немецкой администрацией и что ему нет до меня никакого дела. Тогда я попробовал поговорить с немецким комендантом лагеря, но и комендант ответил мне, что, мол, мы, немцы, не можем справиться с этими людьми без помощи полковника, а потому и сместить его не можем. Так это животное и осталось палачом своих товарищей по несчастью.

Однако, нельзя сказать, что среди полицейских не было порядочных людей. Мне помнится старший полицейский в этом же холмском лагере. Это был молодой человек, лет 25-ти, с высшим образованием, по национальности грузин. Звали его Сандро Жвания. Несмотря на деморализованность, существовавшую в лагерях, он сумел взять лагерь в руки и установить в нем относительный порядок (достичь полного порядка в лагерях было невозможно) и, вместе с тем, отношение его к пленным было гуманным и отзывчивым. Его все любили. Пленные вспоминали его с благодарностью.

Должен заметить, что несмотря на то, что в лагерях наблюдались случаи каннибализма, мародерства и бесчеловечного отношения друг к другу, доминирующее большинство пленных в этом царстве смерти стойко несли свой тяжелый крест и честно доживали оставшиеся им дни.

Немало было среди этих людей и сильных и волевых натур, которым удавалось укрепить свой авторитет среди товарищей и организовать внутреннюю жизнь в своих блоках. Эти организованные группы поддерживали тех, кому приходилось плохо и жестоко карали тех, кто терял человеческий облик и мародерничал. Люди эти в лагерях в значительной мере и спасали положение.

Если принять во внимание, что зимой 1941 года из 4-х миллионов пленных около 3-х миллионов так или иначе погиб-

ло, то легко можно представить себе, что должны были пережить эти люди вообще. И нет ничего удивительного в том, что вышеуказанные отвратительные случаи имели место среди обитателей лагерей военнопленных.

Кто помнит еще описание полета Нобиле на Северный полюс и катастрофы, постигшей эту экспедицию, тот вспомнит и то, что члены этой экспедиции съели одного из своих товарищей. А ведь в экспедиции принимали участие высокоинтеллигентные и образованные люди и можно сказать, что их выбирали среди многих, обладавших высокой научной подготовкой.

О втором холмском лагере, который был назван «лагерем смерти», ничего не могу сказать. В нем находилось 30.000 человек, и комендант лагеря не разрешил нам даже войти в лагерь. Вместо этого он предоставил в наше распоряжение списки пленных, которые были уже распределены по специальностям администрацией лагеря. Об этом лагере по Холму ползли страшные слухи, убедиться в правдивости которых нам так и не удалось.

Не стану описывать жизни пленных и в других лагерях, как например: в Брослау, Остров Мазовецк, Седлиц. Для этого пришлось бы опять повторить то, что уже сказано о первом лагере в Холме. К тому же, в некоторых лагерях, входивших в наш маршрут, свирепствовал сыпной тиф и доступ в них был закрыт.

Нужно заметить, что в декабре 1941 года лагеря военнопленных объезжал германский генерал из Вермахта (фамилии не помню). Ознакомившись с ужасным положением русских военнопленных, генерал дал целый ряд распоряжений, которые должны были улучшить жизнь пленных, и категорически запретил применение мер физического воздействия к последним. Объезжая лагеря после посещения их генералом, мы всюду видели его инструкции, развешанные на стенах комендатур. И действительно, после этой инспекции жизнь пленных в лагерях до некоторой степени улучшилась, но спасти этими мерами людей от смерти при том полном истощении, которое имело место, было уже невозможно.

В таких тяжелых и невыносимых условиях прошла для русских военнопленных исключительно суровая зима 1941 г., унеся в могилу миллионы невинных и обманутых людей.

Однако, не дешевле обошлась эта зима и германской армии. Процент германских солдат, отморозивших лица, ноги и руки был в этом году настолько велик, что германское командование выпустило специальный орден для своих солдат и офицеров, принимавших участие в боях и походах в

России зимой 1941 года. Красную ленточку этого ордена, носившуюся в петлице, солдаты называли между собой Gefriertefleisch (замороженное мясо).

С весны 1941 года условия жизни в плену во многом изменились:

1. Улучшилось питание.
2. Обращение лагерной администрации с пленными стало сносным.
3. Пленных, имевших специальности, стали забирать на работы в промышленности и сельском хозяйстве.
4. Объявили добровольный набор пленных для формирования разных вспомогательных команд, носивших военный, полицейский, санитарный и транспортный характер.

К тому же, в 1941 году приток пленных стал все больше и больше сокращаться и это обстоятельство повысило интерес германского командования к военнопленным и привело к некоторой стабилизации условий жизни в плену.

Дорого обошлась и немецким солдатам их служба при лагерях русских военнопленных. Ни один честный человек не мог выдержать постоянного нервного напряжения, связанного с этой службой. Люди спивались, становились морфинистами, кокаинистами и неврастениками; часто они заболели нервным тиком. Эти люди напоминали мне чекистов в СССР, нервы которых тоже сдавали от постоянных пыток и расстрелов ни в чем неповинных людей; они тоже спивались, сходили с ума, а затем, дабы отделаться от них, расстреливались своими же товарищами «по работе».

В холмском лагере мне рассказывали один случай, имевший место до нашего прибытия в лагерь. Военнопленный Липницкий, интендант 3-го ранга, скрыл свое еврейское происхождение, выдал себя за поляка и, как знавший немецкий язык, был взят в комендатуру на должность переводчика. Каким-то образом выяснилось, что Липницкий не поляк, а еврей. Немцы его избили и арестовали. В камеру, в которой он сидел, случайно вошел приехавший туда штурмбанфюрер СС, и Липницкий при входе последнего не встал. Штурмбанфюрер, ударив ногой арестованного, потребовал, чтобы тот встал. Липницкий, оставаясь сидеть, плюнул штурмбанфюреру в лицо. Тот пришел в бешенство и приказал сопровождавшему его солдату пристрелить Липницкого. Но солдат вытянувшись перед штурмбанфюрером, заявил, что он

германский солдат и не может стрелять в лежащего и безоружного человека. Тогда эсэсовец в категорической форме потребовал от солдата, чтобы он стрелял. Солдат достал револьвер и застрелился.

Кто виноват во всех этих преступлениях и во всех ужасах? Конечно, вина за них лежит на тех фанатиках, которые поставили себе безумные цели и своими преступными распоряжениями погубили миллионы невинных людей.

А между тем, эти миллионы ни за что, ни про что погибших молодых людей с большим успехом могли быть использованы в антибольшевистской борьбе. И если даже, в худшем случае, допустить мысль, что большая часть этих людей была антибольшевиками подсознательно и очутилась в плену не по своей воле, то бороться против советской власти пошли бы все, даже идейные комсомольцы, ибо разочарование в советском режиме было очень велико у всех. В подтверждение правильности этого мнения я мог бы привести тысячи и тысячи примеров, но рамки этой книги вынуждают меня ограничиться только тремя из них, наиболее характерными, рисующими настроение русских военнопленных периода 41-42 годов.

1. Как-то зимой 1942 года немцы привезли в Берлин пленного русского офицера и поместили его в ОКВ на Викторияштрассе. Пленный категорически отказывался отвечать на вопросы, которые носили характер выведывания военной тайны Советского Союза. Немцы относились к его поведению спокойно и не принуждали его к нежелательным для него ответам. В таком положении пленного офицера держали в течении недели, а затем, в один из праздничных дней, вывели его в город погулять, посмотреть на Берлин и на жизнь немцев у себя дома. Вернувшись с прогулки, пленный офицер попросил бумагу и карандаш и несколько дней подряд не отрываясь писал о своем разочаровании в советской власти, об ужасных условиях жизни народов Советского Союза и о той лжи, которой советская власть окружила и опутала своих подданных.

2. Летом 1942 года офицер Русской Народной Национальной Армии старший лейтенант Зюзин решил уйти в партизаны. Узнав об этом, я как-то вечером, пригласил его к себе на чашку чая и, сидя за столом, спросил о причине его решения. Зюзин сначала не хотел признаться, категорически опровергая мои сведения о нем, но когда я пристыдил его за желание обмануть меня, отнесшегося к нему как русский к русскому, как отец к сыну и как офицер к офицеру, слезы

потекли по щекам Зюзина и в экстазе он заявил мне:

— Знаю, господин полковник, что сегодняшняя ночь — последняя моя ночь, но не могу больше молчать. Да, я хотел уйти в партизаны, ибо я не верю в ваше дело и не верю тому, что вы говорите. Если вы действительно боретесь за Россию — поведите нас в лес, мы пойдем за вами и будем бороться против большевиков и против немцев.

Много понадобилось усилий, чтобы убедить этого русского юношу в том, что таким молодым и здоровым людям, как он, нужно жить, и жить для борьбы за свободу и счастье нашего беспризорного народа. Наша беседа затянулась до трех часов ночи и в конце ее Зюзин заверил меня в том, что он все понял и что никуда из армии не уйдет, ибо теперь знает, за что он будет бороться. И действительно, старший лейтенант Зюзин был одним из активных проводников идеи Русской Национальной Народной Армии.

В 1943 году старший лейтенант Зюзин пал смертью храбрых в борьбе за освобождение своей Родины, но память об этом светловолосом, красивом и храбром юноше я свято храню в своем сердце.

3. Капитан Каштанов — участник Русской Народной Национальной Армии попал в плен из Красной Армии после того, как часть, в которой он служил, была разбита и для него, скрывавшегося в лесу в течение двух недель с отмороженными ногами и руками, ничего другого не оставалось делать.

В РННА он поступил только для того, чтобы подкормиться, дождаться теплых дней и уйти в лес. Так он мне говорил много позже, после того, как мы с ним близко познакомились. И тем не менее, он не только не ушел в партизаны, но стал одним из активных антибольшевистских борцов; был тяжело ранен, потом стал одним из людей, приближенных к генералу Власову и до сего дня активно работает в деле организации антибольшевистской борьбы.

Я не стал бы здесь приводить вышеописанных примеров, если бы они не являлись характерными для психологии русских военнопленных того времени. Повторяю, таких примеров и, может быть, еще более характерных можно было бы привести множество и, с точки зрения организации антибольшевистской борьбы, они доказывают, что гибель четырех миллионов русских военнопленных зимой 1941 года, нужно рассматривать, как ужасное преступление по отношению к погибшим и как упущенную возможность освободить Россию от преступной власти, а все человечество от угрозы захвата его этими же преступниками.

Весть о критическом положении военнопленных в лагерях, через членов комиссий, очень быстро дошла до Берлина и подняла на ноги всю русскую эмиграцию. Вопрос о помощи военнопленным стал в эмигрантской среде самым животрепещущим вопросом; священники с амвона призывали свои паствы к оказанию помощи братьям, погибающим в неволе, а общественные деятели создавали комитеты по сбору пожертвований и продолжали делать это до самого конца войны. Достигнуть удовлетворительных результатов не удалось по двум причинам: 1) В Германии все было ратифицировано и посильная помощь эмиграции являлась поэтому «каплей в море» по сравнению с той стихией голода и нужды, которая захватила многочисленные лагеря военнопленных, раскинувшиеся на территории Германии, Польши и оккупированной части России и 2) доставить пожертвования военнопленным, доступ к которым был гражданскому населению запрещен, было необычайно трудно. Приходилось ограничиваться случайными передачами; у лагерей военнопленных целыми днями маячили мужчины и женщины, пытались улучшить момент, чтобы передать пленным принесенное.

Кстати, то же самое происходило в это время и на территории России. Босые и изможденные женщины неделями переходили от одного лагеря к другому, разыскивая своих мужей, сыновей и братьев, чтобы передать им пару белья или немного еды. Часто случалось, что женщины эти, найдя, в конце-концов, в одном из лагерей своих мужей сыновей или братьев и передав им то малое, что имели сами, шли в окрестные деревни, собирая милостыни для поддержания родных за колючей проволокой. И нужно быть справедливым, таким женщинам лагерное начальство очень часто шло навстречу, принимая передачи и устраивая свидания с родными и близкими людьми.

Нужно отметить, что более существенную помощь смогли оказать своим военнопленным украинские комитеты, пользовавшиеся большим расположением германских властей, чем русские. Воспользовавшись распоряжением Гитлера о роспуске из лагерей военнопленных-украинцев (сентябрь 1941 года), комитеты эти устраивали питательные пункты, принимали выпускаемых из лагерей пленных, кормили, поили их и направляли по месту жительства. Как было сказано выше, украинские комитеты помогли и многим русским пленным, вырвавшимся из лагеря под видом украинцев.

В конце декабря 1941 года, когда меня не было в занимаемой мною комнате, из запертого чемодана была изъята моя записная книжка с заметками, а вслед за тем, несмотря

на то, что другие комиссии продолжали работать, нашу комиссию распустили, вследствие чего дальнейший доступ в лагери военнопленных для меня и моих товарищей был закрыт. Мы были страшно огорчены этим обстоятельством. Казалось, что попав в это царство смерти, мы сами заболели какой-то особенной лагерной болезнью: нас неудержимо тянуло к беспризорным и обреченным людям, томившимся за колючей проволокой лагерей военнопленных, где, с одной стороны, шла упорная борьба за жизнь, а с другой — значение пленного, как человека, было сведено к нулю. Невыносимым было сознание, что на глазах у всего культурного мира бессмысленно умирали медленной смертью невинные люди, миллионы людей, права которых на жизнь и свободу были неоспоримы.

И никто им не протянул руку помощи...

Со времени вышеописанных событий прошло уже десять лет, но каждый раз, когда я мысленно возвращаюсь к страшным картинам зимы 1941 года в лагерях русских военнопленных, передо мною разворачивается вся глубина духовного падения человечества нашей эры и становится страшно как за наше настоящее, так и за наше будущее. Куда делась христианская культура, которой мы так кичимся, куда делись гуманизм и мораль XX века? И за что две тысячи лет тому назад Христос принял крестные страдания, если в XX веке мы вновь должны были очутиться в зверином царстве, где бесчеловечность, алчность и жестокость людей не знают предела?

Конечно, читатели этих записок могут мне возразить, что, мол в этом деле виноваты немцы, а остальное человечество тут не при чем. Но, зная германский народ, я не могу вину за эти и другие, такие же страшные преступления свалить только на него. К тому же, и германский народ отдал дань своими страданиями за допущенный им национал-социализм. Я знаю немцев, которые страдали и мучились не меньше нас за то, что происходило у них на родине, знаю и немцев, которые, не будучи в состоянии прекратить происходившее зло, уходили во внутреннюю эмиграцию и помогали пострадавшим от режима, чем могли, и наконец, я знаю немцев, которые и после войны не могли и не хотели поверить в правдивость всех тех преступлений, в которых было обвинено их правительство.

Вина за вышеприведенные преступления ложится исключительно на национал-социалистический режим, но косвенно за них ответственна и вся культурная часть человечества, которая допустила и осуществление национал-социализма в

Германии так же, как в свое время она закрывала глаза и на осуществление коммунизма в России.

И коммунизм, и национал-социализм — это последствия кризиса нашей христианской культуры, падение наших нравов и восприятие нами новых материалистических начал, в корне нарушивших все понятия и уклад жизни народов.

Нельзя за возникновение коммунизма или фашизма в той или иной стране делать ответственными только народы, в среде которых эти режимы возникли, ибо единственным объяснением восприятия этих никому еще неизвестных учений являлось то тяжелое, безвыходное положение, в которое попали эти страны и неумение их правительств своевременно справиться с ним. Что касается национал-социализма, то он возник в Германии как реакция на коммунизм, который в догитлеровской Германии начал основательно пускать корни. Этим и объясняется внутреннее сходство между этими двумя режимами и на них нужно смотреть, как на две стороны одной и той же медали. Мало того, существование одного из этих режимов неизбежно обуславливает в какой-то форме появление и другого. Подтверждением такого суждения может служить тот факт, что Гитлера, который был порожден Сталиным, давно уже нет в живых и режим его давно уничтожен, а советская политика вновь породила очередных диктаторов в лице Тито, Мао-Цзе-Туна, Ходже Мина, причем дальнейшее их размножение возможно и будет зависеть исключительно от успеха противодействия западных демократий политике советов.

Часть II

**Русское Освободительное Движение
1942 – 1945 гг.**

- а) Русская Народная Национальная Армия; (РННА);**
- б) Формирование РОА на фронте;**
- в) Освободительное Движение Народов России
(Власовское Движение).**

РУССКАЯ НАРОДНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ (РННА);

ОСИНТОРФСКАЯ ЭПОПЕЯ

Под Осинторфской эпопеей нужно подразумевать ряд военных мероприятий, проведенных в 1942 году недалеко от железнодорожной станции Осиновка, в целях создания на фронтовой полосе русских национальных частей. К сожалению, обстановка того времени далеко не благоприятствовала успеху затеянного предприятия и дело не дало ожидаемых от него результатов.

Нужно заметить, что Гитлер относился весьма отрицательно к идее создания русских национальных формирований. В то же время в германских лагерях для военнопленных томились миллионы русских солдат и офицеров, и чтобы использовать эту живую силу, он разрешил формировать из них части не крупнее батальона и под непосредственным немецким командованием. Другими словами, можно было сыграть на антикоммунистических настроениях русских военнопленных и использовать их, как пушечное мясо. Само собой разумеется, что при такой постановке дела осинторфская затея превращалась в весьма сложное и трудно осуществимое дело, ибо эти части создавались в целях защиты интересов национальной России, которая в то время переживала страшную трагедию. Но как бы трудно это ни было, нужно было действовать, ибо война шла полным ходом, немцы продвинулись к сердцу России, красноармейцы сдавались десятками и сотнями тысяч в плен и подлинная национальная Россия оказывалась на положении беспризорной и беззащитной.

В перспективе могло быть два нежелательных варианта: 1) победа немцев приведет к закабалению России немецким нацизмом и 2) победа советчиков — к усилению коммунистической диктатуры, которая и до войны успела залить русские города и села кровью и слезами миллионов неповинных людей. А ведь и советская армия сдавалась в плен при первом же удобном случае, и гражданское население встречало немцев с хлебом и солью тоже потому, что коммунистическая диктатура стала невыносимой, а избавиться от нее своими силами не было возможности.

Таким образом в завязавшейся борьбе отсутствовала историческая национальная Россия, над наследством которой дрались два захватчика. В то же время патриотически настроенные люди одни сидели миллионами в германских лагерях, другие были истреблены органами режима под видом врагов народа, а третьи смирились и были поглощены аппаратом власти. Именно патриотически настроенные силы русского народа и нужно было по возможности собрать, активизировать их деятельность с тем, чтобы Россия могла бы выйти из войны не немецкой и не коммунистической, а русской. Для осуществления этой цели надо было постараться преодолеть любые препятствия, стоявшие на пути, ибо обстановка войны была самым подходящим моментом для свержения коммунистической диктатуры. В то же время, поскольку Гитлер вторгся в Россию с агрессивными фантастическими планами, то его поражение стало неизбежным. Следовательно, надо было подготовить нового законного хозяина страны, а не метаться между двумя агрессорами. И возможности для осуществления такого плана были налицо: 1) во время войны народ получил оружие в миллионных масштабах, чего никогда в другое время нельзя было добиться; 2) в условиях войны ряды компартии изрядно пострадали и авторитет власти был основательно дискредитирован; 3) многие немцы, занимавшие ответственные посты в военном и гражданском ведомствах поняли, что Гитлер завел Германию в тупик и катастрофа для нее неизбежна. Образовалась внутренняя оппозиция, искавшая выход из положения. Для этих немцев единственным выходом казалось создание Русского Освободительного движения, чтобы, объявив войну коммунизму, заключить почетный мир с национальной Россией. (Достаточно прочесть хотя бы какие-нибудь из многих свидетельств бывших военных и общественных деятелей Германии того времени, чтобы убедиться, что это — не моя фантазия и голословное утверждение). Понятно, что такая установка вполне устраивала и русских патриотов. Подтверждением вышесказанного могут служить и следующие примеры:

Несмотря на строгие запреты Гитлера формировать русские части крупнее батальона, к моменту нашего приезда в Смоленск, в районе Локоты стояла бригада Воскобойникова-Каминского со своим русским командным составом и с русским административным гражданским управлением края. А в Могилеве стоял казачий полк майора (потом произведенного в генералы) Конопова с русским командным составом, и казаки этого полка иногда призывались конвоировать

командовавшего средним участком фронта, фельдмаршала фон Клюге. Тот же фон Клюге и дал разрешение на формирование русских национальных частей в Осинторфе.

Такие успехи и окрыляли надеждой, вместе с верой, что сегодняшнее сопротивление Гитлера может быть завтра сломлено неизбежными фронтовыми затруднениями, которых не могло не быть.

Кому могла придти в голову мысль, что Гитлер признает свое поражение лишь тогда, когда бои шли в Берлине на Потсдамерплац, а он сидел в бункере на Фосштрассе, в десяти минутах ходьбы? Тогда он впервые признался, что война проиграна.

Помимо вышеизложенного, нужно отметить и то, что ко времени нашего прибытия на фронт, по всему среднему его участку возникли многочисленные русские мелкие добровольческие единицы в составе немецких частей, или же отдельные части со специальным заданием, но под немецким командованием. Это были вспомогательные войска — Хиви-Хильфсвиллиге. С чего началось и каким путем пошло их формирование — трудно установить, но можно сказать одно: их никто не принуждал, и никто не науськивал. Они стали на путь борьбы по своим собственным соображениям, которые, видимо, складывались еще во время коммунистической диктатуры. Эти же настроения привели к тому, что несмотря на строгий приказ советского начальства гражданскому населению — уходить вместе с отступающей армией — от 50 до 60 миллионов населения осталось на местах, на милость победителя.

К сожалению, все эти мелкие группы действовали врозь и никакой связи между ними не было. В какой-то мере Гитлер добился своей цели в отношении русских военнопленных. Но и это ему не помогло.

Потом, когда на политическом горизонте появился генерал А. Власов, Гитлер с упорством маниака продолжал быть нетерпимым по отношению к русским национальным формированиям, хотя тогда уже ясно и бесспорно в перспективе было поражение Германии. Очевидно он думал, что раз Германия проиграла войну, то пусть и Россия останется коммунистической, ибо после войны разбитая Германия скорее станет на ноги, чем коммунистическая Россия, если даже она выйдет из войны победительницей. (Выделено К. К.).

ПОЕЗДКА НА РОДИНУ

Инициатива формирования русских национальных час-

тей в Осинторфе принадлежала берлинскому эмигранту, радио-инженеру Сергею Никитичу Иванову. Но прежде, чем приступить к делу, он решил привлечь несколько человек, в том числе и меня, в организационную группу.

Как-то вечером в начале марта 1942 года он позвонил мне и предложил встретиться по очень важному делу. Встреча состоялась на следующий день. После короткого обмена мнениями о событиях на фронте, он спросил, не принял ли бы я участия в формировании русских частей на фронтовой полосе? Зная отрицательное отношение германского правительства к подобным формированиям, я высказал Иванову свое недоумение, но он стал убеждать меня в реальности своей затеи. Нисколько не веря в осуществимость этого дела, я обещал дать ему ответ на следующий день, и при встрече сказал, что приму участие в его акции при следующих условиях:

- 1) Формируемые части должны быть предусмотрены, как русская национальная формация с задачей антикоммунистической борьбы и с соблюдением вытекающих из этой задачи требований;
- 2) Как солдатский, так и офицерский состав набран будет из русских;
- 3) Занятия в частях и внутренние распорядки будут производиться по русскому образцу и на русском языке ;
- 4) Обмундирование и снаряжение будут русские;
- 5) Все наши пленные войдут к нам, как пополнение, без того, чтобы их сажать в лагерь за колючей проволокой;
- 6) Части будет дана возможность развернуться до большой серьезной боевой единицы;
- 7) Наша акция предусмотрена, как подготовительная работа для будущего возглавителя русской освободительной борьбы, полагая, что таковым будет один из выдающихся советских генералов, сидящих в плену.

Выслушав меня, Иванов ответил, что он сам иначе и не думал. Таким образом мы условно договорились.

После этого разговора, Иванов полетел в Смоленск и через четыре дня вернулся с разрешением фельдмаршала фон Клюге выбирать людской состав для особой части в любом из лагерей военнопленных на среднем участке фронта. Были ли при этом предусмотрены вышеупомянутые пункты — не знаю, но на практике они целиком соблюдались.

В Берлине Иванова вызвали в ОКВ (Оберкомmando дер Вермахт), чтобы утвердить намеченную программу и нала-

дить поездку организационной группы на фронт. Тем временем организационная группа была составлена и путь был намечен в Смоленск. В группу вошли: Сергей Иванов, я, Игорь Сахаров, Игорь Юнг, Виктор Ресслер, священник о. Гермоген (Кивачук), а позднее к ней примкнули гр. Григорий Ламсдорф, гр. Сергей Пален, гр. Александр Воронцов-Дашков и Владимир Соболевский. Перед отъездом ОКВ прикомандировало к группе своего офицера связи, ст. лейтенанта Бурхардта, который по пути выполнял все необходимые формальности.

В первой половине марта мы выехали из Берлина на восток. Путь лежал через Польшу (Генерал—Гувернеман). Проезжая по Польше, нельзя было не содрогнуться при виде произведенных там разрушений. Результаты модернизированной войны и мощь нового оружия не знали себе равных. Какие надо было иметь нервы, чтобы перенести силу огня, превратившего весь город в битые кирпичи, — и чтобы нанести людям такой беспощадный удар! Начиная с пограничного города Кутно и до Варшавы включительно все города были превращены в сплошные развалины. От бывшей красавицы Варшавы уцелело очень мало домов, и все, что уцелело, тоже выглядело запылено, замызгано и грязно. Конечно, глядя на все, становилось жалко поляков, но сердце сжималось от боли при мысли, — во что же превращены русские города?

Закончив свои дела в Варшаве, мы выехали вечерним поездом в Минск. Старую советско-польскую границу должны были переехать к рассвету. В купе разговоры постепенно умолкали и кое-кто задремал. Перед рассветом я вышел на платформу вагона и застал там Игоря Юнг. Он, как и я, вышел наблюдать за моментом переезда польско-советской границы. Ночь была дождливая и темная, никакой видимости. Ждали долго, пока стало светать. Капли дождя то и дело, точно подражая друг другу, сливались на стекле одна с другой и мелкой зигзагообразной струйкой стекали вниз. Навстречу вереницей неслись телеграфные столбы, и так же быстро скрывались, давая место следующим. А границы все еще не было видно. Стало совсем светло. И вдруг, с правой стороны поезда показалась небольшая серенькая деревня. Боже мой! да ведь это русская деревня, с ее избами. Но до чего бедно она выглядит, безо всяких следов садов и огородов, одни только голые избы, и на некоторых избах так мало соломы, что обнаженные стропила выглядят, как ребра скелета. Около некоторых изб, ссутулившись от дождя, стояли,

наблюдая за мчавшимся мимо поездом, отдельные человеческие фигуры.

От всего виденного глубокая грусть легла на сердце. С первого же шага в Россию радость моя была омрачена печальным видом этой деревни. А дальше поезд мчался мимо многих таких же бедных больших и малых сел. Кое-где вырисовывались, без крестов, купола сохранившихся церковных зданий. На всем лежала тяжелая печать войны и большевистского хозяйничанья. Невольно вспомнил богатые и сытые села немцев и сравнил их с этой нищетой, и стало больно и обидно за наш бедный народ. За что выпала ему на долю такая тяжелая участь?

На следующий день мы прибыли в Минск, столицу Белоруссии. Здесь нужно было переменить поезд и ждать три часа. День выдался исключительно холодный, а мы были легко одеты. Тем не менее вышли из вокзала, посмотреть город, и пошли по главной улице. Впереди над городом маячили три или четыре железобетонных высотных здания, как коробки, возвышаясь над остальными домами. Это были правительственные учреждения. А главная улица, по которой мы шли, представляла собой ужасное зрелище. Справа и слева не было ни одного разрушения от снарядов, но от всех домов остались стоять только стены: ни крыши, ни окон, ни дверей — зияли одни только дыры. Мы было решили, что здесь враг пустил в ход зажигательные бомбы, но местные жители нам объяснили, что враг тут был непричем. В Минске боев не было. Красные ушли, покинув город, а в промежутке между уходом красных и приходом немцев, местные комсомольцы ходили по улицам с факелами и бензином и поджигали дома один за другим. Все эти опустошения были делом рук местных комсомольцев.

Дошли мы до Дома Советов. Здание осталось невредимым. Снаружи оно выглядело импозантно, но внутренняя отделка была бедной. Перед входом внизу стоял красивый пьедестал, из которого торчали два металлических скрепа, при помощи которых был скреплен памятник Сталину. После прихода немцев местные жители стащили и раскрошили монумент, и пьедестал остался одиноко стоять. Его никто не тронул. Он был обшит по бокам медными щитами с барельефами, изображавшими картины из революционного эпоса. Будет не лишним сказать, что содержание этих картин было мифическим, но сделаны они были прекрасно: лица были, как живые — с пафосом революционеров и отвагой и решимостью пролетариев.

От Дома Советов мы было пошли дальше, но мороз одолел нас и заставил вернуться обратно на вокзал, так и не повидав города.

На следующий день мы прибыли в Смоленск, в этот исторический город России. Кто из нас в юности не читал о том, как Смоленск каждый раз первым принимал на себя удар врага, пока страна собирала свои главные силы для ответного удара! И сколько раз он был тяжело ранен и даже полонен? Но несмотря ни на что, он каждый раз оправлялся от ран и опять, как встарь, стоял на страже России.

Когда мы вошли в смоленский собор, мне показалось, что это католический храм, несмотря на его прекрасный иконостас. У левой колонны все еще возвышается кафедра со времен литовцев и поляков, а у правой колонны огорожено место, где в 1812-м году стоял Наполеон. Помимо того, в нем было собрано (большевиками) много утвари из католических, да не только католических церквей.

По всему было видно, что Смоленск и на этот раз не легко сдался врагу, свидетельством чего являлись многочисленные разрушения в городе. С первого взгляда казалось, что он разрушен до основания, но в то же время в нем осталось большинство населения и где-то должны же были жить эти люди. Но так или иначе, а город представлял собой сплошные развалины, среди которых здесь и там возвышались уцелевшие дома. А на общем фоне разрушений и оставшихся замызганных домов и улиц величаво возвышался древний Успенский собор, где в течение многих веков одна из реликвий русской православной церкви, икона Божьей Матери обрела свой трон. К счастью собор с его на редкость красивым иконостасом, — шедевр искусства остался цел и невредим. Собор был большевиками превращен в музей и в нем были собраны иконы и утварь из других православных, католических и протестантских церквей. Однако, так как помещение собора не топилось, то от мороза на стенах штукатурка местами отстала, и иконы, написанные на стенах знаменитыми иконописцами, теперь висели пузырями. Тут же на своем старом месте стояла одна из древних копий иконы Смоленской Божьей Матери. По свидетельству знатоков, когда обе иконы стояли рядом, было трудно определить, которая из них копия. С иконы большевики сняли ризу, но сердобольное духовенство одело икону парчей от старого облачения. Божья Матерь выглядела ограбленной вандалами... Спрашивается, чем руководствовались эти, с позволения сказать, люди, смеющие теперь называть себя русскими, да еще патриотами? Ведь икона Смоленской Божьей Ма-

тери не только церковная реликвия, но и кусочек древней Руси — исторический памятник. По преданию, она была написана Евангелистом Лукой, и привезена в Россию греческой принцессой Анной, вышедшей замуж за Владимира Святого. В Смоленск же она была привезена Владимиром Мономахом, получившим ее в наследство. И на такую историческую ценность, не говоря уже о ее религиозном значении, поднялась рука людей, продолжающих называть себя русскими!

В Смоленске нас принял начальник контр-разведки подполковник Геттинг фон Зеебург. Оказалось, фельдмаршал ф. Клюге установил над нами его опеку. Эта неожиданность нас сначала огорчила, а потом обрадовала, ибо тут мы могли пользоваться свободой действий гораздо большей, чем при любом другом варианте, что в нашем положении играло очень большую роль. К тому же он оказался очень милым человеком и большим другом русских.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЙ

Со дня прибытия в Смоленск, началась подготовительная работа по формированиям. Подполковник фон Зеебург в наши дела не вмешивался и нужды наши выполнял, не откладывая.

Первым долгом сформировали наш штаб. В него вошли: С. Н. Иванов, — возглавитель всей акции и ответственный за нее, И. К. Сахаров, — помощник Иванова, и я — комендант центрального штаба, ведающий кадрами, а также строевой и хозяйственной частью формирования. Все мы трое начали работать под псевдонимами: Иванов — Граукопф, Сахаров — Левин, и я — Санин. (Тогда я еще не знал, что еще в 1936 году мои родные на Кубани были уже репрессированы и моя предосторожность была излишней).

Предполагаемое формирование решили назвать Русской Народной Национальной Армией (РННА). Это название в полной мере выражало нашу идею и являлось первым шагом к достижению поставленной нами цели. К нашему штабу ф. Зеебург прикомандировал старшего лейтенанта Бурхардта с командой связи из двадцати человек немецких солдат. Покончив с предварительными делами в Смоленске, мы взяли из лагеря военнопленных 20 человек добровольцев и все вместе на грузовиках выехали на место формирований, в Осинторф.

Осинторф — это крупное торфяное предприятие Белоруссии, а точнее, я бы сказал, — большое торфяное поле с весьма мощными пластами торфа. На окраинах поля разбросаны, недалеко друг от друга, не то 8, не то 10 барачных поселков для рабочих и два бетонных здания — главное управление предприятия и больница. К моменту нашего прибытия туда, предприятие пустовало, занят был только один центральный поселок, и предприятие обслуживало только местную электростанцию, снабжавшую током ближайшие города. Познакомившись на месте с квартирными ресурсами, мы решили здание управления отвести под штаб и склады, больницу — под лазарет, а поселки — под казармы. Однако, как бараки, так и дома оказались в ужасно запущенном состоянии и, чтобы их приспособить под жилье, нужно было по мере необходимости их очистить и оборудовать. С такой колоссальной работой наш взвод справиться не мог и пришлось в срочном порядке развернуть взвод в роту и роту в батальон. Вот этот первенец стал нашим образцовым батальоном во всех отношениях, и оставался им до самого конца. Благо трофейные склады ломались от всего, что нам было нужно, а наш добрейший ф. Зеебург ни в чем нам не отказывал. И поэтому мы в короткое время оборудовали все нужные помещения для первых формирований.

Вначале было трудно, не зная людей, выделить соответствующие кадры, а люди выходили из лагерей все, как один серые, тощие и апатичные, похожи друг на друга, как камушки на дне реки. Только постепенно молодые организмы набирали мускулы, появлялся цвет лица и вместе с тем каждый солдат и офицер становился похожим на самого себя. Иначе говоря, истощенные и изможденные лагерники становились по настоящему работоспособными только со временем. После этого работа шла успешнее и веселее.

В конце лета РННА обладала прекрасными кадрами и была в состоянии развернуться в дивизию. Так, например, начальником штаба был майор Генерального штаба Риль; начальником артиллерии — полковник Горский, батальонные командиры — полк. Кобзев, майор Грачев, майор Иванов, майор Генерального штаба Николаев, полковник Х. (его судьба неизвестна), начальник разведки — майор Бочаров. На этом же уровне были и командиры всех остальных подразделений. Что касается нашей санитарной части, то она могла бы служить образцом и в мирной обстановке. Молодой врач Виноградов набрал превосходный кадр врачей, и не только хорошо обслуживал все подразделения, но и создал прекрасный лазарет и в центральном поселке амбулаторию

для гражданского населения. (Часть лазарета, зубо-врачебный кабинет, обслуживала тоже гражданское население).

Здесь будет уместно упомянуть об одном незаурядном случае с нашими хирургами: в ночном бою капитан Каштанов был тяжело ранен осколком мины в живот. Его вынесли на шинели с поля боя, и наш хирург (к сожалению, забыл его фамилию) тут же при автомобильном освещении, сделал раненому операцию, вырезав треть его желудка. Пациент не только выжил, но и здравствует по сей день.

Многие из упомянутых офицеров РННА вошли потом во Власовское движение и занимали там ответственные посты. Так, например, генерал Жиленков был членом Президиума КОНРа и начальником отдела пропаганды; полк. Боярский — помощником нач. штаба РОА, полк. Сахаров — оперативным адъютантом, а потом командиром полка, С. Иванов — начальником школы пропагандистов, полк. Бочаров — представителем ген. Власова при казачьих частях генерала Доманова, полковник Риль — оперативным адъютантом штаба РОА, капитан Каштанов — начальником охраны ген. Власова, лейтенант Рейслер — штабным офицером, сопровождавшим ген. Власова в плену (пока их не разъединили), капитан гр. Ламсдорф командовал ротой, а пишущий эти строки имел честь быть сначала комендантом штаба, а потом начальником Личной канцелярии ген. Власова.

ПРИЕМ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Прием людей из лагерей для РННА производился на добровольных началах. Формальная сторона этого приема была проста: приемщик, кто бы он ни был, обращался к коменданту лагеря военнопленных с упомянутым выше удостоверением, выданным Иванову в штабе фельдмаршала фон Клюге. Комендант выстраивал пленных и приемщик обращался к ним с соответствующей речью. На изъявлявших желание поступить в РННА составлялся список и людей тут же выводили из лагеря.

На деле эта процедура была много сложнее и труднее. Дело в том, что после речи приемщика изъявляло желание столько народа, что взять всех приемщик никак не мог (у него было твердое задание), тем более, что среди добровольцев было много людей с отмороженными руками и ногами (и все-таки таких полуинвалидов тоже попадало к нам не мало, и мы не отправляли их обратно в лагерь, а лечили их у себя). Когда же прием кончался и оставались лишние люди

с разочарованными лицами и печальными глазами, бывало трудно оторваться от них и уйти, стыдно было смотреть в глаза этих обреченных людей.

Начнем с того, что на войне положение солдат и офицеров, попавших в плен и очутившихся у врага за колючей проволокой, является для них самым тяжелым испытанием. А положение русских военнопленных в германском плену во время минувшей войны, по своей трагичности в истории не знало себе равного. В связи с этим и подход к ним был связан с особыми моральными требованиями. В то же время военнопленные, как правило, были до предела истощены, морально разбиты и деморализованы, не говоря уже о том, что кто только мог, скрывал свою инвалидность (главным образом отмороженные конечности). И не только это... Кто мог быть уверенным в искренности всех этих добровольцев, из которых за один прием можно было сформировать целую бригаду? Чем руководствовался каждый из них, поднимая руку? Да и можно ли было требовать от них в их положении искренности? Вся процедура приема людей — была алгебраической задачей со многими неизвестными, но делать было нечего.

Так или иначе, но выведенных из лагеря людей, в сопровождении трех немецких солдат из команды связи приводили на вокзал, где их уже ждал заранее заказанный железнодорожный состав, который и доставлял их до станции Осиновка. Расстояние от станции до места службы (6 км.) проделывалось уже походным порядком. К людям, вышедшим из лагеря, нужно было отнестись, как к больным; сплошь и рядом происходили поступки, за которые виновный не в состоянии был отвечать. Но через три недели после выхода из лагеря, люди приходили в себя и входили в норму.

Прибывавшую новую команду надо было сначала накормить, потом наголо обстричь и пропустить через дезинфекционную камеру и баню, после чего каждому выдавалось совершенно новое белье и обмундирование с обувью. Этим внешне приведенных в порядок солдат в течение первой недели нельзя было трогать, а потом с ними устраивали собеседования и через две недели подвергали опросу (если ктонибудь передумал и хотел бы вернуться в лагерь), и зачисляли в строй. Оружие, как правило, выдавалось через три недели пребывания в части, и оно было советское — знакомое.

В заключение хочу отметить, что в любое время любой офицер или солдат мог заявить о своем желании вернуться в лагерь и это никому не ставилось в вину. Но за все время пребывания в РННА я такого случая не знаю. Мало того, наш

лагерь с севера и с востока был окаймлен густым кустарником и лесом и желавшие покинуть нас могли бы легко и незаметно уйти, но таких случаев тоже не было, пока в это дело не вмешались высшие немецкие инстанции и не вызвали в сердцах русских людей горечь и разочарование. Но и тогда, несмотря на это, уходили только единицы, за исключением одного случая, о котором речь будет впереди.

Система формирований была батальонная, т. е. формировались отдельные батальоны, подчинявшиеся коменданту центрального штаба. Принято было это решение в силу особых соображений, а именно: 1) Каждый отдельный батальон создавался с расчетом развернуть его в полк; 2) В таком деле, как наше, когда эмоциональные переживания людей были очень сложны, когда не каждый и не всегда может найти в себе исчерпывающий ответ на свои поступки, мы должны были подумать, что впереди нас могли ждать не только одни успехи. А раз это так, то пусть неприятности возникнут в малой части, где их локализовать много легче, чем когда беспорядок возникает в крупных частях. Короче говоря, батальонная система больше отвечала требованиям профилактики, чем обыкновенная общевойсковая система.

Так или иначе, а через три недели на пайке германского солдата люди окончательно приходили в себя и лица их становились веселее и приветливее, а из барачных сплоск и рядом слышны были смех и песни.

Со дня получения оружия, в частях начинались интенсивные занятия, несмотря на то, что кадры наши состояли из уже обученных офицеров и солдат, это нужно было делать из тех соображений, что соблюдение уставных требований внутренней казарменной жизни военных укрепляет дисциплину и субординацию, так же, как строевые и тактические занятия укрепляют воинов физически, вселяя в них к тому же бодрость. Но помимо этого надо было приобщить людей к новой для них идее освободительной борьбы. Ведь еще вчера они за проволокой мыслили категориями политграмоты и мыслить о чемнибудь крамольном — антикоммунистическом не дерзали. Сегодня эта крамола является их прямой задачей. Следовательно, нужно было открыть перед людьми этот новый мир и исторически оправдать его. Нужно было не столько критиковать советские порядки, которые они знали лучше нас, сколько правильно и без прикрас осветить прошлое России, исторический путь русского народа, совершенный им, начиная с периода Московской Руси до великой Российской империи с ее культурными достижениями, народными многовековыми традициями, с ее морально-нравственным укладом жизни народа. Иначе говоря, луч-

шими примерами из дореволюционной народной жизни мы старались разбудить в сознании этой обманутой и обобранной большевиками молодежи любовь и преданность к прошлому своего народа, к его истории, без чего человек остается с пустой душой и не может считать себя полноценным человеком. Правда, к тому времени и большевики без зазрения совести начали манипулировать именами Александра Невского, Суворова и Кутузова, но тут каждому ясно было, что имена дореволюционных народных героев большевиками взяты всего лишь на вооружение и по необходимости, и этот их шаг равносителен святотатству над памятью усопших героев, которые лишены возможности защищаться. Правда, проходят века, меняются поколения, меняются облики героев, но поставить в один ряд Александра Невского, Суворова, Кутузова, Маркса, Энгельса, Ленина — это значит не уважать ни тех, ни других, ибо они взаимно исключают один другого.

Я склонен думать, что в смысле политическом и идеологическом мы с нашими людьми достигли некоторого взаимопонимания. Как доказательство, приведу один характерный пример: мы никогда никого не спрашивали, состоял ли он в партии или же в комсомоле, но нередко были случаи, когда тот или иной офицер или солдат приходил и клал свой партийный билет на стол. И в каждом таком случае билет возвращался владельцу: он мог его и дальше хранить, мог сам его уничтожить, а нам нужен был он сам, его сердце, его преданность. Можно было бы привести много примеров преданности людей идее освободительной борьбы, но не хочется обременять читателя, поэтому, чтобы отдать дань прошлому и почтить память павших, я хочу подчеркнуть только, что люди были убеждены, что они идут не на братоубийство, а на жертвенную борьбу; что они носят оружие не для нападения, а для обороны. Наша сила заключалась в нашей идее и наше подлинное оружие было наше слово. И то, что я здесь говорю, было подтверждено в конце мая в дорогобужском окружении десанта генерала Белова.

В заключение этой главы хочу напомнить о внешнем оформлении наших формирований. Как было упомянуто в начале, форма осинторфских формирований была советская. Чтобы людям было легче разобраться, знаки различия для командного состава, тоже были взяты советские (красноармейские), но с петлиц перенесены были на погоны (в Красной Армии еще погон не носили). Но для кокарды головного убора были взяты цвета русского национального флага — бело-сине-красный. За неимением подходящего материала, они делались из материи и картона. Конечно и флаг наш

был бело-сине-красный. Этим флагом, не по принуждению, а добровольно, обзавелись все наши роты и команды.

Таким образом в течение первых четырех месяцев сформировано было пять стрелковых батальонов, батарея легких орудий, курсы усовершенствования среднего командного состава (после кровопускания в Красной Армии в 37-м году и пополнения ее рядов новыми людьми, в рядах комсостава оказалось много случайных людей и такой курс был необходим), учебная команда, транспортная команда, и санитарная часть, как было сказано выше. Все наши ожидания превзошла санитарная часть. Старший врач Виноградов подобрал себе блестящих помощников и обслуживающий персонал. Его часть обслуживала не только наши части, стоявшие в Осинторфе, в поселках Москва, Урал и Киев, но и части, стоявшие в Березино и Шклове. Помимо этого он занял пустовавшую больницу для рабочих торфяного предприятия, отремонтировал ее, оборудовал и превратил в образцовый лазарет. Все необходимое для лазарета, вплоть до медикаментов, вывозилось лейтенантом Гесслером из борисовских трофейных складов целыми грузовиками. В лазарете часть коек была отведена для гражданского населения, а кроме того были открыты зубоврачебный кабинет и амбулатория для общего пользования.

Всеми упомянутыми формированиями, начиная от начальника штаба, майора Генерального штаба Гиля и кончая заведующим автомобильной мастерской, у нас командовали и распоряжались вчерашние военнопленные, и дело шло блестяще. У нас не было даже гауптвахты, и только потом пришлось обзавестись ею, после одной провокации со стороны большевистской агентуры, но об этом будет речь впереди.

В середине мая Иванов и Сахаров поехали в лагерь военнопленных к командующему советской армией, очутившемуся в германском плену, генерал-лейтенанту Лукину с предложением принять наши формирования и развернуть русскую освободительную борьбу. Генерал Лукин наотрез отказался от сделанного ему предложения. Этот отказ был тогда для нас большим разочарованием, но и большим отрезвлением, ибо если бы даже генерал Лукин не отказался, то для возглавления освободительной борьбы он был человеком не подходящим... Не говоря о том, что он и в плену оставался преданным партии и правительству — таким он себя показал, — он был тяжело ранен, с ампутированной ногой и поврежденной рукой, с расшатанными нервами, желчным и брюзгливым человеком — другими словами, неработоспособным. Надо было искать другого. Мы не могли себе пред-

ставить, чтобы все русские генералы под коммунистической диктатурой были заняты только своей карьерой, закрывая глаза на все ужасы, творимые над беззащитным народом. Да, наконец, не могли же они так легко простить пролитую невинную кровь десятков тысяч своих же товарищей? Да ведь на их глазах репрессированы десятки миллионов неповинных людей, из которых одни были умерщвлены в застенках ЧК, НКВД, МГБ, а другие медленно умирали в концлагерях. И если тем не менее маршалы и генералы остаются лояльными по отношению к власти, то становится страшно от представления себе психологии таких генералов. (Да простят мне те, старшие и младшие офицеры Красной Армии, этот мой укор, кто хотел бы подняться на борьбу против режима, но не имели возможности).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РННА И МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

На оккупированной немцами территории во время минувшей войны осталось 50-60 миллионов населения на милость победителя. При гитлеровских порядках по отношению к побежденным, этому беспризорному населению приходилось очень трудно. Оно страдало морально и материально. Обманутое в своих надеждах найти в лице немцев спасителей от коммунизма, теперь оно нищенствовало и требовалась большая энергия и виртуозная изобретательность, чтобы как-то просуществовать. Положение населения усугублялось еще и тем, что при большевиках все жизненные ресурсы были огосударствлены, а при немцах все государственное считалось трофеем. Для оставшегося на местах населения собственности как при большевиках не было, так и при немцах не стало. Таким образом, народ сразу же оказался в полной зависимости от новых хозяев.

При этом нужно заметить, что и в мирное время, перед войной население не жило на широкую ногу; уцелевшие от бомбардировок дома в городе десятками лет не ремонтировались, улицы и дороги были в ужасном состоянии, народ был одет бедно. Поэтому, когда красные отступили и пришли немцы, у населения не было никаких запасов. Жизнь и смерть теперь тоже зависели исключительно от новых хозяев. В особенно тяжелом положении в этом отношении очутились горожане и рабочие. Я бы сказал, что рабочим приходилось пожалуй хуже всего, ибо у горожан в какой то мере существовал налаженный аппарат питания, а рабочие оста-

лись беспризорными, вернее, их семьи, старики, жены и дети, ибо сами рабочие целиком отсутствовали: одни ушли с армией, оставшиеся скрывались в лесах. А раз кормильцы ушли — семьи остались на произвол судьбы и стали голодать. В этот тяжелый период положение спасала деревня. С уходом красных колхозники остались хозяевами всего колхозного имущества, и спрятанных от немцев продуктов. И, конечно, часть спрятанного какими-то тайными путями просачивалась в город.

Вот в такое прискорбное время ранней весной 1942 г. и прибыли мы в Осинторф, где центральный поселок был еще занят семьями рабочих и беженцами. Я бы не сказал, что нас встретили с распростертыми объятиями, но и антипатии проявлено не было: население заняло выжидательную позицию. Однако, этот первый холодок очень быстро стал исчезать и люди все чаще и чаще приходили к нам за помощью по всем своим нуждам. А нужда была большая и в самом существенном — в питании. Теперь, вспоминая эти дни, могу охарактеризовать наши отношения так: чем больше мы познавали друг друга, тем больше сближались и тем теплее и отзывчивее относились друг к другу.

Возьмем для примера несколько случаев. Мы приехали в Осинторф ранней весной, когда было еще холодно и земля в низинах была покрыта толстым слоем снега. Как то из окна своей комнаты я увидел на другой стороне торфяного поля человек пять женщин, бродивших взад и вперед по черным пятнам земли. Меня эти женщины заинтриговали и я спросил у одного из офицеров, что они могут там делать. Тот, не задумываясь, сказал, что они ищут картофель. Но о каком картофеле могла идти речь в такое время года? Я оделся и пошел к ним. Их было пятеро — в тулупах, в валенках, с мешками за спиной, и с длинной, на конце заостренной палкой в руке. Мое появление их смutilo. Поздоровавшись с ними, я спросил, что они тут делают, и получил ответ, что ищут картошку. «А много ли вы ее нашли?» В мешках оказалось с ведро грязевой жижи, в которой плавали какие-то кругляшки. Эта же жижа, просачиваясь сквозь мешок, широкой полосой протекала по спинам женщин, до самого низа тулупа. У меня сердце защемило, узнав о том, что из этих полугнилых, полузамерзших картофелин эти женщины, после того, как их помоют, высушат и помелют с какими-то кореньями, спекут лепешки. На мой вопрос, будут ли такие лепешки съедобны, женщины, перебивая друг друга заявили — конечно, у их детей болят животы и они плачут, но что можно сделать? Чем-то нужно кормить... — Уложила я своих нена-

кормленных — говорит одна, а они не засыпают и все просят есть... только когда заснули, смогла сама плакать».

Мне стыдно стало смотреть этим женщинам в глаза, стыдно за себя и за всех мужчин, доведших наших жен, матерей и детей до такой страшной трагедии: взаимной грызней. (Вспоминая теперь об этом случае, думаю, что трагедия, выпавшая на долю русской женщины и ее детей — одна из самых страшных страниц истории российского лихолетья). Я повел этих женщин в штаб и распорядился интенданту выдать каждой по буханке хлеба и зачислить на работу и на довольствие в хозяйственной части. Со временем у нас стало 65 таких женщин. А затем открыли в Центральном поселке нечто вроде детского сада, куда матери приводили своих детей на целый день, а питание им шло из нашего неприкосновенного запаса. (НЗ).

2) Весна 1942 года была дождливая, сырая и холодная, и казалось, что холоду конца не будет. Гражданскому населению в валенках ходить уже нельзя было, обувались кто во что горазд, но большинство женщин ходили босыми. От одного такого вида кожа на голове стягивалась и по телу пробегала дрожь. И вот как то приезжает к нам добрейший Зеебург. Когда после обеда мы остались с ним одни, он вдруг спросил меня: «Проезжая через поселок, я заметил, что почти все женщины ходят в новых сапогах. Откуда они их взяли?» Не задумываясь, я ответил, что очевидно нашли спрятанный красноармейский склад. А он прошелся раза два по комнате, подошел ко мне и положив руку на плечо, сказал: «Махен зи дас вейтер» (продолжайте так же делать).

3) Берлинской эмиграции не нужно было объяснять, что русскому населению в оккупированной зоне тяжело живется. Там об этом знал каждый. Поэтому летом 42 года Анна Митрофановна Сахарова и моя жена, Евгения Константиновна Кромиади открыли сбор женской одежды, белья, обуви, а также иглол, пуговиц, ниток и т. д. Набрали шесть больших ящиков, которые ухитрились через ОКВ выслать в Осинторф: все эти вещи поступили в распоряжение нашего священника, отца Гермогена, который раздавал их не только осинторфкам, но и женщинам окружающих деревень.

(Отец Гермоген — молодой архимандрит, в прошлом окончивший Оксфорд. Он был большим идеалистом и блестящим проповедником. По воскресеньям он служил обедню в одном из барачков в поселке Урал. Посещали его службы главным образом пожилые люди, но детей крестили от младенцев до десяти лет и молодые матери. За воскресный день бывало

иногда по десяти крестин. В военных частях о. Гермоген вел беседы с людьми на патриотические, религиозно-нравственные и исторические темы.)

4) Когда настало время косить сено, или же убирать хлеб, наша дежурная рота распределялась по деревням помогать многодетным семьям и не было случая, чтобы партизаны кого либо из них тронули.

5) В мае месяце как-то ночью я возвращался из Смоленска и издали наблюдал, как советские самолеты спускают десант в лесах, окружающих Осинторф. Это обстоятельство навело меня на размышления. И к великому моему удивлению и еще большей радости, на следующий день пришли предупредить меня об этом осинторфцы.

6) Как-то наш интендант поехал в Оршу за продуктами и вернулся с пустыми руками. Оказалось — партизаны взорвали поезд с продуктами. Что было делать? Интендант, майор Содель, поехал искать счастья по деревням. В одной из соседних деревень бургомистр сказал: «Для народников у меня картошка найдется» — и насыпал целый грузовик картофеля. Чтобы закончить эту главу, позволю себе сказать несколько слов о весеннем посеве, после голодной зимы.

В 42-м году весна была поздней, холодной и сырой. Весенние дожди не унимались, кругом царил сырость, холод и грязь. Население было одето очень плохо, но еще хуже обстояло дело с обувью. Зимой все ходили в валенках, весной в грязи и по воде в валенках не пройти, а другой обуви мало у кого сохранилось. Все население ходило босиком и не только у себя дома и по улицам, но и на больших дорогах и дальних расстояниях. Жалко бывало смотреть на проходивших осунувшихся худых и бледных женщин с сизыми от холода ногами, на которых волосы торчали, как у ежа иглы. Это была бедная, беспризорная и босая Русь. А как ей помочь, когда мы сами находимся во власти нацистов? — Да и помощь требовалась серьезная, не по нашим силам. Однако прошли дожди, под яркими весенними лучами солнца земля задыхалась, люди повеселели, настала пора посева. Сеять старались все, кто мог достать семена, (речь идет о рабочих поселках) свободной земли было много. Но как вспахать поля, когда в колхозах отступившие власти угнали всю техническую тягу и лошадиную (небольшую часть лошадей крестьяне спрятали в лесах). Но пришли немцы и мобилизовали найденных у крестьян лошадей. Таким образом у крестьян осталось очень мало спрятанных лошадей, которыми боялись

открыто пользоваться. Но не даром говорят: Голь на выдумки хитра. Очень быстро в деревнях и поселках, как по команде, образовались женские артели и вышли лопатами перекапывать свои поля. Женщины — человек 20, становясь в ряд перекапывали поле, один пожилой мужчина сеял, а другой легкой бороной боронил на себе перекопанное. Так по очереди перекопали поля всех участниц артели.

К счастью, в том году уродился хороший урожай; рожь на полях стояла стеной и колосья гнулись под тяжестью зерен. Неплоха была и пшеница. Когда хлеба стали поспевать, на полях здесь и там сторожили женщины, отгонявшие от полей стаи прожорливых птиц. И так все шло хорошо, казалось зимою народ не будет голодать, но, вдруг, партизаны заявили крестьянам, что они сожгут урожай и не дадут им убрать его для немцев. Народ переполошился, а чем же зимою будут питаться сами и кормить своих детей? Даже те, кто ненавидели оккупантов, и те побежали к немцам просить защиты. Из окружавших Осинторф деревень бургомистры пришли к нам просить помощи. И мы разослали по деревням наряды, которые не столько охраняли деревни от партизанских налетов, но и помогали многодетным женщинам по уборке хлеба...

(Думаю, что этот приказ был дан партизанам сверху, ибо в нашем районе они никого не тронули и урожай был полностью убран.)

Конечно, вышеприведенными примерами взаимоотношения РННА с местным населением не исчерпываются, но не хочу утруждать читателя. К тому же следующая глава дополняет их.

РННА И ПАРТИЗАНЫ

Весною 42 года, когда мы прибыли в Осинторф, в его окрестностях партизан почти не было. По словам местных жителей, в лесах был один отряд, состоящий главным образом из коммунистов, оставленных по партийному заданию, и коммунистов, неожиданно очутившихся на этой стороне линии фронта и теперь вынужденных партизанить. Однако, чем больше весна входила в свои права и леса зеленели, тем больше партизаны давали себя чувствовать. Леса постепенно оживали: молодежь, вольно или невольно очутившаяся на оккупированной территории, не желая попасть за колючую проволоку или на принудительные работы, и зимой скрывавшаяся в городах и селах, с наступлением тепла потяну-

лась в лес. Процесс этот развивался довольно быстро, ибо из-за быстрого отступления советского фронта много народу откололось от своих частей и скрывалось в тылу. А тылы немецкого фронта, в особенности в районах больших лесных массивов, были совершенно пусты и недоступны немецкому контролю. Когда партизаны особенно допекали немцев, то назначались целые дивизии для прочесывания лесных массивов, но это мало помогало. Поймают одного или двух — а остальные ухитряются избежать открытого столкновения и незаметно просачиваются сквозь неприятельскую цепь в только что прочесанный район.

Народ относился к партизанам по-разному: одни их поддерживали, другие на них доносили, и не только нам, но и немцам. Само собою разумеется, и партизаны тоже были разные. Беда их заключалась в том, что они должны были свое питание забирать из деревень, и такие экспроприации не всегда кончались мирно. Жители деревень обращались к немцам, прося дать им вооруженную охрану, и немцы давали им так называемых «полицаев». Однако, эти полицейские сами с наступлением темноты прятались гденибудь за деревней, чтобы не попасть в руки партизан; что касается деревень в лесных районах, то там и «полицаев» не было. Ночью деревню занимают партизаны, а утром они уходят в лес. С утра же в деревню приходит какая-либо немецкая часть и начинаются допросы и терзания.

В главе «Формирование РННА» я упомянул, что фельдмаршал фон Клюге в Смоленске передал нас в ведение контрразведки. Сначала это нам совсем не понравилось, но потом мы поняли, что это было мудрым решением. Мы были избавлены от принятия участия в больших боях, и, пока мы формировались, задача наша заключалась в ограждении окружающих нас деревень от партизанских налетов. Иначе говоря, у нас были большие возможности действовать самостоятельно и в приемлемых для нас рамках. В связи с этим, когда к нам приходили из деревень с жалобой на партизан, или мы получали приказ из Смоленска освободить от партизан такую-то деревню, и мы посылали по указанному маршруту одну или две роты, то на местах партизан никогда не оказывалось, и наши части с ними не встречались. Партизаны приходили в деревни за продуктами, и в жилых местах не задерживались. Скрывались же они в окружающих Осинторф лесных массивах и в нашем районе им особенно было нечего делать. Разве только вывести электростанцию из строя, но тогда и русское население пострадало бы не меньше немцев. (Работа станции протекала нормально).

Как правило, партизаны добывали себе пропитание в деревнях и в этом отношении были для них большой нагрузкой, ибо иногда отбирали последний кусок хлеба. Как-то пришли к нам с жалобой из одной деревни пожилой мужчина и пожилая женщина. У него в прошлую ночь партизаны сделали обыск и отобрали единственный спрятанный костюм, и он остался в лохмотьях, а женщина последний свой кусок хлеба спрятала вечером от партизан под корытом на огороде, но ночью собака пронюхала хлеб и опрокинув корыто, съела его, так что теперь ей нечего есть. С такими затруднениями можно было еще мириться. Хуже было сведение счетов, как например в деревне Озеры (если не ошибаюсь), куда партизаны пришли ночью, вытащили одного парня из постели и тут же на глазах жены и подростка дочери расстреляли его за то, что он, по решению его односельчан, согласился поделить между ними колхозную землю. Был случай и расстрела бургомистра партизанами.

Правда, одновременно почти в каждой деревне находились противники коммунистов и партийных работников и тоже доносили на них, — но не нам было начинать бессмысленную расправу, да и какая была бы от этого польза? В конечном счете не эти несчастные нищие люди были виноваты в своем заблуждении и даже в своих действиях; виноваты были те, кто их обманули, обокрали и превратили в жалких исполнителей своей воли. Только дьявольщина могла породить в селах и городах России такие дикие взаимоотношения.

В то же время мы сами находились в стадии разворачивания и не считали себя вправе принять какие либо решительные меры в отношении населения. Партизаны угрожают населению сжечь их хлеба, потому что они этот хлеб отдадут немцам, а люди просят помощи и плачут — чем же питаться зимою и кормить своих детей? Вот и приходилось посылать наши части по деревням для охраны и уборки урожая. (Как правило, прибывшая в деревню часть обращалась к бургомистру и тот указывал, кому из многодетных семей помочь, ответственным же за наряд в таких случаях являлся командир части). И все таки нужно заметить, что и партизаны тоже были разные; одни боролись против оккупантов и с населением вели себя терпимо, другие себя не жалели, но и никого не щадили; большинство же были просто мужчины, скрывавшиеся в лесах, чтобы избежать колочей проволоки или принудительной работы. Я бы сказал, что и политические убеждения всех этих людей, сидевших в лесах, были разные, иногда даже противоположные, и только после

того, как фронт стабилизировался, и с «большой земли», как тогда говорили, стали снабжать партизан политическими руководителями и комсоставом, все, независимо от их убеждений, заговорили старым привычным языком политграмоты. (За целый минувший год партизанщина не нашла своего хозяина и вновь должна была стать орудием большевиков. А между тем это были серьезные кадры антикоммунистической борьбы, погубленные алчной и тупой политикой нацистов.)

Таким образом большевики стали хозяевами тыла немецкой армии. Победители незаметно для себя оказались в ловушке. Летом 42 года целый ряд шоссейных дорог был наглухо закрыт из-за партизанских налетов, а железнодорожные пути партизаны систематически взрывали где хотели и когда хотели. Железнодорожная прислуга на далеких от больших городов станциях устраивала бункера, где дежурили целыми ночами, боясь спать.

Первый партизан, попавший нам в плен был молодой долговязый парень, родом из Белоруссии. Его, как и некоторых из его товарищей, выделили из армии на специальные курсы обучения партизанским методам борьбы (в г. Козельске) и подбросили его в немецкий тыл. Парень был страшно перепуган, но наши солдаты его успокоили. Поговорили с ним о настроениях и делах на той стороне, я ему сказал, чтобы он пожил немного с нами и узнал и наши идеи и задачу. Он прожил у нас две недели на полном довольствии; с ним часто беседовали, он присутствовал и на политсобеседованиях. А через две недели ему было предложено уехать домой, хотя мы знали, что человек в его положении может идти только в лес, иначе попадет за проволоку. Но нам и нужно было, чтобы он ушел именно в лес, — чтобы там рассказать, что ему пришлось видеть и слышать. После этого первого случая последовало не мало аналогичных, и всех партизан, после соответствующей обработки, отпускали на свободу. За то и партизаны относились к нам бережно. У них была возможность охотиться за нами, но они этого не делали; они могли взорвать нас по дороге от нашего лагеря до главного шоссе, но и этого не случалось. Мало того: как-то я поехал верхом со своим адъютантом навестить роту, стоящую в десяти километрах от штаба. Дорога шла перелесками и полями. Приехали в деревню благополучно, а через час туда же пришла женщина, разыскавшая меня с поручением от партизан. «Мы сидели во ржи, когда вы проехали мимо, и только потому, что узнали вас, не сняли вас с лошади, так и вы тоже нас не трогайте!» В другой раз — большой партизан-

ский отряд неожиданно напал на нашу хозяйственную роту, косившую сено в 25 километрах от штаба. Партизаны отобрали у наших автоматы, патроны, новые салоги и табак, но никого не тронули.

Узнав о приключении с нашей хозяйственной ротой (партизаны шли к нашей роте в колонне и с песней, как будто идут свои, а когда подошли вплотную, неожиданно напали на людей, косивших и убиравших сено), я с двадцатью солдатами пошел проведать другую нашу роту, стоявшую у моста между двумя озерами. Шли мы ночью, и без дороги, по компасу. Вдруг до нас донеслось фыркание копыт. Редкой цепью мы окружили небольшой табун, и что же — с десяток мальчиков и девочек, усевшись комочком, устроились в стороне от мирно пасущихся лошадей, о чем то разговаривали и искренне по детски хохотали. Под сине-голубыми лучами месяца эти мирно пасущиеся лошади и кучка крестьянской детворы, беззаботно заливающейся смехом представляли неповторимую картину. Увидав нас, детвора испугалась и замолкла, но мы их успокоили, и дали им по несколько конфет и пошли дальше.

Через некоторое время справа раздались звуки гармошки и девичьи голоса. Мы опять пошли на голоса и незаметно окружили деревню на холме. Было часов 12 ночи. Гармошка заливалась на улице, и парни с девушками лихо отплясывали. И опять, увидев нас, затихли. Наши уговоры продолжать танцы не помогли; парни стали незаметно собираться в кучу в стороне от танцевальной площадки. Боясь, что они могут схватиться за оружие, которое у них где то должно было быть, мне пришлось приставить к ним наблюдателей. Вся деревня всполошилась, стали собираться матери, сестры, старики, старухи. При свете фонарика я заметил, как какая-то женщина, на ходу вытирая слезы, (оказалось, что среди парней был ее сын), подходит ко мне. Чтобы разделаться с этой неожиданной для нас историей, я вызвал бургомистра, но тот и не подумал придти, объяснив, что болен. Пришлось опросить парней самому. Нужно было формально установить, что все они здешние жители и следовательно в порядке вещей, что у себя дома могут танцевать, когда хотят. При опросе каждый заявлял, что он здешний житель и все присутствовавшие это подтверждали. Подходит последний. Осветив его карманным фонариком, я увидел перед собою типичное лицо казаха и сказал: «Вижу, что ты тоже здешний». Поднялся общий хохот, и две девушки стали просить отпустить его тоже, он мол, очень хороший парень. Ну, сказал я — раз хороший, берите его. Все повеселели и заговорили, а парни

быстро смылись. Перед уходом я попросил выделить кого-нибудь довести нас до нужной нам дороги, и когда дал проводнику пачку папирос, он поблагодарил, назвав меня господином полковником. А между тем, я заранее распорядился называть меня на этот раз товарищем командиром (не зная, на кого нападём) — ко всему надо быть готовым. Я спросил у проводника, почему он называет меня господином полковником, и каково было мое удивление, когда он сказал: «Да ведь вы — комендант Осинторфа».

С нами в эту ночь был летчик немец — унтер-офицер. Он был к нам прикомандирован с громадным количеством советских трофейных парашютов. Их нужно было переупаковать, что наши летчики и сделали. На прощание этот унтер-офицер сказал, что если бы все так относились к местному населению, то война давно бы окончилась и не было бы столько жертв.

Может быть, кое-кого эти описания приводят в недоумение. Но тогда мы иначе действовать не могли: не для учинения суда и расправы мы поехали на фронт. Да и кто дал нам право судить кого бы то ни было? А главное — эти люди на низах, кто бы они ни были, сами являются жертвой партийного аппарата и режима. Партийные вожди, чтобы легче было держать людей в руках, систематически порождали между ними антагонизм и принуждали их следить и доносить друг на друга. Это их работа привела к тому, что при немцах враждебные элементы продолжали доносить друг на друга новым хозяевам. (Легко могу себе представить, что происходило на оккупированной немцами территории после ухода немцев и прихода туда опять большевиков! Вот, когда происходила расправа над кроликами!).

Пойдите, разберитесь в том, что происходит между партизанами и их врагами в деревне, когда одни партизаны зверски убивают невинных людей, а другие, попав к нам, больше не желают уходить и умоляют включить их в РННА! В деревне Веретея, расположенной у опушки леса, во время прочесывания леса, два партизана из местных жителей, бежав от немцев, попали в руки нашей команды. В этот день случайно и я туда поехал проведать своих. Пришлось мне заняться ими и оказалось (по свидетельству местных жителей), что как-то ночью в деревню пришел партизанский отряд и обоих забрал с собою в лес, причем один из них сирота и содержит пять маленьких братьев и сестер, а у другого на шее десять человек родных его и его жены. Что оставалось делать? Взял с них слово, что больше не пойдут в партизаны и отпустил

их. А если бы они и сами не захотели пойти в партизаны, то их заставят другие...

Как-то одновременно попало к нам пять человек партизан. Через неделю, чтобы от них отделаться, приказал интенданту послать их без охраны в лес за дровами для кухни. К моему удивлению они вечером, нагруженные сухими дровами, вернулись «домой». Так продолжалось пять дней, и попытка «уволить» их в партизаны не удалась. А если бы вы знали, как они просили оставить их у нас!

В Осинторфе я подружился со старшим инженером предприятия, П. Пономаревым, хотя и сильно подозревал его в связи с партизанами. Как-то он посетил меня и мы засиделись до глубокой ночи. Я пошел проводить его до центрального поселка, а по дороге он уговорил меня пойти с ним в гости. Это было около двух часов ночи, шли мы долго и пришли к небольшому срубам у опушки леса. Он постучал в дверь несколько раз (видимо, условным стуком). Наконец, хозяева отозвались, и получив заверение: «свои», открыли дверь. При тусклом свете плашек были видны лица пяти молодых людей. Пономарев отрекомендовал меня. Хозяева с ним поздоровались, со мною нет. Вся группа продолжала стоять. Наконец один из хозяев обратился ко мне с укором и бранью, что мол я иду с врагами родины против своих братьев. Я не предусматривал подобного визита, но не могу сказать, чтобы он был совсем неожиданным. Обезоружил я хозяев тем, что снял с себя автомат и повесил на гвоздь, а потом обратился к говорившему и сказал: «Не для того я пришел сюда, чтобы слушать вашу брань. Кто вам сказал, что мы идем против своей родины? Давайте обсудим, кто прав, и пойдем тогда вместе. Вы хотите выгнать немцев и привести сюда снова советскую власть. Мы же стараемся освободить Россию от любой агрессии. Русский народ имеет право наладить свою жизнь не по указке коммунистов, а по своему усмотрению, как это делают другие народы.»

Кто-то предложил сесть, и начались разговоры, сначала бурные, потом более дружелюбно. Потом незаметно появился на столе самогон, хлеб и яйца, и беседа пошла глаже. Так мы просидели до восхода солнца и расстались друзьями. На прощание мои новые знакомые приглашали меня посещать их почаще, уверяя, что мне ничего плохого не грозит. А неделю через четыре, одна из партизанских групп написала мне письмо, передав через одного из наших офицеров (капитана Проскурова) примерно следующего содержания! «Товарищ полковник, мы все пришли бы к вам, но мы не доверяем немцам, потом они расстреляют и нас и вас...»

Все эти и важные и второстепенные факты я вынужден был привести, чтобы читатель убедился в том, что далеко не легкими путями нам удалось подготовить почву для восприятия местным населением и партизанами идеи русской освободительной борьбы. И не по нашей вине не удалось использовать ни приобретенных нами новых сил, ни открывшихся нам новых возможностей.

И наконец, чтобы закончить эту главу, я приведу еще один пример, с которого, придерживаясь хронологического порядка, следовало бы начать.

Как известно в ноябре 1941 года, чтобы прорвать немецкий фронт в районе Дорогобужа, советское командование перебросило в тыл немцам десантный корпус генерала Белова. Удар должен был быть нанесен с фронта и тыла. Операция не удалась, и корпус оборонялся в течение шести месяцев. Наконец, в конце мая 1942 года немцы подтянули свои резервные дивизии и решили ликвидировать окруженный корпус. Было приказано и нам выделить 300 человек для этой операции. Это была наша первая операция и она переживалась болезненно. Командование выделенной группой было поручено Иванову. Он взял с собою и своего заместителя Сахарова. Готовил же группу я и перед отъездом обратился к ним со следующей напутственной речью: «Офицеры и солдаты Русской Народной Национальной Армии, сегодня вы выступаете на первую нашу операцию. Не на братоубийственную борьбу мы вас посылаем, ибо там вы можете встретить в прямом смысле этого слова, ваших родных братьев. Не для этого дано вам оружие в руки, а для обороны, для вашей собственной защиты и безопасности. Вашим же оружием должна служить ваша освободительная идея и ваши правдивые слова. Вы должны стараться своим братским обращением к той стороне заставить автоматы и пулеметы замолчать. И если вы этого добьетесь, то цель ваша будет достигнута». И действительно, наши солдаты и офицеры так и поступили. Когда советский отряд, высланный против них, с близкого расстояния открыл огонь, Иванов вышел вперед со словами: «Товарищи, с ума сошли, в кого стреляете? Мы такие же русские, как и вы!» Те перестали стрелять, тогда наши бросились к красноармейцам, произошло братание. Все смешалось. Одни из красных бросились бежать, другие остались. В результате, хотя дело и кончилось не так, как мы себе представляли, но много солдат и офицеров перешло к нам, в том числе и легендарный разведчик Князев.

(В 44-м году в Первой Дивизии РОА из-за этого лозунга — «Наше оружие — это наше слово и наша сила — это наша

идея» произошла стычка между Командиром Дивизии, полковником Буняченко и майором Нарейкисом, Начальником Отдела пропаганды и последнему пришлось покинуть свой пост, хотя он в своем утверждении и был прав. Освободительное Движение осмыслено было своей идеей. — Подчеркнуто К. К.).

Такие встречи всегда полны неожиданностями, вполне однако оправдавшими наши ожидания и надежды, а также методы ведения борьбы. Когда наши добежали до красных и смешались с ними, два офицера, охранявшие Иванова заметили одного небольшого коренастого паренька, готовящегося застрелить Иванова, и набросившись на него, отобрали его пистолет. Иванов же, пристыдив его, протянул ему обратно пистолет со словами: «Хочешь убить меня — на бери, и стреляй!» Но у парня рука не потянулась к пистолету и он только сказал: «Да кто вы такие и почему идете от немцев?» Тут наспех ему объяснили, что могли, и сунув ему в руку пистолет, побежали дальше. Этот паренек и оказался потом разведчиком Князевым. Обещав пойти с нами и получив обратно свой пистолет, он, воспользовавшись суматохой, убежал к своим, там сколотил из беглецов роту, и вернувшись на поле боя, сдался с нею. На нашу сторону тогда перешло вообще много солдат и офицеров. В то же время, красные опознали и захватили двенадцать человек наших солдат и офицеров, в том числе и нашего «политрука», майора Бугрова (псевдоним майора Бочарова, в РОА он был произведен в полковники).

На допросе Бочарова одним из старших красных командиров «Х» (говорят, что он уже умер, но не ручаюсь за точность сообщения), тот спросил: «Скажи, майор, что тебя привело к такому позорному шагу?» «О каком позорном шаге спрашиваете, товарищ?» «А ты не считаешь позором то, что во время войны вы идете с врагом против своего народа и своей родины?» «Мы не идем против своего народа и нашей родины. Мы идем за освобождение нашей родины и нашего народа от коммунистов и от нацистов». «А кто вы такие?» «Мы — Русская Народная Национальная Армия». «А сколько вас?» «Пока пять тысяч». «Почему так рано начали?» «Как вас понять, товарищ?» «Как хочешь!» Произошла пауза. «Ну что, брат, война есть война. Мне придется расстрелять тебя». «Я это знаю, товарищ, я готов».

Пленного не расстреляли, так же как и остальных двенадцать человек, хотя и выстроили их для расстрела, и те, кто должны были расстрелять их, выстроились против них с заряженными ружьями и ждали команды. Последовал

приказ отставить расстрел.

В эту ночь немецкие дивизии атаквали беловцев и в возникшей суматохе, при переправе через реку Угру, наши пленные вместе со своей охраной скрылись и пробрались к нам. Еще две-три небольшие наши группы, оторвавшиеся от своих и заблудившиеся в лесах, через три дня тоже выбрались благополучно.

В результате:

1) Из 300 человек только один лейтенант оказался предателем;

2) Хотя операция и кончилась не так, как мы думали, но проделанный опыт на деле показал жизнненность идеи освободительной борьбы и правильное ведение ее (методы борьбы вполне отвечали требованиям самой идеологии);

3) За такое короткое время люди, перенесшие столько ужасов в лагерях военнопленных, во имя осуществления своей освободительной идеи, перенесли все выпавшие на их долю испытания, но не поддались искушению перейти на ту сторону, хотя у каждого из них там было все милое и дорогое, что связывает человека с жизнью (родители, жены, дети, невесты, друзья). Они хотели вернуться к ним освободителями.

Немцы высоко ценили ген. Белова и, как тогда говорили, якобы собирались, после поражения, преподнести ему какую-то особенную шашку за доблестную шестимесячную оборону. Белов же в самый решительный момент с некоторой частью своих войск просочился сквозь леса и вышел к своим, хотя какая то часть его войск попала в плен.

В связи с исходом этой операции погибла и наша вторая надежда, что может быть ген. Белов согласился бы стать на путь освободительной борьбы. (Как-то не верилось, что после всего того, что совершили коммунисты в России, советский генералитет может остаться к ним лояльным. Ведь помимо карьеры существует еще и долг перед народом и перед своими расстрелянными товарищами. А ведь их тоже было расстреляно немало, а остальных скрутили в бараний рог). Тогда мы предложили бы ему возглавить наше начинание. Но Белов ушел и к нам попало человек 40 офицеров его корпуса. В плену их оставалось много — целые полки со своим командным составом.

Старший лейтенант А. Князев, Герой Советского Союза перешел на нашу сторону со своей ротой разведчиков добровольно, как было сказано выше, и был назначен начальником нашей разведки. Своим веселым нравом, смелостью и правдивостью он очень быстро расположил всех нас к себе.

Я же его высоко ценил и относился к нему очень дружелюбно. Побыв с нами месяца три он изменился, стал молчаливым и я бы сказал угрюмым. Почувствовав в нем эту перемену, я вызвал его на откровенный разговор, и он признался, что пришел к заключению, что свой Гитлер все же лучше чужого Гитлера. На что я мог только ответить, что наша цель — избавиться от обоих Гитлеров. Правда, наш путь тяжел и испытания тоже велики, но мы верим, что только идя нашим путем, можно будет избавить Россию от дальнейшего порабощения. Князев примолк. Видя его удрученное состояние, я сказал: «Слушайте, Князев, если вы решили уйти от нас на ту сторону, я вас удерживать не буду, только скажите мне ваше решение и не обманывайте меня. Разойдемся друзьями».

Прошло две-три недели. Как-то среди бела дня, когда Князев должен был быть на занятиях, раздался стук в дверь и он вошел основательно пьяным. Увидев его в таком непристойном виде, каким он раньше никогда не бывал, я предложил ему пойти к себе выпиться, а поговорить завтра. Однако перед уходом он попросил разрешения поцеловать меня. Я почувствовал неладное, и понял, почему он пришел ко мне. Я поцеловал его, и он вышел. В эту ночь Князев со взвodom своих солдат ушел к партизанам.

Теперь, по прошествии тридцати с лишним лет, суммируя более или менее важные события в этой первой операции, прихожу к заключению, что часть наша тогда оказалась весьма стойкой, под огнем с той стороны, и не прибегая к оружию, водворяла в жизнь идеи и методы борьбы РННА.

Одновременно нужно отметить, что как С. Иванов, так и А. Бочаров и Сахаров в самый тяжелый и решительный момент были на должной высоте и своим примером поддерживали дух своих солдат.

В июне приехал к нам начальник штаба фельдмаршала ф. Клоге, ген. Веллер на ревизию, и остался нами очень доволен. В частной беседе за столом генерал обнадежил меня, что мы можем развернуть наше дело до пределов, нам доступных, что задержек не будет. В то же время один из офицеров, сопровождавших генерала, сцепился с нашим Зеебургом, и между ними разыгрался скандал, в результате чего Зеебурга куда-то перевели. Его уход от нас был для РННА незаменимой потерей. И это произошло тогда, когда мы лишились Иванова — во время майской операции он заразился брюшным тифом и был эвакуирован в Берлин. А тут убрали и нашего покровителя. Что представляет собой заменивший его подполковник Хотцель, мы не знали, но с первого же раза он произвел на нас нехорошее впечатление.

Видно было также, что он собирался командовать, и мало интересовался нашим отношением к нему.

И действительно, для такого дела, как наше, он оказался самым неподходящим человеком. Хитрый и неискренний, с холодным сердцем и неприятным взглядом, Хотцель решил использовать нас исключительно в борьбе против партизан. Он и думать не хотел о том, что мы формировались для другой цели и что наши задачи совсем другие. Он и представления не имел, куда он собственно попал, и вряд ли представлял себе, в каком сложном и тяжелом положении оказались немцы в России. Короче говоря, насколько наши солдаты и офицеры полюбили Зеебурга, настолько же возненавидели Хотцеля. Не особенно хороши были и мои личные отношения с ним, и чем дальше, тем они больше ухудшались.

В конце июня к нам приехал на ревизию начальник тыла среднего участка фронта генерал фон Шенкендорф. Он остался очень доволен частью, и после официального приема, в порядке частной беседы, предложил нам взять на себя организацию местного районного самоуправления. Это предложение нас обрадовало, и заручившись соответствующим документом от генерала, мы разослали своих представителей по деревням подготовить бургомистров к новым переменам. К сожалению, дней через десять ген. ф. Шенкендорф взял обратно свое решение, и вся затея лопнула. Что произошло за эти десять дней — мы не знали, а генерал заявил, что он не имел права дать нам подобное разрешение. И тем не менее, назначенный в Шклове (наряду с немецким комендантом) русский комендант, ведавший делами гражданского населения, продолжал существовать и дальше. Русская комендатура закрылась много позже по вине самого коменданта, капитана гр. ф. Палена, который как-то, в порыве патриотических чувств, сорвал в городской управе портрет Гитлера со стены в присутствии своих подчиненных. Тогда кто-то из свидетелей донес на него и его надо было в срочном порядке отправить обратно в Париж, чтобы замять дело. Нужно отдать справедливость немецкому коменданту Шклова — это он задержал донос и помог нам потихоньку отправить Палена домой.

(Граф С. Пален и граф Григорий Ламсдорф служили переводчиками в штабе ген. ф. Шенкендорфа, и в числе других офицеров сопровождали генерала в Осинторф. Приехав же туда, они упростили генерала оставить их в РИНА, на что генерал не сразу согласился, но потом все таки уступил их нам).

Летние месяцы проходили в ожидании лучших перемен,

но их не было. Иванов все еще был в Берлине, очередного кандидата на возглавление всего начинания на горизонте не видно было, а отношения между мною и Хотцелем становились невыносимыми. Мы не терпели друг друга, но на людях конечно старались этого не показывать. Как-то Хотцель приехал к нам, и не заезжая в штаб, остановился в лагере Урал и предложил майору Грачову занять мою должность. Майор поблагодарил за предложение и отказался. Совсем случайно я приехал к Грачову и застал обоих за разговором, от чего Хотцель был в немалой степени смущен. Так и не заехав в штаб, он вернулся в Смоленск.

В оперативном отношении тоже ничего особенного не было. За лето пришлось четыре раза выделить по батальону в больших немецких антипартизанских акциях, но все они кончались безобидно, за исключением одного случая, когда в одной деревне эс-эсовцы расстреляли учительницу (за связь с партизанами) и сожгли деревню. В связи с этим майору Иванову еле удалось удержать своих людей от выступления против эсэсовцев. (В прочесывании леса принимали участие — одна дивизия французов, одна дивизия эс-эсовцев и один из наших батальонов). После такого дикого поступка эс-эсовцев партизанские отряды очутились в тылу наступавших и вся операция пошла прахом. Не успели мы оправиться после этого, как к нам приезжает немецкий комендант Шклова и в доверительной форме передает мне донос на русском языке одного из наших офицеров на командира батальона майора Головинкина, что он, мол, готовится увести батальон в лес. В тот же день я поехал с капитаном в Шклов, и когда мы прибыли туда, там лежал уже второй донос от того же офицера, в котором сообщалось, что готовятся уйти в лес не только шкловский гарнизон, но и части РННА из Осинторфа. Комендант передал мне оба доноса с заявлением, что мол это ваше русское дело, и разберитесь в нем сами. Я приказал арестовать доносчика и повез его в Осинторф. Здесь мы произвели следствие и предали его гласному суду. На суде присутствовали представители от солдат и офицеров всех частей, с правом высказать свое мнение и задавать интересующие их вопросы. На первом заседании суда одни выступавшие обвиняли доносчика в том, что он направил свое сообщение немецкому коменданту, а не нашему командиру, другие же просто спрашивали обвиняемого, что он хотел заработать — Железный крест, или же «Героя Советского Союза»? В конце августа мне пришлось покинуть часть, и дальнейшей судьбы обвиняемого я не знаю.

В начале августа наше смоленское начальство выслало

к нам сначала полковника генерального штаба В. Боярского и политкомиссара генерала Г. Жиленкова. Принимали мы их с радостью. С первым очень быстро сошлись во мнениях и поняли друг друга, зато со вторым никак нельзя было согласиться. Он все наши действия и высказывания критиковал, называя их авантюрными. Мы насторожились — какого дьявола прислали нам? и для чего? А он продолжает выступать перед батальонами, как ортодоксальный наци... Автоматчики пришли просить разрешения убрать его. Я вынужден был открыться Боярскому, который успокоил меня тем, что Жиленков думает так же, как и мы, но он, как бывший комиссар, вынужден играть комедию, спасаясь от преследования.

В конце августа приехал из Смоленска Хотцель и пригласил меня в комнату офицера связи. На столе стояли бутылка водки и бутылка коньяка, сигары и папиросы. Хотцель спросил, чего бы я выпил. Я наотрез отказался пить и ждал, что он мне скажет. Он начал с того, чтобы я не задавал ему никаких вопросов на его заявление, ибо он не имеет права ответить мне, но что он получил приказ сверху немедленно отправить меня в Берлин. Я было спросил — в чем дело? на время или навсегда? — на что он ответил — «не знаю». А на вопрос — когда? — он ответил — «завтра утром». Я сказал, что не поеду. Почему? Потому что уйду отсюда, когда сдам все дела. Хотцель сказал, что он знает, что у меня все дела в порядке, и он гарантирует, что никаких требований ко мне не будет предъявлено. «И тем не менее я не могу завтра выехать» — возразил я. «А когда?» — «Послезавтра». «Хорошо! Но обязательно».

На меня, как гора свалилась. Осинторф в этот момент показался мне таким родным и близким, от которого мне было трудно оторваться, как матери от ребенка. В этот день я написал свой прощальный приказ, который во время вечерней проверки был прочитан батальонам:

26 августа 1942 года

Прощальный приказ

Мои верные и преданные боевые товарищи, офицеры и солдаты Русской Национальной Народной Армии!

Волей судеб мне приходится прощаться с вами. С болью в сердце покидаю вас и наш родной очаг, где впервые зародилась идея национального возрождения

и где мы, забыв все и вся, как братья, как сыны одной матери, объединились вокруг идеи возрождения нашей Родины. Помните, что куда бы меня судьба ни забросила, душа моя и мысли мои всегда будут с вами и будут сопровождать вас везде и всюду в вашей боевой жизни.

Пусть каждый из вас запомнит, что борьба за Родину есть святое дело и достижение наших целей есть высшее блаженство.

Будьте и дальше верными и преданными сынами нашей многострадальной Родины и оставайтесь на своем посту до конца.

Не забывайте того, что вы русские, не забывайте того, что измученная Россия зовет вас на помощь.

Да благословит вас Господь на вашем тяжелом и тернистом пути и да поможет вам честно и до конца выполнить свой долг перед Родиной.

Полковник Санин.

Приказ произвел на офицеров и солдат удручающее впечатление. Никто этого не ожидал. Началась тяжелая процедура прощания. Одни писали письма со многими подписями и со словами искренней благодарности, другие, пренебрегая требованием субординации, приходили лично прощаться. Более смелые упрашивали, вопреки приказу немецкого командования, остаться на своем месте, а они меня не выдадут. А если будет нужно, уйдем в лес и будем драться и против нацистов и против коммунистов. Автоматчики же, думая, что это происки Хотцеля, предложили мне свои услуги убрать его. Что мне было делать, и как успокоить этих близких моему сердцу ребят и откуда было взять мне слова успокоения, когда у самого рвалось сердце на части. В то же время не мог же я поднять бунт против моего начальства и противопоставить свою малюсенькую часть одновременно против немецкой и советской армий? И я понимал, что мой уход из РННА — это мое личное горе, но для РННА и вообще для освободительной борьбы — это всего лишь маленький эпизод и я не смею своими личными обидами осложнить положение большого дела.

И тем не менее, на следующий день я не смог заставить себя уехать. Узнав об этом, смоленское начальство несколько раз, через офицера связи, капитана Козловского передавало мне грозные приказы и угрозы. Я не остался в долгу и показал им зубы. После этого стали уговаривать и убеждать

меня покинуть Осинторф и не причинять неприятностей себе и им.

29 августа 1942 года я покинул РННА и поехал в Берлин, где пошел представиться в Оберкомандо дер Вермахт (ОКВ). Там меня встретили весьма грозно, точно не они нас, в том числе и меня, отправили в Смоленск. Мне изменили нервы, и я попросил майора, принявшего меня, поговорить с ним один на один и высказал ему все, что накопилось у меня в душе. Тот сперва несколько раз предупреждал меня не забывать, где я нахожусь, но потом смягчился и с сочувствием сказал мне: «Господин Кромиади, очень жалею, что должен повторить вам, что вы в Осинторф больше не поедете, этот приказ поступил сверху и никто не может его отменить, но если я вам понадобится, то позвоните мне.»

Так окончилась моя осинторфская эпопея. Вслед за мною убрали из РННА и всех остальных старых эмигрантов.

С 1 сентября 1942 в командование РННА вступил полковник (бывший командир дивизии в Красной Армии) Владимир Ильич Боярский. Я был этому обстоятельству очень рад, ибо за короткое время нашего знакомства он показал себя с самой лучшей стороны. Когда мне полковник Хот-цель передал, что я должен покинуть РННА, моей первой мыслью было — что будет с людьми? В той обстановке очень легко было скатиться в пропасть и бессмысленно погубить людей. Боярский же отдавал себе отчет в сложившейся обстановке и даром людей губить не станет.

При нем вначале дела пошли успешнее — армия возросла до 8.000 человек. Он свел отдельные батальоны в полки, и расширил часть до бригады; нашу стенную газету «Родина» превратил в многотиражную, расширил библиотеку. 16 октября в РННА приехал фельдмаршал фон Клюге на инспекцию и остался очень довольным. Казалось, дело уже пошло в гору. И вдруг приехавший из Смоленска ген. Герсдорф пригласил Боярского и передал ему приказ командующего фронтом переодеть части РННА в немецкую форму и расчленить ее на батальоны. Боярский в категорической форме отказался выполнить этот приказ. Тогда ему было сказано, что для частей РННА больше не будет отпущено советского обмундирования. Боярский демонстративно покинул генерала, пришел к себе и приказал дать сигнал к тревоге. Приведение войск в боевой порядок перепугало немецких офицеров. Офицер связи бросился к Боярскому и в дружелюбном тоне убедил его дать отбой, что тот и сделал. А через некоторое время, по приказу из Смоленска, эс-эсовская дивизия, расположившаяся в Шклове на отдых, получила приказ обезоружить РННА.

Окружив незаметно РННА, эс-эсовцы потребовали сложить оружие. Произвели следствие, и ничего серьезного не нашли. После этого дивизия снялась и ушла, а оружие вновь вернули людям.

В эту ночь 300 человек солдат под командой своих офицеров, в полном вооружении, прихватив еще запасные пулеметы и минометы покинули свою часть и ушли в лес. И ушли прекрасные офицеры, которые до того не раз показывали свою стойкость и преданность идее освободительной борьбы. После этого полковника Боярского, отстранили от командования РННА. С ним вместе отстранили и ген. Жиленкова. Командование принял бывший начальник штаба, майор Риль. Риль остался преданным традициям РННА, за то его не только отрешили от командования, но и арестовали, и понадобилось много просьб и ходатайств, чтобы его освободили.

Все погромные распоряжения в отношении РННА приходили от того же самого фельдмаршала фон Клюге, с разрешения которого была создана РННА. Трудно было понять причину такой резкой перемены в отношении к РННА. А причина была проста и стала ясной лишь после войны, когда в американской печати обнародовали тайные документы штаба Гитлера. Там он в одном документе заявил, что в 1942-м году на среднем участке фронта старые эмигранты затеяли что-то создать (передаю текст по памяти), «но я приказал разогнать их».

Видимо, фон Клюге, опасаясь гнева фюрера, уничтожал у себя крамолу с корнем.

С отстранением Рилия от командования, РННА перестала существовать. Кадры ее были переключены в Вермахт, снабжены немецким обмундированием и новым командиром, немецким полковником Каретти. Новый командир перестроил часть; ей было придано наименование — Добровольческий полк № 700.

Читатель легко может себе представить моральное состояние людей в их новом положении. Зная тогдашнее настроение людей я, очутившись в Берлине, долго еще переписывался с офицерами, которые продолжали информировать меня о своих нуждах и заботах. Одновременно они старались поддержать меня тем, что собираются послать делегацию от полка к командующему с просьбой вернуть меня обратно в часть. (Уверен, что если все они, до последнего солдата, не ушли тогда в лес, то только потому, что туда им была закрыта дорога: ненависть к коммунистам у них была не меньше ненависти к нацистам.)

Добровольческий полк № 700 получил задание бороться

против партизан в районе Шклова и Могилева, а в 1943 году, как и все русские добровольческие части, по приказу Верховного главнокомандования, переброшен на запад, во Францию.

В 1945 году, во время стихийного отступления немецкой армии, полковник Каретти покинул свой полк, но полк. Бочаров принял полк и довел его до крепости Лориан, где он вместе с гарнизоном крепости оборонялся до конца.

Крепость Лориан продолжала обороняться еще и после капитуляции Германии и сдалась добровольно американцам (видимо, американцы не хотели ее разгромить) по их уговору. А попавших в плен бывших солдат и офицеров РННА американцы выдали большевикам на расправу. Одновременно вместе с ген. Власовым, в числе многих других, были выданы осинторфцы Жиленков, Риль, Боярский, Николаев.

Таковы были пути и конец первой фазы русской освободительной борьбы времен минувшей мировой войны.

ФОРМИРОВАНИЕ РОА НА ФРОНТЕ

Прежде, чем приступить к изложению намеченной мною темы, хочу предупредить читателя, что ввиду того, что организационной группе по формированию Бригады РОА пришлось связаться с очень ненадежным партнером, то и деятельность ее развивалась не столько в области намеченной ею цели, сколько в области целого ряда эпизодических вопросов, которые, в свою очередь, играли тогда немаловажную роль в жизни местного населения в оккупированной немцами зоне в России.

Весною 1943-го года совершенно неожиданно возникла возможность формирования частей Русской Освободительной Армии (РОА) на фронтовой полосе. Поводом к ее возникновению послужило то, что Штаб Отдела безопасности (Зихерхейтдинст) ЭСД, вызвал С. Иванова (бывшего инициатором формирования РННА в 42-м году) и предложил ему собрать свою осинторфскую группу и поехать на фронт принять русскую Бригаду полковника Гиля (он же — Родионов). Эта Бригада называлась также и Дружиной. Тогда это предложение показалось странным, поскольку этого самого Иванова и всех членов его группы год тому назад не только с треском выпроводили из Осинторфа, но и категорически запретили им показываться впредь в оккупированной зоне. Однако разрешение этого вопроса ЭСД взяло на себя. Странным предложение казалось еще и потому, что 43-й год был самым неподходящим временем для формирования частей РОА. Дело в том, что когда во второй половине 42-го года клеветы Гитлера донесли ему о незаконных формированиях, существующих на среднем участке фронта, он пришел в бешенство и приказал немедленно выпроводить домой всех русских старых эмигрантов, без права когда либо появляться в фронтовой зоне. (Так мне лично было сказано в ОКВ в 1942-м году), а все русские формирования перебросить с восточного фронта на западный. Весною 1943 года эта переброска производилась полным ходом. Восточные полки и батальоны снимались с позиций и целыми эшелонами отправлялись в Млаву, где переформировывались и направлялись во Францию, Италию и другие оккупированные западные страны. О каких же новых формированиях на Востоке могла идти речь? Но об этом должно уже было заботиться ЭСД.

Конечно, этот приказ Гитлер отдал не только потому, что был настроен против русских, и не только потому, что совместная борьба немцев с русскими антикоммунистами противоречила его агрессивным планам по отношению к России, но еще и в целях профилактики. Однако этот приказ оказался чреватым тяжелыми и курьезными последствиями для самих немцев, и поэтому я позволю себе немного уклониться от моей основной темы.

Как бы грозен и категоричен ни был тогда приказ Гитлера (по тому же поводу фельдмаршал Кейтель весьма недвусмысленно пригрозил тогда всем командованиям армиями и корпусами, дерзнувшем вопреки распоряжению фюрера заводить у себя не позволенные формирования), но практическое его осуществление оказалось не так просто и потому приказ обратился в полумеру. Начнем с того, что раскинувшись на широких просторах России, у немцев не хватило войск, чтобы насытить фронтовую полосу и освоить свои тылы, в особенности в районах лесных массивов. В связи с этим, когда пришлось снимать с позиций русские полки и батальоны, чтобы отправить их на запад, то оказалось, что одних нельзя было трогать, потому что они несли охранную службу и их нечем было заменить, других нужно было оставить, чтобы не образовать прорыва на линии фронта, а третьих не хотели отпустить сами немецкие командиры и предпочитали пойти на риск и оставить их у себя в замаскированном виде. Таким образом приказ Гитлера с одной стороны был как бы выполнен, но с другой и фронт, и тылы изобиловали восточными формированиями.

И тем не менее немало батальонов было перебросено на Запад. В связи с этим тылы немецких войск еще более обнажились, и партизаны стали полными хозяевами немецкого тыла. В то же время в Млаве переформированным батальонам дали немецкое командование. Когда они прибыли на место своего назначения, то оказалось, что командиры не понимают своих солдат, те — командиров, и те и другие — местного населения. В штабы полетели требования переводчиков, но где их взять? Наглядным примером для создавшейся тогда обстановки может служить следующий случай: на французском фронте немецкий генерал, ночью, на своей машине, подъезжает к линии фронта. Его останавливает патруль. Адьютант генерала показывает патрулю соответствующую бумагу и тот пропускает машину. Но сидевший в машине переводчик спрашивает что-то у патрульного, и выясняется, что тот не владеет немецким языком. Тогда у него спросили, как он пропускает машину, если не знает, что за бумагу ему показали? На это патрульный ответил, что ему доста-

точно, если на бумаге есть немецкая печать. Комментарии излишни.

Но самое главное, что переброшенные на Запад восточные батальоны большой подмогой быть не могли. Если на Востоке они поднялись для борьбы против коммунистов, то на Западе они лишились врага, против которого должны были сражаться. Сами по себе англичане, французы или американцы вызывали у русских солдат скорее симпатию, чем вражду. Я позволил себе коснуться вопроса переброски русских частей на Запад только в связи с общей обстановкой, в которой ЭСД сделало предложение Иванову, и возвращаюсь теперь к основной теме.

Иванов обратился тогда к своим товарищам по РННА, но те, помня еще обиду от осинторфской расправы, не соглашались войти в новое начинание. Да и никто толком не знал, что это за бригада Гиля, и почему ЭСД заинтересовано в передаче ее в другие руки.

При более близком ознакомлении выяснилось, что эта бригада была сформирована по инициативе Штаба ЭСД для использования по своей линии. Формирование ее началось в 1942 году, частично на фронте, частично в Силезии. Когда формирование закончилось, она была брошена против партизан в районе Брянских лесов, где один полк перебил своих немцев и перешел на сторону партизан. Перепуганный штаб ЭСД, не зная, что предпримет командир бригады со своим вторым полком, решил, пока не поздно, передать полк в другие руки. Перспектива была не особенно заманчива и договоренность между Ивановым и его группой не состоялась. Но вдруг в это дело вмешался генерал Георгий Николаевич Жиленков. Тогда на эмигрантском политическом горизонте появился новый советский генерал, бросивший вызов коммунистической власти, поработившей Россию — Андрей Андреевич Власов. Имя генерала было окружено ореолом славы, заслуженной в рядах Красной Армии, и его недвусмысленные патриотические заявления внушали к нему доверие. Жиленков сделал предложение ЭСД, как представитель ген. Власова, перенять Бригаду Гиля с условием переформировать ее в Бригаду Русской Освободительной Армии (РОА). Когда ЭСД приняло предложение Жиленкова, тогда вся осинторфская группа согласилась войти в подчинение Власову и ехать на фронт под командой ген. Жиленкова. Новая организационная группа состояла из следующих лиц: Г. Н. Жиленков, С. Н. Иванов, И. К. Сахаров, о. Гермоген (Кивачук), В. А. Ресслер, Г. Ламсдорф и К. Г. Кромиади.

За два дня до отъезда группа отправилась в штаб ЭСД за документами, но оттуда ее послали в Гестапо, где были заготовлены документы. Этот неожиданный оборот дела внес в настроения группы сумятицу и недовольство, никто этого не ожидал. (Дело было однако в том, что, как указано было выше, все члены новой организационной группы год тому назад были разогнаны из Осинторфа по приказу Гитлера с запретом когда либо появляться в оккупированной зоне, и потому разрешение на въезд могло дать только Гестапо). Я лично в категорической форме отказался от поездки: после того, как в 1938 году у меня, как у представителя германской Русской Православной епархии без всякой причины Гестапо отобрало документы на выезд в Сремские Карловцы на Заграничный Собор русских православных иерархов, и запретило покинуть страну, я не хотел иметь с этим учреждением ничего общего. Другие члены группы не хотели выехать без меня. Почти каждый день мы собирались и обсуждали создавшееся положение. Прошло недели две, ЭСД торопило с отъездом, а мы никак не могли договориться. Наконец, все сошлись на том, что раз документы Гестапо ни к чему не обязывают и являются всего лишь броней, то нам следует прекратить дальнейшие сомнения и ехать. Для выполнения по пути необходимых формальностей и выполнения приказа штаба на месте, группу должен был сопровождать от ЭСД штурмбандфюрер (майор) Шиндовский. Группа выехала из Берлина за три недели до Пасхи и прибыла в Варшаву, откуда ее направили в Глубокое (Белоруссия), где находилась Бригада. Однако, она стояла в Лужках, в двадцати километрах от Глубокого, но и в Лужках мы застали хозяйственную часть бригады и чинов ЭСД, находившихся при Гиле, а строевые части ушли на операцию. Каково же было наше удивление, когда офицеры ЭСД при Гиле — выступили против распоряжения своего берлинского начальства! Они и мысли не допускали, чтобы отнять бригаду у «Володы», как они называли Гиля, и передать ее нам. К нам они отнеслись холодно, чтобы не сказать больше.

Можно было только удивляться тому, что после того, как половина бригады ушла к партизанам, Гилю удалось завоевать не только доверие, но и дружбу немецких офицеров. Все они, вплоть до командовавшего тылом северо-восточного участка фронта, генерала Баха, дружили с ним, были с ним на ты, и называли Володей. Не дождавшись возвращения Гиля, Шиндовский, Жиленков и Иванов выехали в Берлин выяснить создавшееся положение, а мы, остальные, остались в Лужках. Время шло медленно, нас все сторонились.

Наконец полковник Гиль вернулся со своим полком в Лужки. Впечатление от строевых частей осталось неплохое, но когда вслед за ними на улицах появился целый обоз из крестьянских телег, нагруженный бабами и всяким крестьянским скарбом, вплоть до гусей, кур и уток, то впечатление от дружины испортилось, от нее повеяло чем-то нехорошим.

В этот же день Гиль, узнав о нашем пребывании, вместе со своим начальником штаба и адъютантом навестил нас, после чего пригласил к себе на обед. Новое знакомство производило какое-то неопределенное впечатление. Гиль был видный мужчина, прекрасный строевой офицер, хорошо знающий свое дело, веселый, гостеприимный хозяин. Но в то же время чувствовалось, что он хитрит, что эта широкая натура «рубахи парня» — показная сторона. Это и подтвердилось дальнейшим ходом событий. Мои личные встречи с Гилем в Лужках участились, так же, как и наши политические беседы. Гиль приставал ко мне, предлагая поступить к нему в Бригаду на должность начальника его штаба, а я с благодарностью отклонял это предложение, объясняя свой отказ договоренностью, связывающей меня с нашей группой.

В один прекрасный день, высказав Гилю свое удовлетворение от его строевиков, я выразил и свое недоумение по поводу характера и размаха его хозяйственной части. Гиль на это недостаточно убедительно заявил, что он, мол, позволил своим офицерам и унтер-офицерам обзавестись походными женами, чтобы этим путем удержать их от побега. В искренность его ответа я не поверил, но этого вопроса больше не затрагивал. Не может быть, чтобы такой прекрасный организатор и строевик не знал, что наличие баб в войсковой части неминуемо приведет к падению дисциплины, деморализации солдат и офицеров, а также и к мародерству, ибо и временных жен нужно было тоже кормить и содержать — на что же?

Нужно заметить, что несмотря ни на что, Гиль умел располагать к себе людей. Однако при нем состояло два отвратительных субъекта — его адъютант и командир второго батальона, майор Блазевич. Они были разными людьми, но от обоих веяло чекистским изуверством, и оба ходили за своим командиром, как тени; по-моему, они и его держали в руках. Тогда говорили, что Блазевич до прибытия к Гилю со своим батальоном в Люблине наделал немало ужасных дел. Во всяком случае, наблюдая за командным составом полка можно было установить, что наряду с прекрасными офицерами было немало и таких молодцов, у которых шеи были

толще головы, а на лицах было написано сплошное самодовольство.

Наконец наши представители вернулись из Берлина, но с пустыми руками, ибо Штаб ЭСД внял просьбам своих людей при Гиле и решил оставить его командовать бригадой, но, чтобы отделаться и от Жиленкова, предложили ему договориться с Гилем полюбовно. У нас же, даже после поверхностного ознакомления с Бригадой, пропало всякое желание приобрести ее, хотя в то же время не хотелось отказаться от права иметь свою бригаду.

Так или иначе, я приступил к переговорам с Гилем. Он держал себя по отношению к нам очень корректно и я бы сказал доброжелательно, но в то же время категорически отказался сдать свой полк, предложив совместно провести опрос командного состава полка, что и было сделано. Опрос проводился в местном театре, в первые два дня Пасхи. Все опрошенные, в том числе и сам Гиль, высказывали желание поступить в РОА, но в составе своей бригады. Из всех опрошенных к нам перешли начальник Отдела пропаганды, майор Томилин (инженер), его помощник — старший лейтенант Самутин (астроном), и еще два младших офицера. Но каково было наше удивление, когда уже опрошенные офицеры по-одному ловили нас где-нибудь за углом и чуть ли не со слезами на глазах просили взять их с собою. Они боялись мести. На второй день опроса, когда я на сцене, где размещалась комиссия по опросу, разговаривал с Гилем, неожиданно из-за кулис высунулся ст. лейтенант Самутин и отозвав меня (Томилин и Самутин уже состояли в нашей группе) сообщил, что прошлой ночью майор Блазевич и адъютант Гиля подняли майора Томилина с постели и увели его якобы в штаб, но с тех пор майор Томилин исчез. Сам же Самутин, живший в том же чердачном помещении, и видевший все, спрятался от них. Заметно было, что появление Самутина застало Гиля врасплох, он смутился, а когда я вернулся, он молча протянул мне рапорт дежурного офицера, в котором тот сообщал, что этой ночью майор Томилин перебежал к партизанам. Стало ясно, что они сами прикончили Томилина и рапорт составлен самими убийцами. Майор Томилин, молодой и энергичный человек, был определенно антикоммунистически настроен, и надо полагать, что он был на особом счету у убийц, но после перехода его к нам, выскользнул из их рук и они поторопились убрать его. В этот день Самутин боялся отойти от нас и на шаг, и вечером мы увезли его с собою в Глубокое.

Таким образом наши планы относительно дружины

Гиля не оправдались, и не только потому, что он отказался уступить нам свою бригаду, а еще и потому, что состав бригады был основательно деморализован и распущен. Нам оставалось согласиться на предложение самого Гиля принять его учебную и пропагандную команды и попытаться на их базе сформировать свою бригаду. С этими двумя командами мы и переехали из Лужков в Глубокое. Здесь был организован штаб новой бригады: С. Иванов был назначен командиром ее, И. Сахаров его помощником, К. Кромиади начальником штаба. Что касается ген. Жиленкова, то он оставался представителем ген. Власова при бригаде. Решено было, что назначенная первая бригада РОА будет называться Гвардейской бригадой, и следовательно, наш первый батальон (части, взятые у Гиля) носит то же название.

Глубокое — это небольшой городок в Белоруссии. Население его смешано — русские, белоруссы и поляки. Наше появление там в форме РОА многих переполошило. О Власове там знали, но о существовании РОА никто ничего не слышал, и вдруг появились офицеры РОА. Русское население проявляло к нам очень большое внимание: нами интересовались, нас каждый день приглашали в гости совершенно незнакомые люди. На Пасху местный батюшка пригласил отца Гермогена сослужить с ним в соборе и после службы предоставил ему произнести проповедь. Темой проповеди о. Гермоген выбрал значение праздника Пасхи для нашего народа, в связи с его теперешним положением. После первых же слов народ хлынул плотной массой к амвону, стараясь уловить каждое слово проповеди. На другой день церковь уже не вмещала всех прихожан, но местное ЭСД запретило отцу Гермогену произносить проповедь. Несмотря на это, люди без конца навещали о. Гермогена и приносили ему всевозможные пасхальные яства для наших солдат.

Покончив со своими делами в Глубоком, мы собрались выехать в Псков, где нам назначено было место формирования. Провожать нас на вокзал пришли толпы русских знакомых и незнакомых. Одни пришли с цветами, другие с разными пасхальными яствами для солдат.

Из Глубокого мы добрались до Режицы и здесь испортился наш паровоз. Нужно было ждать часа три на вокзале. Не зная, чем занять людей, один из офицеров попросил разрешения со своей ротой пройти по улицам города... и тут произошло то, чего никто из нас не ожидал. Когда рота с русским национальным трехцветным флагом и с песней вышла на главную улицу города, ее мигом обступила сначала детвора, а потом и взрослые. Толпы народа сопровожда-

ли маршировавшую роту до конца улицы и обратно. А когда роту распустили и солдаты разбрелись по магазинам за покупками, в русских магазинах мало того, что отказывались брать с них деньги, но и совали им в руки товары, которых они и не намеревались купить.

Мы с отцом Гермогеном пошли осмотреть местный собор, и показывавший нам его человек — очень влиятельное лицо в городе — почти насилу затащил нас к себе на чашку чаю. Оказалось, что он — был офицером старой царской армии и хотел узнать от нас о точном положении РОА. На прощание он предложил мне поддерживать с ним связь, обещал позаботиться, чтобы для РОА не взорвалась ни одна партизанская мина, и снабжать нас людским составом, когда мы откроем свои вербовочные пункты. Разговоры и прощание затянулись настолько, что мы опоздали на поезд и догнали его на конечном пункте нашего маршрута, на небольшом разъезде перед Псковом. Отсюда мы должны были добраться до Стремутки — места нашего формирования, в пятнадцати километрах, своими силами.

Левее разъезда, в низине, разместился небольшой лагерь военнопленных. В ожидании грузовиков для погрузки хозяйственной части, солдаты стали наблюдать за передвижениями людей в лагере и вдруг гурьбой бросились вниз, к лагерю. Часовые взяли автоматы на изготовку, толпа остановилась, и послышались упреки по адресу немцев. Такая неожиданность заставила и нас с офицером связи пойти выяснить положение. Мы успокоили своих людей, а офицер связи зашел в комендатуру и вышел вместе с комендантом, который приказал открыть ворота и впустить наших солдат в один из секторов лагеря, туда же пустили и пленных. Началось, если можно так выразиться, братание. Наши давали пленным хлеб, пасхальные яйца, куличи, пасху. И вдруг заиграл баянист, кто-то пустился в пляс, но пленные не плясали. В заключение отец Гермоген обратился к ним с очень теплой речью, и так как время было вечернее и лагерь нужно было закрыть, комендант попросил нас вывести своих людей, что и было сделано безо всяких эксцессов. Покинули мы тогда лагерь с двояким чувством; с одной стороны удовлетворение, что хоть на минутку смогли отвлечь пленных от их долгих мучительных переживаний за колючей проволокой, с другой стороны — жалость к людям и некоторое смущение, будто в чем то мы виноваты, что уйдем, а они и дальше останутся за проволокой.

Дождавшись грузовиков, забравших хозяйственный груз, мы покинули разъезд и поздно ночью прибыли в Стремутку.

Здесь нам было отведено под казарму отдельно стоящее здание школы-десятилетки, которое и до нас было занято войсками и приспособлено под казарму. Здание было в очень запущенном состоянии. Против него, через овраг, находились два маленьких дома для преподавательского персонала, и теперь отведенные под действующую школу первоначального обучения. Помещения этой школы были не в лучшем состоянии, чем наша казарма, к тому же в классах было мало парт, и многие дети стояли. Мало того, дорога к школе вела через овраг, по склону которого в ненастные дни дети скользили вниз, как на катке, а затем балансировали по доске, чтобы добраться до школы, как канатные плясуньи. Видимо, эта дорога и до войны была не в лучшем состоянии. Нужно было в срочном порядке отремонтировать нашу казарму и проделать всю необходимую черную работу. Заодно мы привели в полный порядок и школу, побелили помещения, снабдили классы недостававшими партами, построили прекрасную дорогу и мост через овраг. Я бы сказал, что школа стала нашей подопечной.

В ознаменование нашего появления в Стремутке, с первого же дня нашего прибытия, перед казармой на высокой мачте был поднят русский национальный бело-сине-красный флаг, и на обмундировании солдат и офицеров эмблемы ЭСД были заменены русскими (бело-сине-красная кокарда и нарукавный знак РОА). Солдаты воспрянули духом!

Нужно заметить, что на новом месте нас подчинили местному ЭСД, расположенном в 15-ти километрах от нас, и дали нам офицера связи, штурмбандфюрера Хойнц. Но, видимо, задача нашего начальства была другая и оно нами почти не интересовалось. Я бы сказал — пользы нам от него было мало, но и вреда никакого. В Стремутке мы были предоставлены самим себе.

На первых порах, благодаря заботам Жиленкова, мы получили два небольших пополнения, благодаря чему сформировали один стрелковый батальон, хозяйственную роту, офицерскую запасную роту и команду пропагандистов. Формирование было названо Гвардейским батальоном РОА. С первого же дня начались интенсивные занятия в ротах и командах. Прошло немного времени, как батальон превратился в образцовую воинскую единицу. Одновременно и команда пропагандистов заметно вклинилась в жизнь крестьян соседних деревень, ибо каждый день с утра до вечера крестьяне стали осаждать наш штаб своими просьбами, жалобами и заботами.

Утром и вечером, при церемонии подъема и спуска фла-

га, люди приходили не только из окружающих деревень, но и из города наблюдать за церемонией. Но самое главное — вопрос о формировании бригады с места не двигался. Жиленков и Иванов часто выезжали в Берлин хлопотать, но ЭСД было глухо ко всем просьбам. Мы со своим батальоном вынуждены были вариться в собственном соку. За все лето пребывания в Стремутке мы два раза принимали участие в параде вместе с немецкими летчиками и три раза, по заданию коменданта города, вышли на операцию по освобождению деревень, занятых партизанами. И все три раза партизан и не видели, потому что они приходили в деревни за продуктами, и не задерживались.

Не удержусь сказать, что 13 августа полковник Гиль, любимец ЭСД, со своим полком перешел к партизанам (при переходе расстрелял своего начальника штаба и несколько немцев), и вместе с партизанами захватил узловую станцию Крулевчизну, а вслед за тем повел наступление на Глубокое, но подоспевшая эсэсовская дивизия отбила его наступление и очистила и Крулевчизну. Для нас этот поступок Гиля не был неожиданностью, мы удивились только, что это произошло так поздно, но для друзей «Володи» это был большой конфуз. Что касается штаба ЭСД в Берлине, то подвох Гиля окончательно отбил у них охоту обзавестись еще какой-то новой русской бригадой.

Неизбежное постоянное соприкосновение наших офицеров и солдат с местным населением в Стремутке приводило к необходимости заниматься с людьми интенсивно, пока они сами не освоят идею и задачи антикоммунистического движения, чтобы воплощать их в жизнь. Должен заметить, что за все время нашего пребывания в Стремутке не было ни одного эксцесса наших людей с местным населением. Люди искренно полюбили наших гвардейцев, и те относились заботливо к населению.

Приведу несколько примеров из взаимоотношений Гвардейского батальона РОА и местного населения:

1) Как-то утром приходит женщина с грудным ребенком на руках и предлагает его нам. Я в недоумении спрашиваю, в чем дело. Женщина говорит, что вчера немцы пришли в деревню, собрали женщин, посадили на грузовик и увезли; в том числе и мать ребенка, а родных никого нет; ребенок все время плачет и умрет с голоду. Где его мать, никто не знает. Нам пришлось снабдить ее деньгами, чтобы она ухаживала за ребенком, а самим через полевую комендатуру вернуть мать.

2) Как-то глубокой ночью шел проливной дождь. Ко мне постучал дежурный офицер и сообщил, что пришла какая-то девушка. Я оделся и вышел. У дверей стояла совершенно бледная худая девушка, волосы и платье прилипли к телу, вокруг нее образовалась целая лужа. Не дождав-шись моего приветствия, она крикливым голосом спросила: «Вы будете здешним начальником?» Я ответил, что да, и по правде сказать ждал или удара ножом, или выстрела из пистолета, так она выглядела. Но она закричала: «Называете себя освободителями. Кого от кого освобождаете? Не видите, что ваши немцы с нами делают?» Но тут я прервал ее словами: «В чем дело? Разве вы не можете говорить спокойнее, что вас привело к нам в такую погоду?» Тут она расплакалась навзрыд, а успокоившись рассказала о своей беде. Оказалось, что она пришла к нам из леса, где скрывается от немцев, чтобы те не увезли ее на работы. Она единственная дочь глубоких стариков, которые без нее умрут с голоду. Но теперь они голодают дома, а она в лесу. Дольше терпеть стало невозможно и она пришла просить помощи. В целях безопасности она выбрала глубокую дождливую ночь. Выглядела она просто покойницей, и от дрожи стучала зубами.

Пришлось разбудить повара и каптенармуса, чтобы дать ей переодеться, накормить и устроить ее на кухне спать. Утром я поехал с нею в полевую комендатуру, в Кресты, и выхлопотал ей освобождение от нарядов. С комендантом полевой комендатуры Псковского района я был в хороших отношениях, и как-то обратил его внимание на безобразное поведение и злоупотребления его людей, — кстати — русских, забирающих в деревнях матерей грудных детей или кормильцев семьи. На это полковник озабоченно сказал, что сам знает, что происходит в деревнях, но что ему делать, если леса полны мужчинами, и в деревнях остались одни женщины и старики. А их командование намечает какое-нибудь наступление и заранее требует от него рабочую силу для приведения в порядок дорог и мостов. Что же ему в таких случаях остается делать?

3) 2-го июня, ровно в час ночи раздался сильный взрыв, от которого наша казарма сильно потряслась, стекла разлетелись вдребезги и смыло с крыши дымовые трубы. В это время батальон спал глубоким сном. Проснувшись, перепуганные люди, не зная, что случилось, выскакивали из постелей и бросались к выходу. В коридорах образовались пробки. Вдруг раздался второй такой же взрыв и одновре-

менно слышались голоса, что горит аэродром (немецкий военный аэродром был расположен в 6 километрах от Стремутки). Это известие сразу отрезвило людей, они разошлись, а со стороны аэродрома раздавались еще один за другим взрывы и красное зарево заметно окрасило горизонт.

В таких случаях необходимо придти на помощь пострадавшему соседу. Я взял одну роту и направился к аэродрому, помочь, чем сможем. Однако на шоссе немецкий патруль остановил нас и от него мы узнали, что горит не аэродром, а деревня — правее через шоссе. Оказалось следующее: товарный поезд, груженный амуницией, шел на ленинградский фронт. Партизаны на какой-то станции ухитрились всыпать песок в втулки колес двух последних вагонов, отчего вагоны и загорелись. Когда поезд проходил мимо деревни, кто-то из жителей показал машинисту, что у него происходит, а тот, зная, что везет, остановил поезд, отцепил паровоз с двумя вагонами и умчался в Псков, оставив свои остальные вагоны догореть у самой деревни. А в вагонах были не только снаряды, мины и патроны, но и фосфор. По свидетельству погорельцев, после первого же взрыва, в воздухе над деревней появился какой-то голубой порошок, от чего воспламенялись дома.

Когда мы дошли до деревни, перед нами, из-за стройного ряда ив, растущих у обочины шоссе, развернулась целая огненная стихия; пламя охватило всю деревню, с основания домов и до крыш, и огненные языки, извиваясь, буживали высоко над домами. Над деревней стоял вибрирующий гул пожара и треск от горящих бревенчатых стен домов. По этому огненному фону здесь и там мелькали черные человеческие фигуры, почему то не пылавшие, хотя пламя охватывало не только дома, но и заполняло узенькие улицы деревни.

Пришлось сразу же распустить людей, чтобы они могли оказать помощь, где можно. Сам же я, по просьбе местных жителей с небольшой группой солдат пробрался к железной дороге, где под развалинами кирпичного здания осталось три семьи. Работать пришлось в ужасных условиях: кругом буживет пламя, здесь и там поблескивает фосфор, а неразорвавшиеся снаряды разбросаны повсюду, и в любой момент каждый из них может взорваться. На месте, где мы работали два солдата с ведрами не переставая обливали водой из дождевой лужи снаряд, лежавший почти у края пожара и совсем близко от нас. Работали мы на этом месте

до утра и спасли всех, за исключением одной женщины, которая была задавлена рельсой насмерть. Точно так же работали и остальные солдаты и офицеры.

Взрывы застали людей во сне и каждый спасался, в чем был. Были и искалеченные, не сумевшие выбраться из домов. Дома с имуществом сгорели полностью, десять людей погибло, искалеченных и с тяжелыми и легкими ожогами было больше сотни. Всю ночь наши грузовики вывозили пострадавших в Псков, а тяжело пострадавших сперва к нам для перевязки, а потом в больницу. Было не мало людей с серьезными ожогами, но тем не менее отказавшихся ехать в больницу и предпочитавших вместе с оставшимися без крова соседями ютиться у знакомых и родственников в соседних деревнях. Можно было поражаться и тому, что как грандиозен ни был пожар, и как бы молниеносно быстро он не охватил деревню, а женщинам все же удалось спасти какие-то узелочки своего домашнего скарба.

Борьба с огненной стихией продолжалась всю ночь. А утром, когда блеснули первые лучи восходящего солнца, на том месте, где накануне стояла деревня, образовалось одно сплошное черное пятно, на котором здесь и там еще лениво дымились очаги отгоревших пожаров. От всей деревни остались беспризорные полуодетые старики, женщины и дети, без куска хлеба и крыши над головой. Тут-то и прорвалось людское горе. Вся эта людская масса, сидевшая у обочины дороги и бессмысленно глядевшая на образовавшееся перед ними черное пятно, вдруг как заголосит, как пошли женщины каждая на свой лад причитать — нельзя было самому не расплакаться...

Наш батальон в течение первых трех-четырёх дней подкармливал погорельцев, и за это время они устроились в окрестных деревнях. В самом тяжелом положении очутились те обожженные, кто не хотел отправиться в больницу, а ютились без медицинской помощи в примитивных условиях в деревнях. Стояла летняя жара, а они были безо всяких медикаментов и перевязочного материала. Раны стали гноиться. Вот и начал тянуться каждое утро обоз крестьянских телег к нашему штабу и наш врач, Евгений Разумовский со своими помощниками целыми днями мыл, чистил и перевязывал пациентов, пока не вылечил их. Особую благодарность за это нужно высказать офицеру связи, штурмбандфюреру Хойнцу, который видел все происходящее и молчал.

Вернувшись домой с пожара, наша штабная группа поехала в Псков, в церковь. Это был праздник Константина и Елены, и в соборе служил митрополит Сергей, исключительно одаренный пастырь и великолепный проповедник. Собор был полон молящимися, но Владыко заметил нашу группу и пригласил нас в миссию на чашку чая. Приглашенных оказалось много. Когда за столом зашел разговор о случившемся ночью бедствии, Владыко поблагодарил солдат и офицеров РОА и дал нам свое благословение за оказанную помощь. Между прочим, оказалось, что на расстоянии 20 километров от ночных взрывов на куполе собора лопнули стекла.

Много позже, но в том же 43 году Владыко Сергей и его спутники были убиты на шоссе из Митавы в Ригу. Девушка, случайно оказавшаяся недалеко от места убийства, видевшая все и скрывшаяся от убийц, свидетельствует, что убийцы были в форме эс-эс, но говорили между собою по-русски.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что тогда и среди псковичей и жителей окружающих деревень Гвардейский батальон РОА приобрел очень много друзей и доброжелателей, из которых особую благодарность хочу высказать отцу Георгию Бенигсну и редакции газеты «За свободу» во главе с главным редактором, ныне покойным Хроменко. Оба они довольно часто нас навещали с любовью и заботами.

Однако были у нас и недоброжелатели из числа оставленных большевиками своих людей для работы в немецком тылу. На железнодорожной станции Стремутка начальником охраны дороги был какой-то красивый рослый молодой блондин; немцы ему доверяли во всем, а население от него плакало. Он обесчестил принудительно многих девушек, а старики и старухи за редким исключением носили на спине рубцы от его резиновой палки. Мы пробовали добром его уговорить, а он пожаловался на нас немцам, что, мол, мы ему угрожали. Тогда наши люди вызвали его на ссору и арестовали его, а его начальнику, полевому коменданту открыли глаза на провокационную деятельность его подчиненного. Комендант от него отказался, и народ вздохнул спокойно. Такими же неумолимыми были и те, кто ездил с немцами по деревням и брали на работу, кого хотели. Эти типы бывали строже и хуже немцев, от них нельзя было ожидать пощады.

В качестве иллюстрации приведу выписку из журнала СБОНРа «С народом за народ».

ВЛАСОВЦЫ И НАРОД

В мае 1943 года в местечке Стремутка под Псковом была сформирована первая добровольческая часть, находившаяся в прямом политическом контакте с Русским комитетом Власова. По предложению Жиленкова она была названа 1-й Гвардейской бригадой РОА. Предполагалось, что эта часть явится основой для развертывания более мощных соединений задуманной Власовым Русской Освободительной Армии. Однако этим планам не суждено было сбыться. Немецкие инстанции затормозили развитие части, не дав ей перерасти за рамки батальона. А осенью того же года она вообще была расформирована.

За время пребывания в районе Пскова этот батальон РОА установил тесный контакт с местным населением. Им была проведена большая работа по пропагандированию идей комитета Власова. Командование части обследовало материальное состояние крестьянских хозяйств ближайших к Стремутке деревень. Все неимущие семьи были взяты на учет. Им оказывалась помощь продуктами и одеждой. В деревни посылались специальные отряды, которые помогали крестьянам в уборочных работах.

Ниже печатаются некоторые уцелевшие документы, свидетельствующие о характере связей власовцев с местным населением. Все фамилии, встречающиеся в документах по понятным причинам опускаются.»

«Господину начальнику Русской армии.

Господин начальник, просим мы вас — И...а Е. и А...а А. из деревни Ржовино Горбовской волости Псковского района — в том, не можете ли вы помочь нам в работе — отпустить нам ваших гвардейцев поработать, так как мы остались одинокие, с маленьким детём, а работать некому, в чем и подтверждает наш деревенский староста

Б. (подпись старосты).»

«Псковское

Районное Земское Управление

Рюжское Волостное Правление

23 июля 1943 г.

Б —

дер. Горелый Дуб

Господину Полковнику Рюжской волости старшина

А... Ф... и А... С... очень благодарны вами за ваших бойцов, отпущенных к нам на работу. Большое благодарствие от всего населения за ваше отношение. И просьба вас продлить срок насколько можно. С приветом к вам

(Две подписи).»

«Господину Полковнику

Господин полковник, ваше указание я вчера получил словестно. Сегодня с утра выйти не могу, потому что до обеда надо отремонтировать два моста. Сенокос в самом разгаре. Сено накосили и надо сушить... Я принял такое решение, что до обеда поработаем, как полагаюсь, а после обеда снимаюсь и держу путь по направлению Кришово, в место расположения. За последние сутки чрезвычайных происшествий не произошло. Ребята работают очень хорошо. Люди очень довольны. Помогаем все тем, в которых домах только одни женщины и дети, беженцы.

23. 7. 43 года.

Л-нт Ф...

«Господину полковнику Кромиади

От имени Волостного старосты Рюжской области
Господин полковник!

Прошу вас по силе возможности, или даже прошу вас с получением этого письма, явиться ко мне, Волостному старосте, в деревню Вальцово. Для того, чтобы отблагодарить вас совместно с вашими бойцами РОА, которые работали у нас в хозяйстве по уборке сенокоса. Ваши бойцы, которые работали у нас, к работе отнеслись добросовестно. А поэтому я без благодарности ваших бойцов отпустить не желаю. И еще раз прошу вас прибыть ко мне. К сему старшина волости

25/VII-43

(Подпись неразборчива).

«Отношение в РОА

От старосты дер. Крапивенка Ядровской волости Ф...

Прошу командование РОА оставить рабочую команду в количестве 4-х человек (следует перечень лиц). Ввиду неблагоприятной погоды и неуправки с работой.

Еще хотя бы числа до 31/VII 1943 года. В чем прошу не отказать.

27/VII 1943 г.

Староста Крапивенки М. Ф...»

«Отношение в РОА

От старосты дер. Крапивенки Ядровской в. Ф... М.

Прошу РОА оставить рабочую команду в количестве четырех человек до 1/VIII ввиду несправившейся работы — сенокоса. В чем прошу не отказать.

28/VIII 1943 г.

Староста Крапивенки М. Ф...»

Вспоминая теперь о событиях того времени, невольно вспоминается древний красавец — Псков. Псков — это подлинная и богатая история: чего только не навидался на своем веку этот город? Расположенный у северо-западной границы России, он не раз вступал в поединок с поляками, шведами, Ливонией; не раз его тяжело ранили и полонили, но он все пережил и так же гордо стоит на левом высоком берегу Великой, у впадения в нее Псковы. Уснувшие в веках полуразрушенные Баторием крепостные стены и сохранившийся поныне Кремль красноречиво говорят о той тяжелой борьбе, которую Псков веками должен был вести, чтобы оградить себя и Россию от вражеского нашествия.

Дореволуционный Псков изобиловал древними и новыми церквями и монастырями. Их там много, очень много, православных и староверческих. Такие шедевры, как Мирошников монастырь (12-го века), Успенский собор (14-го века) или Василий на горке (15-го века) являются древними памятниками не только в смысле религиозном, но и в смысле искусства вообще и культурного развития прошлых поколений русского народа.

Но если бы читатель мог себе представить тот убогий и запущенный вид, в каком пребывают как сам город, так и все его исторические памятники! Варварское обхождение большевиков в Пскове не могло коснуться только красавицы многоводной и быстротечной Великой. Она так же величественна, как и тогда, когда привела первых поселенцев обосноваться у впадения в нее реки Псковы, и основать славный город Псков. Все остальное носит на себе печать

варварского обхождения коммунистов. Улицы и дома грязны и обмызганы; очень много церквей разрушено, другие превращены в склады и автомобильные мастерские, а вышеупомянутые древние храмы закрыты. Мало того, с церковей сняты кресты, а там, где их почему-то не могли содрать, кресты все еще стоят косо и криво, как инвалиды. А с некоторых куполов железные листы сорвались и висят, и в ненастье тоскливо постукивают от порывов ветра.

В центре города, у одной из главных улиц, на пустыре, стоит одинокое обветшалое, грязное, замызганное здание — бывшая церковь (церковь была построена кораблем, с алтарем на восток, а обросший по краям бурьяном пустырь, очевидно, бывший церковный двор). Пошел посмотреть, как она выглядит изнутри: — Кругом грязно, запущено и земля раскатана тяжелыми машинами. А у входа в храм стена проломана и вход увеличен для въезда грузовиков; вместо дверей висят распахнутые, примитивные дощатые ворота. Церковь была превращена в автомобильную мастерскую, но при немцах пустовала. Пол сорван и посреди зияла яма для ремонта машин; стены закоптелые и из под дымной пелены на стенах здесь и там проглядывают стенные иконы с ликами святых. А когда я посмотрел на верх, на купол, пришел в ужас: весь звездный небосвод, посреди которого изображен Господь Саваоф основательно закопчен, но в одном месте устремленно и грозно проглядывает Око Господне. Мне показалось, что это грозное Око с укором смотрит на меня. И я окончательно был задавлен всем тем, что мне пришлось видеть. И мне так захотелось пасть на колени и выкрикнуть: «Нет, Господи, мы Тебя не предавали вандалам на издевательство и поругания. Мы старались, как умели и могли, отстоять наши святыни, нашу Родину, но враг нас одолевал, очевидно, что-то не так делали. Прости нам наши ошибки и наши поражения, научи найти путь ко спасению». Но тут же мне стало стыдно своим мыслям и, перекрестившись, произнес слова молитвы: Да святится имя ТВОЕ! Да будет воля ТВОЯ!

Город от оккупантов почти не пострадал, у базара было разбито два или три дома, но говорят, что при отступлении немцы разорили Псков тоже.

Наряду с городом, хочется сказать несколько слов о псковичах. Псковичи народ традиционный, религиозный и любят свою землю. По дороге из Стремутки в город попадают села с такими нежными названиями: Соловушка, Горушка, Крапивенка. Сколько нежности и любви к своей земле и деревням сказывается в этих названиях! А что

касается религиозности псковичей, то должен заметить, что за всю свою долгую жизнь нигде и никогда не видел такой массы людей молящихся со слезами на глазах, как это имело место в одной из деревень недалеко от Стремутки в июле 43 года. Кроме того, на дороге Стремутка—Псков очень часто встречались религиозные процессии, переносившие иконы из одного села в другое.

Хочу привести один пример:

Как-то в походе мы остановились в одной деревне пообедать и дать людям отдохнуть. От нечего делать наш баянист сел на камень на одном из перекрестков и заиграл. В один миг его окружила сначала детвора, а потом и взрослые. (Впервые я услышал тогда частушки в народном исполнении). Я что-то спросил у одной из женщин, но она ответила, что не знает, не здешняя, а здесь всего восемь годов... Ответ меня подзадорил, и я спросил, почему за восемь лет она не стала здешней? А она и отвечает: они здесь староверы, а я православная. Меня ответ этой женщины поразил — после двадцати с лишним лет «религия опиум для народа», после разгрома церквей и духовенства, после окончательного озверения правящей элиты. Я сделал вид, что не разбираюсь в сказанном, и спросил — а разве это не все равно? Тогда бедная женщина, чтобы объяснить мне, бедному недотепе разницу, сложила три пальца правой руки для крестного знамения, но стоявшая рядом староверка перебила ее, и сделал то же самое, крикнула: «Кто так крестится! Так только котят поднимают». Я был приятно поражен. Так вот о кого разбились железные фаланги коммунистических изуверов! Вот кто, несмотря на страшные гонения коммунистических вандалов, вот этот русский чернозем в холоде и голоде, в тюрьмах и концлагерях свято носит в своем сердце крест, поднятый над Россией Владимиром святым. В его вере каждый из нас может найти не только утешение, но и опору в тяжелых случаях жизни.

В июне Иванов уехал в Берлин и больше не вернулся. А в начале июля ген. Жиленков и Сахаров поехали в Берлин по делам Бригады и тоже не вернулись. А я, не зная, что творится в Берлине и что предпринять самому, единственно, чем мог заполнять жизнь батальона — это общественно-политической работой и небольшими походами по окрестным деревням. Однако, и батальонному составу стала заметной наша неувязка; видно было, что мы никак не

можем перейти от слов к делу. Меня не раз офицеры спрашивали о нашем положении и я по мере возможности должен был стараться не разочаровать их, сохранить в них веру в наше общее начинание.

Но в конце августа из Берлина пришел приказ вернуться и мне. Оказалось, что, раздосадованный поступком Гиля, Штаб ЭСД категорически отказался от разрешения сформировать еще одну русскую бригаду. Тогда генерал Власов приказал вернуть и меня в Берлин и ликвидировать все начинание. Но как мне было это объяснить батальону, если судьба его тесно связана с жизнью и смертью людей? Я сказал им всю правду, но обещал не оставить их и вернуться к ним.

К сожалению, я своего обещания исполнить не мог, но немного позже весь батальон удалось перевести в летные части РОА, к генералу В. И. Мальцеву.

28 августа, перед отъездом на вокзал я обратился к батальону с прощальной речью, после чего обошел роты и направился к машине, но она уже была облеплена людьми с протянутыми руками: одни высказывали последние слова прощания, другие желали скорейшего возвращения. Так, с облепленной машиной, без заведенного мотора, все вместе спустились к мосту, а там одиноко стояли две наши учительницы и плакали. Я вышел из машины, с тяжелым сердцем попрощался с этими прелестными девушками и поехал на вокзал.

Так кончилась наша псковская эпопея. Нам не удалось сформировать обещанной нам Бригады РОА, но Гвардейский батальон РОА тогда не только на словах, но и на деле распространил идею освободительной борьбы весьма широко и с большим успехом. Я бы сказал, что он свою миссию исполнил и словом и делом.

1 сентября вечером я приехал в Берлин. Там меня ждали. По прибытии домой жена дала мне номер телефона, куда я должен был позвонить. Оказалось, что это был номер телефона штаба ген. Власова, куда генерал пригласил меня с женой. (До того я не имел чести видеть генерала Власова, хотя и состоял в его организации). Пришлось ехать, как говорят, с корабля на бал. Оказалось, что это был день рождения генерала, и гостиняя его была полна русскими и немецкими офицерами. Генерал нас встретил, как гостеприимный хозяин встречает старых знакомых.

В эту ночь ген. Власов отозвал меня в сторону и наедине сказал: «Полковник, я о вас все знаю, и больше мне нечего знать. Я вызвал вас спросить — хотите со мною работать

или нет?» Не задумываясь, я ответил: «Господин генерал, спасибо за честь и доверие.» Генерал поблагодарил за ответ и с того дня пригласил меня ежедневно бывать в штабе. Собственно говоря, со следующего дня и началась фактически моя работа в штабе ген. А. А. Власова.

В ШТАБЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. А. ВЛАСОВА

2-го сентября, по приглашению генерала Власова, я стал работать в его штабе. Здесь мне все было ново и незнакомо. Генерал был ко мне очень внимателен, но состоял я при штабе внештатным, т. е. у меня не было определенной должности, я только пока знакомился с делами штаба, и очевидно генерал изучал нового подчиненного.

Размещался штаб в Берлин-Далеме, на Кибитцвег 9, в небольшой уютной вилле, окруженной садом. Ко времени моего прибытия туда, там, помимо самого Власова, жили еще генерал-майор Василий Федорович Малышкин, помощник Власова, полковник В. Кравченко — комендант штаба, майор А. Калугин — начальник личной канцелярии, капитан Р. Антонов — адъютант генерала, лейтенант В. Мельников, заведовавший хозяйством, и шесть солдат — обслуживающий персонал. Помимо вышеупомянутых лиц, к штабу относился еще офицер связи Сергей Борисович Фрелих, но он жил на соседней вилле. Немного позже поступил Виктор Ресслер. Весь штабной персонал находился на довольствии при школе пропагандистов в Дабендорфе (Остпропаганда-Абтейлунг). Каждое утро оттуда присылалось в Далем на генеральскую кухню определенное количество пайков; готовил солдат-повар, и довольствовались все из общего котла — офицеры за генеральским столом, солдаты у себя внизу.

Помимо продовольствия, генералы получали еще по 70 марок карманных денег, а остальные офицеры по 30. Короче говоря, условия жизни на вилле были скромнее скромного, но атмосфера царила там прекрасная — точно жила одна семья, строго соблюдавшая субординацию и воинскую дисциплину. Каждый старательно выполнял свои обязанности, как будто от его прилежания зависел успех всего начинания. Сам Власов в повседневные дела штаба не вмешивался, к своим подчиненным относился строго, но справедливо. При всем том чувствовалось, что офицеры и солдаты его не только уважают, но и любят.

Признаться, и на меня самого Власов произвел внушительное впечатление: высокий, стройный, мужественный, с

крупными чертами лица и добрым выразительным взглядом из под толстых стекол очков. Среди присутствующих он выделялся не только своим высоким ростом, но и полувоенной формой без всяких знаков различия. Он встретил меня с женой с улыбкой гостеприимного хозяина, хотя мы виделись с ним впервые. А когда поприветствовал нас своим густым басом, так гармонировавшим с его внешностью, он нас совсем очаровал. Вот как, подумал я, выглядит знаменитый Власов, спаситель Москвы, имя которого в конце 41-го и в начале 42-го года не сходило со страниц газет воевавших стран. Тогда генерал Власов не только первым отбил атаку немцев на Москву и тем самым способствовал контр-атаке других армий, оборонявших столицу, но нанес немцам тяжелое поражение, отогнал их до Волоколамска и уничтожил миф о непобедимости немцев. Я бы сказал, что в психологическом отношении эта подмосковная победа послужила поворотным пунктом в дальнейшем ходе войны. Психологический капитал, в смысле сознания немцев своего превосходства над врагом, приобретенный ими в связи с головокружительными успехами в начале войны, в боях под Москвой окончательно иссяк, и это положение вещей первым доказал Власов.

Однако в первый же день, когда меня пригласили к столу обедать я почувствовал себя неловко среди всех этих незнакомых лиц, за счет пайков которых я должен был питаться, ибо еще не был зачислен на довольствие. Видимо, генерал заметил мое состояние, и обратившись ко мне, самым серьезным образом сказал: «Полковник, жаль, что вчера не приехали к нам. Вчера мы ели гуся». Я не знал, как реагировать, но заметив улыбки на лицах обедавших, понял, что он шутит, и в тон ему ответил: «Надеюсь, господин генерал, что гуся будем есть и впредь». От шутки у меня немного отлегло на душе. Я понял, что Власов заметил мое состояние и хотел рассеять мое смущение. Потом мне представилось немало случаев убедиться в моей правоте и в том, что Власов был тонким психологом и очень редко ошибался в людях. Он был очень прост в обращении с ними, любил шутить даже в серьезных случаях. Но, шутил ли он или говорил серьезно, всегда чувствовалось, что говорит человек большой эрудиции, знающий, что говорит, и что с ним надо быть начеку.

Власов обладал незаурядным даром речи, говорил просто и доходчиво, и знал хорошо историю России, нравы и обычаи народов, часто в своих выступлениях пользовался

примерами исторического и бытового порядка, что делало его речь красочной и убедительной.

Удивительно во Власове было и то, что хотя революция застала его совсем молодым человеком, и весь зрелый период жизни он провел в Советском Союзе, в условиях торжества материализма и нигилизма, он остался глубоко идейным и верующим человеком. Ведь он в Советском Союзе сделал большую военную карьеру и мог, как и другие, попавшие в плен генералы, сидеть в лагере и ждать возвращения домой к семье. Но нет, он ставит на карту и карьеру, и семью, и жизнь. Как подстреленный орел все еще взмахивает крыльями, пытаясь взмыть в небеса, так и плененный Власов во вражеской стране при самых невероятных тяжелых условиях пытается выполнить заветную мечту своего народа — избавиться от коммунистического ига. При этом, отзывчивый и гуманный в обращении с окружающими, он и к врагам своим относится гуманно. Никакой мести! — пишет он в Манифесте. Пусть каждый виновный за деяния свои отвечает перед законом — говорил он. И дальше: «Если нам суждено будет вернуться домой, то вернемся не в роли карающего меча, а в роли помощников народа и успокоителей страны. Там и без нас кровь проливаться будет на почве сведения личных счетов, и наш долг — постараться по возможности это кровопролитие прекратить».

Что касается его религиозных убеждений, должен заметить, что он бесспорно был человеком верующим, но об этом позднее. Как было уже сказано, Власов знал и любил старые русские народные и войсковые нравы, традиции, порядки, и в своих беседах часто упоминал их. Мало того, несмотря на его генеральский чин, в нем сохранилось много деревенского, в лучшем смысле этого слова. Он и генералом продолжал считать себя жителем села Ломакино, и с увлечением рассказывал разные эпизоды из его юных лет в деревне. В нем глубоко коренились понятия честности, гуманности, любви к ближнему — эти ценнейшие духовные качества простых деревенских людей, еще не испорченных гордским вольнодумством и нигилизмом. В то же время, в нем отсутствовали жестокость и самодурство, — отличительные черты характера многих советских вельмож, вышедших из низов, которые на путях революционной борьбы крошили, кого могли, во имя захвата и укрепления своей власти. Я бы сказал, что в отличие от революционной накипи, Власов остался в полном смысле слова человеком, обладавшим чувством любви и сострадания. Зная хорошо историю России, он глубоко скорбел за свой

народ, на долю которого выпала такая тяжелая судьба. Он и в революции принял участие, потому что думал, что она изменит жизнь народа к лучшему, и когда окончательно убедился в том, что коммунисты народ обманули, что они использовали революцию в своих партийных целях, и загнали народ в кабалу, решил подняться на борьбу против их тиранической власти. При этом он не раз говорил:

«Меня лично советская власть ничем не обидела. Я сын крестьянина и дослужился до чина генерал-лейтенанта и заместителя командующего фронтом. Чего мне больше желать? Я выступил против коммунистической диктатуры во имя раскрепощения моей родины и освобождения моего народа от тирании диктаторов. Вот уже четверть века на нашей Родине строится коммунизм. Строители имели в своем распоряжении все, что им нужно было: громадное государство со стасемидесятимиллионным населением и неисчерпаемыми материальными, техническими и духовными богатствами, действовали в условиях безграничной власти, и не считаясь с издержками, а построить его так и не смогли. На пути построения коммунизма, коммунисты разрушили все, что им мешало, разрушили веками выработанный уклад жизни прошлых поколений народов России, обездолили людей и превратили их в жалких и нищих рабов, а коммунизма своего построить не могут. Сколько жертв принесено этому чудовищу, а он никак не образуется. Сколько жертв было принесено этому страшному Молоху, а он чем дальше, тем больше идейно выхолащивается, и на сегодня ни один человек здравого ума не верит в практическое осуществление коммунизма.»

В то же время Власов никогда не выступал в роли какого-то партийного профессионального политика, заранее разрешившего все проблемы народной жизни. Его программу-минимум нужно объяснить всего лишь, как веки, определяющие направленность антикоммунистической борьбы. Это положение вытекало из его принципа непредрешенчества. По его мнению, право на окончательное решение при любых условиях должно принадлежать народу. Наша же задача в предстоящей борьбе сводится к помощи народу избавиться от диктаторов и дать ему возможность организовать свою жизнь, как он сам находит нужным, а не как велят ему сверху. Из этой концепции и вытекало его непредрешенчество, как и его скептицизм к зарубежным законченным политическим программам. По его мнению, в нашем положении на чужбине законченные социально-экономические рецепты значительно осложняют и без того сложную нашу задачу и

затрудняют борьбу. В то же время, подходя к антикоммунистической борьбе с большой осторожностью, Власов говорил:

«В Советском Союзе не все плохо, есть и хорошее, к которому мы обязаны отнестись бережно. Так, например, фабрики, заводы, школы и так далее. Их строили в условиях нищеты и голода народа, в них содержатся последние куски хлеба, вырванные властью у голодных людей, и потому к ним нужно отнестись бережнее, чем ко всему тому, что люди покупают и строят на деньги».

Мне очень интересно было слушать мнение такого незаурядного человека, как генерал Власов, тем более, что он говорил и захватывающе, и убедительно, и объективно. Вскоре я сам стал объектом его беседы.

Как то после обеда генерал пригласил меня в гостиную, куда перед этим удалились генерал Малышкин и генерал Иван Алексеевич Благовещенский. Почему то мне это приглашение показалось не случайным и я насторожился: похоже на «смотрины». Видимо, генералы решили познакомиться со мною поближе, имея на то все основания: нас разделяла гражданская война со всеми вытекавшими из нее последствиями, как и двадцатипятилетнее пребывание в двух взаимно-враждебных лагерях. Я не ошибся. Беседа началась без предисловия. Исходя из моей принадлежности к старой эмиграции, генералы считали меня носителем наших старых дореволюционных идей и понятий, и поэтому высказали свое критическое отношение к старо-эмигрантским монархическим убеждениям, считая их несвоевременными. При этом сами же пояснили, что в Советском Союзе народ живет на много хуже, чем в дореволюционной России, однако большевики за минувшие годы сумели внушить молодому поколению самое превратное представление о монархическом периоде, и потому, если эмиграция желает продолжать вести и дальше антикоммунистическую борьбу, она должна говорить с молодежью той стороны, в руках которой находятся пушки и пулеметы, языком, понятным этой молодежи. Короче говоря, эмиграция должна исходить из позиций сегодняшней реальной обстановки. Как бы к революции ни относиться, но она была и жизнь народа во многом изменилась.

Отвечая на затронутые вопросы, я должен был указать на то, что у всех нас светлое представление о родине сохранилось от старой дореволюционной России, ибо со времени Временного правительства Россия ничего хорошего не дала, или не успела дать, а от России коммунистического

периода они же сами ушли. С какими же понятиями и идеями мы должны были десятками лет жить вдаль от родины, среди чужих народов, как не с теми, в каких воспитали нас наши отцы и деды? Без этого старая эмиграция давно рассосалась бы среди чужих народов и культур. Правда, со времени нашего ухода прошло много времени, на родине произошли большие перемены, у людей возникли новые взгляды на жизнь, но ведь и эмиграция тоже никому не собирается навязывать свои взгляды и убеждения.

Что касается второго заданного мне вопроса — отношения старой эмиграции к новой, в частности, к ним самим — то должен был заметить, что старая эмиграция всегда делала разницу между властью и народом, и смотрела на них, как на палача и его жертву. Пребывая на чужбине она продолжала в доступных ей рамках вести антикоммунистическую борьбу во имя раскрепощения страны, видя в ней смысл своего изгнания. Что же касается отношения к новой, то хотя старая эмиграция в борьбе против коммунистической диктатуры оружия не сложила, но ряды ее сильно состарились и поредели. Поэтому каждого из них, кто решил подняться на борьбу против коммунистов, она может только приветствовать, однако при условии, что он выступит как русский генерал, а не как советский.

Много позже организация молодых власовцев выпустила по этому поводу прекрасный лозунг: «На смену павшим, в борьбе уставшим, мы идем!» (СБОНР — Союз Борьбы за Освобождение Народов России).

Такова, в основном, была беседа генералов со мною, и я думаю, что она произвела на Власова положительное впечатление, если он включил меня в свое окружение, а он в этом отношении был очень разборчив.

После этой беседы Власов поручил мне ознакомиться с имевшимися в его канцелярии программами эмигрантских политических организаций и с предложениями отдельных лиц. Видимо, несмотря на то, что его собственные политические взгляды сложились в условиях жизни народа на той стороне, несмотря на то, что они вытекали из вопиющих нужд и забот народа под коммунистической диктатурой, он интересовался и политическими взглядами старой эмиграции. Эти мои соображения впоследствии оправдались, когда генерал вел переговоры с представителями старой эмиграции. Тогда стало ясно, что он очень хорошо разбирался в эмигрантских политических течениях.. Не в пример многим другим советским генералам и политическим деятелям, считавшим старую эмиграцию отработанным

паром революции, Власов придавал ей большое значение. В предстоящей антикоммунистической борьбе он отводил ей место, как носительнице старых традиций русского народа и его моральных устоев, культурных и религиозных идей, попорченных коммунистами. В его представлении старая эмиграция должна была служить связующим звеном между прошлой исторической Россией и теперешней. К тому же привлечение старой эмиграции на борьбу против большевиков вместе с новой означало использование всех наших возможностей, ибо практически в общем деле обе эмиграции дополняли друг друга.

В связи с вышеизложенным, обращаясь к старой эмиграции, Власов говорил: «Во время гражданской войны мы воевали друг против друга, но тогда каждый из нас защищал свою правду, как он ее понимал. В результате вы войну проиграли и вынуждены были покинуть родину, а мы ее хотя и выиграли, но очутились в положении не лучше вашего. Коммунисты обманули нас и захватив власть, утвердили над нами свою невыносимую диктатуру. Иначе говоря, и белые, и красные одинаково гражданскую войну проиграли. Давайте забудем прошлые обиды, и как братья, как дети одной матери пойдем освобождать наш народ от постигшего его несчастья. Нам делить нечего — прошлое России наше, настоящее России тоже наше и будущее России тоже должно быть наше.» Но тут же, чтобы его правильно поняли, он говорил: «Поймите меня правильно, история вспять не идет. Не за реставрацию и возвращение старых порядков мы идем; мы боремся за народные права, завоеванные февральской революцией и отнятые коммунистами в октябре, мы боремся за лучшее будущее нашего народа. Конечно, к тому времени февральская революция тоже стала явлением большой исторической давности, но тогда она была признана всеми, исключая коммунистов, которые покинули Государственную Думу после того, как оказались в значительном меньшинстве. Короче говоря, достижения февральской революции должны служить вехами для политической направленности всего начинания.»

Из этой его концепции вытекало и то, что в Освободительном Движении могли принять участие граждане бывшей Российской империи, все без различия политических и национальных интересов, исключая тех, кто продолжает оставаться на коммунистических позициях.

Таковы в основном были черты характера генерала Власова и таковы были его взгляды на Освободительное Дви-

жение Народов России, которое он задался целью организовать.

Примерно через две недели после моего пребывания в штабе генерал назначил меня на освободившуюся должность коменданта штаба. Казалось, с этого же дня я должен был быть зачисленным в штат и на все виды довольствия. Но штаб командующего войсками восточных областей, которому подчинялась и наша дабендорфская школа, почему-то молчал. Сначала я не обратил на это внимания, но со временем стал беспокоиться; положение стало нетерпимым. Питался я в штабе за счет чужих пайков, что меня крайне стесняло, а помимо того, у меня была семья, которую не на что было содержать. Прошел томительный месяц без результатов.

Видя мои затруднения, генерал предложил мне помочь лично, но я разумеется должен был поблагодарить его и отказаться, ибо и он сам получал гроши. Не видя выхода, я вынужден был просить генерала отпустить меня, но к счастью при этом разговоре присутствовал ротмистр Деллингсхаузен, который посоветовал мне поступить в какую-нибудь немецкую воинскую часть, а оттуда Дабендорфу будет легко устроить мой перевод в школу пропагандистов.

Итак, попросившись со штабом, я пошел в Оберкоммандо дер Вермахт (ОКВ) наниматься переводчиком. Там сначала и разговаривать со мной не хотели, но я попросил справиться у них же обо мне. (В 1942 году я работал по формированию РННА, а в 1943 — РОА). В результате согласились принять меня переводчиком для отправки на фронт (по требованию Гитлера еще в 42-м году старых эмигрантов-переводчиков уволили, но нужда в них от этого еще больше возросла). Однако сразу после моего ухода туда позвонил Деллингсхаузен с просьбой назначить меня в Остпропаганда-Абтейлунг, что и было сделано. Итак, я опять вернулся на свое место коменданта, но официально числился переводчиком и получал небольшое жалование. Когда же Власов стал Главнокомандующим и приступил к формированию КОНР-а и РОА, он вызвал заведующего финансовым управлением профессора Андреева и приказал ему выплатить мне за все время моей службы разницу между тем, что я получал и тем, что мне следовало получать по должности.

Прошу читателей извинить меня за столь сугубо част-

ный вопрос, но я вынужден был это сделать, ибо с одной стороны он является характерным для того времени, а с другой стороны он вносит ясность в мое положение при штабе, что для меня очень важно.

ВЛАСОВ О СЕБЕ

В прошлой главе я упомянул, что Андрей Андреевич в своих беседах часто вспоминал прошлое, свою деревню и юность. Как-то вечером, когда молодежь разошлась и мы с ним остались одни, разговор зашел о возникновении революции в Петрограде в 1917 году. В связи с этим, Власов стал вспоминать, как революция пришла к ним в деревню: Февральская революция, сказал он, почти во всей периферии выявилась безвластием, хаосом, и потом только организовалась власть на местах. Временное правительство так и не сумело освоить периферию и укрепить ее за собою. Время междувластия затянулось и в дело включились коммунистические агитаторы и своими анархическими демагогическими призывами, как и щедрыми обещаниями перехватили настроения народных низов. Так например у нас в Ломакино, как и в соседних селах, с падением власти царской администрации, настало безвластие. Делами в деревне занялись местные старики, выбрав из своей среды старосту. И все шло хорошо, пока в деревню не прибыли большевистские агенты, которые стали науськивать народ на разные непристойности. Как-то крестьяне собрались на сходку, а в управлении, в красном углу, икона Спасителя заменена портретом Маркса. Старики один за другим входили, и не заметив перемены, сняв шапки, крестились на Маркса. Наконец приходит один запоздалый и тоже сняв шапку, покрыл себя крестным знаменем, а присутствующие ему говорят, чтобы он посмотрел, куда крестится. Пришедший, увидев в углу портрет Маркса, сначала остолбенел, потом, увидев в стороне икону, водворил ее на старое место. И тут выявился зачинщик, который до того молчал, и молча заменил икону Марксом. Так продолжалось несколько раз. Маркс заменял икону, и икона Маркса, пока в дело не вмешались присутствовавшие, и отдав дань времени, оставили в красном углу красоваться Марксу. Это было начало, отсюда и пошло... Недалеко от нас было имение помещицы. Вдова-помещица была женщина добрая и отзывчивая и не раз помогала нашей сельской общине. Однако с началом революции она с дочерью уехала в Москву. И тут в дело вмешались при-

шельцы-вожаки. Они подбили деревенскую молодежь, по принципу грабь награбленное! — конфисковать имущество помещицы. Сказано — сделано. Привезли награбленное имущество в деревню поделить поровну между крестьянами, чтобы никого не обидеть, и всех сделать соучастниками, на всякий случай. А мужики, чтобы не быть причастными к ограблению, чуть свет запирали свои дома, уходили в поле и возвращались поздно вечером. Тогда парни еще с ночи поставили пикеты на дорогах и силой возвращали крестьян в деревню получить свою долю и только после этого разрешали выехать в поле. Так началось разложение деревни в семнадцатом году.

Весь этот рассказ, переданный местами в ироническом тоне, побудил меня дерзнуть спросить у А. А., что толкнуло его выступить против власти коммунистов, когда все другие советские генералы продолжают молча сидеть в лагерях? И Андрей Андреевич, многозначительно улыбнувшись, спросил: «Вы говорили, что вы родом из деревни?» — Да, из очень бедной маленькой деревни в горах Закавказья — ответил я. «Я тоже из деревни и из очень бедной многодетной семьи — сказал он. — До семнадцатого года я революционными делами не интересовался, но когда революция настала, я ее поддержал и поддержал не только во имя интересов моих, нашей семьи, но и всех таких обиженных, как мы. И я вступил в Красную гвардию. Когда кончилась гражданская война и меня оставили в постоянном составе, военная служба пришлась мне по душе и я с головой окунулся в армейские дела. Прошло несколько лет, я подвинулся вперед по службе и поехал к родным в деревню в отпуск. Жизнь в деревне выглядела хуже, чем раньше, да и мои сверстники, с которыми вместе росли и играли, теперь избегают встречи со мною, а встретимся случайно, разговаривают со мной неохотно. Даже в прошлом любимая девушка, которой мечтал показаться в офицерской форме, и та стала меня избегать, правда, она была уже замужем. Я поговорил с отцом, а он всегда был человеком правых убеждений, и говорит: потому что ты теперь с ними. Я спрашиваю: с кем — с ними? — С теми, кто у нас хлеб отнимают. Обиженный и огорченный я вернулся из деревни и окунулся в свои дела. Военное дело было моим увлечением и моей стихией; я знал и чувствовал, что кругом творится не то, что нужно, но был уверен, что когда армия окончательно станет на ноги, она все выравнит. Ведь не для того, что получилось, делали революцию. И вдруг неожиданно вспыхнуло дело Тухачевского. Сначала арестовали и расстреляли его,

а потом покончил с собой Гамарник и пошло и пошло. Каждый из нас чувствовал над головою Дамоклов меч и никто не знал, что делать. До того жили обособленно бирюками и к таким событиям не были подготовлены. На мое счастье, в 38-м году меня откомандировали в Китай, в распоряжение нашего военного советника при Чан Кай-ши Черепанова. Очень скоро по моем прибытии туда, Черепанова отозвали и расстреляли, и я заменил его, а перед началом войны нас отозвали домой и я узнал, что целый ряд моих знакомых и друзей — командиров уже расстреляли. Расстреляли людей, которые никак не могли принимать участия в подпольных организациях, да их и не было. Так, например, арестовали моего приятеля Костю Рокосовского и в тюрьме сломали ему несколько ребер и выбили ряд зубов, а он ни в каких организациях не участвовал. С этого момента я Сталина и его режим возненавидел, но началась война, и мне, как и другим, было не до Сталина. Тем более, что она началась тяжело для нас.

(Позже, когда речь зашла о деле Тухачевского, Андрей Андреевич сказал, что это дело не имело никакого правдоподобного основания. Придумано оно было нацистами (Гейдрих), и использовано Сталиным. Но какова бы ни была роль в этом деле Гейдриха и Бенеша, Сталину оно пришлось по душе и подоспело во-время. Дело было в том, что к 37-му году Красная Армия уже достаточно окрепла и приобрела солидные кадры, которые стали опасными для сталинского произвола и ему нужно было эту опасность отстранить, как он до того сделал с партийными кадрами, убрав всю ленинскую гвардию. Что касается Тухачевского, то он хотя и имел большое влияние в армии, но не пользовался ни всеобщим доверием, ни любовью; одни командиры ему завидовали, другие его боялись и все вместе его не любили, как заносчивого царского гвардейца, смотревшего на всех свысока).

— Однако, — продолжал Власов, — как бы я ни относился к Сталину и его режиму, война захлестнула нас и я боролся за Родину, я боролся против вражеского нашествия на нее. С самого начала войны, когда немцы нанесли нам сокрушительный удар, мой танковый корпус из боев не выходил, мы отходили в полном порядке из Галиции до Киева. В Киеве мне пришлось принять на себя оборону города, и я покинул его через полтора месяца по приказу Сталина, при этом прорвал немецкое окружение и вывел свои войска. Эта моя работа была отмечена Сталиным, и перед наступлением немцев на Москву он пригласил меня принять участие на совещании по обороне столицы. Он же назначил меня

командующим 20-й армией и приказал отвести мне самый тяжелый сектор обороны, где ожидался главный удар немцев. Вот почему, когда в боях за Москву мне удалось первому не только отбить атаку немцев, но и нанести им серьезное поражение, и тем самым нарушить миф о непобедимости немцев, я был счастлив, я был окрылен успехом. Эта победа над немцами тогда ясно показала, что немцы весь свой моральный капитал, в смысле уверенности в своей непобедимости, уже растратили, и чаша весов начинает клониться на сторону Красной Армии.

— К сожалению, меня по приказу Сталина сняли с командования 20-й армией, и на аэроплане забросили в осажденную 2-ую Ударную армию спасти положение. Она должна была прорваться на помощь Ленинграду, но застряла на Волхове в болотах и крепко окружена немцами. Но спасти 2-ую ударную нельзя было, там люди опухли от голода и большинство болело цынгой. И тем не менее, мы узкий прорыв к своим проложили, но подоспевшие немецкие части нас задавили. Я со своим штабом две недели бродил по лесам, стараясь выбраться к своим, но меня немцы разыскивали, да и выдал меня русский крестьянин, к которому я зашел просить хлеба. Переживал я свое пленение очень тяжело, никак не мог мириться с положением пленного.

— Командующий 19-й немецкой армией, генерал Линдемманн, мой фронтовой противник, к которому меня привезли, встретил меня очень приветливо и дружелюбно. Как будто я у него был не пленным, а гостем. Оттуда меня отправили в особый лагерь в Виннице. Там тоже комендант отнесся предупредительно, отвел мне отдельную комнату и терпимые условия жизни. И тем не менее тоска одолевала, тяжело переживались тоска по родине, оторванность от семьи, от дела, испорченность карьеры. Точно военный ураган, потрепав меня основательно, выбросил за борт, вдали от всего, что раньше связывало меня с жизнью. В лагере меня стал посещать командир 41-ой советской дивизии, полковник Владимир Ильич Боярский. Боярского я знал по армии, но теперь нас сблизила общая судьба, мы горевали вместе.

«В числе пережитых мною неприятностей тогда немалую роль играли и посетители из немцев. Они не всегда бывали достаточно тактичными, и вольно, а то и невольно задевали или мое самолюбие или же мои национальные чувства. Я настроился против незваных посетителей.

Как-то, без стука, открывается дверь и в комнату входят два военных. Я сидел на койке. Я точно их не заметил и продолжаю сидеть. Подходят ко мне вплотную, я продол-

жаю сидеть и не смотрю в их сторону. Наконец, один из них обращается ко мне по-русски: — Майор спрашивает, почему вы не встаете? — Я ответил, что если этот господин действительно майор, он должен был знать, что хотя я и пленный, а все же генерал-лейтенант и командующий армией и он не мог позволить себе войти ко мне без стука. После этого я наотрез отказался говорить с майором, и меня оставили в покое. Скоро после этого случая меня посетил немецкий капитан. Я опять насторожился. Но капитан заговорил со мною по-русски и по-дружески, как свой. Он мне понравился. К тому же он оказался бывшим офицером русской царской армии, чем вызвал к себе мое доверие и благорасположение. Капитан этот был Вильфрид Карлович Штрикфельдт, бывший уроженец Петербурга, который после революции и гражданской войны, в которой принимал активное участие на стороне белых, приехал в Германию, принял германское подданство, но продолжал нежно и тепло любить Россию. Визиты Штрикфельдта ко мне участились и взаимоотношения наши приняли дружеский характер. Честный, умный и глубоко идейный В. К. был совершенно откровенен со мною и поставил меня в известность о том, что наша встреча не была случайной, что его направили ко мне из штаба ОКХ (Оберкомmando дес Хеерес), что как там, так и во многих других штабах германских частей есть ведущие командиры, не разделяющие агрессивных планов Гитлера по отношению к России. Таковые считают его восточную политику не только жестокой и аморальной, но и утопической, и что она неминуемо должна привести самую Германию к катастрофе. Эти люди ищут сближения с национальной Россией и готовы сотрудничать с нею.

Я относился отрицательно к тем пленным, которые, вырвавшись от большевиков, очертя голову пошли служить немцам, не зная, за что, и считал это явление естественным порождением тиранического образа правления большевиков. Тут никого укорять не приходится, да и бесполезно. Однако новая историческая информация показалась мне самому многообещающей. Зная общее положение дел на той стороне линии фронта, народные настроения и противостественный союз капиталистов с коммунистами, и в какой-то мере познакомившись с закулисными делами и на этой стороне, я пришел к заключению, что обстановка войны по обе стороны линии фронта чревата большими осложнениями и они уже начинают давать себя чувствовать. Тогда уже стало ясно, что с концом войны международное положение не только не уяснится, но осложнится еще больше. Уже не было

сомнения в том, что в огне войны Гитлер со своими нацистами сгорят, но откроется широкая свободная дорога для коммунистической агрессии на Запад. А это значит — России освободиться от коммунистов не удастся. В этом заколдованном круге одно было отрадно — это то, что ответственные круги немецкого командования не строят себе иллюзий и настойчиво требуют изменения восточной политики Гитлера, как и целей войны. Для нас это — единственный проблеск. А так как победа заметно склоняется в сторону союзников, то Гитлеру ничего не остается делать, как уступить генералитету. Наши беседы с В. К. участились, и я знал, что состав оппозиции довольно солидный, что к нему относятся весьма квалифицированные ответственные работники армейских штабов, а также и других видов оружия, как и дипломаты и финансисты. Оставалось самое трудное — уломать фюрера.

Под впечатлением этих для меня новых данных, я вызвал к себе Боярского, обсудить с ним представшую перед нами обстановку, и мы пришли к следующим выводам:

1) Антикоммунистическая борьба в России возникла и продолжается со дня захвата власти в стране коммунистами, но справиться с ними народ не смог, и очевидно, и в будущем не сможет без посторонней помощи;

2) При сложившихся обстоятельствах, когда весь мир включился в войну, этой помощи ждать не от кого, кроме как от германского оппозиционного движения, которое, как и мы, ищет пути спасения своей родины от катастрофы. И совместное с ним выступление может спасти Германию от разгрома, но и Россию спасет и от Сталина и от гитлеровских посягательств;

3) Нужно принять к сведению то, что компартия, утвердившая свою власть над Россией, во время войны изрядно потрепалась и аппарат ее нарушен, а народ в миллионных масштабах получил оружие в руки, что в другое время недосягаемо;

4) На оккупированной зоне осталось еще около 60 миллионов населения, и около 4 миллионов пленных пребывает в германских лагерях. Ко всему этому контингенту нужно прибавить и 5 миллионов восточных рабочих. Все эти люди ненавидят коммунистическую власть и могут служить ядром будущего свободного российского государства;

5) КПСС за время своего существования успела опутать весь земной шар своими авангардами (компартиями всех народов мира), и пользуется ими в своих целях. К тому же эта война приведет ее в самое сердце Европы, из чего англо-

американцы должны будут сделать свои выводы;

б) Не исключается и то, что англо-американцы, оказавшиеся на одной стороне линии фронта вместе со своим потенциальным врагом — коммунистами, в конце войны, покончив с Гитлером, предпримут кое-какие профилактические меры против коммунистической агрессии.

Таковы были тогда основные вопросы, представшие перед нами, и из которых надо было исходить. Однако шла жестокая война и решиться на открытое выступление было трудно. Мысли чередовались одна за другой и упирались в тупик, война все заслоняла собою. Оглядываясь назад, я силялся представить себе прошлое, а оно рисовалось мне в различных проявлениях коаппарата со всеми его атрибутами, оно полностью заслонило и обезличило народ, как таковой. Но все эти мои переживания побледнели, когда меня вывели из лагеря и повезли по городам и селам Германии показать, как живут их рабочие и крестьяне. И то, что я там увидел, меня потрясло. Меня поразили зажиточность и благосостояние крестьян, как и прекрасные условия жизни и работы рабочих. Мне стало больно за наших рабочих и крестьян, которые ведут жалкий нищенский образ жизни, а работают, как рабы. Мало того, партийные органы в течение четверти века систематически ищут какие-то новые формы работы, или какой-нибудь подходящий повод, чтобы с этих несчастных нищих снять еще добавочную шкуру. Тут я ясно представил себе всю глубину нашего падения и степень наглой и лживой саморекламы большевиков. С этого дня я пришел к решению, что дальше терпеть это рабство нельзя, нужно что-то предпринять, но что???

В начале августа 42-го года за подписью моей и Боярско-го мы написали германскому Главнокомандованию предложение сформировать на оккупированной зоне русское правительство и освободительную армию, которые вместе с немцами боролись бы против коммунистов. Ответа на наше предложение не поступило, но после этого германские закулисные круги, разделявшие наши идеи, развили бешеную деятельность в смысле оказания давления на Гитлера и его окружение, и сдвинуть дело с мертвой точки.

(Об этой работе оппозиционеров обстоятельно написали В. К. Штрик-Штрикфельдт в своей книге «Против Сталина и Гитлера», и Свен Стеенберг в своей книге «Власов». Обе эти прекрасно и обстоятельно написанные книги бесспорно послужат историческим справочником о периоде тогдашнего нашего лихолетья. — Прим. К. К.).

Таков, в основных чертах был рассказ покойного Андрея Андреевича о том, что во время минувшей войны привело его выступить против Сталина и его режима.

Здесь я вынужден сделать две оговорки:

1) Все, что я говорю от имени генерал-лейтенанта Власова, я передаю в своей интерпретации, но стараюсь по возможности точнее передать его взгляды, мысли и идеи;

2) Все, что я привел в отношении характеристики генерала, сложилось у меня постепенно, в течение двух с лишним лет работы под его непосредственным руководством, после многих бесед и долгих наблюдений в условиях частной и деловой жизни. Позволил же я себе забежать вперед для того, чтобы читатель заранее составил себе представление о человеке, имя которого стало знаменем русской освободительной борьбы времен Второй мировой войны, тем более, что борьба эта — один из этапов российского лихолетья, ибо в ней участвовало больше миллиона советских граждан на добровольных началах.

Конечно, одними этими данными характеристика Власова в полной мере не обрисовывается, но я надеюсь в какой-то мере дополнить этот пробел в дальнейшем своем изложении.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ МАЛЫШКИН

Вторым лицом в штабе был помощник Власова генерал-майор Василий Федорович Малышкин. Генерал Малышкин родом с Дона и в прошлом офицер царской армии. Революция застала его молодым подпоручиком. После развала старой армии, он примкнул к большевикам и в рядах Красной Гвардии проделал гражданскую войну. Когда же гражданская война окончилась, и Красная Армия была реорганизована, Малышкин был оставлен в постоянном составе, а в дальнейшем поступил в Военную Академию, окончил ее блестяще и пошел служить по штабной линии. Служба его шла довольно успешно. К 37-му году он дослужился до начальника штаба Сибирского военного округа, но в это время вспыхнули события, связанные с делом Тухачевского. Сначала арестовали и расстреляли начальника военного округа Великанова, а потом арестовали и посадили в тюрьму и Малышкина.

В тюрьме, после допросов, Малышкина не раз приносили в камеру на руках, без сознания, но он упорно отказывался подписать протоколы следователей.

Так он сидел до нападения Гитлера на Советский Союз. А тогда перепуганное советское правительство распорядилось выпустить из тюрем недострелянных арестованных командиров. Выпустили и Василия Федоровича на свободу, послали его в санаторию подправить расшатанное здоровье и зачислили в строй. После тюрьмы В. Ф. начал службу в должности начальника штаба 19-ой советской армии, с которой вышел на фронт. А в 42-м году эта армия под Вязьмой целиком попала в плен.

Читатель легко может себе представить отношение В. Малышкина к Сталину и его режиму, к его клике. В 1918-м году он, будучи студентом и подпоручиком царской армии пошел к большевикам во имя права и справедливости, во имя улучшения условий жизни народной бедноты, а на деле оказалось, что он помог узурпаторам скрутить все слои народа в бараний рог, уничтожить десятки миллионов ни в чем не повинных людей, а также оскорбить и обесчестить свое собственное человеческое достоинство. Сказать, что он их терпеть не мог, было бы мало, он их презирал, как людей и как правителей ненавидел, и говорил о них, как о губителях России. По нему видно было, что на своем жизненном пути он пережил много разочарований и много испытаний. Все его старое мировоззрение рухнуло и осталась одна преданность России и народу. В. Ф. остался чистой воды народником.

Но говоря о Малышкине, нельзя не указать на то, что этот скромный, всегда изысканно одетый человек был большим эстетом и весьма образованным генералом. Он обладал большой эрудицией, любил литературу, в особенности изящную литературу и был искусным декламатором. Редко кто так мог декламировать стихи Блока и Есенина, как это делал Василий Федорович. А так как он любил ходить в штатском костюме, то своим видом и поведением был похож скорее на профессора, чем на генерала. Этим я не хочу сказать, что В. Ф. был плохим генералом, а что в нем было много того, что выходит за рамки военщины.

Его выступление в 44-м году в Веймаре на съезде журналистов и писателей 20 европейских стран на тему «Советский Союз и Европа» было сенсационным и вызвало овации и обсуждение целого ряда животрепещущих вопросов. Мало того, этот ученый генерал был к тому же смелым и искусным дипломатом. В 43-м году представитель русской эмиграции в Париже, Юрий Сергеевич Жеребков предложил Власову выступить в Париже. (Это выступление было предусмотрено главным образом для внешнего мира, для той стороны

линии фронта, ибо в Париже тогда еще было много каналов официальных и неофициальных сообщений).

Однако, после выступления Власова в оккупированной зоне России ехать ему в Париж, после угрозы Кейтеля, не рекомендовалось, и поехал туда В. Ф. Малышкин. На это выступление возлагались тогда большие надежды. Малышкин выступил в зале Ваграм, перед шестью тысячами слушателей (полон был не только главный зал, но и побочные, куда доклад транслировали). Говорил он на тему «Задачи русской освободительной борьбы», и так смело и обстоятельно, что слушатели были потрясены; Маклаков по поводу этого доклада сказал, что это была разорвавшаяся бомба, а слушатели долго и дружно аплодировали докладчику. (Спасли тогда Малышкина от репрессий немцы-доброжелатели. Что же касается тех, кому этот доклад был адресован, то они положили его под сукно — все, что Малышкин говорил им с эстрады, с риском для жизни, и в 45-м году, как «изменника родины» предали его Сталину на муки и казнь).

В заключение я бы сказал, что Малышкин был умудрен жизненным опытом. Пережив надежды своих революционных идей и разочарование в их практическом осуществлении, он искал выхода из положения в гуманизме. Всем, кто нуждался в его помощи, он старался делать добро. Во власовском движении молодежь его обожала.

Все остальные работники штаба были ординарными сотрудниками, и каждый из них по мере сил исполнял свои обязанности.

Тем не менее я хотел бы сказать несколько слов о лейтенанте Василии Мельникове, о самом молодом из штабных работников, бывшим глубоким идеалистом, точным исполнителем и общим любимцем. По природе своей лейтенант Мельников мог служить образцом моральной чистоты и преданности идее освобождения России.

Мельников, 25 лет, родом из Риги, сын диакона, охваченный патриотическим энтузиазмом и жертвенным порывом, приехал в Берлин искать Власова, о котором тогда заговорили все русские по эту сторону линии фронта. В поисках путей к Власову он встретился со своим земляком, Сергеем Фрелихом, которому высказал свою заветную цель. Тот доложил о нем Власову, которому очень понравился порыв молодого человек и распорядился привести к нему Мельникова. Власов принял Мельникова приветливо и распорядился провести его через Дабендорф в число штабных работников. Таким образом, Мельников достиг своей цели. Скромный, услужливый и расторопный, он сразу же завоевал

общую симпатию и благосклонность. Но для военного дела у него не было никакой подготовки. Ему было поручено несложное штабное хозяйство и 6 человек обслуживающего персонала. Очень скоро он освоился со штабной обстановкой и со своей должностью. Генерал полюбил Мельникова и обращался с ним ласково, и шутя и любя, обращался к нему — «Отец эконо́м», от чего тот смущался и краснел. Со временем, когда Мельников освоил требования военной службы и задачи освободительной борьбы, генерал произвел его в лейтенанты. Можете себе представить с какой любовью он надевал форму РОА и как он сиял от счастья?

После обнародования Манифеста, Мельников поступил в Союз молодежи при КОНР-е, где встретился с другими такими же энтузиастами, как и он, среди которых выделялись — братья Крыловы, Легостаев, Комар, Дьячков, Бублик — он же Кружин, Малый и другие. Вся эта молодежь одновременно состояла на разных должностях в штабах и Управлениях КОНР, но большинство принадлежало к пропагандистам. (После войны Союз молодежи реформировался и был переименован в «Боевой Союз Молодежи РОД, а потом был переименован в «Союз Борьбы за Освобождение Народов России» и существует и по сей день).

В первые же дни капитуляции, в Австрии, красные захватили и расстреляли Мельникова. Это была тогда одна из наших первых жертв, а потом пошли и пошли, и ни конца и ни счета им не было. Так погиб наш любимец лейтенант Мельников. Недолговременная жизнь и гибель этого кристаллически чистого и жертвенного молодого человека толкнула меня оглянуться назад и вспомнить длинную-длинную вереницу таких же молодых людей, в борьбе за свободу Родины, ставших жертвами коммунистической диктатуры. Знал первых пионеров, которые вешали свои школьные ранцы на вешалки и тайком от родителей уходили в ряды Белых Армий и могилками этих детей усеяны просторы юга России; знал и ту нашу молодежь, которая во время 2-й мировой войны, будучи забыта всеми, в первую очередь Советской властью, миллионами умирала от голода и холода в нацистских лагерях военнопленных; познал и ту которая при самых тяжелых условиях надев форму РОА, со словами — «На смену павшим, в борьбе уставшим, мы идем», подняла знамя освободительной борьбы. Мало и от нее уцелело, а большинство победителями насильственным путем было выдано Сталину на муки и смерть.

НАШИ БУДНИ

Итак, я в штабе на должности коменданта.

Было бы ошибкой, говоря о штабе ген. Власова в Берлине, представить его себе как некое правительственное учреждение, пользующееся определенными правами и преимуществами, и выполняющее возложенные на него функции. Здесь все обстояло иначе — никаких прав и преимуществ, и никаких обязанностей по отношению к вышестоящим инстанциям.

Я бы сказал, что штаб стоял особняком и находился на особом положении.

Дело в том, что ген. Власов, как военачальник и политический деятель, в глазах командного состава германской действующей армии пользовался большой популярностью. В этих кругах на него смотрели, как на весьма подходящего будущего союзника в борьбе против коммунизма. В связи с этим, после предложения, сделанного Власовым в августе 42-го года Главнокомандованию Вермахта о формировании в оккупированной зоне русского правительства и русской освободительной армии для совместной борьбы против коммунизма, интерес к Власову еще больше возрос. Тогда и приняты были меры вывести генерала из лагеря и создать ему хотя бы минимальные условия жизни для работы, а наряду с этим стали активно действовать в направлении официального признания Власова возглавителем русского освободительного движения. Так возник штаб Власова в Берлине, как зачаток будущей большой акции. А до поры до времени для нацистских кругов Власов продолжал оставаться бесправным пленным. Само собою разумеется, что покровители ген. Власова, устраивая его штаб в лучшей части Берлина, под носом гестаповцев, не на шутку рисковали, но те закрывали глаза на происходящее и молчали. Видимо, не хотели из-за Власова вступать в конфликт со своим генералитетом, да к тому же, имея в своих рядах сотни тысяч русских добровольцев, имя Власова было им нужно. Так или иначе, но штаб существовал, и, несмотря ни на что, работал.

Первые мои шаги на должности коменданта были — организовать безопасность штаба, как и обеспечить его повседневную работу. При этом, если налаживание вопросов внутреннего порядка зависело от нас самих и было легко осуществимо, то соприкасательство с внешним миром ставило нас, бесправных иностранцев, в тяжелое положение. А между тем такая необходимость возникала почти каждый день. Нашим милым капитаном Штрикфельдом это обстоятельство было учтено. Во всех таких затруднительных случа-

ях положение спасал офицер связи Сергей Борисович Фрелих, человек с немецким паспортом и русской душой, родившийся в Латвии и выросший в Москве. Прикомандирован он был Штрикфельдтом к штабу главным образом для оказания необходимой помощи генералу перед внешними немецкими органами. Власов его ценил и любил.

В то же время атмосфера вокруг имени ген. Власова накалилась в политическом и национальном смысле до предела и нужно было быть готовым ко всякого рода неожиданным эксцессам. Помимо этого, неприятельская авиация бомбила Берлин днем и ночью, а то и по несколько раз в сутки, а в распоряжении штаба была небольшая «щель» — зигзагообразный узкий ров — заменявший бомбоубежище. Так как штаб был окружен другими виллами, стоящими в садах, то подход к нему был слишком легко доступным и потому возникла необходимость первым делом организовать круглосуточную охрану дома и наладить внутреннее дежурство. Вторым вопросом, требовавшим срочного разрешения, было бомбоубежище. Если в первые месяцы пребывания штаба в Далеме не все и не всегда во время бомбежки шли в «щель», а раз даже все, в том числе и Власов, бросили щель и пошли спасать имущество соседей-погорельцев (сам генерал Власов наравне со всеми лез в горящий дом и вытаскивал вещи, и никак нельзя было уговорить его остаться в стороне), то потом, когда вокруг нас несколько вилл было снесено с лица земли, а у нас самих несколько раз слетала черепица с крыши, разбивались стекла, а внутренние стены, хотя и стояли, но с широкими трещинами вдоль и поперек, то возникла необходимость срочных мероприятий. При таких обстоятельствах довольствоваться щелью нельзя было, тем более, что бомбежки значительно участились и мощь их усилилась. Дело дошло до того, что противовоздушная оборона боялась выявить себя, ибо ковровые налеты своим огнем подавляли кого угодно. Сплошь и рядом налетали воздушные соединения в тысячу бомбовозов, в сопровождении соответствующей охраны, и наводили ужас на берлинцев. Одним таким налетом был уничтожен весь центр Берлина.

Как то во время ночного налета бомба попала в одну из соседних вилл, и от взрыва стенки нашей щели как будто собрались сойтись и задавить нас. Это ощущение правда быстро прошло, но у нас заложило уши, кое у кого разболелась голова, появилась рвота. И в другой раз нас основательно потрясло, когда сбитый американский бомбовоз вместе с бомбами попал в одну из соседних вилл.

Недалеко от нас была вилла адмирала фон Деница с солидным бомбоубежищем. Чтобы не рисковать жизнью Власова, пока мы обзаведемся бункером, Фрелих и я пошли просить временно разрешить штабу генерала Власова пользоваться этим бомбоубежищем. Однако комендант штаба адмирала сказал, что генерал Власов может пользоваться им, но только он один. Когда мы доложили об этом Власову, он категорически отказался от этой любезности, и пожурил нас за эту затею. В то же время жизнь его зависела от простой случайности и надо было торопиться с собственным бомбоубежищем, пока не поздно. Для этой цели Федор Иванович Трухин послал в распоряжение ген. Власова инженера Смирнова с двадцатью солдатами, Фрелих раздобыл строительный материал и через несколько дней в саду смастерили прекрасное бомбоубежище.

Теперь это может показаться маловажным, не заслуживающим внимания, но тогда этот вопрос был тесно связан с жизнью и смертью. Тогда в таких городах, как Берлин, Мюнхен, Франкфурт, Гамбург жить было опаснее, чем воевать на фронте. В Берлине бывало, что придут фронтовики домой в отпуск, а от всего их прошлого благополучия остались только ключи в кармане; дом лежит в развалинах, а семьи или погребены под ним, или же перебрались куда-нибудь, и новый адрес гвоздем или углем обозначен на уцелевшей части стены. Сумеет ли ктонибудь когда-нибудь описать хотя бы часть тех ужасов, мук и страданий, пережитых жителями Берлина в их так называемых бомбоубежищах — подвалах домов, ни в какой мере не отвечавших своему назначению? Бомбы очень часто пронизывали дома от крыши до самого подвала, а под потолками подвалов, как правило, проходили водопроводные и газовые трубы... В этих подвалах немало умерло уцелевших от бомбежки людей, ибо при ковровых налетах наносились одновременно такие большие разрушения, что никто не в силах был откопать заваленных в подвалах и обреченных на смерть людей. Дело дошло до того, что при ковровых налетах артиллерия боялась выявить себя, предоставляя город на произвол судьбы.

Помнится, после первого небольшого налета англичан на Берлин, рейхсмаршал Геринг по радио заявил: «Если еще раз над Берлином покажется неприятельская авиация, назовите меня Мейером!» Что это было: мальчишеское бахвальство, или же полное незнание возможностей противника?

Однако, с устройством бомбоубежища вопрос о безопасности не был исчерпан. Гораздо сложнее обстояло дело с посетителями. Дело в том, что, как уже было сказано, имя

генерала Власова стало широко известно еще в бытность его в рядах Красной Армии, в связи с наступлением немцев на Москву в конце 41-го и в начале 42-го года. Тогда повторно еще раз, Власов во главе 20-ой армии первым из всех, оборонявших столицу, не только отбил наступление немцев, но и нанес им сильное поражение, за что был награжден Орденом Красного Знамени, произведен в генерал-лейтенанты и прозван спасителем Москвы. В связи с этой подмосковной битвой, имя Власова прозвучало не только по всему Советскому Союзу, но и в столицах всех воевавших стран. Вот почему, когда стало известно, что тот же Власов теперь поднялся на борьбу против советской коммунистической власти, в Кремле сперва заявили, что немцы врут, распространяя листовки с именем Власова, а когда их опровержение оказалось неубедительным, то заявили, что это вовсе не тот генерал Власов, который сражался против немцев под Москвой. В то же время Сталин распорядился его убрать.

К Власову шли и русские, и немцы, военные и гражданские лица с самыми разнообразными целями — и он их всех принимал. Однако же охотнее всего принимал русских офицеров, и солдат-фронтовиков, а также русских, привезенных немцами в Германию на работу. При этом он распорядился принимать их, когда бы они ни приходили, если бы даже в это время он спал, и игнорировал все меры предосторожности. Он никогда не носил при себе личного оружия, и положенный ему пистолет всегда лежал в ночном столике. В город он выезжал редко, но если и бывало, то и тогда брал с собой безоружного солдата Горбунова, большей частью, и редко когонибудь из нас. В деловых поездках, как правило, его всегда сопровождал его адъютант капитан Антонов. При таких условиях было трудно гарантировать безопасность генерала, принимая во внимание, что он служил бельмом на глазу и большевикам, и нацистам, и надо было полагать, что посещать его могут не одни только благожелатели, а обыскивать посетителей было нельзя.

В заключение этой главы должен заметить, что за все время моего пребывания на должности коменданта штаба, были и серьезные случаи, закончившиеся благополучно:

Как-то с улицы раздался звонок. Выхожу к калитке, там стоят два каких-то немца. При моем появлении, оба отворачивают отвороты жакетов на груди. Гестаповцы. Спрашиваю, что им надо, а они приказывают открыть калитку. Я ответил, что по распоряжению полковника Мартина из ОКВ не имею права пускать посторонних в дом. Они пришли в ярость от такой наглости, заявили, что я не понимаю, что говорю, и

еще раз потребовали открыть калитку, потребовали мой паспорт, и записав, что им было нужно, пригрозили расправой, и ушли. Я сразу же позвонил в Дабендорф, но Штрикфельдт меня успокоил. Кто были эти люди, что им было нужно в штабе Власова — так и осталось неизвестным, но репрессий никаких не последовало.

Весною 43-го года русская часть, сражавшаяся на стороне немцев, поймала одного советского парашютиста, который признался, что его послали ликвидировать генерала Власова. Его доставили в Берлин на допрос. Допрашивал его генерал Малышкин и тот признался в своем задании убить Власова. Власов попросил о его помиловании, но немцы все же посадили его за проволоку. А летом того же года поймали еще двух парашютистов с аналогичным заданием.

Весною 44-го года, когда о русском освободительном движении стали много писать и говорить, и имя Власова не сходило со страниц русской и иностранной печати, вдруг в Латвии объявилась кухарка семьи Власова, которая в свое время приехала от жены генерала к нему в штаб армии и вместе с ним попала в плен. Впоследствии она куда-то пропала, а тут сама явилась в штаб представителя РОА и тот препроводил ее в Берлин к Власову. Конечно, Власов принял ее тепло и устроил жить при штабе, — а она призналась ему, что подослана отравить его.

Говорили наши офицеры, что был случай, когда вышедший от генерала посетитель, фронтовик, признался, что он приехал в Берлин убить Власова, но поговорив с ним и посмотрев, как он живет, понял, что генерал свой, и борется честно. Теперь он сам хочет стать власовцем. Но этот случай имел место до моего прихода в штаб, и знаю о нем понаслышке.

Время от времени по почте приходили, видимо от скрывавшихся коммунистов и угрожающие письма, которые генерал читал, но они поступали редко, и нельзя выразить их в процентах, по сравнению с письмами от доброжелателей.

РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ

Советские добровольческие формирования на стороне немцев во время минувшей войны стали появляться с весны 42-го года и к концу года их насчитывалось около 800 тысяч человек, а в 43-м году их число перевалило за миллион. Спрашивается, что заставляло этих людей пойти на столь противо-

естественный и на первый взгляд антипатриотический шаг, тем более, что за период от начала войны и до весны 42-го года немцы своими далеко не гуманными методами ведения войны, как и своим жестоким обхождением с пленными, показали свое подлинное вражеское лицо. Я целиком отмечаю объяснение, что этот миллион людей пошел служить немцам из-за куска хлеба. Конечно, среди сотен тысяч были и такие, но это был ничтожный процент, все же остальные руководствовались какими то другими соображениями. И если даже допустить мысль, что и остальной процент практически воспользовался изъявлением желания поступить на службу к немцам, чтобы выйти из-за колючей проволоки, то на воле, подкрепив здоровье, каждый из них каждый Божий день имел возможность уйти в лес, перейти линию фронта. А вот почему-то не уходили, а если даже и уходили, то опять таки ничтожный процент, остальные же крепко держали винтовку в руках. В этом сложно психологическом мире чуждых друг другу людей, людей разных концов России, из разных воинских частей и разных положений было одно общее, что их объединило, и это была ненависть к советской власти. Эта ненависть, порожденная долголетним тираническим правлением страны, когда человек физически и духовно изнемогает под тяжестью невыносимого ярма правителей, и теряет надежду когда-нибудь от него избавиться, заполняла не только сердца людей, но и всю атмосферу Советского Союза, ею заражено было все население, и зная это, власть окружила себя чекистами, энкаведистами и кагебистами, без которых она не могла бы существовать.

Этим тяжелым психологическим состоянием советских граждан предвоенного периода нужно объяснить не только поведение русских добровольцев, но и слабую боеспособность Красной Армии во второй половине 41-го года, когда большое количество советских солдат очутилось в плену у немцев. В то же время, чем бы каждый из них ни руководствовался, беря винтовку в руки и становясь в немецкий строй, он попадал в очень тяжелое положение, ибо каждый немец, рука об руку с которым этот доброволец сражался, знал, за что он борется, а доброволец — нет. И в этом была его трагедия. Он взял в руки винтовку, в надежде добраться до своих мучителей, до мучителей своих родных и друзей. А его мучители опоясались широким поясом таких же Ванек, как он сам, и до них ему не добраться. К тому же все эти Ваньки, счтывшиеся на чужбине беспризорными, немцами вкраплены были в их частях одиночками или же мелкими группами, где должны были забыть про свои цели и переключиться

читься на обслуживание чужих и чуждых им целей. Иначе говоря, не успев еще оглянуться, они опять попали в положение связанных по рукам и ногам; уйти нельзя и оставаться не хочется. Они обманулись в своих надеждах и потому, что каждый из них мечтал, как-нибудь уйти в одну общерусскую организацию, к своим, где борьба связана с осуществлением и их личных целей. Само собою разумеется, что при таком положении людей, борьба добровольцев, которых немцы правильнее называли вспомогательными войсками, становилась бессмысленной. Но и осуждать их в опрометчивом поступке тоже никто не вправе, ибо им никто и никогда ни в чем не помог. А между тем живя и работая на положении рабов в нищенских условиях жизни в Советском Союзе, они должны были там переносить все издевательства власти; очутившись же у немцев, они лишены были даже и тех элементарных прав, которыми Гаагская конференция наделила военнопленных за колючей проволокой. (За советскими военнопленными времен Второй мировой войны молчаливо было признано только одно право — умереть. Тогда от голода и холода в муках и судорогах умерло в немецких лагерях около трех миллионов военнопленных по вине не только Гитлера и Сталина, но и не в меньшей мере и Международного Красного Креста, который удовлетворился отказом Сталина от своих пленных и предоставил миллионы людей их страшной участи).

При таком положении вещей, советских людей, ставших тогда в ряды немецкой армии назвать добровольцами — просто издевательство. О какой свободной воле в этом случае может идти речь? Они и дома были подневольными, и к немцам идти диктовала им тоже неволя. Они надеялись при помощи немцев достичь свободы и человеческих условий жизни, чего одними своими силами добиться не смогли, и опять очутились на положении невольников.

Занялся я этим длинным анализом для того, чтобы показать читателю, в каком плачевном состоянии находился русский вопрос в Германии до пленения Власова. Когда Власов познакомился с подлинным положением советских вспомогательных формирований, на него напала ярость бессильного человека. Ему до боли было жаль обманутых людей, отдающих свои жизни за чужие интересы. Помню, как он основательно отчитал двух советских генералов из рядов вспомогательных войск за их необдуманные поступки.

Конечно, сам Власов, становясь на путь антикоммунистической борьбы, рассчитывал на этот миллион советских воинов, стоявших уже в рядах германской армии, как на будущие свои кадры, и тогда они боролись бы за свои интересы,

но гитлеровцы, успев перехватить инициативу в свои руки, довольствовались тем, что уже приобрели и не находили нужным разговаривать по этому поводу с каким бы то ни было советским генералом, который к тому же носится со своими национальными проблемами.

Очень сильно обострился вопрос с вспомогательными войсками и людьми, работавшими на фабриках и заводах после обнаружения Манифеста, когда стали формироваться дивизии РОА и отделы, подведомственные КОНР-у. Началось форменное дезертирство с фабрик и заводов, а также из воинских частей. Люди самовольно переходили в Освободительное движение, но было уже поздно.

ПРИЕМ МИТРОПОЛИТА АНАСТАСИЯ

В начале своих воспоминаний я упомянул, что генерал Власов был верующим человеком. Сделал я это заявление не голословно, а на основании ряда фактов. Так, например:

Когда красный фронт приблизился к границам Югославии, русский православный Синод, обосновавшийся в Сремских Карловцах, покинул Югославию и временно остановился в Линце, а председатель Синода, митрополит Анастасий прибыл в Берлин к главе русской православной германской епархии, митрополиту Серафиму. В один из воскресных дней я поехал в собор отстоять обедню. Служил митрополит Анастасий, в сослужении с митрополитом Серафимом. По окончании службы в числе других и я подошел к кресту, и владыко Серафим попросил меня остаться для короткого разговора, а разоблачившись, сказал, что владыко Анастасий уже две недели в Берлине и хотел бы встретиться с ген. Власовым, но никто не догадывается организовать эту встречу. Я сказал владыке, что позвоню ему через час, а сам поехал в штаб и доложил Андрею Андреевичу о разговоре. Выслушав меня, Власов приказал мне немедленно взять машину, поехать к митрополиту Анастасию и от его имени передать митрополиту следующее: генерал Власов узнал о вашем пребывании в Берлине и очень хотел бы посетить вас, но такие выезды ему запрещены. Но если бы Владыко нашел для себя удобным и возможным посетить наш штаб, то генерал был бы очень рад посещению. Я точно выполнил приказание генерала и оба митрополита, вместе с личным секретарем владыки Анастасия с чудотворной иконой Курской Божьей Матери выехали в Далем.

Подъехали мы к штабной вилле, и дожидавшийся высо-

кого гостя почетный караул встретил митрополита взятием на караул, а у самого подъезда дежурный по штабу ему отпартовал и провел его в переднюю, где раздалась команда: Господа офицеры! — и строй штабных офицеров взял под козырек, а дожидавшийся у входа в гостиную высокого гостя Власов, сложив руки для принятия благословения со словами: «Благослови, Владыко! — с наклоненной головой подошел под благословение. И владыко его благословил и поцеловал, а у самого по щекам катились слезы. Не меньше владыки, были расстроены и мы. В этот момент из глубины души прорвались годами накопленные обиды и боль за столь трагическую судьбу, постигшую когда то светлую и радостную родину.

В гостиную генерал представил гостям своих офицеров, а те, приложившись к чудотворной иконе, покинули зал. Оставшись наедине, оба митрополита со Власовым побеседовали часа два и порешили, что Синод с имеющимся в его распоряжении духовенством обслуживает религиозные потребности частей Освободительного движения, а Освободительное движение все возникающие в его частях религиозные и церковные вопросы направляет к представителям Синода. (Это положение продолжалось вплоть до трагического конца нашего движения).

После общего обеда и общей беседы, оба митрополита отбыли к себе домой. А через некоторое время к Власову приехали эвакуировавшиеся монахи Почаевского монастыря, во главе с их игуменом, всего 25 человек, и Власов всех их принял, выслушал и позаботился о них, что по тем временам было не так просто.

В общем, касаясь религиозных вопросов, Власов не раз говорил, что верить или не верить, это дело совести каждого, и в этом вопросе никто никого не должен неволить. Тем более, что насилие над человеческой волей в корне противоречит христианскому учению. Помимо того, отдавая должное той большой и благородной роли, которую религия и церковь сыграли в жизни нашего народа, он полагал, что обслуживая духовные запросы народа, в смысле его духовного воспитания и просвещения, церкви не следовало бы снисходить до вмешательства в политические и государственные дела, дабы сохранить свой высокий авторитет в сердцах верующих.

Думаю, что вышеизложенное в достаточной степени говорит об отношении ген. Власова к религии и церкви.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГЕНЕРАЛА А. А. ВЛАСОВА С НЕМЦАМИ

Поскольку этот вопрос является одним из очень важных вопросов во власовском деле, и чтобы он был яснее и понятнее читателю, прежде чем приступить к изложению темы, позволю себе сделать небольшой экскурс в прошлое.

Как известно, во время минувшей войны официальное лицо Германии было национал-социалистическое; но подлинное политическое лицо германского народа представляло собой настоящий слоеный пирог, над которым довлели нацисты. Еще до прихода Гитлера к власти, когда после Первой мировой войны Германия переживала страшный экономический и политический кризис, когда правительства, не будучи в состоянии вывести страну из состояния перманентного голода, менялись одно за другим, не успев еще согреть свои министерские кресла, германская интеллигенция и дворянство относилось довольно отрицательно к тогда уже довольно успешно подвизавшемуся Гитлеру. От него отдавало таким же духом, как от коммунистов. И в то же время национал-социалистическая партия тогда была единственной партией, которая успешно действовала против коммунистов, доведших над всеми остальными партиями и своим террором доведших страну до хаоса и анархии. И наконец, к 3-му году национал-социалисты, по числу депутатов в Рейхстаге, вышли на первое место и решили захватить власть. У власти было правительство фон Папена (германские националисты). Не побрезгав средствами, нацисты, на очередном заседании Рейхстага, по предварительному сговору проголосовали вместе с коммунистами, и свалили правительство фон Папена, пользовавшегося доверием и благорасположением президента фон Гинденбурга. А следующим кандидатом в премьеры был Гитлер.

Гинденбург пригласил Гитлера к себе, но принял его стоя и руки ему не подал, однако заявил, что ему, Гитлеру, принадлежит право формировать новое правительство. На это Гитлер ответил, что он с благодарностью принял бы предложение, если бы «мой фельдмаршал был бы ко мне так же добр, как к моему предшественнику». Гинденбург ответил отказом, и Гитлер, отказавшись от формирования правительства, покинул президента. Следующим кандидатом для формирования нового правительства был лидер коммунистов Тельманн. Гинденбург не торопился пригласить его. А время шло, все сроки прошли, и страной продолжало править неправомочное правительство фон Папена. В то же время,

обнадеженные заманчивыми перспективами, коммунисты каждый день маршировали по улицам Берлина, потрясая кулаками и грозясь залить Курфюрстендамм кровью. А по ночам то здесь, то там приканчивали своих политических врагов и одиночных полицейских (в северо-восточной и восточной части города по ночам полицейские ходили по улицам только группами).

Над Берлином нависла коммунистическая угроза, население чувствовало себя обреченным и ждать помощи было не от кого. В это тяжелое время в дело вмешался отставленный канцлер фон Папен. Он уговорил Гинденбурга согласиться на формирование Гитлером коалиционного правительства из национал-социалистов и германских националистов. Гинденбургу пришлось второй раз пригласить Гитлера и на этот раз принять его с соблюдением ритуала. Таким образом кризис миновал и страна успокоилась. Однако, через короткое время нацисты выкинули из правительства германских националистов во главе с Гугенбергом, и остались управлять одни. Тут они дали полную волю себе по отношению к коммунистам. Двумя ночными облавами арестовали всех их вождей, во главе с Тельманном, и обезоружили их фланги. И очень скоро обезглавленная, обезоруженная и запрещенная партия коммунистов растаяла и остатки ее ушли в подполье. Вслед за этим Гитлер ввел ряд социально-экономических реформ и вывел страну из состояния перманентного голода и нищеты, в связи с чем его авторитет в народе укрепился. В то же время интеллигенция и дворянство вынуждены были подчиниться власти Гитлера в силу обстоятельств, продолжая оставаться внутренней пассивной оппозицией. Грубые и аморальные мероприятия Гитлера и его людей оскорбляли культуру, историю и доброе имя немцев. Это чувство тлело все время и стало давать себя чувствовать во время войны, когда наступили тяжелые испытания и Гитлер вовлек Германию на путь больших авантюр.

В связи с вышеизложенным, трудно сказать, с какими взглядами на происходившее и с какими планами на будущее германский генералитет вступил в войну против Советского Союза, но ко времени пленения ген. Власова настроения ведущей части командного состава сильно расходились с генеральной линией партийцев. И это стало особенно заметно после того, как фельдмаршал Браухич предложил фюреру в 1941-м году остановить наступление армии и перезимовать на линии Днепра, а фюрер приказал продолжать молниеносную войну, надеясь несколькими мощными ударами сломать хребет Красной армии (его точные слова), и при-

нудить правительство Сталина просить мира. Эта размолвка привела к тому, что 21-го декабря 1941 года Гитлер объявил себя Главнокомандующим. А в результате этого — зимнее наступление на Москву, которое привело к серьезному разгрому немцев и потере ими большого процента техники. (Зимняя кампания обошлась немцам в один миллион обмороженных солдат и офицеров). С этого момента германский генералитет насторожился, стало ясно, что Гитлер со своими дикими планами и экспансивным характером на посту главнокомандующего погубит армию, и надо искать выход из создавшегося положения. Иначе говоря, в действующей армии между партийным возглавлением и генералитетом образовалась трещина и командиры частей там, где приказ фюрера шел в разрыв с необходимостью, саботировали его (например, приказ об отправке русских добровольческих частей на западный фронт, или увольнения русских переводчиков из полосы восточного фронта). Взаимоотношения стали заметно натянутыми.

Здесь я позволю себе привести один маленький характерный пример того времени:

В ноябре 41-го года наша комиссия по распределению военнопленных по специальностям в Зедлице (Польша) остановилась в гостинице для проезжающих немецких офицеров. Утром, перед уходом на работу, мы зашли в столовую позавтракать. Столовая была пуста и только за одним столом завтракал какой-то армейский генерал со своим адъютантом. Войдя в комнату мы хором произнесли положенное тогда приветствие: «Хейль Гитлер!» Генерал повернулся к нам и внушительно ответил: «Гутморген!» Это нас поразило, и заняв места за двумя соседними столами, мы с нетерпением ждали прихода нашего председателя, ярого нациста, к которому очень подходила кличка «золотой фазан». Вслед за нами пришел и он и задрал руку вверх, выкрикнул: «Хейль Гитлер!» и генерал подчеркнуто ответил снова: «Гутморген». Наш золотой фазан съезжился и подошел к нашему столу смущенным.

Что заставило тогда этого генерала пойти на такую явную демонстрацию, которая по тем временам могла ему стоить не только карьеры, но и жизни?

Я позволил себе сделать это отступление в связи с тем, что говоря о взаимоотношениях ген. Власова с немцами, нужно обязательно указать — с какими немцами, ибо ко времени пленения Власова правящая элита немцев уже молчаливо составляла два различных лагеря.

Как известно, нацисты пошли на войну с Советским

Союзом с определенной целью — обеспечить свой Рейх жизненным пространством за счет Советского Союза. Этой своей затее они приносили в жертву все остальное, во имя ее осуществления не брезгали любыми мерами воздействия, как и не останавливались перед любым препятствием. Отсюда вытекало и все остальное. На Западе немцы-победители точно извинялись перед побежденными и всячески шли им навстречу. На Востоке — молниеносная война, помимо ее сокрушительных свойств, дополнялась еще целым арсеналом нацистских измышлений, оскорблявших национальное чувство восточных народов и ставивших их существование вообще на карту. Додумались до того, что Советский Союз стали представлять, как некое пространство (Остланд), заселенное какими-то полудикими восточными народами — «унтерменшами», пользующимися этой территорией не по праву, а потому эти восточные пространства должны быть заняты культурной германской расой (культуртрегерами), которая использует их и организует жизнь туземцев. На этих просторах немцы должны быть не только победителями, но и повелителями.

Трудно сказать, говорило ли тогда устами Гитлера буйное помешательство, или же мания величия шизофреника? Но говорилась эта галиматья открыто, серьезно и во всеуслышание. И в этих своих словах и планах Гитлер был последовательным. Начав свой поход на Восток, он никаким русским не позволял коснуться дел Востока. Даже там, где без русских нельзя было обойтись, им позволено было быть только в качестве подсобной силы. Мало того, для фронтовых частей и военной администрации, ехавшей на Восток, была выработана специальная инструкция, как вести себя по отношению к местному населению. Согласно этой инструкции, немцы должны были относиться к местному населению свысока, как победители и повелители, от которых зависела и жизнь и смерть побежденных, а побежденные не смеют возражать своим повелителям, они должны повиноваться во всем. Эта инструкция разбрасывалась по вагонам поездов, шедших на Восток. И в этом духе действовали партийцы и в особенности Гебитскомиссары (начальники областей) и пристроившиеся к ним местные коммунисты, относившиеся к людям еще хуже немцев (в окрестностях Пскова был один такой тип, который в деревнях драл плетью мужчин и женщин, приговаривая: «Не хотели советской плетки, получайте немецкую»). Немецкое начальство держало такого негодяя и горой стояло за него, пока в это дело не вмешалась РОА.

Как было упомянуто выше, на Востоке нацистские мероприятия проводились, главным образом, гебитскомиссарами и таковых готовили специально, они должны были пройти курс специальной политической школы. Подбирались кандидаты из партийцев не по признаку подготовленности справиться со своей ответственной должностью, каковой является управление областью, да еще во время войны, а по признаку преданности партии и ее идеям. Кандидатов в школе основательно натаскивали по нацистским изувертвам, после чего давали им назначения и штат помощников, с которыми они выезжали на место. А на низовых должностях, для практической работы комиссар набирал служащих из местного населения. (В комиссариатах на низовых вспомогательных должностях работали в значительном большинстве оставленные для тыловой работы коммунисты и они терроризировали население хуже немцев). Однако со временем оказалось перепроизводство гебитскомиссаров. Люди оканчивали школу, а вотчины их еще не были завоеваны и таковые должны были временно поступить на административную работу на оккупированной зоне и ждать вызова.

Одна из таких школ помещалась в старом гнезде Тевтонских рыцарей — в Мариенбурге. Там готовили нацисты своих янычар, с психологией наших чекистов. Но иногда и у них бывали срывы. Так например, во время лекции, одна немка, бывавшая раньше в России и говорившая по-русски, не выдержала и со словами: Я больше не в состоянии выслушивать такие глупости, покинула аудиторию. Другой случай — русский немец окончил курс школы и дали ему назначение в одну из центральных областей России, но тот попросил дать ему место где-нибудь на окраине, чтобы смог вовремя удрать. Конечно, оба были изгнаны и из школы и из партии.

В общем, гебитскомиссары в тылу фронтовой зоны были самыми отвратительными после фельджандармери, которые пререканий не терпели убивали людей, как мух. И фронтовые части предпочитали с ними не иметь дела, они были в состоянии нагадить и своим.

В связи с такой постановкой дела, в 42-м году, когда ген. Власов попал в плен и определенные круги германского генералитета связали его имя с возможной русской освободительной акцией на стороне Германии, Гитлер не только в категорической форме отклонил такую возможность, но и возненавидел самого Власова, хотя тот себя еще ничем не проявил. Это свое отрицательное отношение он не изменил до конца своих дней. Как потом выяснилось, его сильно раздражали всякие попытки со стороны его генералов прота-

щить идею русской освободительной борьбы, и он грозился по адресу таковых серьезными репрессиями. В этом отношении его начальник штаба, фельдмаршал Кейтель не отставал от своего шефа.

Однако и Власов после своего пленения, чем больше приглядывался к нацистам, тем враждебнее относился к ним. Он вообще нацистов терпеть не мог и считал их выучениками коммунистов, но далеко отстающими от своих учителей. Коммунистов он считал коварнее и опаснее, у них большая школа и они прекрасно организованы. Что касается Гитлера и его окружения, то он их определял как людей случайных, выброшенных на поверхность взбуждававшейся германской народной стихией, доведенной в свое время до голода и нищеты, грозившей тогда затопить страну в анархии и хаосе. Тогда они оказались на месте, но вообразили себя солью земли и делают глупость за глупостью, а теперь зашли так далеко, что уже ничего их спасти не может. Разве не показатель грубой ошибки то, что в самое тяжелое время Гитлер снимает с главнокомандования опытного и испытанного в боях фельдмаршала и занимает сам его место, не имея никакого представления ни о военной науке, ни о вождении армий? Не менее критически относился Власов и к расовой теории Гитлера. Его не задевала теория сама по себе, поскольку он считал, что на земле все народы достаточно поперемешались между собою, и немцы в центре Европы в этом отношении не составляют исключения. Он говорил об этой выдумке с иронией, но вред этой теории усматривал в соращении неопытной, неискушенной жизнью молодежи, как и в разрывании рук всевозможным проходимцам, которые творят над беззащитными людьми все, что им в голову придет — все дозволено.

Короче говоря, до середины ноября 44-го года между Власовым и нацистскими кругами никакой связи не было и быть не могло. Говоря о Гитлере и его окружении, Власов часто останавливался на роли его ближайших помощников — фельдмаршала Кейтеля, фельдмаршала Цейтлера, генерал-полковника Иодля. Эти военные высокого ранга, говорил он, не могут не видеть, что Гитлер ведет армию к катастрофе, что он её перегрузил и тем не менее, они не только слепо ему повинуются, но и потакают ему в его безумствах. Они виноваты перед Германией, Россией и всем человечеством больше, чем Гитлер, Гиммлер и Розенберг, которые творят свои безумства по невежеству. Хотя бы обратили внимание на то, что делает Сталин; в то время, как они всю тяжесть войны свалили на плечи армии, и стараются одержать верх при

помощи грубой силы, Сталин, его противник, не только протянул руку своим потенциальным врагам-капиталистам, и пользуется их материальной поддержкой, но вынес из архивов им же упраздненных национальных героев старой дореволюционной России и прикрывается их тенью, разрешил открыть им же ограбленные и закрытые церкви и монастыри, а для будущей вассальной Германии усиленно готовит в Москве кадры коммунистического правительства. Точно эти люди ослеплены и не видят, что продолжают держаться уже давно проигранных позиций.

И тем не менее, Власов был уверен, что неотвратимый ход предстоящих военных событий продиктует и Гитлеру отказаться от своих безумных восточных планов, чтобы не погубить всю Германию.

Но наряду с партийной элитой, захватившей ключевые позиции в стране и диктовавшей свою волю германскому народу, как было указано выше, во всех областях жизни народа были здравомыслящие люди, занимавшие ответственные посты, и понимавшие подлинно тяжелое положение своей страны и искавшие пути ее спасения. На таковых громкие обещания фюрера, вроде следующего: «Сталинград будет взят, когда я прикажу!» — уже не звучали убедительно. Факты говорили о том, что успехи германской армии на Востоке уже кончились. Гитлер окружил Германию одними только врагами и рассчитывать не на кого. Единственный союзник Гитлера, Муссолини, сам нуждается в помощи, чтобы не сдаться. Что касается другого союзника — Японии, то у нее свой путь. Япония для Германии только моральный союзник. Во время войны в Берлине японский посол защищал в Германии интересы Советского Союза и всячески старался услужить советской власти, чтобы не ухудшить отношения между Советским Союзом и Японией. Так, например, когда в 44-м году в Праге состоялось обнародование Манифеста КОНРа, японский посол в германском министерстве иностранных дел стукнул кулаком по столу, выразив таким образом свой протест против разрешения немцами этого акта. Но вся его добросовестность не помогла, и после капитуляции Германии Сталин в спешном порядке перебросил свои войска против японцев.

Возвращаясь к вышеупомянутому оппозиционным кругам германской общественности, нужно заметить, что с первого же дня появления ген. Власова в германском плену, оппозиционеры отнеслись к нему благосклонно. Когда только что плененного Власова привели к командовавшему 18-й германской армией генералу Линдемману, тот встретил Вла-

сова, как боевого товарища, тепло и приветливо и эти их дружелюбные отношения сохранились до конца войны. При этом нужно заметить, что не только Линдеманну, но и остальному старшему командному составу Власов был известен, как незаурядный советский генерал. Вот почему, когда Власов, еще сидя в лагере, сделал немецкому главнокомандованию письменное предложение формировать в оккупированной зоне русское союзное правительство со своей освободительной армией, в действующей армии целый ряд ответственных немецких командиров живо откликнулись на это предложение и стали обсуждать его между собою. И несмотря на то, что главнокомандующий предложение ген. Власова оставил без ответа, закулисная межведомственная связь заработала полным ходом.

Тут я должен сделать небольшое отступление. Трудно сказать, чем руководствовались германские оппозиционеры, работая за спиной Гитлера против его планов и мероприятий. Руководствовались ли они моральными соображениями, обвиняя Гитлера в аморальных и жестоких мероприятиях, позорящих доброе имя немцев и их страны, или руководствовались политическими соображениями, считая гитлеровскую политику утопической, или же руководствовались стратегическими соображениями, видя гибельность гитлеровских военных планов? Думаю, что эта оппозиция, со временем развернувшаяся в целое течение, в которое входила почти вся элита немецкого общества, начиная с фельдмаршалов, генералов и полковников всех родов оружия и кончая лицами из дипломатического корпуса и финансового мира, руководствовалась всеми вышеупомянутыми соображениями, и цель была одна: избавиться от Гитлера и спасти свою страну и честь своего народа. В Берлине несколько смелых священников в своих проповедях открыто с амвона обличали аморальные поступки нацистов, и конечно, поплатились за это своей жизнью.

Эта элита относилась к России и Власову в частности, доброжелательно и ее чаяния вполне совпадали с желаниями и стремлениями русских патриотов. Немцы старались спасти свою страну от разгрома, а русские старались спасти свою страну и от Гитлера, и от Сталина. Власов не раз это подчеркивал, когда говорил — мы с немцами два соседних народа, и для благ наших народов должны искать правильные пути содружества, другого пути нормального сосуществования нет. Если у кого-нибудь из вас в доме возникнет пожар, другому не только во имя моральных соображений, а во имя собственной безопасности нужно помочь соседу

потушить пожар, пока его собственный дом не загорелся. Во имя этого, мы протягиваем немцам руку искренно, не держа камень за пазухой, но и немцы должны понять, что без нас они тоже погибнут, таков неотвратимый ход событий. При этом долг велит подчеркнуть, что вышеупомянутые немецкие друзья вполне искренно и жертвенно, в условиях нацизма старались и делали все, что могли, чтобы помочь Власову осуществить его идею создать освободительную армию. Мало того, в обстановке германской действительности того времени, группа немецкой общественности, сочувственно относившаяся к идее русской освободительной борьбы, не составляла исключения. Если власть имевшие были зверьми и причиняли много горя и страдания ни в чем неповинным русским военнопленным и рабочим с Востока, то широкие слои германского народа открыто осуждали зверские и аморальные поступки своих соотечественников-нацистов и подставляя свою жизнь под удар, шли с ними на разрыв. Сколько священников, профессоров и врачей пошло на открытое осуждение нацистских деяний, и потом оказывались в подвалах Гестапо и в концлагерях рядом с иностранцами, и разделили их судьбу. Ведь недаром в связи с покушением на жизнь Гитлера было расстреляно около двух тысяч элиты германского народа, главным образом лица из старшего командного состава. Положа руку на сердце и не кривя душой, определенно можно сказать, что все немцы, которые были далеки от нацистской одержимости и боялись за судьбу своей страны, все сочувственно относились к идее создания русского освободительного движения вместе с немцами, лишь бы к ним не пришли большевики.

Приведу несколько характерных примеров того времени:

1) Не дождавшись разрешения русской освободительной идеи через правительственные инстанции, представители дирекции Дрезденского банка пришли к Власову с предложением финансировать его дело, чтобы он приступил к формированию, но Власов поблагодарил и ответил, что нам нужны не деньги, а права, что мы представители целого народа и можем выступить только как равноправные, иначе наш народ нас осудит и за нами не пойдет;

2) В 40-м году к столетию рождения П. И. Чайковского все витрины музыкальных и больших магазинов были завалены его произведениями и портретами;

3) Во время войны на Курфюрстендамме долго шел в кино старый фильм «Бисмарк», построенный на союзе России и Германии, и на том, как вступивший на престол Вильгельм Второй порвал с Россией и заключил союз с Австро-

Венгрии и тем самым толкнул Россию в объятия Франции. (Кстати, этот союз в 1914 году вызвал казус: перед Первой мировой войной в Петербург приехал французский президент Пуанкарэ и для его встречи оркестр должен был в спешном порядке разучить французский гимн — запрещенную в России Марсельезу. Во время встречи, не только войска должны были взять на караул, но и сам Государь должен был взять под козырек, при исполнении Марсельезы).

4) В Берлине во всех ресторанах и кафе музыканты продолжали играть запрещенные русские мелодии, называя их то болгарскими, то румынскими; а на фронте немецкие солдаты довольно часто и с удовольствием, с трудом произнося русские слова, пели русские песни;

5) В 42-м году в Осинторфе немецкая команда связи видела, что как правило, мы опять отпускаем на волю пойманных партизан (это было нашей тактикой), и никогда этого вопроса не поднимала; значит, так нужно было;

6) Во время войны в Берлине было очень много восточных рабочих и пленных, работавших в разных мастерских. По субботам или вообще вечером они шли в магазины что-нибудь купить, и несмотря на то, что все отпускалось по карточкам, им давали и хозяева магазинов и покупатели — еду и одежду. Население относилось к ним по человечески, в отличие от нацистов.

Такова была картина германской общественности, когда ген. Власов пытался организовать на стороне Германии Русское освободительное движение.

Характерно и то, что в середине июля 42-го года генерал Власов попал в плен, а осенью того же года сторонники идеи создания русской освободительной армии из Среднего участка фронта организовали его посещение их участка, и Власов, на положении свободного человека, в сопровождении немецких офицеров, выехал из Берлина через Белосток и Минск в Смоленск. Там торжественно, тепло и приветливо принял его командовавший тылом этого участка генерал фон Шенкендорф, и распорядился организовать его встречи как с местным населением, так и с русскими добровольческими формированиями, а он в своих речах говорил совершенно открыто о своих и их чаяниях, о задачах, предстоящих им на пути освобождения от коммунистов. В Смоленске было обнаружено и формирование первого власовского комитета. Казалось, произошло полное понимание между русскими и немцами. Шенкендорф распорядился предоставить в распоряжение Власова радиостанцию Бобруйска для его высту-

плений. В это время, информированный о происходящем в Смоленске Гитлер приказал немедленно вернуть Власова в Берлин и чтобы ноги его в оккупированной зоне не было. (Даже при таком строгом приказе Бобруйская радиостанция не удержалась от того, чтобы объявить, что сегодня у нее в гостях русский генерал-лейтенант Власов).

А надежды были большие... полагали, что на среднем участке фронта русские добровольческие формирования поступят в распоряжение Власова и послужат началом создания Освободительной Армии, как таковой. Инициаторы этой поездки должны были выполнить приказ фюрера, но чтобы не разочаровывать Власова, скрыли от него истинное положение вещей. Таким образом, Власов вернулся из этой поездки весьма удовлетворенный, и стал строить дальнейшие планы на будущее. Его непосредственные помощники — генерал Малышкин, генерал Жиленков и Зыков воспламенились и стали интенсивно работать как над выработкой текста Смоленского манифеста, так и над изданием газет для добровольцев и листовок для населения оккупированных областей и солдат Красной армии. А в это время фельдмаршал фон Клюге, который перед тем дал разрешение на посещение Власовым Среднего участка фронта, перепуганный угрозами фюрера, в спешном порядке ликвидировал добровольческие части, над которыми уже приняли командование ставленники Власова.

А время шло, успехи немцев на фронте все больше ослабевали, в тылу партизанское движение прогрессивно развивалось и создавало угрожающее положение; фронтовые командиры проявляли все большую нервность и настойчивость, пытаясь убедить Гитлера в неизбежной необходимости изменить его восточную политику, и пока не поздно, дать разрешение на формирование Русской Освободительной Армии, но у Гитлера на все домогания фельдмаршала фон Клюге, ген. фон Шенкендорфа, ген. Линдемманна, адмирала Канариса, полк. Гелена и других, был один ответ: «Политика — не дело военных».

Но оппозиционеры не унимались и в апреле 43-го года сделали вторую вылазку. Фельдмаршал Кюхлер и ген. Линдемманн, несмотря на прошлогодний запрет Гитлера, пригласили Власова посетить северный участок фронта. 19-го апреля ген. Власов в сопровождении ротмистра Деллингсхаузена и адъютанта кап. Антонова выехал в Псков, через Ригу. По дороге посетил знаменитый Печерский монастырь и получил благословение игумена. В Пскове население и официальные лица встретили Власова, как своего защитника, с радостью и

почетом. Особенно тепло и преданно отнеслась к нему редакция газеты «За Родину» (ее главный редактор Хоменко стал потом членом КОНРа). Очень сильное впечатление на слушателей произвело выступление Власова, организованное в переполненном людьми из местного населения и деревень театре. Много позже я попал в Псков и псковичи все еще вспоминали про выступление Власова, как о начале возрождения России. А потом генерал Линдемманн встретил своего гостя, как старого друга и дал в его честь обед. На этой встрече состоялась договоренность между командующим северным участком фронта фельдмаршалом Кюхлером, и Власовым, что ему, Власову, будет отведен участок фронта, еще не занятый немецкими войсками — Ораниенбаум, Петергоф и Кронштадт, для чего в спешном порядке нужно было дать Власову иметь свой отдельный боевой участок на фронте добровольческих частей — их мечта. За обедом растроганный Власов поднял бокал, поблагодарил хозяев, принявших его в Гатчине и выразил надежду принять их своими почетными гостями в освобожденном Ленинграде. Видимо, кто-то среди присутствовавших шпионил и донес об этом в ставку Гитлера (см. Штрик-Штрикфельдт «Между Сталиным и Гитлером»). Там пришли в бешенство от такой наглости Власова (точные слова Кейтеля), возмнившего себя будущим вождем, и Кейтель дал приказ о запрещении какой бы то ни было деятельности Власова, вследствие его наглых выступлений. В случае же нарушения приказа, посадить Власова обратно за проволоку. А если он и там не успокоится, передать его Гестапо на усмирение.

После смоленской неудачи Власов отказывался принять предложение ехать в Псков, но немецкие друзья убедили его в необходимости поехать познакомиться с командованием Северного участка фронта, которое старается помочь осуществлению его идеи, и Власову пришлось согласиться. Грозным и категорическим приказом Кейтеля весь план был сорван и инициаторам этой поездки пришлось, во избежание эксцессов в пути, снабдить Власова своим сопровождающим и вернуть его в Берлин).

В Берлине же вместо лагеря военнопленных, капитан Штрикфельдт уже приготовил для Власова виллу в Далеме на Кибитцег 9 и приставил к нему своего доверенного С. Фрелиха, как охрану от неожиданных неприятностей. Вилла эта находилась в ведении Оберкомmando дер Вермахт (ОКВ), и туда ни один нежелательный гость не имел права войти без разрешения полковника Мартина из ОКВ. Однако, несмотря на обе неудачно сделанные попытки сначала на

Среднем участке фронта, а потом на Северном, оппозиционеры не унимались, и придумывали новые пути и меры воздействия на Главное командование. Дело дошло до того, (см. Штрикфельдт «Между Сталиным и Гитлером»), что один из генералов, имя которого не названо, пригласил Власова на встречу в университете, в кабинете одного из профессоров, и в присутствии и при посредстве самого Штрикфельдта, как переводчика, сказал ему, чтобы он и дальше держался своих позиций и не отступал ни в чем, а скоро будет смена власти, и Главнокомандования.

При этом нужно заметить, что фронт оппозиционеров окреп и увеличился, захватил даже и СС-совские фронтовые части, в связи с чем возникла необходимость самому Гимmlеру выступить перед своими эс-эсовцами, оскверняя и черня Власова и его идею. Таким образом, чем больше усиливалась и активизировалась оппозиция, тем больше верхушка нацистов ненавидела вместе с нею и Власова, и одно произношение его имени кем бы то ни было, приводило фюрера в бешенство. А время шло, дела немцев ухудшались, и сами нацисты чувствовали, что земля под их ногами начинает гореть; видимо, и сам Гитлер заколебался, но не разговаривать же ему с этим русским ненавистным Власовым? И всё-таки...

В феврале 44-го года неожиданно приехал из Далемдорфа к Андрею Андреевичу ротмистр Деллингсхаузен с предложением от командующего войсками восточных областей, генерала Кестринга, ехать в Восточную Пруссию с ним на отдых. Власова это неожиданное предложение поразило, и он сказал: «Помилуй Бог! Я устал от ничегонеделания, я работать хочу». На что смущенный Деллингсхаузен ответил: «Андрей Андреевич, это нужно». Власов понял, что это приказ в форме предложения и покраснев, коротко произнес: «Так бы и сказали». Деллингсхаузен окончательно растерялся и смущен был так, как будто он был виноват в происходящем. Произошла пауза, после которой Власов порывисто встал, и сказал адъютанту Антонову приготовить его чемодан и приступить самому сопровождать его.

Власова тогда увезли в Морисфельде к полковнику Мальцеву с его летчиками. Сопровождать Власова поехали Деллингсхаузен, Фрелих и Антонов.

Тут я должен сделать маленькое отступление.

Дело в том, что до конца 43-го года войсками восточных областей командовал генерал Хельмих. Это был настоящий строевик, политикой не интересовался и в деле Власова никак себя не показал.

При нем был дан приказ Гитлером о переброске добровольческих частей с восточного фронта на западный, и на Власова это тогда так сильно подействовало, что он решил все бросить и вернуться в лагерь военнопленных. Его друзья долго и упорно его уговаривали не делать этого ради русских, очутившихся в Германии на положении беспризорных и говорили, что он им нужен, что его имя для всех них якорь спасения. И Власов не только остался, но когда узнал, что русские части во Франции очутились в тяжелом положении, послал туда целую организацию во главе со своим помощником В. Ф. Малышкиным, помочь людям в их беде.

Короче говоря, ген. Хельмих на посту Командующего войсками восточных областей, ничего ни плохого, ни хорошего для Власова не сделал. Но с первого января 44-го года его сменил генерал Кестринг, родившийся и выросший в Москве, и при большевиках служивший там германским военным атташе. Власова это назначение обрадовало, ибо хотя Хельмихи и Кестринги погоды тогда не делали, но все таки приятно было иметь дело с человеком, который понимает наши нужды и заботы. А в этом отношении уж кто-кто, а Кестринг конечно, должен нас понять лучше других. Однако, проходили дни и недели, а Кестринг не давал Власову себя почувствовать — и вдруг приезжает Деллингсхаузен с таким странным и неожиданным предложением.

Итак, Власова увезли в Восточную Пруссию, а на следующий день в Дабендорф приехал генерал Кестринг на смотр школы.

После смотра он вызвал к себе генерала Малышкина и предложил ему занять место Власова, на что Малышкин ему ответил, что он с удовольствием и дальше будет работать под руководством генерала Власова. После такого афронта Кестринг сделал аналогичное предложение генералу Трухинову, и тот ответил почти такими же словами, как и Малышкин. Так прошел первый и долгожданный визит Кестринга, оставив у генералов глубокое разочарование.

А через некоторое время, после этой неудачной попытки привезли обратно Власова, как ни в чем не бывало.

Принадлежала ли эта идея самому Кестрингу, или же она была продиктована ему сверху, трудно сказать. Власова это сильно задело, и он возненавидел Кестринга, избегал встречи с ним, не хотел его видеть, называя его хитрой лисой. Их первой встрече суждено было состояться только в Праге, при обнаружении Манифеста КОНРа, на котором Кестринг присутствовал официально, как Командующий войсками восточных областей.

Нужно ли описывать моральное состояние Власова после подобных сюрпризов?

Даже такой волевой человек, как он, и то выходил из себя от таких интриг, ведущихся за его спиной, как это позволил себе сделать генерал Кестринг. А главное — все это происходило тогда, когда германская армия уже сильно сдала, и сопротивляемость ее значительно упала, когда по вине Гитлера и его нацистов коммунисты преодолели кризис начала войны и стали вытеснять немцев из оккупированных территорий, и когда и русская освободительная борьба по вине того же Гитлера упустила значительную долю своих возможностей. И несмотря на все это, Гитлер и иже с ним еще не поддавались влиянию здравого смысла и продолжали держаться за свои уже давно проигранные позиции.

Тогда Власов многих подробностей не знал, но в общих чертах знал все, и судил правильно. Он исходил из того, что обманчивая немецкая пропаганда, для которой гитлеровцы стараются использовать его имя, для наших людей на той стороне не доходчива. Они еще с весны 42-го года научились верить не немецким словам, а делам. А немецкая пропаганда, которая иногда ведется к тому же из рук вон плохо, убивает у людей последние иллюзии, которые они питали по отношению к немцам в начале войны, когда сдавались при первой возможности им в плен, или очертя голову брали винтовку в руки и шли с ними вместе против коммунистов. Теперь люди, наученные горьким опытом, от немцев ждут не слова, а дела. Власов часто осуждал аморальное поведение Гитлера и его окружения, говоря, что они виноваты перед русским народом, ждавшим помощи, в том, что вместо ожидаемой помощи решили использовать его тяжелое и безвыходное положение и навязать ему свое рабство; они виноваты перед всем человечеством в том, что во имя своих алчных целей не дали использовать представившуюся возможность надеть на коммунизм смирительную рубашку; они виноваты и перед своим собственным народом, доверившим им свою судьбу, и погубили его вместе с собою хотя и была возможность избавить его от окончательного разгрома.

Само собою разумеется, что все эти суждения генерала связаны были с его глубокими переживаниями, томившими его. В таких случаях он поднимался к себе наверх и подолгу ходил в спальне взад и вперед, а то бывало ночью спустится вниз и беседует с дежурным офицером. При этом нужно заметить, что Власова волновала не его личная судьба. О себе он не думал, и не раз во время наших ночных бесед говорил,

что мы должны считаться с тем, что мы лично погибнем по вине Гитлера, но зато мы дали идею, которая сокрушит коммунизм. Если нам самим не суждено было одолеть его, то продолжая наше дело, это сделают другие. Но Власова беспокоила судьба самого движения, которого еще не удалось оформить, его беспокоила судьба людей, ставших на путь освободительной борьбы и очутившихся на положении беспризорных. И только после обнародования Пражского Манифеста он успокоился, считая, что КОНР декларировал свою программу-минимум и тем самым Освободительное Движение Народов России в национальном, политическом, идеологическом, социально-экономическом и морально-религиозном смысле оформилось, и стало явлением исторического порядка (А тогда и жертвы оправдываются — примечание автора).

Однако, такие моменты бывали редко и мало кто видел Власова в таком положении. Обыкновенно, что бы у него не происходило на душе, он владел собой прекрасно и на людях бывал веселым и приветливым. А иногда как бы шутя говорил: «Да, действительно, нам не хорошо, но немцам, англичанам и американцам не лучше, им придется еще расхлебать кашу, которую заварили». А время шло и бесплодное ожидание выматывало нервы. И в таком нудном положении был не только Власов, но и остальные его генералы.

Власова часто посещали генералы Трухин, Благовещенский, Жиленков и Малышкин из Парижа, а также и Зыков. (Зыков во власовском движении сыграл немаловажную роль и о нем в конце этой главы я поделюсь с читателями теми данными, которыми располагаю). Жили они между собою дружно и все, как один, признавали над собою авторитет Власова. По вечерам играли в преферанс, играли хорошо и с увлечением. Можно сказать, за игрой все остальное забывалось и только изредка за столом раздавался взрыв смеха по адресу зазевавшегося партнера. Каждый вечер, как правило, весь штаб собирался вокруг радиоприемника послушать московские сообщения с фронта. Адьютант Антонов должен был делать заметки о передвижении линии фронта. А после передачи генерал раскрывал карту на столе и следил за линией фронта по сделанным записям. Покончив с картой, бывало в сердцах скажет: «Пойдет дядя Митяй гулять по Европам! Но он кажется, и до Америки доберется». Или еще: «Сталин обязан Гитлеру и Розенбергу в Москве на Красной площади поставить памятники, это они помогли ему выиграть войну».

ПОЛОЖЕНИЕ ГЕНЕРАЛА А. А. ВЛАСОВА НА ПУТЯХ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В ГЕРМАНИИ

В предыдущих главах я не раз упоминал о германской оппозиции гитлеровским мероприятиям, одновременно следовавшей и идею создания союзной русской освободительной армии, во главе с генерал-лейтенантом Власовым. И несмотря на исключительно отрицательное отношение Гитлера к подобной идее, оппозиционеры в течение двух лет вели упорную и рискованную борьбу, и в этом направлении они многого добились. Они создали Власову сносные условия для работы и дали ему возможность создать почти всю подготовительную работу для разворачивания самого движения. Мало того, оппозиционеры в 42-м году на среднем участке фронта, а в 43-м на северном попытались сформировать владовские части в боевой обстановке, и тем самым поставить Гитлера перед совершившимся фактом, но к сожалению обе попытки кончились неудачно.

Власов, даже по тем признакам, которыми располагал, понимал, что кругом происходит, ничего изменить не мог, и томился в своем бессилии. Для тех, от которых зависела судьба его дела, он значился всего лишь пленным генералом. Тем не менее Власов крепко держался своих позиций и держал себя достойно своему положению. Как в начале своего выступления в 42-м году он заявил, что мы, русские, можем выступить вместе с немцами против коммунистов для освобождения своего народа только на союзных началах, иначе наш народ с нами не пойдет и осудит нас, так он с этих позиций не сходил. При этом он прибавлял еще — в случае согласия германского правительства привлечь нас к совместной работе, права и обязанности обеих сторон должны быть закреплены договором, гарантирующим интересы и суверенитет нашей Родины.

Эти смелые высказывания Власова очень быстро стали достоянием населения оккупированных областей, а также русских добровольцев, военнопленных и так называемых рабочих с Востока. Идея Власова теплилась в сердце каждого из них и потому была воспринята с любовью и надеждой. Не малую роль в этом отношении сыграли «Открытое письмо» Власова и его листовки, предназначенные исключительно для той стороны линии фронта и благодаря заботам Штрикфельдта, распространенные и на этой стороне. Все это и многое другое сделали имя Власова, вопреки тенденциям нацистов общеизвестным и штаб его превратился в место паломниче-

ства. Власов прослыл вождем Русского Освободительного Движения. В Берлине его посещали русские и немцы, военные и гражданские лица, каждый хотел видеть генерала, у каждого было к нему дело. Отпускники — добровольцы и рабочие с Востока, попав в Берлин, считали своим неременным долгом посетить Власова и рассказать ему свои нужды. И генерал всех принимал, беседовал с ними и люди выходили от него со светлыми лицами и сияющими улыбками. Не прошло много времени и к Власову стали поступать сначала редкие, а потом и частые письма от казаков фон Паннвица и Доманова с просьбой включить их в РОА (После обнародования Пражского Манифеста генерал фон Паннвиц одним из первых поздравил Власова и выразил готовность со своим корпусом войти в РОА. То же самое сделал и генерал Штейфон, попросив включить Русский Корпус в РОА). Таким образом, вопреки желанию и запретам Гитлера, Власов стал центром русской освободительной борьбы и общепризнанным вождем.

Очень большую роль в деле установления внутренней связи между людьми в оккупированных немцами областях и в лагерях военнопленных сыграли пропагандисты школы Дабендорф. Благодаря своему назначению они официально проникали всюду, и с одной стороны разносили на места идею освободительной борьбы, а с другой информировали свое начальство, а следовательно и штаб Власова о состоянии дел на периферии. И чем больше пропагандистов выпускала школа, тем больше увеличивалась посещаемость штаба фронтовиками и рабочими с Востока. Наиболее ценные посетители брались на учет и из них составлялись списки. Таким образом Власов заранее составил себе приблизительное представление о наших будущих кадрах, и когда впоследствии пришлось организовать КОНР, и подведомственные ему отделы, штаб располагал большими списками кандидатов, что позволило в значительной мере сократить организационный период.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о Школе пропаганды РОА в Дабендорфе.

В предыдущих главах я не раз упоминал о том, что многократные попытки оппозиции практически осуществить идеи Власова, незамедлительно пресекались со стороны Гитлера и его окружения. И тем не менее ей удалось создать точку приложения сил, создать платформу, на которой можно было бы строить дальше. Таковой платформой была школа пропагандистов РОА в Дабендорфе, которая с первых же дней своего основания превратилась в идеологический центр

освободительной борьбы и резервуар накопления военно-политических сил — я бы сказал кадров движения. Этому достижению мы обязаны были главным образом полковникам Штауфенбергу и Гелену, которые по своим каналам провели его осуществление.

В связи с созданием школы я хотел бы упомянуть о том, что с самого начала войны в лагерях советских военнопленных немцы отделяли пленных по принципу национальной принадлежности. Помимо этого были взяты на учет офицерский состав и интеллигенция.

(Для нацистов принцип отделения русских военнопленных по национальному признаку был не нов. Еще во время Первой мировой войны немцы отделили русских военнопленных-христиан от мусульман — возможно, в угоду своей союзнице — Турции. В связи с этим покойный генерал П. Н. Краснов приводит следующий случай:

В 1914 году, во время Первой мировой войны, представитель Международного Красного Креста, сопровождавший вдову генерала Самсонова, приехавшую в Германию за телом своего мужа, и посетивший лагерь русских военнопленных в Вюнсдорфе, был изумлен отделением военнопленных мусульман от христиан. Чтобы внести ясность в дело, он попросил пленных мусульман спеть ему свой национальный гимн, и те дружно спели: «Боже, царя храни...»

У Гитлера разделение советских военнопленных по национальностям исходило из его восточной политики.)

Из этого взятого на учет русского офицерского состава и из интеллигентных пленных по принципу добровольного соглашения были составлены две команды — одна в Вүльхейде, другая в Вүстрау. Когда в начале 43-го года сверху из кругов оппозиции был дан приказ выделить особую команду из советских пленных для формирования Отдела восточной пропаганды, в основу ее легли сначала эти две команды, которые были потом дополнены добровольцами из лагерей. Так в марте 43-го года в Дабендорфе была заложена Школа пропагандистов РОА. И не случайно командиром этой школы (батальона) был назначен капитан Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт, друг Власова и доверенное лицо оппозиции из комсостава. Как было упомянуто выше, В. К. Штрик-Штрикфельдт — уроженец Петербурга и бывший офицер русской царской армии. В рядах верховного немецкого командования, не разделявших гитлеровской политики по отношению к России, он играл очень большую роль. С самого начала войны, не покладая рук, он работал в рядах оппозиции.

Помощником Штрикфельдта был назначен другой бывший русский офицер — ротмистр, москвич по рождению, Эдуард Карлович барон Деллингсхаузен, человек еще полностью старой культуры. Оба они были не только друзьями ген. Власова, но и связью между ним и немецкой оппозицией. Помимо них на все остальные административные должности были назначены бывшие офицеры русской армии и немцы-балтийцы, владевшие русским языком так же хорошо, как и немецким. Они служили для немцев правительственной инстанцией, официальным фасадом, а за их спиной стояло подлинное начинание.

Вся строевая и учебная часть школы подчинялась генерал-майору Федору Ивановичу Трухину, как представителю ген. Власова. Курсанты и преподавательский состав в школе были бывшие военнопленные. Лекции читались на русском языке на разные актуальные темы; политические, социально-экономические, исторические, идеологические, на тему об освободительной борьбе, структуре германской власти, и критики большевистской диктатуры.

(В защиту всех немцев, обслуживавших Дабендорф, начиная с самого Штрикфельдта и кончая последним писарем в его канцелярии должен заметить, что никто из них не кривил душой по отношению к своей родине. При создавшихся во время войны исключительных условиях они понимали, что в освободительном движении генерала Власова отражаются одинаково интересы русского и немецкого народов, и потому служили ему искренно).

Таким образом по официальной линии школа подчинялась полковнику Мартину из ОКВ и его ставленнику из Отдела восточной пропаганды капитану Штрикфельдту, а фактически во главе школы стоял ген. Трухин, непосредственно подчинявшийся Власову. Школа была забронирована таким образом за ОКВ, и туда не мог попасть никто из нежелательных посетителей без разрешения полковника Мартина.

У входа в школу на двух мачтах развевались германский национальный флаг и русский морской Андреевский флаг, потом замененный бело-сине-красным. На немецкой форме курсантов, на правом рукаве появился значок РОА, а на пилотке бело-сине-красная кокарда. Преподавание и строевая служба велись на русском языке. На довольствие школы шел нормальный германский военный рацион. Дабендорф превратился в русский оазис. Курсанты с гордостью выезжали по праздникам в город в своей форме и берлинцы, привыкшие ко многим иностранным военным формам, спрашивали друг друга, что это за новые войска «ПОА»?

Однако, говоря о пропагандной школе в Дабендорфе, нельзя ограничиться более или менее сносными внешними условиями, которыми друзья власовского движения окружили курсантов. В этом деле главную роль играли условия внутреннего духовного, морального порядка, как в частной жизни курсантов, так и в изучавшемся ими курсе. Вопрос этот сам по себе был очень сложен. Первым долгом пропагандист должен был быть уверенным в том, что содержание его пропаганды должно отвечать не только его личным духовным запросам, но главным образом чаяниям нашего народа по ту сторону.

Помимо того, курсанты-добровольцы были подобраны по принципу их интеллектуальной подготовки и жизненного опыта и конечно, в таком сугубо щепетильном вопросе у каждого из них была и своя национальная амбиция и свой взгляд на затронутые программой вопросы. В условиях же национал-социалистической действительности, когда всякое проявление русского патриотизма являлось крамолой, удовлетворить запросы курсантов и как то привести их к общему пониманию и сделать это не силой приказа, а силой свободного слова и аргумента, было очень трудно. И тем не менее, это положение в школе было достигнуто. Курсантам была дана полная свобода обсуждения любого вопроса затронутой темы. Правда, при этом часто происходили столкновения мнений, возникали острые споры, но в заключение все-таки приходили к общему решению, отвечавшему требованиям права и справедливости, как и их патриотическим запросам. Само собою разумеется, что при таком положении дел, увлекавшиеся спорщики не раз переходили границы дозволенного в нацистских условиях, и тем самым ставили Штрикфельдта и его подчиненных под удар СД (Зихерхейст Динст -- служба безопасности), но они каждый раз как-то отчитывались за «крамолу» своих опекаемых и не было случая, чтобы кого-нибудь выдали властям. Был в Дабендорфе один тяжелый случай, дело полковника Бушманова, но оно стояло особняком и в нашу тему не входит.

Из преподавательского состава доцент Зайцев и Штефанов, будучи сугубо национально настроенными, не раз своими смелыми высказываниями приводили в восторг курсантов, а Штрикфельдта и Деллингсхаузена быть начеку, чтобы отстоять их от СД. Кстати, до Штрикфельдта дошли сведения, что СД собирается арестовать Зайцева и Боярского, в связи с чем возникла необходимость обоих, на время, отправить в Данию, пока СД не остынет. Надо полагать, что те же

господа из СД выкрали и Зыкова с его адъютантом и переводчиком, поручика Ножина. Эти же типы потом попытались вменить Власова в их грязные дела, но своевременно были выданы одним из дабендорфцев и Власов потребовал произвести следствие по этому делу и виновные были куда-то убраны. Кстати, это были два брата из парижской русской эмиграции.

На фоне столь сложной и тяжелой миссии школы пропагандистов, наиболее ответственной являлась должность ее начальника, генерал-майора Федора Ивановича Трухина. По сути говоря, перед немецкими властями начальником Отдела восточной пропаганды, как назывался батальон в Дабендорфе, являлся капитан В. Штрикфельдт, который добровольно и услужливо в рамках школы уступил свою роль генерал-майору Ф. И. Трухину, оставив за собой административную часть с немецкой командой обслуживания. Ген. Трухин через короткое время сумел не только быть наделенным правами начальника школы, но и в полном смысле стать таковым. Умный, образованный, скромный и тактичный, он очень скоро завоевал сердца окружающих. Будучи военным до мозга костей, к тому же большим идеалистом, Федор Иванович Трухин был требователен к своим подчиненным, но справедливым. (В Красной Армии Трухин кончил Академию Генерального Штаба, служил по штабной линии и попал в плен Начальником Штаба Балтийского военного округа). Короче говоря, своими личными данными ген. Трухин быстро упрочил в Дабендорфе и свой авторитет и свое положение. Однако этого мало. К своим подчиненным он относился не только как начальник, но и как старший товарищ, заботливо и дружелюбно. Будучи по природе веселым и общительным человеком, в свободное от занятий время входил в частную жизнь своих подчиненных и помогал им в их нуждах. В Дабендорфе курсантская молодежь не только вполне доверяла своему начальнику, но любила и обожала его. Очень хорошие взаимоотношения установились и между Трухиным и Штрикфельдтом, как и со всей его командой.

В заключение этой главы я бы сказал, что в Дабендорфе произошел полный альянс между немцами и русскими, и дал блестящие плоды. Там в маленьких рамках произошло то, чего добивался генерал Власов, и чему противился Гитлер вплоть до конца своих дней.

МЕЛЕТИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗЫКОВ

Мелетий Александрович Зыков, лет сорока, попал в плен к немцам, будучи политкомиссаром, и уцелел тогда чудом, ибо помимо его социального положения (был приказ ликвидировать комиссаров), и наружность его выдавала в нем еврея. В прошлом он был сотрудником центральных столичных газет, был близок к Бухарину и в родственных связях с Бубновым. Короче говоря, он принадлежал к той советской элите ленинцев, которую Сталин разгромил. После расстрела Бубнова и Бухарина, заместителем которого являлся Зыков, (со слов самого Зыкова), арестовали и его, и после всего пережитого в застенках НКВД, отправили в концлагерь в Сибирь. А через четыре года, когда началась война, его, как и многих других недострелянных, досрочно освободили, восстановили в правах и отправили на фронт политкомиссаром.

Такой редкий советский экземпляр по тогдашним стандартам гитлеровцев мог уцелеть только случайно, и только потому, что он попал к таким культурным и сердобольным людям, как капитаны фон Гроте и Дюрксен. Они, рискуя многим, его схоронили, спрятали от посторонних глаз. И тем не менее, когда его спасители узнали про его анти-сталинские настроения, и предложили ему работать вместе с немцами, он ответил, что если «немцы пойдут освобождать мою родину, пойду с ними, а если идут ее закабалить, то отказываюсь». Сошлись на том, что он пойдет работать вместе с теми немцами, которые, как и он, борются за освобождение России.

Зыков с первого раза показал себя человеком светлого ума, колоссальных дарований и больших знаний. О нем рассказывали легенды, что, мол, он может в один прием продиктовать машинистке содержание газеты, начиная с ее названия до объявлений включительно, и номер получится прекрасный. Он прекрасно знал литературу, экономику, и другие науки, а также поэзию и был хорошим декламатором. Я сам с Зыковым в деловой обстановке не встречался, он жил и редактировал газету «Заря» в Дабендорфе, а я находился в Далеме в штабе. С Зыковым мы встречались, когда он приходил к Андрею Андреевичу в гости. Тут он бывал веселым, разговорчивым, остроумным собеседником, но, да простит мне читатель это мое заявление о покойном, да еще о владельце: мне он не нравился. От него на расстоянии чувствовалась советчина в самом худшем значении этого слова. В своем обращении с окружающими он бывал заносчивым, грубым и бесцеремонным. Мне он представлялся человеком, считающим себя единицей, а всех остальных — нулями, и

этого своего пренебрежительного, бесцеремонного отношения к нулям он даже не считал нужным скрывать.

К Власову он относился с большим уважением и преданностью. Со своей стороны Власов тоже ценил его дарования, исключительную работоспособность, и относился к нему дружелюбно и заботливо, поскольку среди окружающих Зыков нажил гораздо больше врагов, чем друзей. За ним установилась слежка Зихерхейтдинст, и его дабендорфские недруги не раз обращались к Власову с просьбой убрать Зыкова. Он мол, не наш человек, он с нами только потому, что обижен Сталиным, а нутром он такой же, как и те, против которых мы боремся. Но Власов Зыкова берег, таких крупных работников, как Зыков, у нас больше не было. Вокруг Дабендорфа поселились агенты СД из кругов старой эмиграции и стали строить козни не только против Зыкова, но и против самого Власова, но с ними быстро справились. Тем не менее, дело этим не кончилось, а пошло дальше.

Весною 44-го года вдруг Зыков и бывший при нем в качестве переводчика и адъютанта лейтенант Ножин исчезли накануне серьезного задания, в связи с которым Зыков, Жиленков и другие должны были выехать на фронт. Исчезли они из городской загородной квартиры Зыкова, куда он переселился с женой и адъютантом. Извещенные о случившемся органы СД отказались послать по горячим следам своих людей, заявив, что у них нет бензина для машины. Одновременно был пущен слух, что якобы Власов послал Зыкова через партизан на ту сторону, к советским. Власов потребовал вести следствие по делу Зыкова. Следствие затянулось, ибо все следы вели к органам власти. Короче говоря, их украли люди, относившиеся к врагам Власова и его идеи. Много позже один из СД признался Деллингсхаузену в том, что СД вынуждено было убрать Зыкова как марксиста-коммуниста, которого никак иначе отстранить не могли. К тому же Зыков был евреем. Нужно заметить, что в рядах Освободительного движения было немало евреев, но все они вели себя скромно и неприятностей ни с кем из них не было.

ГИТЛЕР У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Итак, в ожидании перемены в восточной политике Гитлера было погублено целых два года. Подходил грозный для немцев 44-й год. Предпосылки к разворачиванию событий 44-го года имели место еще во второй половине 43-го года. К тому времени Италия почти вышла из строя, а у немцев

значительная часть подводного флота была потоплена. Помимо того на восточном фронте Красная Армия перешла в серьезное наступление, и 25-го сентября заняла Смоленск, а в октябре Днепропетровск, Мелитополь, отрезала Крым, и выйдя на линию Днепра, повела общее наступление от Витебска до Таманского полуострова. В то же время англо-американцы заняли остров Сицилию и Корсику, и высадились недалеко от Рима. В связи с происходившими событиями и внутренняя оппозиция усилила свои атаки на фюрера. Представившийся было исключительно благоприятный случай спасти Германию от неминуемой катастрофы, и одновременно Россию и весь мир от коммунистов по злой воле манаака Гитлера, был упущен. Внутренняя оппозиция накалилась до предела и замечания ее по отношению к Гитлеру, Кейтелю, Йодлю и иже с ними стали выходить далеко за рамки ее сферы, чего до того не бывало. Надвигалась гроза, чаша терпения переполнилась.

В связи с происходившими событиями настроение у ген. Власова было не лучше, чем у оппозиционеров, но он ничего не мог предпринять, когда в стране назревали грозные отношения между нацистами и оппозицией. Видимо, что хотя Гитлер все еще продолжал упираться и повторять, что политика не дело военных, создавшееся положение на фронтах и в тылу его тоже устрасило, и 23-го августа 43-го года он назначил Гимmlера министром внутренних дел, иначе говоря, при нацистских порядках, он подчинил всю страну начальнику Гестапо. Настал 44-й год. События на фронтах идут плохо, германская армия под натиском врага все больше сдает позиции, авиация окончательно парализована американцами, и города в тылу остались беззащитными от вражеских налетов.

20 июля 44-го года, перед обедом, в штаб Власова приехал из ОКВ капитан Николай фон Гроте. Оказывается, Гимmlер изъявил желание принять у себя Власова и фон Гроте приехал сопровождать генерала. (Перед этим Власов был уже оповещен о желании Гимmlера). Андрей Андреевич предложил Гроте пообедать вместе и выехать после обеда. За столом у всех было приподнятое настроение, тон задавал сам Власов. Вдруг раздался телефонный звонок — это ОКВ вызвало Гроте. Вернувшись после телефонного звонка, Гроте во всеуслышание растерянно сказал: «В связи с покушением на Гитлера, наша поездка откладывается». Сообщение было встречено, как разорвавшаяся бомба, все присутствующие приняли его молча, но чувствовалось, что все ошеломлены. Обеспокоенный Гроте прервал свой обед, и спросив разрешения у генерала, покинул виллу. Андрей Андреевич тоже

ушел к себе наверх, а мы спрашивали друг у друга, что будет теперь с оппозиционерами? Видимо, не добившись от Гитлера изменения положения вещей, приведшего Германию к катастрофе, оппозиционеры решили пойти на крайность и избавить Германию от Гитлера.

Как стало известно позднее, эту тяжелую миссию взял на себя молодой полковник авиации, граф Штауфенберг, большой сторонник власовского движения. Пользуясь тем, что в ставку, для заседания Гитлера с его фельдмаршалами он должен был доставить документы, подлежащие обсуждению, он оставил под столом сумку с бомбой. Взрыв был страшный и жертвы были большие, но Гитлер уцелел благодаря тому, что наклонился над картой на столе и толстый дубовый стол спас его от осколков. Тем не менее он тяжело пострадал и к нормальному состоянию больше не вернулся. Вся власть перешла к Гиммлеру, он был назначен командующим войсками тыла, Гитлер управлял делами номинально. А после покушения разъяренные нацисты стали арестовывать и расстреливать оппозиционеров. За короткое время расстреляно было из рядов оппозиции 2.000 человек. Несколько видных военачальников покончило жизнь самоубийством. Германия впала в агонию. Расстрелян был мозг германской элиты, главным образом ведущая часть комсостава, что в свою очередь отразилось на боеспособности армии. Таким образом взрыв бомбы Штауфенберга послужил сигналом к началу конца войны и заката нацистской эпопеи. (Генерал Власов определял конец войны к середине 46-го года, но после покушения на Гитлера и его последствий, события пошли быстрее).

При таких условиях не трудно сказать, что заставило Гиммлера, ненавидевшего ген. Власова так же, как и Гитлер, вдруг пригласить его для переговоров. Да и пригласил он его не самолично, а с согласия Гитлера. Характерно и то, что за несколько дней до 20 июля, по линии Гиммлера обратились к генералу Жиленкову с предложением занять место Власова, поскольку мол ни Гитлер, ни Гиммлер не желают видеть Власова. Георгий Николаевич Жиленков категорически отклонил сделанное ему предложение, (аналогичное предложение в начале года ген. Кестринг сделал сначала генералу Малышкину, а потом и Трухину, а теперь очередь дошла и до Жиленкова). И тем не менее Гиммлер решил пригласить для переговоров Власова. (Я не сторонник мнения некоторых моих друзей, которые новое решение Гиммлера приписывают успешным воздействием на Гиммлера одного лица из его окружения. Зная характер Гитлера и Гиммлера, я уверен,

что решение Гиммлера пригласить на переговоры Власова было продиктовано страхом перед советскими танками и армиями, которые сокрушая все и вся на своем пути, подошли к германским границам, и притом внутри самой страны открылся негласный внутренний фронт. К тому же ни Гитлер, ни Гиммлер не верили, что активизация деятельности Власова может скольконибудь изменить их положение, уже все немецкие возможности были упущены. Если Гитлер и Гиммлер не оценили значения власовского движения тогда, когда оно могло иметь стопроцентный успех, то теперь они большого значения ему не придавали. И тем не менее, Гиммлер пригласил Власова, обходя армейское командование, т. е. подлинных сторонников идеи разворачивания русской освободительной борьбы в союзе с Германией.)

Я думаю, что в данном случае Гиммлер хотел всего лишь использовать Власова в своих целях, а именно: 1) Использовать Власова с его частями во фронтовых операциях (история с Первой дивизией РОА); 2) Отвести от себя миллионы ножей русских военнопленных и рабочих с Востока (Остарбейтеры), над которыми нацисты так долго измывались, которых терзали, морили голодом, эксплуатировали, как могли. Доказательством моего мнения является и то, что Гиммлер своих обещаний Власову не сдержал, да никогда и не собирался их выполнить, но об этом мы узнали очень поздно, уже после гибели Андрея Андреевича. Почему то полковник Крегер об этом молчит, хотя он сам стал сторонником Власова. Надо полагать, что идея пригласить Власова для переговоров принадлежала самому Гиммлеру, а д'Алкен и другие эс-эсовцы просто выполняли приказ своего шефа.

Вечером, когда все разошлись по своим комнатам, и мы с Андреем Андреевичем остались одни, я спросил у генерала, что произошло бы с нами, если бы покушение достигло своей цели, и Власов спокойно сказал, что нас выдали бы Сталину, и как бы углубляясь в свои мысли, сказал далее: «Раз оппозиция пошла на такой риск, значит она потеряла надежду на какой-нибудь другой выход из создавшегося положения, и чтобы спасти Германию от неизбежного разгрома, решила повторить пример Гитлера, но без Гитлера, то-есть просить у союзников мира.»

(Дело в том, что в мае 41-го года Гитлер послал своего помощника Хесса в Лондон позондировать почву для заключения мира, и тогда англичане отказались разговаривать с Хессом и тем паче с Гитлером).

Теперь, когда оппозиция решила во что бы то ни стало вывести Германию из войны, надо полагать, возникла необ-

ходимость убрать Гитлера, чтобы очистить путь к переговорам. Но такой шаг равносильен капитуляции, и новым представителям Германии пришлось бы принять любые условия победителей для начала переговоров. А раз до того дошло, Сталин не преминул бы потребовать нашей выдачи, как предварительное условие для переговоров. Кто стал бы настаивать, когда на карту поставлена судьба Германии и ее народа?

И в этом вопросе оппозицию винить нельзя, поскольку она в течение двух лет использовала все свои возможности, чтобы переубедить Гитлера развернуть нашу общую с ними антикоммунистическую борьбу. Теперь видимо, потеряв всякую надежду на свой успех, и предчувствуя близкий конец войны, решили пойти ва-банк, пожертвовав своей собственной жизнью. Но это их не спасет. Уже слишком поздно для таких выступлений. Это только сократит агонию Германии и наш подготовительный период.

После этого разговора, я подумал: а в самом деле, как бы ни сложилась дальнейшая наша судьба, можем ли мы быть в претензии на наших политических единомышленников, которые несмотря на все запреты Гитлера шли напролом и помогали Власову, чем могли. Не их вина, что они не смогли переубедить ослепленного властью фюрера. Теперь они выбрали отдельный путь — пожертвовать собою, но облегчить судьбу своей родины, если это будет возможно. Но ведь и Власов, тоже откликнувшись на планы германской оппозиции, надеялся при помощи немцев спасти свою родину от свалившегося на нее несчастья, из которого она собственными силами никак выбраться не может.

Таким образом, взрыв бомбы Штауфенберга автоматически прервал надежды Андрея Андреевича — при поддержке и помощи своих немецких друзей достигнуть своей цели. Теперь нацисты возьмутся за них и основательно их потрясут; им не до русского вопроса будет, да и сроки уже на исходе. Перед Власовым стала новая проблема — что делать? Мало того, Власов сам и его Движение не были гарантированы, что новые потрясения не коснутся его персонально, поскольку некоторые из арестованных по делу покушения не раз посещали Власова в Далеме, а фон Фрейтаг-Лорингхофен, покончивший собою, чтобы не попасть в мясорубку нацистов, был в дружеских взаимоотношениях с Власовым. Насторожило Власова и неожиданное желание Гимmlера повидать его, не знал, что кроется за таким неожиданным жестом. Однако Андрей Андреевич молчал и вида не показывал и только стал задумчивее.

Прошло некоторое время в ожидании разворачивания событий. Как-то позвонили в штаб, что генерала Бичерахова хозяйка квартиры нашла на полу в бессознательном состоянии и доставила его в больницу, а там установили отравление. Нельзя было выяснить, произошел несчастный случай, или его умышленно отравили. Перед этим генерал был в гостях у одного из офицеров СС.

Генерал Лазарь Феодорович Бичерахов офицер Терского Казачьего Войска, близко стоял к Андрею Андреевичу и последний его ценил и уважал как своего советника по делам народов Кавказа (сепаратисты его не любили).

Этот случай заставил еще больше насторожиться, но в результате случай не повторился. А генерала спасли, хотя и болел он долго и тяжело. А когда пришлось покинуть Берлин, Андрей Андреевич распорядился больного Бичерахова забрать с собою в Карлсбад. Там он и поправился.

Все это происходило тогда, когда на политическом горизонте тучи предельно сгустились и гроза готова была разразиться, со всех сторон стали поступать тревожные сведения; русские парни и девушки, работавшие в Селезии на предприятиях просили помочь им выбраться на Запад, а из берлинских лагерей для рабочих, люди ночью прибегали в штаб просить помощи выбраться из Берлина. И никому тогда в помощи не было отказано, вывезены были все, кто этого хотел, не смотря на строгий запрет Гебельса берлинцам эвакуироваться, не считаясь и с нарушением местных полицейских и разных административных требований в отношении остовцев.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ № 18.

Полковник Е. Ф. Мандрыш.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КОМИССИЯ КОМИТЕТА ОСВО-
БОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ ПРОСИТ ВАС ПРИЙТИ
НА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИТЕТА, ИМЕЮ-
ЩЕЕ БЫТЬ В ГОРОДЕ ПРАГА 14 НОЯБРЯ 1944 ГОДА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ
КОМИССИИ:

ПОЛКОВНИК *Мандрыш*

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ (Власовское движение)

ПРИЕМ У ГИММЛЕРА И НАЧАЛО АКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Со дня покушения на Гитлера прошло два месяца. Разъяренный до бешенства Гиммлер потряс оппозицию до основания, перестреляв из ее рядов около двух тысяч человек, и покончив с крамольниками, вернулся к текущим делам. Вспомнил и про Власова и пригласил его в свою походную ставку на 16-ое сентября для переговоров. На этот раз Власов был лишен своих друзей. Его должны были сопровождать эсэсовцы д'Алкен и Элих, но Власов не захотел ехать без Штрикфельдта и взяли и его с собою. Выехала группа из Берлина поездом со Штеттинского вокзала вечером 15 сентября и приехала к месту назначения вовремя. Ровно в 10 часов Гиммлер принял Власова, но заявил, что желает видеть его одного. Андрей Андреевич было заартачился, не хотел войти без Штрикфельдта, но последний уговорил его не задерживаться, чтобы не создавать лишнего прецедента. Оказалось, что не желая видеть Штрикфельдта, которого Гиммлер считал прорусско настроенным, он пригласил переводчиком балтийского немца, полковника ЭсЭс Крегера. Таким образом при переговорах Гиммлера с Власовым присутствовали д'Алкен, Элих и полковник переводчик Крегер.

Гиммлер приветливо встретил Власова со словами: «Я о вас хорошо информирован, говорил о вас с фюрером. Жалею, что наша встреча состоялась так поздно, но надеюсь, — не совсем поздно. Я знаю про допущенные немцами ошибки и прошу вас быть со мною откровенным». После такого вступления, он предложил Власову изложить ему свою идею.

Поблагодарив хозяина за приглашение, Власов изложил ему идею антикоммунистической освободительной борьбы, этого самого могучего оружия против власти коммунистов, чего Сталин больше всего боялся, и одновременно указал на вред восточной политики немцев. Это она превратила русский народ из друзей во врагов. Тут же он не постеснялся указать, насколько понятие «унтерменш» задевает честь и национальное достоинство русского народа. В настоящее время — сказал Власов — положение на фронте можно было бы изменить путем создания большой русской антикоммуни-

стической армии с освободительными целями, которой была бы передана и пропаганда на восточном фронте. Тогда бесспорно наступит перемена в нашу пользу. Однако, для этого нам нужно будет передать все добровольческие части, находящиеся в немецких частях, и восточных рабочих, работающих на предприятиях, а также и все национальные формирования народов Советского Союза.

Присутствовавшие на этом приеме потом говорили, что Власов держал себя с большим достоинством и не боялся говорить то, что Гиммлеру было неприятно слушать. До того едва ли кто-нибудь посмел говорить с Гиммлером безнаказанно таким языком, как и едва ли Гиммлер позволил кому-нибудь говорить с ним таким тоном. Надо полагать, что те соображения, которые принудили Гиммлера пригласить Власова на прием, вынудили его и терпеливо выслушать укоры Власова. Гиммлер сказал, что понятие «унтерменш» не относится ко всему русскому народу. «Унтерменши» есть у всех народов, но у нас они сидят в тюрьме, а в Советском Союзе управляют страной.»

Затем, обсудив совместно главные вопросы по предстоящим формированиям, Гиммлер от имени германского правительства признал Власова возглавителем Освободительного движения народов России. После этого перешли к деталям, из которых главными нужно считать следующие: 1) желательно, чтобы антикоммунистическая борьба была бы общей и велась бы от имени всех народов России, и чтобы национальные формирования этих народов подчинились бы будущему общему комитету; 2) чтобы Власов мог бы формировать столько дивизий, сколько он сможет осилить, но готов выступить на фронт со своими войсками не раньше, чем у него будут готовы и вооружены пять дивизий. (Позже Гиммлер телеграммой сообщил Власову, что тот должен выступить на фронт, имея готовых и вооруженных не пять дивизий, а три). 3) Гиммлер не обещает передать Власову русские добровольческие части, состоящие в немецких частях, и рабочих, занятых на немецких военных предприятиях, поскольку их нечем заменить, но поскольку Власов рассматривал разрешение этого вопроса вообще в зависимости от развития предстоящих событий, возражать не стал. (Будущее, мол, покажет!) 4) Практическую помощь Власову по формированию РОА Гиммлер возложил на своего помощника генерала Бергера, с которым Власов должен был поддерживать тесную связь; а полковник Крегер назначается при Власове офицером связи.

На этом прием окончился и сопровождавшие Власова

вышли вместе с ним. К этому времени в приемной Гимmlера собрались многие лица из эсэсовской элиты. Полковник Крегер, указав на одного из генералов сказал, что от него зависит судьба арестованных и заключенных в тюрьму руководителей организации Национально-Трудового Союза. Власов попросил познакомить их, и сказал: «Генерал, я позволю себе заверить вас, что в лице арестованных членов Национально-Трудового Союза вы держите в тюрьме своих доброжелателей». Тот ответил: «Вы думаете?» На что Власов сказал, что он в этом уверен. Тогда тот сказал, что он этот вопрос пересмотрит. (Этот разговор передал мне тогда сам Андрей Андреевич).

Вернулся Власов из своей поездки в более или менее хорошем настроении, ибо если с одной стороны договоренность хотя и состоялась очень поздно, когда масса практических возможностей была уже упущена, когда Красная Армия уже справилась со своими неудачами и инициатива на фронтах уже целиком перешла в руки Сталина, но с другой стороны, этот прием развязал ему руки, открывал ему путь к активной деятельности, к возможным успехам, к надеждам. А самое главное — теперь он мог открыто разработать политически и идеологически обосновать русскую антикоммунистическую борьбу в Германии, как общенародное чаяние. (Тогда ведь этот вопрос находился в весьма печальном состоянии). Теперь Власов получил возможность на базе общих освободительных идей и народных чаяний создать практическую платформу, духовное пристанище не только для всех беспризорных русских за рубежом, но и для всего нашего народа, пребывающего в коммунистической неволе.

Таким образом, половина его забот уже отпала, ибо как бы ни кончилась для него война, но движение, принявшее форму и содержание, выступление общенародного характера, поскольку оно стремится выполнить многолетнюю мечту всего народа, пребывающего в коммунистической неволе и не имеющего возможности избавиться от нее, такое движение останется в истории, как пример подражания для будущей нашей молодежи.

И наконец, эта договоренность давала ему возможность приступить к практической реальной работе, обрасти живой силой, без которой во время войны действовать при любых условиях невозможно.

Под влиянием этих соображений Власов вернулся из своей поездки удовлетворенный (здесь я постарался по возможности точно передать мысли и переживания, которые Андрей Андреевич неоднократно высказывал).

Но вернемся к его встрече в Берлине, где его окружение с нетерпением ожидало его возвращения. Когда же он вернулся, и стало известно, что между Гиммлером и Власовым состоялась договоренность, наступило общее ликование и взаимные поздравления. Слишком уж долго ждали этой договоренности! Никто не хотел подумать о том, что эта запоздалая договоренность с уже обанкротившимся партнером, шаг в неизвестность. Для всех нас было важно то, что наконец-то мы добрались до своей цели!

На следующий день после возвращения Власова в Берлин на Кибитцвег было назначено заседание генералов, под председательством Власова, а через два дня вышел первый приказ Власова, предусматривавший ряд перемен в нашей жизни. Этим приказом кончалось наше бездеятельное состояние, и началось создание аппарата для развертывания большого дела. Резервом для создания аппарата служила наша школа в Дабендорфе. Но так как к тому времени у нас был миниатюрный штаб Власова в Далеме и сравнительно небольшая канцелярия Трухина в Далеме, то нужно было сначала расширить и укрепить оба штаба для их работоспособности. В связи с этим из Дабендорфа был переведен в Далем целый ряд офицеров и солдат на новые должности, прибыла целая рота охраны под командованием майора Беглецова и хозяйственная рота под командованием майора Шишкевича; штабные службы распались на целый ряд подразделений и получили свое оформление. В самом штабе тоже произошли большие перемены: мне было приказано сдать должность коменданта штаба майору Хитрово, и начальником охраны штаба был назначен капитан Каштанов. Бывшему начальнику Личной канцелярии самого Власова приказано передать свои полномочия мне, а самому принять Отдел безопасности. Все новоназначенные лица получали свои служебные помещения и набирали свои кадры. В этом отношении у генерала Трухина, несмотря на всю сложность и громоздкость его деятельности, положение было проще: он сам был хозяином кадров. Он быстро сколотил свой штаб, и когда из Дабендорфа переехал в Далем, то целый ряд улиц был занят его подразделениями, и они напоминали муравейник. При этом нужно заметить, что главная работа штаба Трухина — формирование первых трех дивизий РОА была заложена и протекала в Мюнзингене и Хойберге, недалеко от Ульма. Скоро и некоторые его подотделы из Далема были переброшены в Мюнзинген, ибо в Далеме ему стало тесновато. Но помимо этих трех дивизий, в состав вооруженных сил РОА вошли русские воздушно-воздушные части под командой полковника, произведенного

в генералы, Виктора Ивановича Мальцева; о них и о самом Мальцеве скажу несколько слов в конце этой главы.

На заседании генералов после возвращения Власова от Гимmlера было установлено организовать пока пять отделов (потом их стало больше): Общйй организационный, под председательством помощника Власова, генерал-майора Мальш-кина, Военное управление под начальством А. А. Власова, Гражданское управление под председательством генерал-майора профессора Д. Е. Закутного, Пропагандное управление под руководством генерал-лейтенанта Г. Н. Жиленкова и Управление Безопасности под командой сначала подполковника М. Калугина, а потом Н. Тензорова.

Читатель легко может себе представить, что творилось в Далеме, в этой сравнительно небольшой фешенебельной части Берлина, когда стали разворачиваться все упомянутые отделы. Улицы с утра и до вечера бывали полны народом, хотя некоторым Управлениям пришлось разместиться в других частях города. Но с размещением управлений по отведенным им помещениям работа их не могла наладиться, ибо у нас не хватало обслуживающего персонала — как-то машинисток, секретарш и других необходимых специальных работников и нанимать их было не на что. Положение спасли наши соотечественницы, которые осаждали канцелярии и предлагали свой труд бесплатно. И тогда работа закипела. Правда, большинство из этих женщин приходило из лагерей и на целый день оставались голодными. Но офицеры, работавшие в управлениях и на своих пайках открывшие офицерскую столовую, пригласили наших благодетельниц обедать вместе в кантине. Так продолжалось до ухода из Берлина, не смотря на то, что с получением кредита, все бесплатные сотрудники были зачислены на жалование. От всего происходившего кругом, создавалось впечатление, что здесь началось большое дело. Далем стал не только местопребыванием ген. Власова, и КОНР, но и центром формирования Освободительного Движения Народов России. К Власову стремились не только наши старые и новые эмигранты, но и немцы и пребывавшие в Германии иностранцы. Я бы сказал, что Далем стал Центром русской политической жизни. И интерес к нему со стороны иностранцев все больше и больше увеличился в связи с тем, что сквозь огонь и дым сражений на фронте уже проглядывал страшный лик наступающего коммунизма. Каждый посетитель Далема приходил с заботой и надеждой, ибо к тому времени чувствовалось, что на путях военных сражений не осталось границ, где бы германская армия могла

отразить наступающую красную армию, чувствовалось, что черт выпущен из бутылки на широкие просторы западных стран и от него деваться будет некуда.

Интересно отметить, что несмотря на то, что фронт все больше и больше приближался сначала к границам Германии, а потом и по германской территории, желающие попасть в РОА не унимались, все наши Отделы были завалены письмами с просьбой вытребовать их из немецких частей и учреждений. А девушки просто убегали из лагерей, приходили в штаб Власова и заявляли, что останутся здесь и обратно не вернуться. Делайте, что хотите. Вот и приходилось всеми правдами и неправдами оформлять таковых и найти им работу.

Но приходили и ценные работники, которых предприятие не отпускало, а они категорически отказывались вернуться на работу. Все это надо было как-то наладить, и всеми правдами и неправдами зачислить людей на работу и на довольствие. Само собой разумеется, что в связи с таким наплывом людей, каждый день по нашим улицам курсировали полицейские патрули, но никаких неприятностей полиция нам не причиняла, а если и случалось что-нибудь, то полиция с обвиняемым обращалась в нашу канцелярию и мы разбирали дело.

По утрам почтальоны приносили почту в больших мешках из-под муки и вываливали ее на пол. Начинался разбор и препровождение писем по отделам. В одной только Личной канцелярии на разбор писем и ответы сидело десять человек, а когда пришлось покинуть Берлин, три дня топили камин, чтобы письма или именные списки не достались большевикам. Оставили им только целые полки с пропагандным материалом. Короче говоря, вскоре Личная канцелярия развернулась в целое Управление.

Здесь нужно сказать несколько слов о наших военно-воздушных силах, возглавлявшихся полковником, а потом генералом Мальцевым. Для Власова и его окружения Мальцев был человеком со стороны. У него еще до приглашения Гиммлером Власова наладилась работа с германскими летными частями, которые считались с ним, поддерживали его и давали ему возможность собирать вокруг себя летчиков из советских военнопленных. Хотя в 1944 году по распоряжению генерала Кестринга и повезли Власова к Мальцеву в Морицфельд на «отдых», между ними никаких деловых связей не было.

Полковник Мальцев еще молодым полковником сделал блестящую карьеру на советской службе, дослужившись до должности начальника военно-воздушных сил Средне-Азиатского военного округа. Но настал трагический 37-ой год и его, как и многих других офицеров, безо всякой вины арестовали и посадили в тюрьму. Там на допросах ему выбили несколько зубов. С началом войны его освободили и послали в Крым на поправку здоровья, — а тут немецкая армия заняла Крым. Ненавидя всеми фибрами души большевиков, он представился немцам и был назначен комендантом города Ялты. Тогда же он написал свою брошюру под названием «Конвейер НКВД» (работа НКВД в тюрьмах). Потом немцы вывезли его в Германию. Однако, будучи еще в Крыму, Мальцев посещал больницы и санатории, разыскивал раненых и больных советских летчиков и помогал им. Один из этих опекаемых раненых советских летчиков, поступивший потом в ряды Военно-Воздушных сил РОА, лейтенант Аяс Хакимоглы, и по сей день с благодарностью вспоминает ту большую и незаменимую моральную и практическую поддержку, которую полковник Мальцев оказывал им в их тяжелом и беспросветном положении. Он потом и позаботился об их выезде в Германию. Начав с этих летчиков, Мальцев потом в Морицфельде (Восточная Пруссия) собрал несколько эскадрилий и вспомогательных пехотных частей.

К Власову Мальцев пришел, имея свои формирования, и вошел с ними в состав вооруженных сил РОА. Но в Далеме Мальцев открыл всего лишь небольшую канцелярию для связи с центром.

С Власовым у Мальцева сложились не только нормальное деловое взаимопонимание, но и прекрасные теплые дружеские взаимоотношения. После выдачи ген. Мальцева осталась на произвол судьбы его жена Антонина Михайловна.

К военным формированиям КОНР относятся еще и корпус генерала Туркула, (один полк) и вспомогательные инженерные войска инженера К. И. Попова. Обе эти части ни в каких операциях участия не принимали, было уже поздно.

ПОДГОТОВКА К ОФОРМЛЕНИЮ СТРУКТУРЫ ДВИЖЕНИЯ

Центральным моментом структуры оформления Освободительного движения нужно считать создание его руководящего органа, т. е. Комитета. Но поскольку само Освободительное движение предусматривалось общим для всех народов Советского Союза, возникала необходимость выработать

проект политической платформы, на которой могла бы состояться общая договоренность. В связи с этим, по решению организационного совещания генералов, составление текста проекта манифеста было поручено идеологам из Дабендорфской школы. Группа работала под руководством Ковальчука, помощника генерала Жиленкова.

Составить текст манифеста для такого идеалистически и политически принципиального начинания, как Власовское, в обстановке нацистской Германии оказалось не так просто. Но, принимая во внимание историческое значение этого акта, составители текста решили абсолютно игнорировать обстановку, в которой они были призваны работать, и исходить в своей работе исключительно из нужд и чаяний наших народов в обстановке коммунистических порядков и режима. Законченный текст манифеста был представлен Власову, а он, прокорректировав его вместе со своими генералами, созвал специальную комиссию из 30 человек научных и общественных деятелей новой и старой эмиграции, чтобы выслушать, отредактировать и принять текст манифеста к руководству. Комиссия текст выслушала и никаких существенных поправок в него не внесла. Только в конце, когда каждый из присутствовавших должен был высказать свое мнение о манифесте, все отозвались о нем весьма положительно, и только генерал Бискупский (представитель старой эмиграции в Германии) сказал, что он монархист и потому ничего сказать не может, а генерал Лампе, начальник Второго отдела Обще-Воинского Союза заявил, что он обязан доложить сначала о тексте начальнику Союза генералу Архангельскому.

(На последнем заседании КОНРа в Карлсбаде генерал-майор фон Лампе вошел в КОНР, и это произошло не случайно. Дело в том, что незадолго до начала войны Германии против Советского Союза, генерал Лампе написал письмо Главнокомандующему Браухичу, в котором писал, что он убежден в том, что война между Германией и Советским Союзом неизбежна, в связи с чем просит иметь в виду русский Обще-Воинский Союз, который готов бороться против коммунистов. Ответа на это письмо не последовало. А через две недели после возникновения войны, Лампе написал в канцелярию Гитлера аналогичное письмо, с приложением к нему копии своего письма Браухичу. Дней через пятнадцать канцелярия Гитлера ответила, что письмо отправлено на рассмотрение фельдмаршалу Браухичу, а тот в свою очередь ответил, что в войне Германии против Советского Союза привле-

чения русской эмиграции не предвидится. После такого ответа генерал Лампе к своему приказу по Второму отделу РОВС приложил упомянутую переписку, прибавив, что каждый член РОВСа волен действовать самостоятельно, но должен поддерживать при этом с ним связь).

Короче говоря, текст Манифеста был отредактирован, принят и отправлен Гиммлеру за разрешением для его обнародования. Но Гиммлер вернул его с указанием дополнить двумя пунктами: первый — антиеврейская борьба и второй — борьба против плутократов. По первому пункту Власов ответил, что КОНР не может внести в текст Манифеста антиеврейский вопрос, поскольку в Советском Союзе все народы равны. Вопрос же о борьбе против плутократов пришлось внести, поскольку он никакого практического значения не имел, как не имел и никакого отношения к задачам освободительной борьбы. Власову и КОНРу пришлось отдать дань времени, чтобы не вступить в конфликт с Гиммлером.

С законченного текста пришлось сделать 50 копий для руководства при ведении переговоров с желающими вступить в движение.

Ввиду того, что текст Манифеста обширен, здесь я позволю себе привести ниже только 14 пунктов из его текста, которые составляют основное ядро программы-минимум всего начинания: (См. приложение).

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных связей со всеми странами и всемерное развитие мер народного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщин.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли

в частную собственность крестьянам. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых и обеспечение старости.

11) Уничтожение террора и насилия. Ликвидация всех насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Комитет считает, что уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил, и что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

ПОДГОТОВКА К СОЗЫВУ КОНР

Почти параллельно с выработкой текста проекта Манифеста, велась и подготовка к созыву Комитета.

Как-то после организационного совещания генералов Власов вызвал меня к себе, объяснил предстоящую задачу

созыва Комитета и в связи с этим дал мне ряд списков лиц, которых я должен был пригласить к нему для переговоров. Но в виду того, что лица, подлежащие приглашению, исключая русских, принадлежали к не-русским народам России, уже давно завербованным министром Восточных областей Розенбергом, проводившим свою расчленительную программу по отношению к России, надо было быть очень осторожным, чтобы не попасть на провокацию. Помимо этого, работа сама по себе была очень сложной и кропотливой, в связи с перегруженностью как самого Власова, так и его канцелярии. Поэтому ко мне была временно прикомандирована секретарша генерала Малышкина Валентина Крылова, с которой мы целыми ночами работали над созывом будущих кандидатов на вхождение в КОНР. Переговоры шли далеко не так гладко, как со стороны русских по национальности, так и нерусских, но так или иначе, а недели через три был составлен Комитет из 50 членов при 12 кандидатах. В него вошли представители 15 народов России.

На первом же своем учредительном заседании члены КОНР наметили свое временное положение, выбрав председателем генерала Власова и президиум в лице профессора Ф. П. Богатырчука, генерала В. Ф. Малышкина, генерала Ф. И. Трухина, генерала Г. Н. Жиленкова, генерала Д. Е. Закутного, при двух кандидатах: профессора Иванова и Ю. Музыченко. Временное положение должно было быть утверждено перед обнародованием Манифеста.

Примерно в это время из Парижа приехал к Власову генерал профессор Н. Н. Головин, а немного позже генерал Драгомиров, и оба предложили Власову свои услуги. Генерал Головин взял на себя труд новых военных учебных пособий для РОА. Генерал Драгомиров из-за преклонного возраста оставался в резерве. Начальник Обще-Воинского Союза генерал Архангельский благословил генерала А. А. фон Лампе поддерживать связь с Власовым (как я указал выше, генерал Лампе в Карлсбаде вошел в КОНР).

Но с этого момента в окружении Розенберга начались открытые и подпольные волнения среди эмигрантов.

Дело было в том, что когда Розенберг объявил набор последователей его политики, к нему пошли все, кто ненавидел коммунистическую диктатуру. Если при этом кое кому из пошедших к нему расчленительная политика была по душе, то другим она могла и не нравиться. (У каждого были свои взгляды на решение его национального вопроса, независимо от германских взглядов, но немцы говорили только о праве нерусских народов оторваться от России, а какова должна

была быть их дальнейшая судьба, стояло под вопросом). Но делать было нечего, других путей антикоммунистической борьбы не разрешалось. Теперь же создается общий для всех комитет, с учетом пересмотра больших вопросов для всех, и конечно, люди стали пересматривать собственное положение. Происходили всевозможные ожидаемые и неожиданные случаи, из которых я приведу несколько характерных:

Первым политическим деятелем, прорвавшим фронт Розенберга был председатель Калмыцкого Национального комитета Шамба Балинов. Позвонив в канцелярию и попросив приема у генерала Власова, он пришел на следующий день. Никто еще не знал о цели его визита. Власов принял гостя приветливо, как соотечественника. Нужно заметить, что с самого появления Балинов на всех нас произвел прекрасное впечатление. Сразу можно было сказать, что это человек, соблюдающий свое собственное достоинство, и умеющий обращаться с другими. После знакомства и нескольких общепринятых взаимных вопросов, говорить о цели своего посещения начал сам Балинов.

«Господин генерал, я хорошо информирован о вашем начинании и его задачах, и знаю о том, что германские власти согласились на формирование вами общей антикоммунистической борьбы народов России. В связи с этим наш Национальный комитет уполномочил меня просить вас включить и нас в ваше начинание.»

Выслушав Балинова, Власов поблагодарил его и в его лице членов Калмыцкого Национального Комитета за выраженное ему доверие и предложил Балинову вступить в формируемый общенациональный комитет. После этой официальной части Балинов стал информировать генерала о делах калмыков и их заботах, на что Власов ему сказал: «Дорогой Балинов, мы все пострадали, и знаем про ваши заботы, но постараемся в предстоящей нам общей борьбе беречь живую силу таких малых народов, чтобы было кому на свободной родине наладить жизнь своего народа». Эти слова Власова тронули Балинова до слез.

Было время пятичасового чая и Власов пригласил своего гостя к столу. За столом завязалась беседа. С этого дня Балинов, как полноправный член власовского движения посещал штаб генерала ежедневно, а потом стал и другом Власова.

Вслед за Балиновым пришли к Власову с аналогичным предложением — от осетин профессор Цагол, от горцев Цинбал и Чачук, от грузин в личном порядке генерал Шалва Маклагелидзе. Вслед за ними вошли в Комитет представители от армян, народов Туркестана и целый ряд других лиц.

Как-то рано утром приехал к Власову председатель грузинской колонии д-р Кедия в сопровождении двух эсэсовских офицеров. Власов был еще у себя наверху. Я предложил гостям сесть и пошел доложить о них генералу. К моему удивлению гости продолжали стоять. Вошел Власов и поздравившись, предложил им сесть и сам подошел к своему креслу за столом. Но гости и не подумали сесть. Не предвидя ничего демонстративного, Власов сказал: «Господа, садитесь и поговорим». И вдруг Кедия демонстративно сказал: «Генерал, очевидно, вы собрались прочесть нам лекцию, но лекцию и я могу прочесть». Власов в недоумении ответил: «Никакой лекции читать не собираюсь, но раз приехали ко мне, полагаю, что хотите со мною поговорить». На это Кедия ответил, что он прибыл сюда по настоянию его друзей, показывая на эсэсовцев, «но раз приехал, считаю нужным заявить, что вы стараетесь свалить Сталина и занять его место сами, а для нас ни Сталин и ни вы не приемлемы». После такого заявления Власов сказал: «Я думаю, что нам с вами не о чем говорить», на что тот ответил, что он тоже так думает. И с этими словами все трое покинули виллу. Никто не мог ничего понять. Во время войны, когда каждый день гибнут сотни тысяч людей и решаются судьбы народов, ответственные представители народов могут заняться такими недостойными их положения выходками!

Однако, когда весть о случившемся дошла до грузинской колонии, несколько уважаемых лиц из грузинской интеллигенции собралось у бывшего председателя колонии д-ра князя Абхазии и пригласили и меня туда на чашку чая. За столом меня попросили информировать их о посещении Кедии Власова, что я и сделал. Оставив вопрос о Кедии открытым, присутствовавшие просили меня рассказать об идее и задачах власовского движения. Я предложил им копию текста Манифеста, который тут же был прочтен и обсужден. На прощание все просили передать Власову, что они поддерживают его начинание и войдут в Комитет, но в силу обстоятельств временно должны стоять в стороне.

Был еще один неожиданный прием человека из розенберговских кругов. Как то позвонил в канцелярию председатель Белорусской Национальной Рады профессор Астровский, и просил передать Власову, что он хочет повидать его. На этот раз Власов предпочел быть осторожным, поскольку еще недавно Кедия сыграл с ним такую неумную и недостойную шутку. Он приказал сообщить Астровскому, что генерал Власов будет в отъезде, но если бы тот захотел, то его примет помощник Власова, ген. Малышкин. Астровский

согласился и встреча состоялась у Василия Федоровича Малышкина. После взаимного приветствия Астровский заявил, что хотел бы поближе познакомиться с идеями и задачами власовского движения, и потому решил получить информацию из первоисточника. Василий Федорович обстоятельно изложил своему гостю все, что требуется в таких случаях, и в заключение дал ему прочесть текст Манифеста. Астровский никаких возражений не высказал, но на прощание сказал, что сомневается в том, чтобы немцы дали Власову осуществить все, что здесь написано. Видно было, что Астровский остался доволен своим визитом, как мне показалось, но к Власову больше не приходил.

И, наконец, самые долгие и тяжелые переговоры велись с бывшим Атаманом Всевеликого Войска Донского, с генералом от кавалерии Петром Николаевичем Красновым.

Как известно, в 43-м году по приказу Гитлера казачьи части с фронта оттянули в Млаву. Там из них сформировали один казачий корпус, который под командованием тогда еще полковника, а потом генерала немецкой службы фон Паннвица отправили в Югославию на борьбу против партизан, и второе соединение — Казачий стан, под командованием донца-генерала Доманова, отправленный на размещение в северную Италию. (В Казачий стан входили не только казаки, но и их семьи). Помимо этого в Берлине было организовано Обще-Казачье Управление, начальником которого был назначен генерал П. Н. Краснов, а помощником его же племянник Семен Николаевич Краснов.

В том же 43-м году мне пришлось побывать в Париже и познакомиться с Семеном Красновым. Тогда мы условились — он повлияет на Петра Николаевича, а я — на Андрея Андреевича, чтобы они договорились и работали бы вместе. С тех пор прошло много времени, за это время Власов и Краснов очутились в противоположных политических лагерях. Краснов с казаками находился в орбите Розенберга. А когда настало время переговоров, и Власов уполномочил меня поговорить с Петром Николаевичем (я имел честь быть знакомым с ним довольно близко), я решил начать разговор с его помощником, Семеном Николаевичем. К моему удивлению, он категорически отказался говорить с дядей по этому поводу, поскольку они уже подписали договор с немцами и нарушить его не могут. После меня Юрий Сергеевич Жеребков, находившийся в родственных отношениях с Петром Николаевичем, говорил с ним о совместной работе с Власовым, и генерал наотрез отказался обсуждать этот вопрос.

При этом должен заметить, что еще до активного выступления Краснова, целый ряд политических и общественных деятелей старой нашей эмиграции, чтобы познакомить и сблизить Краснова с Власовым, устроили в Далевице у фон Шлиппе ужин с участием обоих генералов. Мало того, специально для урегулирования вопроса между казаками и РОА приезжали из Югославии, Болгарии и Чехии казачьи генералы, посещали Власова и Краснова, стараясь свести их в одну общую организацию, но генерал Краснов упорно стоял на своем.

Должен также заметить, что с самого начала формирования КОНР в него вошли, не обращая внимания на отрицательную позицию Краснова, два генерала Войска Донского Абрамов и Балабин, но вошли они в личном порядке. Однако, время работало не на генерала Краснова. Вдруг, без предупреждения приехал в штаб генерал Войска Донского Полозов и приказал доложить Власову о нем. Власов вышел ему навстречу и ввел его в кабинет, и оттуда раздался голос Полозова: «Генерал, я пришел просить вас включить меня в вашу организацию, ведь все мы русские и делаем наше общее дело». А потом стали приезжать походный атаман Войска Донского генерал Татаркин, атаман Кубанского казачьего войска генерал Науменко и генерал Шкуро. Все они стали принуждать генерала Краснова войти в РОА. В то же время в Личную канцелярию на имя ген. Власова каждый день приходили письма от казаков то с просьбой принять их в РОА, то с угрозой, что они расправятся с теми, кто мешают их вхождению в РОА.

Под таким общим давлением со стороны своих казаков, Петр Николаевич приехал к Власову и предложил ему совместную борьбу против коммунистов, с условием, что казаки останутся автокефальными, а он учредит при Власове постоянную сотню для связи. (Такое положение в России существовало при царе Алексее Михайловиче. Казаки признавали на Москве власть царя и держали при нем постоянную казачью станицу, а сами у себя на Дону жили своими порядками).

Видя, что с генералом Красновым ничего не поделаешь, Власов дал приказ формировать при штабе вооруженных сил КОНР Казачье Управление, назначив начальником его бывшего походного Атамана Войска Донского генерала Татаркина, а его начальником штаба полковника генерального штаба Карпова. (Вслед за этим Атаман Науменко дал приказ о включении казаков Кубанского войска в РОА, а после признания Власова главнокомандующим войск КОНР, все

казачьи части и корпус Штейфона были официально включены в РОА.)

После всего сказанного читатель может спросить — чего добивался Краснов: сепаратизма, ухода казаков от России? Зная генерала Краснова очень хорошо, я отвечу — нет! Краснов бесспорно был одним из очень больших патриотов России. Об этом говорит его долголетняя безупречная служба в рядах старой императорской армии, об этом говорят все его литературные труды, об этом говорит и приводимое ниже его письмо берлинской эмиграции в ответ на ее просьбу возглавить эмиграцию за рубежом.

К о п и я

П. Н. Краснов
№ 238

Милостивые Государыни,
Милостивые Государи и
Господа офицеры!

Будучи весьма тронут Вашими словами внимания, призыва и ободрения, благодарен Вам за Ваше ко мне доверие, не могу принять на себя то, что Вы мне пишете. Вы переоцениваете мои силы, знания, талант и умение. Я был только верным Государю и Родине солдатом и при всей своей телесной немощи таковым остался душой. Я не знаю, я чужд всякой политики и потому, радея о Родине и любя ее, не могу взять на себя бремя, Вами мне предлагаемое.

Когда наступит час действий и борьбы соберу последние свои силы и их и самую жизнь принесу на Алтарь Отечества.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности, с коими остаюсь благодарный Вам

п. п. П. Краснов
с подлинным верно: Г. Самсидис.

18 мая 33 г.

из Франции в Берлин

(Письмо было написано по старой орфографии — К.К.)

Нужны ли еще какие нибудь доказательства преданности генерала Краснова России? Причины его работы с Розенбергом нужно искать в том, что он был не только русским, но и казаком, и казаком Всевеликого Войска Донского, которое не только любил, но и обожал. Для него, Краснова, седой

Дон с его укладом жизни, вековыми традициями, с его историей, богатой подвигами казаков на полях сражений являлся не просто родиной, а целым мировоззрением, без чего он жить не мог. И Краснов не принял революцию 1917 года, нивелировавшую казачество с его особыми привилегиями, и до конца жизни оставался его преданным защитником. Он не раз говорил, что для того, чтобы освободить Россию от коммунистической неволи, нужно сначала твердо стать обеими ногами на казачьи земли и общими силами двинуться на север (он считал, что центр и север России больше коммунизированный, чем казаки). И он рассчитывал стать на казачьи земли при помощи немцев. Когда же я раз имел смелость сказать: но Петр Николаевич, ведь немцы эту войну проиграют — он возмущенно ответил, что это только я так думаю.

Как-то, во время нашего сидения на Кибитцвег, я рассказал Власову о взглядах, высказанных Петром Николаевичем, и Андрей Андреевич их в корне раскритиковал, говоря: «Во-первых, трудно сказать, какая часть населения России больше и какая меньше коммунистическая при настоящем смещении населения, во-вторых, коммунизм надоел всему населению, но есть и люди, устроившие свое благополучие на порядках коммунистов и те будут бороться за него. Что касается наступления с юга на север, — это битая карта Белых Армий времен гражданской войны. Казаки бесспорно прекрасное войско, но и ими и центр и север России не покоришь! Иначе говоря, голой силой коммунистическую власть в России не уничтожим. Для этого нужно, чтобы население центра и севера, как и южане было бы уверено, что в борьбе против коммунистов творится его воля. Немцы во время этой войны своим обманом многому нас научили».

Возвращаясь теперь к этим прошлым печальным событиям приходишь в недоумение от того, что все эти события протекали почти накануне конца войны, когда все мы жили сегодняшним днем. При этом не только генерал Краснов продолжал упорно отстаивать свои позиции, но и министр Розенберг болел душой, что его люди переходят к Власову, и высказывал протесты Гиммлеру. А Кейтель, Йодль и иже с ними, проигравшие войну, все еще продолжали твердить, что они пальцем о палец не ударят, чтобы чем-нибудь помочь Власову.

Удивительное умопомрачение!

Да простит мне читатель перечень столь маловажных фактов и дрызг, но я вынужден был на них остановиться, чтобы отдать дань времени и показать, в каких сложных и тяжелых условиях возникло и развивалось власовское дви-

жение. Тогда палки в колеса ставили не одни только гитлеровцы, но и свои, судьба которых в той или иной степени зависела от успеха или неудачи этого же власовского движения...

Но вернемся еще раз к нашей повседневной организационной работе.

Как уже было указано выше, организационное совещание генералов постановило создать пять управлений, и они стали подведомственными органами КОНРа. Эти пять управлений своими функциями должны были охватить все вопросы, имевшие отношение к идее освободительной борьбы, разрешение которых являлось целью и содержанием всего движения. Эти управления были следующими:

1. Военное управление, во главе которого стоял сам генерал Власов со своим начальником штаба генералом Трухиным, ведало всеми вооруженными силами КОНРа. Само собою разумеется, что всю практическую работу по формированию вел начальник штаба под руководством начальника Управления. Умный, энергичный и опытный генерал Трухин развил быстрые темпы формирований и за короткое время сформировал две с половиной дивизии и офицерскую школу РОА. Из них он успел полностью вооружить только Первую дивизию (не по его вине остальные части не были вооружены. В рамках предоставленных ему возможностей он достиг больше, чем можно было ожидать).

Характерной особенностью воинов РОА было то, что это были не просто солдаты в обыкновенном смысле этого слова, а борцы за идею освобождения своей Родины. Только во имя этого они взяли в руки оружие и добровольно подчинились воинской дисциплине; во имя этого добровольно стали в строй, чтобы пожертвовать единственным, что у них еще осталось — своей жизнью, если потребуется. Готовясь к боям, они выдвинули лозунг: Наша сила — это наша идея, и наше оружие — это наше слово!

Одновременно, отрицая коммунизм, РОА боролась за материальные и культурные накопления, оставленные их отцами и дедами, за землю и волю для следующих поколений, и потому при всех торжественных актах, как символ, всегда исполнялся сначала «Коль славен наш Господь в Сионе», а потом «От края до края»...

Чтобы не быть голословным в своих утверждениях, я позволю себе забежать вперед и подтвердить свои слова тем, что бойцы РОА настолько свято несли свой долг, что к концу войны, когда на них надвинулась катастрофа и казалось

спасения нет, они в течение нескольких недель не пытались как то скрыться и спасти свою жизнь, но стойко оставались на своих местах, выполняя приказы своих командиров до последнего момента. Такой выдержкой в истории русской армии отличилась еще команда «Варяга» в 1905-м году. Первая дивизия РОА получила приказ разойтись лишь после того, как американцы категорически заявили, что они с Власовым разговаривать не желают, и когда советские танки уже вклинились в расположение дивизии. И если команда «Варяга» скрылась в волнах океана вместе со своим кораблем, то воины РОА так же спокойно пошли на смерть, на пытки в застенках КГБ, на многолетние сроки тюремных заключений. Таков был моральный облик воинов РОА и ее командиров.

2. Вторым управлением КОНРа нужно считать Обще-организационное, во главе которого стоял помощник Власова генерал Малышкин. Я бы сказал, что для возглавления управления с такими сложными и специфическими функциями, как Обще-организационное, лучшую кандидатуру трудно было бы подобрать. Дело в том, что в этом отделе сходились вопросы не только структурно-организационного порядка, но и политические и национальные. А как известно, из-за террористически-дьявольского образа правления в России, национальный вопрос принял для нас всех довольно обостренные формы, гитлеровцы же, строившие на этом обострении свои личные планы, обострили его еще больше. Но умный и тактичный Василий Федорович, своим внимательным отношением к интересам и заботам всех народов, вошедших в КОНР, всегда вовремя предотвращал всякие недоразумения и обходил подводные камни. Благодаря такому отношению к делу, между членами КОНРа и в подведомственных ему организациях было полное доверие друг к другу, что создавало предпосылки к плодотворной работе всего движения. Иначе говоря, Обще-организационное управление сколотило не только структурный механизм всего движения, но как бы вдунуло в него идею нашей общей освободительной борьбы, благодаря чему каждый участник движения чувствовал, что он борется в рядах движения за свои личные и национальные интересы, и это его собственная организация. Во Власовском движении никакой внутренней межнациональной недоговоренности не было, там все было договорено, и все участники честно протянули друг другу руки и пошли бороться вместе.

Очень сложную и ответственную работу вел секретариат Общего Управления во главе с д-ом Д. А. Левицким. На этом перекрестке сходились все политические, национальные

структурно-организационные нити, объединявшие народы, представляемые КОНРОм.

3. Третьим управлением КОНРа являлось Гражданское управление. Председателем его был назначен генерал Д. Е. Закутный. В задачи этого управления входила судьба миллионов наших соотечественников, которые очутились на положении рабочей силы в Германии, как «унтерменши». Тогда миллионы очутились у Гитлера на положении рабов двадцатого века. Они жили и работали в ужасно тяжелых условиях, не говоря уже о том, что над ними царил произвол безответственных людей. Гражданскому управлению надлежало в срочном порядке войти в связь с соответствующими немецкими учреждениями, чтобы использовать свои права для улучшения жизни и работы так называемых «Остарбейтэров», рабочих с Востока. Ему было дано право рассылать своих людей по фабрикам и заводам для наблюдения над условиями жизни и работы, и благодаря этому они были приноровлены к условиям жизни и работы остальных иностранных рабочих. К тому же был установлен контроль над производом административных лиц. Во всей этой работе немалую помощь оказал Закутному Юрий Константинович Майер, прекрасно владевший немецким языком и не менее хорошо знавший права и порядки немцев.

К концу войны, когда красный фронт вторгся на территорию Германии, представители Гражданского управления на местах помогали эвакуироваться рабочим, не желавшим попасть в руки коммунистов.

4. Четвертым управлением КОНРа нужно считать Пропагандное управление. Во главе его стоял генерал Георгий Николаевич Жиленков. На нем лежала очень тяжелая и ответственная задача. Дело в том, что гитлеровцы своими агрессивными планами и нечеловеческими мерами обращения с людьми вооружили против себя весь мир, в том числе и народы нашей родины. Следовательно Пропагандному управлению надо было, выступая со стороны немцев, с одной стороны отмежеваться от всего нацистского, а с другой стороны утвердить и распространить нашу собственную идеологию и цели. В условиях нацистской Германии сделать это было не так легко. Приведу один характерный пример того времени:

КОНР добивался уничтожения значков «Ост», которые каждый рабочий обязан был носить на груди и не имел права его снимать. Его мы решили уничтожить и заменить чем-нибудь. Вдруг в личную канцелярию приходит письмо от

одной фабрики, в котором просят генерала Власова прислать 50 значков «Ост» для восточных рабочих. Я им ответил, что во-первых они обращаются не по адресу, а во-вторых посоветовал позаботиться о приобретении значков «Вест», которые им скоро придется носить самим.

Несмотря на все препятствия, которые чинили ему нацистские аппаратчики, Жиленков достиг очень многого. Во-первых все три наши газеты «Воля народа», орган КОНРа и «Заря» и «Доброволец» для рабочих и военнопленных, так же как радиостанция Освободительного движения народов России (на русском языке) стали рупором КОНРа с его идеями и задачами. Пропагандная сеть, считая и курсантов Дабендорфа, пронизывала всю эмигрантскую периферию вместе с лагерями военнопленных и рабочих. Немало пропагандного материала разбрасывалось наступавшим красным фронтовым частям.

Хочется упомянуть об одном случае. Само собою разумеется, что наши печатные органы распространялись бесплатно, и их не хватало, они быстро исчезали. В Берлине на Александерплатц (площадь названа была именем Александра Первого) ежедневно происходили сборища рабочих, работавших на развалинах домов. Они, видимо, находили немало ценных вещей и торговали ими между собою. На этих сборищах номер «Воли народа» стоил 5 марок. Когда об этом узнал Жиленков, он поехал в издательство просить удвоить тираж газеты, но издатель отказал. Жиленков стал убеждать его, но раздраженный чиновник-нацист заявил, что он может и совсем закрыть газету за неимением бумаги. Однако Жиленков не растерялся и спросил — знает ли он, кто открыл Америку? Тот опешил от такого вопроса и спросил: причем тут Америка? А при том, что в таком то году Христофор Колумб открыл Америку — и попробуйте теперь ее закрыть! Закрыть нашу газету теперь тоже не в вашей воле. Немец разозлился, тиража не прибавил, но и закрыть газету тоже не рискнул.

Этот характерный случай ясно говорит о той тяжелой и зачастую враждебной обстановке, в которой Жиленкову приходилось разворачивать дела своего управления. Кроме того, слишком коротки были сроки для того, чтобы каждый советский солдат, попавший в Германию вернулся бы домой с правильным представлением о роли и деятельности Власова и власовцев. Зная хорошо Жиленкова, я бы сказал, что это был один из самых талантливых людей в окружении Власова и его роль в деле поднятия Власовского движения весьма велика. Жиленкова нельзя было сопоставить с любым из

наших генералов. В то время как генералы Власов, Малышкин, Трухин и Закутный, несмотря на их службу и карьеру, сделанные в рядах Красной Армии, по складу мышления и вообще по духовному миру являлись синтезом из дореволюционного с пореволюционным, Жиленков был продуктом чисто пореволюционного мира. У него были совершенно иное мировоззрение, иной подход к делу, иные практические приемы. Хотя он был и чистейшей воды коммунистическим продуктом, он сохранил очень ценные человеческие качества и был приятен в общении с окружающими.

Незаурядными работниками были и его помощники по управлению — Ковальчук и А. С. Казанцев. Обоих их Власов очень высоко ценил и любил, в особенности Казанцева.

5. Пятым управлением КОНРа было Управление Безопасности, и о нем я ничего особенного сказать не могу, поскольку деятельность подобных учреждений всегда протекает в глубокой тайне, а наше к тому же ничем особенным себя не проявило. Можно только сказать, что в той обстановке, в которой формировалось и развивалось Освободительное движение, это управление ничем особенным себя проявить и не могло. После договоренности Власова с Гиммлером, в соседнюю со штабом виллу поместились два молодых человека из СС, которые не только нас охраняли, но и сопровождали Власова в поездках (в штатских костюмах). Они оказались очень приятными и услужливыми людьми и за все время своего пребывания в Далеме не проявили ни одной бестактности, и всегда старались помочь, когда приходилось обращаться к их помощи.

Особое положение занимал штаб Власова, находившийся в его непосредственном подчинении. В связи с таким положением функции Личной канцелярии разрослись, и автоматически личная канцелярия превратилась в шестое Управление, обслуживавшее генерала, и через которое он связывался с периферией, и разрешал целый ряд вопросов внутреннего порядка.

Однако, приступив к практической работе, КОНР не ограничился вышеупомянутыми пятью управлениями; возникла необходимость формировать целый ряд дополнительных отделов, как например: национальные советы, подчинявшиеся своим членам КОНРа и разрабатывавшие свои национальные вопросы для предложения КОНРу; Финансовое управление под председательством профессора С. И. Андреева; Научный совет, под председательством профессора И. Москвитина для разработки и улубления тем, затронутых

Манифестом; Красный Крест под председательством члена президиума КОНРа профессора Ф. П. Богатырчука; Военно-санитарное управление под председательством полковника-профессора Новикова; Народная помощь, под председательством Георгия Александровича Алексеева.

Примерно в таком составе КОНР закончил свою предварительную организационную работу и попросил у Гиммлера разрешения на обнародование Манифеста. При этом, остро переживая свою полную зависимость от немцев, но желая придать обнародованию Манифеста некий автокефальный характер, Власов просил обнародовать его в славянском городе — Праге. Гиммлер согласился и был назначен день — 14-е ноября. Все заботы об этом были возложены на Протектора Чехии и Моравии Франка.

ОБНАРОДОВАНИЕ МАНИФЕСТА

Обнародование Манифеста было назначено на 14-ое ноября, а 11-го ноября члены комиссии в составе полковника Меандрова (позже он был произведен в генерал-майоры), майора Чкалова и бывш. представителя русской эмиграции во Франции Юрия Жеребкова выехали из Берлина в Прагу для разработки с местными представителями власти точного порядка церемониала и обслуживания гостей, приглашенных на торжество. Все протекало, как по нотам. Протектор Франк действительно не посчитался с затратами. Весь церемониал был разработан и проведен на уровне, достойном своего назначения.

КОНР и его гости выехали накануне из Берлина двумя специальными поездами. Первый поезд с КОНРОм и почетными гостями прибыл в Прагу в 23 часа и был поставлен до утра на запасный путь, а второй прибыл позже и приезжие были встречены на вокзале членами комиссии и развезены по гостиницам, где для них были заказаны номера. Когда же утром первый поезд был подан к перрону и Власов вышел из вагона, его встретил и приветствовал в сопровождении почетного караула начальник местного военного округа генерал Туссен. С вокзала приезжих развезли по гостиницам, КОНР и его почетных гостей поместили в «Алькрон». Затем последовал прием у Франка и для узкого круга немецких и русских офицеров обед в Чернинском дворце. Для всех остальных завтраки и обед организованы были в одном ресторане.

Начало церемонии назначено было на 15 часов, в знаменитом зале Марии Терезии в Градчанах. К этому времени

КОНР и его гостей привезли туда кого на автомобилях, кого автобусами. Ехать могли только по пригласительным билетам. У входа в замок Власова встретил немецкий почетный караул отдаением чести, а когда он вошел в зал в сопровождении Франка и Лоренца, присутствующие встретили вошедших громом аплодисментов. Нужно было посмотреть на многочисленных репортеров, которые как бешеные метались по всему залу, выискивая подходящую позицию для очередного снимка. Снимали происходящее и на ленту. Среди присутствовавших были: Протектор Франк, представитель германского правительства СС-генерал Лоренц, министр внутренних дел Чехии, командующий войсками восточных областей генерал Кейстринг, представитель русской эмиграции в Германии генерал В. Бискупский, начальник Второго отдела Русского Обще-Воинского союза генерал А. Лампе, командир Дроздовской дивизии генерал Туркул со своим окружением и дипломаты некоторых союзных и центральных стран.

Наконец все заняли свои места, и репортеры успокоились, хотя они до конца церемонии мешали присутствовавшим.

Члены КОНРа расположились впереди на возвышении за столом буквой «П». Заседание открыл старейший из них профессор Сергей Михайлович Руднев. С первых же слов у профессора задрожал голос и по щекам его покатались слезы. Точно такое же тяжелое настроение наблюдалось и у других. Открыв заседание, профессор предложил выбрать председателя и единогласно был выбран генерал Власов. После того, как генерал Власов занял место председателя и поблагодарил членов КОНРа за доверие, предложил выбрать президиум заседания и в его состав вошли ген. В. Ф. Малышкин, проф. Ф. П. Богатырчук, ген. Ф. И. Трухин, ген. Жиленков, ген. Д. Е. Закутный. А кандидатами — проф. Иванов, литератор Ю. А. Музыченко и проф. Будзилович. После этого с приветствием от себя и подведомственного ему министерства выступил Протектор Франк, а потом представитель правительства генерал Лоренц, назвавшие Власова другом и союзником в борьбе против коммунизма. Заслушан был и доклад генерала Малышкина.

После процедурной части Власов перешел к деловой и приступил к чтению Манифеста. При гробовом молчании присутствовавших раздался четко и звучно первые слова: «Соотечественники! Братья и сестры! В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, судьбу нашего народа, нашу собственную судьбу.»... и дальше: «Представители народов России, в полном сознании своей ответствен-

ности перед своим народом, историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения народов России». А вслед за этим последовали 14 пунктов морального, социально-экономического и политического характера, разрешение которых Комитет ставил своей задачей, во имя раскрепощения страны и освобождения народов от коммунистической неволи. Так, строчку за строчкой и страницу за страницей генерал Власов огласил текст Манифеста, после чего председатель поставил вопрос перед Комитетом о принятии его, и текст без изменения был принят. В зале раздался гром продолжительных аплодисментов.

Следующими вопросами, подлежащими разрешению были утверждение временного положения КОНР-а и утверждение состава президиума. В заключение Власов объявил В. Ф. Малышкина своим заместителем.

Этим деловая часть была окончена. После нее были оглашены приветственные телеграммы, среди которых было поздравление от Гиммлера. Особенно ценными для нас были поздравления от старого сторонника и доброжелателя владовской идеи начальника генерального штаба германской армии генерал-полковника Гудеряна и командира Казачьего Корпуса генерала Хельмута фон Паннвица.

Перед закрытием заседания Власов поблагодарил хозяев за оказанное КОНР-у содействие и затем, под шум оваций и щелканье фото-репортеров члены КОНР-а и гости покинули зал. После обнародования Манифеста Франк дал в Граданах банкет для узкого круга приглашенных русских и немцев, а остальные до вечера имели время осмотреть достопримечательности города. Вечером в автомобильном клубе состоялся общий банкет и в 23 часа КОНР и его гости покинули Прагу и вернулись в Берлин.

Так состоялось официальное обнародование Манифеста КОНР-а. Было сделано все хорошо, но только с опозданием на два года. На следующий день после приезда в Берлин Власов посетил Дабендорф побеседовать с курсантами и принять их поздравления. Энтузиазм у курсантов был большой.

18-го ноября КОНР обнародовал Манифест в Берлине исключительно для эмиграции, военнопленных и восточных рабочих. На этот раз обнародование состоялось в большом зале Европахуз, у Ангальтского вокзала. Зал был переполнен до отказа и на улице осталось желающих примерно столько, сколько мог вместить зал. На этот раз церемониал был разработан применительно к нашим требованиям; зал был украшен национальными флагами народов России,

вошедших в Комитет, стены были обвешены транспарантами с антикоммунистическими лозунгами, первый ряд за малым исключением был занят духовенством во главе с председателем Архиерейского Синода, митрополитом Анастасием, и от духовенства с проникновенным словом выступил о. Александр Киселев.

Появление Власова сопровождалось сплошными овациями. У входа в дом его встретил почетный караул из Дабендорфской школы, а в зале путь его до сцены сопровождался рукоплесканиями присутствовавших. Заседание открыл генерал Жиленков и передал слово Власову. В сильных и метких выражениях Власов изложил задачи Освободительного движения, образование общего Комитета народов России в целях общей антикоммунистической борьбы, объявил о состоявшемся 14 ноября обнаружении Манифеста КОНР, а затем огласил текст Манифеста.

На этот раз впечатление от текста Манифеста было совсем другое, чем у присутствовавших в Праге. Как бы высоко они не оценили текст, но для них, немцев, это был всего лишь хорошо составленный документ, содержащий гуманные и политически приемлемые идеи. Для присутствовавших же в Европахуз содержание Манифеста было многовековой мечтой их дедов, их отцов и их самих, которую КОНР ставит себе задачей осуществить при таких тяжелых условиях и в чужой стране. Конечно все присутствовавшие с любовью и болью в душе воспринимали каждое слово. Не удивительно, что многие плакали. Настроение в зале с каждым новым выступлением становилось все напряженнее, и дошло до апогея, когда представитель РОА, поручик Димитриев в своем выступлении сказал: «Мы не наемники немцев и не собираемся стать таковыми. Мы сражаемся за независимую Россию без большевиков и угнетателей». Гром продолжительных аплодисментов прервал речь оратора и не мало людей вытирали глаза платками. Уж слишком тяжелые раны носил каждый в своей душе.

Не менее захватывающими были речи и других ораторов. Так например член КОНРа Ю. А. Музыченко сказал: «...Я выступаю тут как член КОНРа, как украинец, который любит свой народ, как выразитель настроения широких кругов этого народа. Украинский народ хорошо понимает, что его основным историческим заданием ныне является ликвидация большевизма. Он понимает также, что победы над большевизмом можно достичь только объединением всех антибольшевистских сил в одном центре... Платформа Манифеста, которую принял я и мои товарищи по Комитету — укра-

инцы, дает все предпосылки и гарантии для полноценного развертывания национальной работы — реконструкции нашей национальной жизни...»

Из выступления рабочего М. Д. Фоменко:

...«В этот торжественный день мы обращаемся к нашим братьям и сестрам, к отцам и матерям, к нашим друзьям и товарищам, томящимся пока еще в сталинской неволе с призывом: «Вставайте на священную борьбу с угнетателями Родины — России! Уничтожайте везде сталинских сатрапов! Будущее России, будущее всех народов, населяющих ее, наша собственная судьба, будущее наших детей — в наших руках...»

Крестьянин Андрей Горюнов:

«14-ое ноября 1944 года врезывается в мое сознание и в мое изболевшееся сердце. «Воля народа» — это наше крестьянское знамя...»

Из выступления унтер-офицера РОА Саакяна:

«Я — сын армянского народа. Я знаю, что мои деды и прадеды, свободолюбивый армянский народ, всегда боролись за свободную и независимую Армению. Эту борьбу мы будем вести до полной победы... Господа члены Комитета Освобождения России, вы взяли на себя ответственность за судьбу миллионов людей, населяющих Россию. Чуждым народу идеям большевизма вы противопоставили подлинно народные идеалы человеческой справедливости. На вашем знамени написаны слова общечеловеческой правды. Не на крови и мести вы собираетесь строить счастье наших народов, а на свободе и справедливости, на чувствах гуманности и человеколюбия. В этом ваша сила. В этом залог того, что народы России как по эту, так и по ту сторону линии фронта пойдут за вами...»

Из речи фронтовика капитана Боброва-Голубовского:

«От имени офицеров и солдат, уже сражающихся на фронте, я приветствую Комитет Освобождения Народов России. Я простой русский человек из крестьян, перед лицом собравшихся здесь патриотов нашей Родины, обращаюсь ко всем труженикам русской земли с горячим призывом встать на святую правую борьбу против антинародной сталинской власти, поработившей нашу родину — Россию... Путь борьбы долог и труден. Нужен жертвенный подвиг от чистого сердца во имя спасения Родины. Тысячи солдат Освободительной армии готовы на

подвиг, готовы на смерть. Ведите нас, генерал Власов! С нами правда, а там, где правда, там и победа!»

Подобных выдержек из речей выступавших можно было бы привести много, очень много.

По окончании выступлений были оглашены телеграммы и письма, поступившие от наших соотечественников на имя Власова и КОНРа. Поздравления были одиночные и коллективные. Наиболее трогательным было поздравление (радиограмма) от бывшего батальона Русской Народной Национальной армии, сидевшей в то время в окруженной американцами французской крепости Лориан.

По окончании церемонии все стоя пропели хором «Коль славен» и председательствовавший закрыл заседание. Публика расходилась, как после большого праздника веселая и шумная. Долго еще по улицам, примыкавшим к Ангальтскому вокзалу слышна была русская речь.

20-го ноября в воскресенье Владыко Анастасий в сослужении с митрополитом Серафимом в берлинском кафедральном соборе отслужил молебен с провозглашением Многая лета вождю Освободительного движения Андрею и воинству его. А перед молебном Владыко сказал прочувствованную проповедь, упомянув, что согласно русской традиции, каждое большое дело надо начать с молебна. На этом молебне Власов был лишен возможности присутствовать. Его представлял генерал Жиленков в сопровождении полковника Меандрова и пишущего эти строки.

Весть об обнародовании Манифеста с быстротой молнии облетела всю Германию, лагеря военнопленных и рабочих, и подняла всех русских на ноги. С раннего утра и до поздней ночи улицы, примыкавшие к штабам и канцелярии КОНРа были полны народом. Все искали приема или справки об интересующем их вопросе. Приходили не только свои, русские, но и немцы, испанцы, болгары, югославы, венгры, приезжали дипломаты, журналисты и корреспонденты газет, включительно до «Фелькишер Беобахтер» (орган Геббельса). Особенно трудно приходилось Военному управлению, которое одновременно формировало не только дивизии, но все подведомственные ему подотделы. Нелегко было и в личной канцелярии Власова, куда тянулись нити со всех сторон. Не могу умолчать и о той, весьма тяжелой и трудной работе, которую развернуло Гражданское управление в связи с заботами и нуждами рабочих с Востока и военнопленных. К 1-му марта 1945 года оно добилось полного уравнивания рабочих с Востока с остальными рабочими, — но это было уже поздно.

Вообще я бы сказал, что со времени приглашения Власова Гиммлером, положение его в германских официальных кругах сильно укрепилось. 11-го ноября его пригласил на прием министр иностранных дел фон Риббентроп, а потом пригласил на прием Геринг, Геббельс и Лей. Первые трое были очень любезны и внимательны к его высказываниям, но зато Лей был очень груб и невежлив, и Власов поднялся, чтобы уйти. Тогда тот опомнился, переменял тон и предложил гостю изложить свою идею. Разговор кончился общими фразами. Еще более отрицательные взаимоотношения продолжали оставаться между Власовым и Розенбергом. Власов слышать о нем не мог, но тот продолжал гадить Власову, пока его не отстранили от дел. А в общем Далем превратился тогда в русский политический центр, с которым одни вынуждены были считаться, а другие смотрели на него, как на последнюю свою надежду. Власова рвали на куски, он физически не мог принимать всех, кто хотел его видеть, и он дал мне право во всех случаях, когда решение дела выходило бы за рамки моих возможностей, пользоваться его именем, но потом ставить его в известность.

Одновременно довольно успешную работу развернуло Пропагандное управление. Помимо газеты Дабендорфской школы «Заря», теперь стал выходить орган КОНРа «Воля народа», военный орган «За Родину», и орган военно-воздушных сил «Наши крылья». Помимо печатных органов, пущена была в ход и радиостанция КОНР на русском языке.

Конечно при таком положении приходили люди, работавшие на фабриках и заводах, и тогда мы вступали в конфликт с Главным управлением СС (СС-Хауптамт). И тем не менее вопросы разрешались в нашу пользу. Таковы были требования времени, и немцы редко когда отказывали нам в наших просьбах. В этих вопросах положительную роль играл полковник СС Крегер, который заменил при Власове нашего дорогого Штрик-Штрикфелдта. (В это время из кругов немецкого военного командования мало кто вмешивался в наши дела, если не считать генерал-полковника Гудеряна, начальника Генерального штаба немецкой армии, который в теплых словах поздравил Власова после обнародования Манifestа.

Параллельно с посещаемостью штабов стали поступать и пожертвования, как от местного русского населения, так и от рабочих и пленных с Востока. Жертвовали деньгами, старыми золотыми монетами, золотыми крестами и обручальными кольцами, и разными другими ценными вещами. Кто-то пожертвовал две дюжины часов, а один принес Власову

официальный документ, подписанный Петром Великим. Особенно трогательны бывали сборы, совершаемые в лагерях между рабочими, которые доставлялись Власову через делегации рабочих. Пожертвования продолжали поступать все время, пока наши части находились в Берлине. Когда наши части покинули Берлин, а я должен был остаться, чтобы эвакуировать наших отставших людей (эвакуация Берлина была запрещена Геббельсом и ослушников карали смертью), ко мне поступило последних 43 тысячи марок. Удивительнее всего то, что к тому времени фронт подошел вплотную к Берлину, и по ночам слышна была далекая канонада, а люди не только продолжали жертвовать, но КОНР, 50 членов которого подписали Манифест, разросся до 102 членов, а Научный Совет до 100 членов.

Как то пришел на прием к Власову старик рабочий с Востока. Он работал на фабрике с двумя сыновьями и они сэкономили три тысячи марок, которые он и его сыновья жертвуют Освободительному движению. Андрей Андреевич попробовал убедить старика оставить деньги на нужды своей семьи, но тот обиделся и пришлось принять пожертвование.

Итак в повседневной беготне, в заботах и хлопотах дни протекали быстро. Незаметно подошли рождественские праздники. На Новый год КОНР решил устроить новогодний вечер с приглашением сотрудников всех своих отделов, а ген. Власов поздравил всех наших соотечественников, в «Воле Народа» нижеследующим обращением:

Дорогие друзья!

Поздравляю всех соотечественников
с Новым Годом.

Доблестным солдатам и офицерам
Освободительных Армий,

трудящимся, временно оторванным от родной земли и на чужбине своим трудом способствующим Освободительной борьбе против большевизма.

Братьям и сестрам, томящимся под
гнетом сталинской тирании,
всем, кто борется и трудится во имя свободы и процветания своей Родины и своего Народа. —

От всей души желаю в наступающем году успеха, победы над врагом, Освобождения Народов России от ненавистного большевизма и возвращения на свободную, счастливую Родину.

31 декабря 44 г.

А. Власов.

Дорогие друзья!

Поздравляю всех соотечественников
с Новым годом.

Доблестными солдатами и офицерами
Освободительных Армий,
Тружениками, bravely выходящими от
родной земли и на чужбине своим трудом
способствующим Освободительной борьбе
Крестьян-Большевиков,

Братями и сестрами, тающими под
Иной империалистической тиранией,
Всем, кто борется и трудится во имя
свободы и процветания своей Родины и своего
Народа. —

Для всей души желаю в Новом году
успехи, победы над врагом, освобождения
Народа России от ненавистного
большевизма и возвращения на свободу,
Освободительную Родину.

31 декабря 44.

Власов

Новогоднее поздравление генерала Власова — всем нашим соотечественникам

На этом вечере встретились все наши сотрудники, многие из которых друг друга не знали. И несмотря на то, что в начале 45 года судьбоносные дни наши были не за горами, вечер прошел довольно удачно, все чувствовали себя непринужденно и весело. А самое главное — люди перезнакомились между собою и создалась атмосфера одной большой семьи, что в другой обстановке достичь было трудно.

Помню, как после этой новогодней встречи, наши офицеры из Красной Армии, захлебываясь рассказывали как хорошо было на вечере и что никогда раньше они так Новый год не встречали. Однако их заявление меня несколько не удивило после того, как еще в 42-м году в РННА два наших майора попросили меня освободить их от участия на обеде, где должны были обедать все наши старшие офицеры, во главе с Начальником Штаба Командующего средним участком фронта, лишь только потому, что они никогда раньше на таких обедах не присутствовали.

17-го января 1945 года председатель КОНРа генерал-лейтенант Власов подписал договор с немецким правительством о финансировании Освободительного движения в необходимых рамках и кредит этот должен был быть погашен будущим правительством освобожденной России. Требование первой суммы в 5,5 миллионов марок было подготовлено в личной канцелярии генерала за его подписью, скрепленной подписью начальника канцелярии. Только после получения этой суммы КОНР мог платить жалованье своим сотрудникам. (См. приложение).

Тут я должен сделать оговорку: вступив в командование войсками восточных областей (1 января 1944 года), генерал Кестринг уравнивал в правах офицеров и солдат РОА с немецкими чинами. Таким образом утвержденные офицеры и солдаты РОА оплачивались, но гражданские лица штабов и канцелярий работали бесплатно, пока КОНР не получил немецкий правительственный кредит.

Не прошло много времени после обнародования Манифеста, когда стала реагировать и периферия. Так например:

1. В начале декабря по немецкой линии в Троппау предстоял конгресс русской молодежи (приглашалась молодежь и из лагерей рабочих с Востока). Руководители обратились к Власову с просьбой послать на конгресс своего представителя. Поговорив с генералом Жиленковым, Власов приказал мне взять, кого бы я хотел и поехать в Троппау в качестве представителя КОНРа. Я взял с собою начальника охраны штаба, капитана Каштанова и лейтенанта Мельникова.

Приехали в Троппау (Силезия). Народу собралось много, было много представителей из лагерей рабочих, приехали представители и от русского Кадетского корпуса (из Югославии). Конгресс прошел прекрасно, но выяснилось, что среди советской молодежи в лагерях большой процент туберкулезных, вследствие тяжелой работы и недоедания. Вернувшись домой, я доложил Власову в присутствии Жиленкова о конгрессе и о состоянии советской молодежи в лагерях, которой нужна скорая и радикальная помощь. Андрей Андреевич принял это близко к сердцу и сказал, что через неделю будет первое заседание КОНР и мы поднимем этот вопрос, а Жиленкову поручил сделать доклад о русской молодежи в лагерях.

Через несколько дней после нашего возвращения приехал в штаб представитель кадет на конгрессе Соколов. Я исполнил данное ему в Троппау обещание и представил его генералу. Андрей Андреевич приветливо его принял и расспрашивал про их житье-бытье. Вышел он от Власова в восторге. Потом мы узнали, что когда он вернулся к своим и рассказал, как его принял генерал, его товарищи на неделю запретили ему мыть руку, которую пожал генерал Власов...

Вскоре по просьбе генерала Трухина русский Кадетский корпус при весьма торжественной церемонии был передан генералом Бергером Власову. А немного позже старшие классы кадет были зачислены в офицерскую школу РОА, и их команды часто маршировали по улицам Далема с песней: «За землю, за волю, за лучшую долю пойдем мы на смертный бой»...

2. В Силезии на угольных предприятиях работало очень большое число советских рабочих и интеллигентных технических сил. В конце декабря 1944 года тамошняя русская общественность решила устроить вечер, посвященный Освободительному движению, в связи с чем в Берлин была послана делегация пригласить Власова принять участие в этом вечере. Я представил делегацию генералу, который поблагодарил за идею и приглашение, и выразил сожаление, что у него забот и работы выше головы и потому выехать из Берлина не может. Но меня будет представлять на этом вечере начальник моей канцелярии полковник Кромиади — сказал он. На это один из делегатов сказал, что мы и полковнику будем рады, но каждый приезжающий в Рим, хочет видеть папу... Итак, было решено, что в Катовицы и Сосновицы поеду я. В назначенный день мы выехали из Берлина целой делегацией: капитан Каштанов, лейтенант Мельников, репор-

тер из «Воли народа» и я. Первое выступление состоялось в Катовицах перед техническими работниками (профессора, инженеры, техники). Выступления с обеих сторон носили информативный характер и наша встреча прошла довольно хорошо. В результате я посоветовал им выбрать своего представителя и уполномочить его приехать в Берлин изложить КОНРу свои заботы.

Вечером того же дня состоялось собрание в Сосновицах, в зале театра под председательством инициатора и главного организатора вечера священника отца Константина. Зал был полон до отказа, вплоть до самой рампы, ложи были заняты немецкими офицерами и эсэсовцами. Организаторы и мы расположились за столом на сцене. Собрание открыл о. Константин, сообщив присутствующим, что генерал Власов из-за своей занятости не мог приехать и послал полковника Кромияди, который будет его представлять. Зал разразился продолжительными аплодисментами, после чего слово было передано мне. Я только поднялся и слова не успел произнести, как опять раздались аплодисменты. Мое волнение дошло до предела. Я понял, что эти беспризорные в чужой стране люди, заброшенные и истосковавшиеся по человеческому слову сочувствия ждут много, очень много от Власова, но что я могу им сказать, чем их утешить? И решил не останавливаться ни перед чем. Поэтому в первой части своей речи, покончив с вопросами информационного характера, как данные о Власове, его идеологии и пути борьбы со всеми сопровождавшими в его работе препятствиями и затруднениями, перешел к обвинению тех, кто чинит эти препятствия, и закончил тем, что до сих пор сжигались и разорялись русские города и села, насилывались русские жены и дочери, а теперь будут сжигать немецкие города и села и насиловать немецких жен и дочерей, и грех за все это ляжет на тех, кто до сих пор не хочет считаться с нашими общими интересами. При этих словах зал разразился аплодисментами и выкрикивали «Браво!». Аудитория была настолько наэлектризована, что на каждом шагу прерывала меня аплодисментами, долго не умолкавшими и по окончании речи.

(Пусть читатель не подумает, что я занялся саморекламой. Я остановился на этом выступлении, чтобы охарактеризовать политические и национальные настроения у этих бедных, измученных коммунистами и замученных нацистами русских людей, над которыми каждый безнаказанно творил, что хотел.)

После меня выступил капитан Каштанов, а потом и Мельников. Оба они говорили прекрасно и им одобрительно апло-

дировали. Вдруг из зала поднялся какой-то паренек, и подойдя к рампе, попросил разрешения сказать и ему несколько слов. Он оказался западно-украинцем и природным оратором, говорил смело, и так захватил внимание и настроение присутствовавших, что ему аплодировали без конца. Потом выступили еще двое из организаторов и о. Константин с прекрасно построенным заключительным словом. Когда мы покидали зал, у выхода стояли толпы рабочих и пленных и каждый тянул нам руку со словами благодарности. После вечера организаторы пригласили нас к себе на ужин, а затем мы спокойно вернулись в Катовицы на ночлег.

Оказалось однако, что местные эсэсовцы решили меня арестовать, но поскольку я представлял Власова, то они запросили Главное управление СС в Берлине, а те, в свою очередь спросили видимо Крегера, тот поставил в известность Власова, а Андрей Андреевич не зная, что я там натворил, сказал, что Кромиади представляет там меня, и кто решил его арестовать, пусть сперва арестуют меня. Так меня не тронули, и обо всем этом я узнал, вернувшись в Берлин.

На следующий день в Катовицах меня пригласил на чашку кофе начальник Арбейтсфронта (Рабочего фронта), некий нацист с дубовыми листьями в петлице. Высказав мне комплимент в связи с моим вчерашним выступлением, он затем перешел к нашим задачам относительно русских рабочих. Я не постеснялся высказать ему заботы КОНРа в связи с весьма неудовлетворительным положением острабочих в Германии. Он обещал провести в подведомственном ему районе большие улучшения и сам предложил назначить от КОНРа контроль при его управлении, что и было сделано. Таковым был назначен Сельдерецкий — из русских общественных деятелей в Катовицах. Он и до нас занимался делами рабочих, но возможности его были ограничены. По указанию этого молодого человека я попросил на прощание генерала разрешить мне посетить завод, где рабочих истязали. Генерал охотно согласился и поручил одному из своих помощников сопровождать нас. На заводе людей действительно терроризовали, и после моего выступления там они обратились ко мне с жалобами на своих начальников. А когда мы с дирекцией и администрацией пошли разбирать дела, возникли большие споры, но представитель начальника Арбейтсфронта предупредил их, что генерал больше такого положения не потерпит. Оставив там нашего молодого человека, как представителя Власова по делам рабочих в северной Силезии, мы уехали в Гляевитц, а потом в Лабанд посетить лагеря военнопленных. К нашему удивлению, в тамошних лагерях условия жиз-

ни пленных были сносными и люди жалоб не высказывали: комендатура пустила нас в лагерь без сопровождения и мы могли говорить с людьми без присутствия немцев. Вернулись мы оттуда с громадными списками желающих поступить в РОА.

3. Еще до обнародования Манифеста представители сербских генералов Дража Михайловича и Лотича связались с Власовым и довольно часто посещали его. Со временем у них назрел целый план, который они и предложили Власову. Ввиду успешного наступления Красной Армии, которую на Балканах все народы ждут с нетерпением, как русскую армию, в конце войны Власову постараться уходить в Сербию, чтобы объединить все три формации и скрыться в горах, чтобы вести партизанскую войну, а когда народ раскусит прелести коммунистического режима, тогда он от них отвернется и начнется борьба за их вытеснение с Балкан. К сожалению, этот план был сорван с одной стороны немцами, которые втянули Первую дивизию в авантюру на Одере, а с другой стороны наступлением англичан и советчиков с юга.

Официально Словакия считалась независимой страной. Русские офицеры из словацкой армии не раз приезжали к Власову по тем или иным вопросам. На прессконференции, устроенной в Прессбурге журналистами был приглашен и ген. Жиленков, которому после его выступления были заданы следующие вопросы:

Вопрос: Как относится КОНР к западным державам?

Ответ: РОА будет сражаться только против советской власти.

Вопрос: Как относится КОНР к еврейскому вопросу?

Ответ: В России не существует никакого особого еврейского вопроса, который требовал бы разрешения.

Вопрос: Вследствие каких причин вы перешли на сторону немцев?

Ответ: Я никогда не переходил на сторону немцев. Я попал в плен в числе многих других.

После этой конференции Гиммлер распорядился прекратить внешние сношения Власова, и одновременно запретил и осуществление межславянской конференции, созыв которой был намечен на этой пресс-конференции.

Вспоминая тогдашнюю атмосферу, царившую в наших кругах, припоминаю и такие случаи, когда серьезные люди из немцев напоминали мне наш долг по отношению к тем немцам, которые в черные для нас дни оставались с нами и

нас поддерживали. Никому тогда в голову не могла придти мысль, что к концу войны в самом тяжелом положении окажемся мы, власовцы, ибо Гитлера и его окружение хотя бы и формально, судили в Нюрнберге, а Власова и его людей выдавали без суда, принудительно, применяя к ним самые бесчеловечные методы насилия. Тут, пожалуй, читатель задаст мне вопрос: А о чем думали Власов и власовцы, вклинаясь в минувшую мировую бойню? Отвечаю: в жизни иногда возникают требования сильнее смерти. Поступок Власова и власовцев, как моральный долг перед закабаленной родиной, относится к таким требованиям. Помимо того, отрицая коммунизм, Власов защищал нравственные, отличительные черты культурного человечества 20-го века, но на деле оказалось, что коммунистические идеи были свойственны не только коммунистам, но и англо-американцам, которые оказались союзниками коммунистов во всех их злодеяниях.

В конце января 45-го года германское правительство наконец-то признало генерал-лейтенанта Власова Главнокомандующим Освободительной армии народов России. 31 января вышел приказ Власова о вступлении им в главнокомандование и сразу после этого генерал Кестринг в Мюнзингене после парада и торжественной церемонии передал Первую дивизию РОА новому главнокомандующему. С этого момента в войсках РОА была установлена своя форма, без эмблем немецкой формы.

2 февраля 45 года немецкий генерал военно-воздушных сил, генерал Ашебреннер, перед войной бывший военный атташе в Москве, хотел передать Власову подведомственные ему русские авиационные части во главе с полковником Мальцевым, но для этого нужно было разрешение Геринга. Ашебреннер организовал прием Власова Герингом и тот безо всяких разговоров дал свое согласие. Тогда же генерал фон Паннвиц заявил, что его казаки изъявили желание перейти в РОА и он охотно с ними согласился. В свою очередь Власов заявил, что Паннвиц и дальше остается командовать своим корпусом.

Вслед за Герингом и Геббельс высказал желание познакомиться с Власовым и принять его. К этому же времени относятся всевозможные козни по адресу Власова со стороны Розенберга и окружающих его сепаратистских кругов. Даже запоздавший успех Власова пришелся им не по вкусу. Кончилось это отстранением Розенберга от дел, потому что вся его восточная политика, легшая в основу разрешения нацистами восточного вопроса, оказалась блефом и провалилась.

Из рядов Розенберга и его единомышленников началась утечка. Не только солдаты, но и офицеры и политические деятели самовольно бросали Розенберга и переходили к Власову. Национальные секции при КОНРе заработали полным ходом. Могу сказать, что в течение трех месяцев после посещения Власовым Гимmlера и месяц спустя после обнародования Манифеста, Освободительное движение оформилось и создало все свои отделы и подотделы. 17 декабря состоялось заседание КОНРа, на котором Власов доложил о состоянии дел в Освободительном движении, а генерал Малышкин, профессор Цагол и Ю. Музыченко — о дальнейших перспективах объединения народов России вокруг КОНРа. Помимо этих двух кардинальных вопросов, в повестку дня входили доклад пр оф. Москвитина о положении дел в Научном Совете, и доклад Жиленкова о молодежи. Он ярко обрисовал тяжелое положение советской молодежи в лагерях и призывал КОНР к немедленному оказанию ей помощи.

Заседание происходило в весьма торжественной обстановке и в зал были допущены не только свои, но прибывшие с поздравлениями представители от ряда национальностей. Укажу на представителя туркестанских народов Каюмхана, который выступил с речью, после чего Власов от имени КОНРа предложил ему стать членом КОНР, на что Каюмхан согласился. Вслед за этим слово попросил генерал старой царской, а потом Врангелевской армии, Крейтер и заявил, что в его ведении находятся ценности сейфов, вывезенных Белой Армией из России. Последним распорядителем этими ценностями был последний главнокомандующий генерал Петр Николаевич Врангель, когда нужны были средства на устройство первоначальной жизни русских войск на Балканах. Остатки ценностей находятся в его распоряжении, и он передает их в распоряжение нового Главнокомандующего, генерала Власова. Власов от имени КОНРа поблагодарил ген. Крейтера и начальника РОВС. Крейтеру тоже было предложено вступить в КОНР, что он принял с благодарностью.

(КОНР этими ценностями так и не воспользовался. Они попали сначала в руки американцам, а потом были возвращены и стали достоянием безответственных людей из эмиграции).

К тому времени Первая дивизия была полностью сформирована и вооружена, для Второй лишь набран людской состав, для Третьей набрана всего лишь одна невооруженная бригада, один полк для Корпуса ген. Туркула и технические войска инженера К. Попова, набранные много позже.

Между тем состоялась высадка англо-американцев в Нормандии и началось их наступление вглубь Франции. Переброшенные с восточного фронта во Францию русские батальоны попали в тяжелое положение: они не владеют языком ни одного из воюющих народов, а немцы оказывают сопротивление, не считаясь с жертвами. Кроме того, русские наступающих англо-американцев своими врагами не считают, но как им это показать?

Видя безвыходное положение людей, Власов послал туда своего помощника Василия Федоровича Малышкина, но события развивались так быстро, что ничем помочь было нельзя. Французы, ободренные высадкой англо-американцев всколыхнулись, и немцы в срочном порядке, несмотря на тяжелые бои, которые они вели в Арденнах, сворачивались и уходили. Малышкин вернулся в Берлин.

Наступает сентябрь, и хотя на польском фронте немцы и подавили восстание в Варшаве, Красная Армия заняла Прагу и стоит под Варшавой; не сегодня-завтра надо ждать ее наступления. Во второй половине января она заняла Варшаву и повела широкое наступление на запад. Из Силезии немцы стали вывозить восточных рабочих, хотевших уйти подальше от красных. Вывозили их целыми поездами в тыл, но так как с транспортом было плохо, то этих плохо одетых и полуголодных людей везли в трескучие морозы на открытых платформах. Может читатель представить себе, что происходило с этими несчастными людьми в пути? И вот этих людей, переживших ужасы сталинизма, а потом и гитлеризма, западные демократы-победители насильем и побоями принудили вернуться к Сталину на расправу...

УХОД ИЗ БЕРЛИНА

В конце января и в начале февраля Власов, по договоренности с Главным управлением СС все подведомственные КОНРу отделы перебросил из Берлина в Чехию, в Карлсбад, Мариенбад и Йоханнстааль. В Берлине царил форменная паника, фронт с северо-востока подошел вплотную к городу, ночью при абсолютной тишине слышна была отдаленная канонада, а Геббельс запретил эвакуацию города. Я решил задержаться в Берлине и помочь оставшим нашим людям выбраться из Берлина, а заодно и другим русским, не способным вовремя выехать. Пользуясь тем, что наши части уехали на юг, я всем давал предписание выехать на юг в распоряжение такого то начальника. Нужно ли описывать, с ка-

ким отчаянием приходили люди, прося о помощи? Горя было море... Я выписал из Карлсбада обратно своих сотрудников Галю Феодорову, Яроцкого, присоединил к ним Говорова из Гражданского отдела и работа у нас закипела. Мы вывезли всех русских, кто хотел покинуть Берлин. Параллельно с нами работал и помощник генерала Бискупского Таборицкий. Перед приходом красных в Берлин, там не осталось ни одного русского, который хотел бы уехать и не смог. Даже рабочих с фабрик и заводов вывозили. Нужно отдать директорам немецких предприятий справедливость — они отпускали людей охотно.

Однако, то немецкое командование, которое рассчитывало использовать власовцев в обороне Берлина, подняло протест, на каком основании Власов покинул Берлин. Ему пришлось отписаться, что он со своей канцелярией находится в Берлине, и вывез только те части, которые ему нужны для формирований.

В один прекрасный день генерал Бергер через полковника Сахарова вызвал меня к себе и приказал открыть сборный пункт в лагере под Вюнсдорфом для русских солдат и офицеров, приезжавших в Берлин из уже разбитых немецких частей. Предчувствуя неладное, я позвонил ночью по телефону Андрею Андреевичу в Хойсберг и поставил его в известность. Он приказал мне не покидать канцелярии и сказал, что утром будет в Берлине и сам поговорит с Бергером. Приехав в Берлин Власов сказал, что этим русским солдатам и офицерам здесь делать нечего и пусть пробираются дальше, а я, поскольку выполнил свое задание, должен ехать в Карлсбад.

Берлин того времени представлял собой печальное зрелище, он весь лежал в развалинах и население ютилось в неотапленных полуразваленных домах с забитыми картоном окнами, или в сырых подвалах, и основательно голодало. На улицах во многих местах строили противотанковые заграждения, и здесь и там маршировали части народного ополчения — мальчишки и старики. Оборона была лишь вопросом чести и ничего положительного обещать не могла. Когда немцы подошли к Москве, за Москвой оставалась еще вся Сибирь с ее людскими и материальными ресурсами, а окруженный Берлин был отрезан от всей страны, да еще разбитой и истощенной. Помощи ждать было неоткуда. Части, предназначенные для этой обороны, заранее были обречены на гибель. А за Берлином железнодорожные пути и автомобильные дороги были полны беженцами, которые днем и ночью двигались на запад, чтобы не попасть к большевикам,

а американская авиация бомбила паровозы и расстреливала составы из пулеметов.

27-го февраля в Карлсбаде, гостинице Ричмонд состоялось последнее заседание КОНРа. Как было указано выше, КОНР, начавший свое существование с 50-ти членов, на последнем заседании возрос до 102, а Научный Совет составлял уже 100 человек. Довольно сильно были представлены национальные течения, и многие из розенберговских кругов одновременно состояли и у нас. К тому времени фронтовые события совершенно лишили возможности отступить в Югославию для слияния с частями ген. Лотича и Дража Михайловича, а немецкий фронт все отступал и грозные события подходили вплотную. Не зная, как отнесутся западные демократии к Освободительному движению, члены КОНРа на заседании рассматривали главным образом текущие дела. Настроение заседавших удачнее всего высказал бывший городской голова города Киева (при немцах), Форостинский: «Мне нечего терять — сказал он — я кандидат в смертники. Мое имя стоит в списке тех, кто осужден советскими властями на расстрел за сотрудничество с немцами. Поэтому могу спокойно сказать всю правду. Я лично послал 45.000 лучших наших девушек и юношей на работу в Германию, из них 60 процентов поехали добровольно. Я считал, что они своей работой будут служить нашему делу борьбы против большевизма. Но что вы с ними сделали? — обратился он к присутствовавшим немцам. — Вы их превратили в бесправных рабов и даже теперь не хотите оказать им справедливости. Мы принимали вас, как освободителей. Вы нас обманули. Три года мы ждали, надеялись, что ваш разум победит. Теперь уже поздно и для вас и для нас.»

Этот укор горел тогда в душе каждого участника освободительной борьбы, и честь и слава Форостинскому, что он его высказал, если даже присутствовавшие немцы и не были виноваты в этом.

К этому времени в Берлине оставались только сформированные инженером К. И. Поповым вспомогательные войска и небольшая часть органов разведки. Прибыв в последний раз в Берлин, генерал Власов дал приказ, не дожидаясь окружения, покинуть город своевременно, что они в последний момент и сделали, пробравшись в Прагу, а оттуда в Баварию.

2-го марта вдруг неожиданно немецкий полковник Хере, прикомандированный генералом Кестрингом к Первой дивизии для содействия генералу Буняченко в деле формирования дивизии, передал приказ Гимmlера выдвинуться с дивизи-

зией в направлении Штеттина, для присоединения к армии «Висла», которой командует он сам. Буняченко пришел в недоумение от такого приказа и заявил, что он исполняет приказы своего начальника, генерала Власова. Тогда Хере обратился к Власову. Власов был возмущен. Он договорился с Гиммлером выйти на фронт не раньше, чем у него будут три готовые дивизии, а тут вооружена только одна, и от него требуют отправить ее на фронт. Он считал этот приказ нелепым и совершенно бесполезным, ибо к тому времени не только одна власовская дивизия, но и целая армия не могла бы спасти Германию. Было уже поздно. Гиммлер и Гитлер погубили германскую армию, она потеряла свою боеспособность. Посылка дивизии на фронт означала бы только ее уничтожение.

Свен Стенберг в своей книге «Власов» указывает на то, что эта идея, мотивированная желанием доказать преданность и боеспособность дивизии, для того, чтобы немцы поторопились вооружить и остальные две дивизии, принадлежала полковнику генерального штаба Хере. Если это так, то я отказываюсь понять роль Хере. Мы его всегда считали другом Власовской идеи, но в данном случае он толкал дивизию на никому не нужную бесполезную гибель. Во-первых, к тому времени сопротивляемость германской армии подходила к концу, и она никаких новых дивизий вооружить не могла. Во-вторых, если одну единственную дивизию надо было послать на истребление, то для чего нужно было вооружать две другие, когда основная идея их создания втоптана немцами в грязь. Да и для чего понадобилось явное истребление власовской дивизии, когда доблестные вояки Гитлер, Кейтель и иже с ними уже погубили Германию, довели ее армию до полной деморализации и небоеспособности, и власовская дивизия положения спасти не могла.

Характерно, что перед этим генерал Бергер пригласил Власова в Берлине и предложил ему послать на фронт какую-нибудь ударную группу, чтобы показать боеспособность русских и тем самым убедить командование поторопиться с русскими формированиями. Интересно также, у кого и в связи с чем возникла эта дикая мысль — поставить Власова в безвыходное положение: или отказаться и порвать с немцами, или против своей воли послать людей на смерть из-за кем-то придуманной авантюры. Власов послал тогда небольшую группу на Одер, но сам из себя выходил из-за этой ничемной и ничем не оправданной затеей, а Малышкин, говоря о ней даже становился неразборчивым в выражениях, что ему не было свойственно. И все таки, как бы ни была неприя-

тна эта авантюра, она была локальной. Теперь же речь шла о судьбе целой дивизии, и требования предъявлялись вопреки договоренности с Гиммлером. Власов насторожился. Он и из Берлина поторопился вывезти свои части, чтобы избежать их от необходимости оборонять Берлин. «Пусть, мол, защищают его те, кто довел дело до этого — говорил он — а у нас своя задача. Я обратился к соотечественникам с призывом поступить в ряды Освободительного движения за освобождение нашей родины от коммунизма, а не для того, чтобы создать пушечное мясо для Гитлера и Гиммлера». Но он понимал, что нельзя доводить дело до открытого столкновения. Взвесив создавшееся тяжелое положение, он сначала поговорил с глазу на глаз с генералом Буняченко, потом успокоил командный и рядовой состав дивизии, чтобы удержать от открытых антинемецких выступлений, и поехал в ставку выяснить недоразумение. Однако изменить там Власову ничего не удалось, у немцев в полном смысле этого слова земля горела под ногами, они мобилизовали подростков и стариков в отряды народного ополчения. Власову было обещано передать ему командование на фронте и свести под его командование вторую дивизию и казачьи части. Тогда он попросил изменить его маршрут, и вместо Штеттина, дать ему направление на восток, и так как дивизия свежесформирована, и части ее не сработались, двинуться ей из Мюнзингена походным порядком. Обе эти просьбы Власова были удовлетворены. Дивизия выступила походным порядком из Мюнзингена, но в Эрлангене, недалеко от Нюрнберга, ее ждали приготовленные составы и Буняченко приказано было погрузить свои части в поезда дальнейшего следования, что и было сделано. Ехать надо было на Одер, южнее Франкфурта. Там дивизию подчинили местному командованию, которое дало задачу Буняченко уничтожить советское предместное укрепление на Одере, которое сами немцы ликвидировать не могли. Буняченко проверил позицию и пришел к заключению, что дивизия посылается на уничтожение. Ей нужно было занять позицию в узкой петле, образовавшейся загибом реки, которая обстреливалась не только фронтальным огнем противника, но и кинжальным огнем с обоих флангов. Власов, обещавший Буняченко перед боем посетить дивизию, не приехал. Солдаты и офицеры спрашивали, куда делся Власов и не арестован ли он немцами. А Буняченко заявил командовавшему 9-ой германской армией, в состав которой включили его дивизию, что он подчиняется лишь непосредственно Главнокомандующему войсками РОА генералу Власову. Наконец, прилетел и Власов, и ознакомившись с обста-

новкой заявил, что в виде протеста перед началом боя он покидает дивизию. Он мотивировал свой протест тем, что его опять обманули не только тем, что отправили единственную его дивизию на фронт, но еще и тем, что дивизию бросают в бой и никаких обещанных второй дивизии и казаков поблизости не видно.

Своим уходом Власов развязал руки Буняченко. Они оба очутились в положении обманутых и обманувших своих людей, роль которых вместо освободительной борьбы свелась к необходимости стать пушечным мясом для тех же нацистов. И, конечно, в данном случае Власов и Буняченко обязаны были во имя справедливости, человечности и спасения своего доброго имени перед историей, спасти жизнь своих солдат от уготованной им гибели, и решили не допустить дивизию до участия в боях. Власов честно шел на союз с немцами, но нацисты решили обманным путем использовать его последние возможности и этим своим обманом развязали ему руки.

9-го апреля Власов вызвал меня к себе и сказал: «Завтра мы покидаем Карлсбад. Сегодня возьмите у проф. Андреева 25.000 марок, и на автомобиле поезжайте к Фюссен, куда приедем и мы. Там откройте канцелярию и помогите нашим людям, независимо от того, состоят ли они в нашем движении или нет». Я вышел от генерала и стал на карте искать Фюссен, однако через час он опять вызвал меня и сказал, что меняет свое решение в связи с тем, что в тот же день из Карлсбада в Ванген должен был отойти поезд с канцелярскими служащими и их родными, которых сопровождает в пути полурота РОА, но начальник эшелона проф. Богатырчук отпросился поехать к семье и эшелон остался без начальника. (Накануне ночью американская авиация разбомбила Байрейт и разрушила дом, в котором жила семья профессора). Я должен был взять эшелон, доставить его в Ванген и вернуться в Фюссен.

Времени до отъезда эшелона оставалось очень мало, день был субботний, магазины после обеда закрывались, а людям вместо продуктов выданы только продовольственные карточки. Чем же их кормить в пути? Перед самым отъездом пришел на вокзал сотрудник штаба Лев Раар с группой организации НТС во главе с их председателем Владимиром Михайловичем Байдалаковым. Эта группа была только что выпущена нацистами из тюрьмы. Власов приказал их принять в эшелон. С местами было плохо, но потеснились, и я устроил членов НТС рядом с нашим купе.

Перед самым Мариенбадом нас настиг налет американской авиации. Загудели сирены. Машинист прибавил ходу и

влетов в вокзал, отцепил паровоз, чтобы удрать, но было поздно. Под американскими бомбами люди, как горох, выскакивали из вагонов и мчались в бункер, а самолеты один за другим пикировали и всаживали в паровоз то бомбы, то очереди крупнокалиберных пуль. Паровоз стоял, окутанный паром, а летчики не оставляли его в покое. Наконец они его бросили и присоединились к другим эскадрильям, которые бомбили совершенно незащищенный аэродром Эгер, разбили все, что можно было разбить, и улетели. Паровоз выглядел ужасно, — от него остался один остов, а от машиниста и его помощника — отдельные, разбросанные во все стороны обгорелые куски тел.

После бомбежки я пошел к начальнику станции просить паровоз для моего эшелона, но ему было не до меня. Он чуть не в истерике кричал: «Откуда я возьму вам паровоз? Сколько паровозов они нам побили! А вот еще один ваш человек просит отправить его в Карлсбад, а у меня туда нет поездов».

Я заметил у стоявшего рядом со мною офицера в форме Шпеера нарукавный знак РОА, и спросил — кто он и куда едет. Оказалось — он и трое его товарищей из хозяйственной части РОА по поручению начальника хозяйственной части сопровождают вагон с консервами из Карлсбада в Байрейт, но так как к Байрейту уже подошли американцы, то железнодорожное начальство возвращает вагон обратно в Карлсбад. Я ему сказал, что так как завтра последние наши части уходят из Карлсбада то они там попадут к красным, и этот вагон мы берем с собою. Он было заартачился, но я попросил начальника станции прицепить вагон к нашему составу, за что я беру ответственность на себя. А так как на скорое получение паровоза рассчитывать не приходилось, то поехал навестить членов КОНРа и позаботиться об их эвакуации.

Вслед за тем нужно было навестить и штаб начальника наших военно-воздушных сил. Генерал Мальцев встретил меня как гостеприимный хозяин, несмотря на то, что на следующее утро он со своими частями покидал Мариенбад. Узнав о постигшем меня несчастье, Виктор Иванович постарался успокоить меня, что паровоз для нашего эшелона он раздобудет, и пригласил поужинать с ним, а своего начальника хозяйственной части послал на вокзал с заданием любыми мерами раздобыть паровоз для нашего эшелона. В этот вечер я имел честь быть представленным супруге генерала, которая угостила нас прекрасным ужином, а к концу его позвонили с вокзала, что состав мой готов и ждет меня. Любезный хозяин приказал своему шоферу доставить меня на вокзал. Это было моей последней встречей с Мальцевым, и оказы-

ваается, что в этот день и Власов посетил его и уехал за четверть часа до моего прихода.

Итак, мы двинулись из Мариенбада дальше, ехать и дальше приходилось по Чехии и во избежание нападений, я распорядился на остановках никого в вагоны не пускать. Но на одной из остановок к нам стали вламываться снаружи, а мы упорно схватились за ручки дверей и никого не пускаем. Но люди стали колотить кулаками в двери и кричать — мы раненые, откройте. Я открыл дверь и увидел — ночь холодная, а платформа полна больными и ранеными немецкими солдатами в одном больничном белье и туфлях. Одни еле стоят на ногах, у других высокая температура и лица их пылают, у третьих руки и ноги в гипсе. Сразу открыли двери своих вагонов, и чужих, и впахнули столько людей, сколько смогли. И все таки на платформе осталось много несчастных. От взятых мы узнали, что чешские партизаны напали на лазарет и стали расстреливать пациентов; кто смог, убежал из лазарета.

Со своими новыми пассажирами мы доехали до Пильзена, там раненых и больных сдали коменданту станции, но выяснилось, что наш состав дальше не пойдет, ибо впереди американская авиация разбила железнодорожные пути. Осталась только побочная ветка, по которой комендант пропускает только пассажирские поезда. Как я ни убеждал коменданта в необходимости нашего срочного прибытия в Ванген, на него ничего не действовало. Наш состав, как и другие, отвели на товарную станцию Пильзен, в двух километрах от главного вокзала.

Вид этого железнодорожного парка, заставленного воинскими составами, ничего хорошего не предвещал. На следующий день нас тоже не отправили. В этот день над Пильзеном показались два американских самолета, покрутились немного и улетели. Было ясно: разведчики сделали снимки и вечером нужно ждать гостей. Бросить состав и уйти походным порядком нельзя, с нами много женщин, и даже одна — инвалид. Настал вечер. Я приказал открыть вагон с консервами и выдать каждому нашему вагону по два ящика консервов (люди начинали голодать). А я, с нашим кассиром Федором Ивановичем Головиным пошли к чешским железнодорожным служащим просить вытащить наш состав из остальных и поставить нас на какойнибудь запасной путь пассажирского вокзала. Те долго не соглашались, но когда мы обещали им два ящика консервов, послали с нами одного из своих, который записал путь, на котором мы стоим и номера вагонов.

Вытащить нас обещали в два часа ночи. Но в половине второго загудела сирена — тревога! Я приказал идти в бункер — туннель в горе, в километре от станции. Слышался топот ног людей, покидающих состав, и в это время раздалась вторая сирена и одновременно послышался отдаленный гул моторов. К тому времени у всех вагонов стекла были уже разбиты и мы свои окна завесили одеялами. Я отодвинул одеяло и увидел головную эскадрилью, низко стелющуюся на горизонте. Не долетев до нас, она выпустила канделябру (сигнал к атаке), и на нас посыпались бомбы. От первых же бомб наш вагон подпрыгнул, как мяч, крышу снесло, как срезало бритвой, и на нас посыпались осколки, чемоданы, камни и Бог весть что. Мы выскочили в коридор и легли на пол. Не успели опомниться, как налетела вторая эскадрилья и гремя, покрывшие наш эшелон. На наше счастье одна бомба попала по одну сторону вагона, другая по другую. Обе воронки от них были метра на четыре глубины и метров 6 в диаметре. Я потерял сознание. Об этом налете тогда газеты написали, что в нем приняло участие тысяча бомбовозов и что он продолжался 35 минут.

Я пришел в себя, когда налет кончился и начались пожары и взрывы вагонов со снарядами, бомбами, минами, патронами. Эти взрывы были страшнее авиационных бомб. Там, где они происходили, образовывался большой котлован, а колеса и рессоры вагонов находили на километр от станции. Я пришел в себя от того, что пламя подошло ко мне вплотную и лицо мое стало пылать. Сразу не сообразил, где я и что со мною, но почувствовал, что начинаю гореть, а передо мною лежит убитая Вера Александровна, мать одной нашей машинистки, и изо рта ее струится кровь по подбородку, а ее каракулевая шуба тлеет. Оказывается, от взрыва бомб из пола и стен вагона образовалась пирамида, и я на вершине этой пирамиды стоймя, головою вверх. Почувствовал, что стогрю живьем, стал метаться, но не могу вырваться из обложивших меня обломков, а тут еще страшные боли в голове и в правой ноге. Я метался, как зверь и вырвался наконец, но на одной ноге стоять не могу. И все же стянул вниз Веру Александровну. Внизу от пола уцелела маленькая площадка, и на ней лежит дочь убитой В. А. и издает душераздирающие крики. Оказалось, что у нее трещина в черепе и двойной перелом обеих ног. Я стал звать свою секретаршу, и она откликнулась и вышла из под обломков, но тоже с раненой ногой. Вслед за нею из под тех же обломков вышла секретарша Николая Иосифовича без юбки с громадной раной сзади на мягком месте. (У нее вырвало оттуда кусок мускула и

рана была черная от крови, сажи и пыли. Она немного помещалась, но потом поправилась). Зову Николая Иосифовича, а он издает глухие стоны из под пылающих обломков. Мы хватаемся за доски и железо, чтобы растащить их в стороны и освободить его, а их с места не сдвинуть. Так он и притих, объятый огнем. Мы все трое раненых толклись на этой площадке, а кругом рвались вагоны со снарядами, и это было страшнее американских бомб. Наконец, стянули вниз мать и дочь, хотя она все еще продолжала кричать, и улеглись на стенках воронки и стали дожидаться конца взрывов. А бедный Н. И. Ливенцев живьем сгорел и помочь ему не смогли.

Когда взрывы прекратились, наши солдаты, успевшие добежать до бункера, прибежали и были поражены, застав нас живыми. Я забыл упомянуть о маленьком бункере, находившемся на станции. Он получил прямое попадание и завалился. Все, находившиеся в нем, 25 наших девушек и майор Беглецов погибли. Чудом спасся только капитан Шульга, у которого голова прошла через осевший потолок бункера и торчала снаружи. Его выкопали, остальные погибли. Еще ранено было несколько человек, в том числе и Владимир Михайлович Байдалаков, не успевшие добежать до бункера в туннеле.

В эту ночь уничтожена была не только товарная станция Пильзена со своими поездами и с тем, что в них находилось, но и часть города, примыкавшая к вокзалу. Убито было около 700 человек. Один молоденький офицер из рядов НТС каким то образом попал под железнодорожную цистерну с бензином, когда ее взрывом сбросило на землю. Он кричал и умолял застрелить его, но ни у кого рука не поднялась и он, постепенно изнемогая, умер.

Нужно ли описывать читателю наше моральное состояние под бомбами? Я в Берлине пережил много налетов и еще больше видел, но то, что произошло с нами в Пильзене, ни на что не было похоже. Это был катаклизм. Ни храбрость, ни смелость, ни стыд не существовали. Когда происходит ковровый налет и над вами взрываются тяжелые бомбы целой эскадрильи и вагоны, подпрыгивая, разлетаются на куски, человек теряет самообладание и превращается в червяка, которого насаживают на крючок, в дрожащий комочек. Так и мы, не обращая внимания на то, куда нас швыряет воздушная волна, обо что нас бьет и что сверху падает, стараемся прилечь к полу, втиснуться в него. И все это происходит молча. Только во время паузы между налетами эскадрилий слышна была молитва Гали Федоровой, моей секретарши:

«Божья Мать, спаси нас!» (она только что кончила гимназию).

Утром пришли немецкие власти и раненых отправили в местную больницу, убитых собрали и увезли. А для меня, Байдалакова, Гали и Шульги наши солдаты конфисковали один полугрузовичек-платформу и отправили нас в Фюссен. Эшелон разделился на две части: военные пошли походным порядком, а гражданские служащие поехали пассажирскими поездами.

Мои раненые потеряли все свои вещи, а у меня сгорели мои раненые потеряли все свои вещи, а у меня сгорели и свои деньги и казенные, вместе с полевой сумкой. Нас окружили наши солдаты и каждый совал нам чтонибудь — белье, носки. Мне один солдат дал свою пилотку, ибо моя фуражка исчезла. Но самое главное — они подобрали бутылку коньяку, сигары, папиросы и другие ценные вещи, и вот дали нам несколько бутылок коньяку, несколько коробок сигар и папирос на дорогу с заданием сигареты курить самим, а коньяк и сигары обменять на бензин. И действительно, чтобы мы сделали без этого коньяка и сигар! Только в обмен на эти товары мы получали бензин и добрались до Фюссена. А в Фюссене полковник Риль, видя мое жалкое положение, принес мне белье и несессер с бритвенными принадлежностями. И когда я отказался от этого подарка, он внушительно сказал: «Полковник, вы довольно покомандовали мною, теперь настала моя очередь». (Полковник Риль был моим начальником штаба в РННА). Это была тогда наша последняя встреча и на прощанье мы расцеловались со слезами на глазах.

Итак 18-го апреля утром я распрощался со своим эшелоном и мы поехали. От Пильзена дорога шла на подъем, через небольшую гору, и когда город остался внизу, то сверху железнодорожная станция показалась черным пятном, заваленным разным металлическим хламом. Ехали мы долго с частыми и долгими остановками. В танке было совсем мало бензина и мы оставались стоять то на горе, то под горою. Тогда наши лихие автоматчики с канистрами, сигарами и коньяком с попутной машиной добирались до следующей заправочной станции и приносили литров 10, а то и 15 бензина. На третий день поздно вечером прибыли в Декендорф и где-то было ночевать, а ночи были холодные. Мы подъехали к больнице просить приюта. Дежурный врач сперва нам отказал, сказав, что больница переполнена, а потом подумал и принял нас. Байдалакову отвели койку в палате, где тяжело раненным лежал гетман Скоропадский. Я лежал в ком-

нате с одним тяжело раненым венгерским магнатом, у которого было заражение крови, от чего он без перерыва стонал и к утру скончался. У меня самого головные боли ни на минуту не прекращались и мучительно болела нога, но было страшно жаль моего бедного соседа.

Утром пришел Шульга с автоматчиками снести нас вниз и выехать. (А у самого Шульги голова и лицо были покрыты многочисленными легкими ранами, была сильно потрясена нервная система, и он вдруг начинал плакать, вспоминая, как под развалинами бункера стоявшая перед тем рядом с ним его жена потом плакала, и скребла ногтями по его сапогам.) Я за ночь превратился в обнаженный нерв и что-то подсказало мне решение выехать после обеда. Все стали убеждать меня выехать с утра, чтобы к вечеру прибыть в Фюссен. И все таки я настоял на своем. А через четверть часа загудела сирена и посыпались на Декендорф бомбы. Больные, мужчины и женщины в одних рубашках высыпались из палат и заполнили коридоры и лестницу, образовались пробки и все застряли в проходах. Тяжело больные и раненые, которых было не мало, остались в своих постелях. А самолеты бросали бомбы, делали очередные залеты и опять бросали бомбы. Наконец больные добрались до подвала, остальные остались наверху. Бомбежка не прекращалась. Монашки не переставая читали молитвы и с каждым новым взрывом голоса подымались до высоких тонов, а потом опять спускались до шопота. Продолжалась бомбежка часа два и потом, постепенно удаляясь, смолкла. Был дан отбой. На Дунае были взорваны склады горючего и черный дым столбом взвился к небу. В городе больших разрушений не было. Следы бомбежки кончились в Фрейзинге по нашей дороге, где горел вокзал, было сломано много деревьев, росших вокруг.

К вечеру мы прибыли в Фюссен. Нас окружили члены КОНРа, офицеры и солдаты. Прибыл Федор Иванович Трухин с одним из эсэсовских офицеров, и высказав свою радость, что мы уцелели, распорядился Виктора Михайловича и Галю поместить в местную городскую больницу, а меня в военный эсэсовский лазарет (там другого не было). В лазарете уход за пациентами был отвратительный, помещения не топились и было холодно, да и бинты были бумажные, впитывали влагу, и я в постели мерз и дрожал. Видно было, что эсэсовцам не до пациентов.

Через три дня после нашего прибытия в Фюссен стало известно, что французы заняли Линдау, Равенсбург и Ванген, а американцы вышли в Кемптен и двигаются дальше. Настроение мое было отвратительное — боли в ноге не унима-

лись, в голове что-то все время вибрировало и не давало спать.

На третью ночь, когда все кругом заснуло, слышу в коридоре голоса и тяжелые шаги, приближающиеся к моей палате. Дверь открылась, кто-то включил свет и передо мною очутился адъютант генерала Власова, капитан Антонов, с несколькими солдатами из охраны. Видя, что я не сплю, Антонов обратился ко мне: «Господин полковник, враг приблизился к Фюссену и генерал послал меня за вами». С этими словами он приказал солдатам взять меня из постели и перенести в машину, ждавшую на улице. Тут вмешались санитары, придавили меня к постели и не хотели выпускать без разрешения дежурного врача, а тот не ночевал в лазарете. Антонов расшвырялся и вытащил пистолет, после чего санитары бросили меня, но заперли калитку внизу на замок. Антонов бушевал, дергал калитку и вдруг распахнулись ворота. Меня упаковали в машину и привезли в штаб. Для меня вся эта операция сопровождалась мучительными болями, но в штабе девать меня было некуда и Антонов в два часа ночи с револьвером в руках заставил семью Мест, жившую этажом выше, принять меня и отвести мне комнату. Мне было стыдно перед этими людьми, и я все извинялся, а те, видя мой страшный вид, меня успокаивали и предложили мне кофе и молоко. Так бессонно прошла эта первая ночь на новом месте.

Рано утром приходит Антонов и говорит, что сейчас придет генерал Власов. Я обрадовался в такой тяжелой момент увидеть его и хоть чем нибудь облегчить душу. Через десять минут вошел Андрей Андреевич. Это была первая наша встреча после моего ранения. Андрей Андреевич, желая меня немного отвлечь от мрачного настроения, принял веселый вид и смеясь сказал мне: «Ничего, полковник, мы с вами солдаты, и теперь осталось одним разом меньше. Давайте покурим». С этими словами он достал сигареты, предложил мне одну, зажег ее и только после этого закурил сам. Я почувствовал его заботу и был ему бесконечно благодарен. Не спрашивая больше ни о чем, он сказал: «Кончились немецкие дела, они сами во всем виноваты. Теперь начнутся наши. Конечно, будем сидеть не только за проволокой, но и в тюрьмах, но они без нас не обойдутся. Уж слишком далеко допустили большевиков, привели коммунизм в сердце Европы». Я возразил, что боюсь, что мы ошибаемся; за минувшие годы англо-американцы стали настолько обозленными, что постараются отомстить всем, кто имел какое либо отношение к Германии, но А. А., перебив меня сказал, что нет, политика вещь реальная, западные демократы должны не о нас думать,

а о себе, они уже надели себе петлю на шею. «В этом вопросе я не столько возлагаю надежды на Америку, сколько на Англию. Америка — это молодая страна и только за последнее время вышла на путь большой мировой политики, но Англия, это классическая страна и в течение пятисот лет стоит в центре мировой политики. Не может быть того, чтобы она не оценила создавшееся положение после разгрома Германии и прихода коммунистов в сердце Европы.»

На этом разговор наш кончился, и перед уходом Андрей Андреевич сказал, что сегодня мы двинемся через Тироль на юг, к нашим дивизиям, и он отдаст распоряжение дать мне машину на одного, чтобы было удобнее расположиться (я мог только лежать). И тут я решил посвятить его в составленный мною план ввиду намечающегося конца войны. Я решил сам вступить в переговоры с той стороной, чтобы Власов и его окружение в связи с ходом переговоров имели бы возможность маневрировать и не попасть в беду. Я сказал: — Андрей Андреевич, вы думаете, что мне следует ехать дальше? Для Власова этот вопрос был неожиданным и он неправильно понял меня. Он решил очевидно, что я пытаюсь отколоться, хотя раньше я не раз говорил ему, что когда наступят наши черные дни, — а они настанут — то он всегда может рассчитывать на меня, я его никогда не оставлю. У Власова пробежала по лицу неприятная гримаса и он сказал: «Полковник, если хотите ехать к семье, я дам распоряжение везти вас домой». Я на это ответил: «Андрей Андреевич, домой то я очень хочу, но теперь не время думать о семье. Вы сказали, что сегодня выезжаем на юг, но кольцо все больше и больше суживается, и скоро отходить то будет некуда. Вы не считаете, что пора нам вступить в переговоры с той стороной, пока она не столкнулась с нашими дивизиями? Тогда будет поздно.»

Андрей Андреевич, выслушав меня, сказал: «Вы правы, вы остаетесь здесь моим представителем. Вы все знаете, и знаете, что говорить. Я оставлю при вас Каштанова со взводом, а теперь спущусь вниз распорядиться написать вам необходимые документы.»

С этими словами он вышел. Примерно через час они с Василием Федоровичем Малышкиным поднялись ко мне и Андрей Андреевич сказал: «Полковник, мы вашу идею разработали дальше, и я решил оставить здесь половину штаба. Меня представлять будет Василий Федорович, а при нем будет генерал Закутный и вы.» Дав тут же Василию Федоровичу некоторые указания, относительно меня, Андрей Андреевич попрощался со мною, и когда наклонился поцеловать

меня, у меня глаза были полны слез, и слезы были на его глазах тоже. Когда они выходили, я окликнул его, он вернулся, и я сказал: «Андрей Андреевич, не сдавайтесь в плен, с пленными никто разговаривать не станет. Там, где вы будете, пусть кто-нибудь из генералов поведет переговоры от вашего имени». Власов ответил: «Нет, полковник, я кликнул клич и войска пошли за мной. В такой тяжелый момент я должен быть с ними и разделить их судьбу.»

Это была последняя моя встреча с Андреем Андреевичем — в Фюссене 25 апреля 1945 года, но образ его и сам он и по сей день находится в моем сердце и с ним вместе уйду я в могилу. При мне был оставлен фельдфебель-студент, который помогал мне.

Перед отъездом все командиры пришли попрощаться со мною, а пастор Шаберт со слезами на глазах сказал: «Господин полковник, не знаю, увидимся еще или нет, но прошу не забыть того, что в самые тяжелые для Власова дни, мы всегда были с ним.»

Тяжело было прощаться и с Георгием Николаевичем Жиленковым, с которым я впервые встретился в 42-м году. С тех пор нам пришлось многое пережить вместе. Со свойственной ему манерой даже в очень тяжелых случаях показать себя беззаботным, Георгий Николаевич нагнулся и поцеловал меня со словами: «Прощайте, Константин Григорьевич, и если больше не увидимся, спасибо за прошлое.»

Так наши уехали на юг, через Тироль, к Первой дивизии. Уехал и Василий Федорович к себе домой (генерал В. Ф. Малышкин с женой сняли комнату у бауера в Зееге, недалеко от имения Эриха Двингера, известного немецкого писателя, где устроился жить с семьей и Вильфрид Карлович Штрик-Штрифельдт). В Фюссене осталось немало наших людей, но стало тихо, как перед грозой, осталась одна тоска на душе.

Вдруг открывается дверь и входит подполковник Калугин. Услышав, что я остался в Фюссене и не зная причины, он пришел увезти меня к себе в горы. Он со своими людьми нашли в лесу спрятанный эсэсовский склад оружия, снаряжения и консервов и осели поблизости, переждать первые дни прихода американцев. Решил он увезти и меня туда, но я сказал ему, в чем дело и посоветовал самому вернуться к своим людям, чтобы не быть отрезанным. И вдруг загудела продолжительная сирена, что означало — враг близко! Калугин немедленно уехал, но вместо него появился незнакомец — А. Н. Штрандман, наш бывший посол в Югославии. Пришел познакомиться и сообщить, что Владыко Анастасий и

он с женой поселились внизу, в комнатах, которые занимал генерал Власов.

Зная, что соседний город — Кемптен уже занят американцами, Фюссен приготовился встретить победителей. Бургомистр и старейшие лица города упростили эсэсовцев, которые собирались затеять бои в этом районе, покинуть город без боя, а потом поехали в Кемптен объявить город свободным. А эсэсовцы, хотя и покинули город, но за собою взорвали мост через реку Лех, сами же отошли по направлению к Лехбрух. Это было с 26 на 27 апреля. Ночь проходила в тревоге, и вдруг раздался сильный взрыв — это эсэсовцы взорвали мост.

ПРИХОД АМЕРИКАНЦЕВ

На следующий день, 27 апреля, в послеобеденные часы раздался одинокий пушечный выстрел и вслед за ним послышался грохот и в город со стороны Кемптена ворвалась колонна американских джипов. Проехали весь город, добрались до реки и перед взорванным мостом стали. Машинам конца не было. Стояли они долго и солдаты, почти все, вышли из машин переминая ноги и покурить. Город встретил их белыми флагами из окон, а какой-то немец, недалеко от дома, где мы жили, вывесил американский флаг, но американцы заставили его убрать. Простояв часа два, американцы оставили в Фюссене комендатуру и обслуживавшие ее части, а вся остальная колонна повернула обратно и пошла в обход на Зеег и Кауфбоерн. Таким образом намеченных в районе Фюссена боев не было, но в окружающих его лесистых Альпах и предгорьях их осталось много спрятанных складов оружия, снаряжения и консервов. В этих лесах долго еще скрывались отдельные эсэсовские команды, которые постепенно рассосались.

Итак, мы на той стороне фронта, мы у американцев, но что происходит с нашими, уехавшими на юг, навстречу решениям своей судьбы и судьбы всего движения? А в Фюссене народ притаился и ждет, что будет. По улицам взад и вперед мирно разгуливают американские солдаты. Но потом выяснилось, что кое-кто из них и девиц силой из дому уводили, и в некоторых домах картины на стенах располосовали. В нашем же доме внизу мадам Штрандман зашла к Владыке Анастасию, и когда они стояли разговаривали, с улицы солдат дал очередь и пули, пролетев над их головами, вонзились в стену.

Моя комнатка опустела, все заняли выжидательное положение. Только одна сестра милосердия Татьяна, не считаясь ни с чем, систематически приходила менять мне на ноге компресс. Эта бесстрашная девушка являлась образцом старой русской дореволюционной сестры, которая и при самых тяжелых боях, с сумкой Красного Креста через плечо, ходила по полю боя и перевязывала раненых. Каждый раз, когда она приходила ко мне, я невольно вспоминал другую такую же сестру милосердия из далекого прошлого...

Это было в 1918 году, во время осады Баку турками. Прорвав наш фронт у Волчьих ворот, турки сосредоточили сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь на месте прорыва. Будучи назначенным отбить турок и заткнуть прорыв, я с батальоном занял исходную позицию и ждал удобного момента для контр-атаки. И вдруг, под бешеным огнем турок девушка-подросток с косынкой на голове и с сумкой сестры милосердия через плечо, точно влетела в мое прикрытие со словами: «На людях и смерть не страшна». С тех пор прошло больше, чем полстолетия, а образ этой героини, как живой, стоит перед моими глазами. Такой жертвенной и бесстрашной была и Татьяна.

Сразу же после прихода американцев и открытия их комендатуры молодой офицер, Игорь Юнг, пошел в комендатуру и заявил о себе, как власовском офицере. В комендатуре его задержали и сразу же отправили в штаб дивизии. На допросе он сообщил о том, что генерал Власов, покидая Фюссен, оставил там своего заместителя, генерала Малышкина для переговоров с американцами, и что его можно найти через его секретаря, доктора Димитрия Александровича Левицкого. В ту же ночь из дивизии за Левицким был послан в Фюссен американский офицер, и Левицкий, вместе с Львом Раром и американцем поехали по направлению к Зеегу. Недалеко от крестьянского дома, где жил Малышкин, остановили машину и без американца пошли и разбудили Малышкина, который, узнав, в чем дело, послал за Штрикфельдом, жившим неподалеку у писателя Э. Двингера. Штрикфельд приехал, и, как полковник Веревкин (по заранее заготовленным предписаниям Власова) передал себя в распоряжение Малышкина. Надев рюкзаки, генерал и полковник пошли к ожидавшемуся их американцу. Он встретил их отданием чести и объяснил, что послан доставить их в штаб своей дивизии, на что Малышкин согласился. Американец перед отъездом предложил всем по рюмке коньяку и они поехали. В Фюссене Левицкого и Рара высадили и поехали дальше. В штабе дивизии их принял начальник дивизии генерал Снай-

дер. Штрикфельдт объяснил генералу, что он капитан немецкой армии и сопровождает генерала Малышкина, как переводчик. Генерал отнесся к парламентарам очень внимательно и узнав про их миссию сказал, что он им вполне сочувствует, но решать ничего не может и переправит их в штаб армии, но они могут написать своим женам и он пошлет их письма по назначению — что он действительно и сделал.

Снайдер отправил парламентаров в распоряжение командующего 7-й американской армии, генерал Петча. Генерал Петч принял их очень заинтересованно и внимательно выслушал обстоятельный доклад Малышкина о роли и задачах Освободительного движения народов России. Попутно генерал задал Малышкину несколько пояснительных вопросов о непонятной роли русских батальонов на французском фронте и представив себе подлинное положение вещей и трагедию людей, сидевших перед ним, сказал: Я понимаю вас и вхожу в ваше положение, но я солдат и в вашем политическом вопросе ничего решать не могу и ничего вам не обещаю. О вашем деле я доложу Главнокомандующему. Парламентарам было оказано достойное их миссии внимание.

Генерал Айзенхауэр, выслушав донесение Петча сказал, что в таком политическом вопросе он обязан спросить мнение американского правительства в Вашингтоне. Правительство же ответило, что оно не желает иметь ничего общего с Власовым. Дни проходили за днями, а парламентары сидели в неведении. Когда произошла капитуляция Германии, они автоматически превратились в военнопленных, о чем генерал Петч с грустью передал Малышкину, на прощанье пожал ему и Штрикфельдту руку, и пожелав им успеха, удалился. Парламентаров привезли и сдали в сборный лагерь в Аугсбурге, где они встретились с генералом Жиленковым. Оказалось, что Жиленков в Австрии в сопровождении майора Хитрово тоже пошел к американскому генералу, как парламентар Власова (фамилии генерала не знаю). Генерал его выслушал, вызвал своего адъютанта и приказал угостить дожидавшегося Хитрово и отпустить его, а самого Жиленкова после капитуляции Германии отправили в Аугсбург в лагерь военнопленных.

И генерал Малышкин и генерал Жиленков, не считаясь с последствиями своих слов, ясно и определенно изложили американским генералам не только идею освободительной борьбы генерала Власова, но и подлинную роль коммуниста Сталина, злодеяния которого во много раз превышают злодеяния Гитлера. Мало того, они не побоялись обратить их внимание на последствия разгрома только одного злодея,

открыв другому возможность продолжать свои зверства в куда больших масштабах. Теперь, оглядываясь назад и вспоминая те далекие страшные и в то же время полные надежд дни, считаю своим долгом подчеркнуть, что хотя генералы Власов, Малышкин, Жиленков и многие другие и стали жертвами своего смелого выступления против коммунизма, зато они свято и нерушимо выполнили свой долг перед Россией, как и перед настоящим и будущими поколениями.

Позволю еще раз вернуться к событиям в Фюссене. После увоза генерала Малышкина, в Фюссене парламентарями остались генерал профессор Димитрий Ефимович Закутный и я. Так как я был прикован к постели и ходить не мог, то после прихода американцев я попросил сестру Татьяну пойти в комендатуру и доложить им обо мне и о моей миссии. Там ей ответили, что они уже обо мне знают и придут ко мне. Оказалось, что как только комендатура обосновалась, хозяйка квартиры Закутного пошла туда и сделала заявление, что у нее живет русский генерал, которого власовцы принудительно поселили в их дом. Американцы сразу же забрали Закутного, несколько дней продержали его под арестом и выпустили на свободу. (Мы тогда этот факт восприняли, как хороший показатель). Димитрий Ефимович, после своего приключения не раз посещал меня и мы подолгу беседовали. Примерно недели через две его опять арестовали и посадили в тюрьму, в одиночную камеру. Добровольно пошел сидеть с ним его переводчик. (Генерал Закутный, офицер Красной армии, владел только русским языком). Жена генерала, молодая женщина, на последних месяцах беременности, получила разрешение каждый день навещать мужа.

Прошло некоторое время. Как-то ко мне пришла его жена с жалобой, что мужа никто не посещает. Да и кто мог его посетить, ведь в Фюссене его людей и не было. Я попросил ее взять разрешение на посещение мужа ее братом и мы пойдем вместе. Разрешение было дано очень легко и я, спираясь на костыль, пошел с ней (это был мой первый выход в свет). Димитрий Ефимович обрадовался моему приходу и мы долго беседовали. Похоже было на то, что он немного успокоился. Уходя, я обещал попозже еще раз навестить его, но вдруг вечером со слезами на глазах приходит его жена с переводчиком и говорит, что ее мужа только что увезли в Аусбург. (До того я не знал, что в Аусбурге был сборный лагерь советчиков и недоумевал — почему именно туда?)

Оказалось следующее: в тот день вечером, с наступлением темноты, к Закутному приходит немец-полицейский и говорит, чтобы он взял свои вещи и пошел с ним. Закутный обра-

довался, что его выпускают (в Фюссене тюрьма находится на горе, в крепости, а полицейское управление внизу). Когда они спустились вниз, генерал увидел перед управлением автомобиль с зажженными фарами и с советской эмблемой. Он насто-рожился. Полицейский ввел их в пустую комнату, где сидел один советский офицер, а сам исчез. Советчик пошел им навстречу и сказал: «товарищ генерал, я послан за вами». Закутный сухо ответил, что он никуда с ним не поедет. Но тот рассыпался в любезностях, что, мол, здесь ему делать нечего, а там ждет Родина, и таких генералов, как он, ждут для подготовки новых кадров (до войны ген. Закутный читал лекции в Академии Генерального штаба), что теперь мы победили, и все будут амнистированы, кто мол без греха, и товарищ Сталин допустил не мало ошибок, и тому подобное. Закутный опять отказался ехать. Тогда тот решил применить другой прием и говорит: вас никто не заставляет ехать, но поедем в Аугсбург, и если вы не согласитесь вернуться на родину, я привезу вас обратно в Фюссен. Не думаю, чтобы этот прием подействовал на генерала, но видя, что американцы в его деле умыли руки, как Пилат, и он остался один, деваться некуда, сказал: но у меня здесь жена. Советский офицер сразу же согласился отвезти его домой к жене и там договориться. Жена, увидя мужа в сопровождении советско-го офицера, пришла в ужас, но генерал поторопился ее успо-коить. Офицер повторил все прежние предложения с при-бавлением, что если генерал согласится вернуться в Россию, то он сам приедет за нею и отвезет ее к мужу. Так они и уеха-ли. Переводчик сперва заявил, что он своего генерала не оставит и поедет с ним, но советчик сказал ему, что так как он старый эмигрант, то сначала должен подать заявление советскому правительству с просьбой разрешить ему вер-нуться в Россию, и он не может взять его с собою. Так они и уехали, оставив генеральшу одну в Фюссене.

Прошли томительных четыре дня и в Фюссен приехал тот же чекист-искуситель к жене Закутного с запиской от мужа: «Бросай все и приезжай сама. Все в порядке, едем домой». Ехать ей надо было на следующий день. В этот день вечером он пригласила меня к себе, сообщить о случившемся и попрощаться, угостила меня чашкой чая и заплакав про-тянула мне тысячу марок имевшихся у нее карманных денег со словами: «Они теперь мне не понадобятся, а вам нужны». попрощались мы с нею подлинно, как брат с сестрой, хотя я знал ее очень мало, мы познакомились только в связи с арес-том ее мужа.

Таким образом, сидя в Фюссене, мы поняли, что уже

обезглавлены. Генерал Власов со штабом капитулировал в Бурге и исчез по пути из Бурга в Пильзен, (к этому вопросу я еще вернусь), генералы Малышкин и Жиленков сидят у американцев, генерала Закутного выдали большевикам, генерала Трухина чехи выдали большевикам, генералов Боярско-го и Шаповалова чешские партизаны перехватили и повесили в лесу, генерал Меандров с частями Второй дивизии сидит в плену. Над головой повис Дамоклов меч, наши надежды на американцев не оправдались. Мы почувствовали себя затравленными беспризорными. Создалась новая обстановка, не лучше нацистской, требовавшая выхода из положения.

Тут я должен заметить, что не зная еще решения американского и британского правительств по отношению ко власовскому движению и к его участникам, мы считали пребывание наших вождей у американцев фактом положительным, и надеялись на успех переговоров. На такое заблуждение нас натолкнуло отчасти поведение фюссенского коменданта, молодого капитана еврея. Культурный и гуманный человек, он никого из нас не тронул. Закутного арестовал по доносу его хозяйки, но через несколько дней выпустил на свободу. Второй его арест через несколько недель мы объясняли желанием американцев спрятать его от советчиков, тем более, что когда жена генерала Малышкина пошла к нему выяснить, куда они дели ее мужа, капитан был к ней очень внимателен, обещал новости справки и при этом сказал: «Я знаю, что в Фюссене большинство беженцев — власовцы, но я отдал приказ их не трогать». Мало того, когда все мы, очутившись беспризорными, попали в очень тяжелое материальное положение, то по содействию этого капитана стали получать пайки и кое-что из одежды из местного лагеря ДП (перемещенных лиц). Мы тогда думали, что это все делается в связи с общей политикой Америки. Вести о подлинном отношении американцев к власовскому движению дошли до нас со стороны и много позже. При этом все, что доходило до нас, говорило далеко не в нашу пользу.

ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ РОА НА ФРОНТЕ

Не говоря о том, что приказ Гимmlера отправить Первую и единственную вооруженную дивизию РОА на фронт противоречил договоренности того же Гимmlера с Власовым, он являлся к тому же коварным подвохом по отношению к Освободительному движению вообще. Этим приказом нацистское руководство видимо решило послать дивизию на убой,

и тем самым закрыть последнюю страницу Власовского движения. То, что дивизия посылалась на истребление, не могло вызывать сомнений, ибо к тому времени германская армия отступила от Волги до Одера и от Варшавы до берегов Черного моря, и окончательно лишилась боеспособности. Следовательно в такой обстановке дивизии РОА на восточном фронте предстояло два тупика — либо быть истребленной в боях против красных, или же быть истребленной в сталинском плену, и это при условии, что участие дивизии в боях германской армии ни в какой мере ее положения облегчить не могло. К тому времени Гитлер и Гиммлер свою армию уже доконали до конца. В такой степени поражения никакая дивизия никакой роли играть не может.

Все это я пишу, чтобы подчеркнуть бессмысленность этого приказа с точки зрения военной, здравого смысла, и аморальное и бесчеловечное отношение Гиммлера к Власову и русской освободительной идее вообще. Гитлер и Гиммлер, допустившие приход десятков миллионов красноармейцев, победителей, старались в то же время ликвидировать с корнем власовцев, точно они были главными врагами Германии. И нет ничего удивительного, что Власов, взвесив положение вещей, предпринял все, что мог, что было в его силах, чтобы спасти своих людей от истребления. Для Власова эти люди были не только его близкими единомышленниками поверившими в его идею и доверившими ему свою судьбу, но и небольшой силой, на которую он возлагал надежды и строил свои дальнейшие планы.

Такова была подоплека событий, развернувшихся на Одере между командиром дивизии РОА и местным немецким командованием. Генерал Буняченко в этом тяжелом и казалось безвыходном положении оказался не только прекрасным командиром дивизии, но и смелым и решительным офицером. Выполняя в основном волю Главнокомандующего генерала Власова, он не раз в самых тяжелых случаях проявлял свою собственную инициативу, и дивизию свою спас и довел до Праги.

В дальнейшей трагедии дивизии и вообще всего Власовского движения Буняченко не виноват. Он с честью выполнил возложенную на него задачу и совершенно чист не только перед Освободительным движением народов России, но и перед историей.

Но вернемся к событиям, разыгравшимся на месте, на Одере, хотя бы в схематическом их изложении. Поход Первой дивизии РОА описал талантливо и обстоятельно командир

Второго полка той же дивизии подполковник В. Артемьев в своей книге под тем же названием.

Дивизия Буняченко прибыла на фронт недалеко от Франкфурта на Одере и была введена в состав 9-й немецкой армии. Генерал Буссе, командующий армией, сначала оставил дивизию на второй линии, а 6-го апреля приказал Буняченко подготовить дивизию к наступлению на советское предместное укрепление и ликвидировать его. Буняченко отказался принять приказ, сославшись на то, что его прямым начальником, приказы которого он исполняет, является генерал Власов, и к тому же дивизия ждет прихода других войск РОА — Вторую дивизию, Запасную бригаду генерала Койды, и Офицерскую школу генерала Меандрова. Помимо этого, генерал Власов обещал перед началом операций приехать в дивизию. Буссе был возмущен отговорками Буняченко, но делать было нечего.

Узнав о получении дивизией приказа о наступлении, солдаты и офицеры стали спрашивать, где их главнокомандующий и почему ими командует и дает приказы немецкий генерал, а не генерал Власов? Наконец приехал в дивизию Власов и подтвердил приказ генерала Буссе. Буняченко подчинился приказу и стал готовить дивизию к наступлению, изучил местность, обстановку и составил план наступления. Через два дня Власов покинул дивизию и уехал в Карлсбад. Буняченко как будто смирился и взялся за выполнение приказа Буссе, но эта задача стояла ему поперек горла. Дело в том, что советское предместное укрепление расположено было на немецком левом берегу Одера в самом отдаленном месте дуги, которую делает в этом месте река. Ввести дивизию целиком в бой нельзя, фронт слишком узок, а посылать ее по частям, губельно. Кроме того, между предместным укреплением и наступающими частями река залила водой при половодье по всей линии фронта пространство в два километра шириной и два метра глубиной, через которое наступающие должны пройти. Хуже всего было то, что наступающие одновременно попадали под фронтальный и фланговый (обоих флангов) огонь противника, при условии полной невозможности маневрирования. Буняченко было над чем призадуматься. Дивизия посылалась на истребление. Нужно заметить, что перед этим немцы сами несколько раз пытались ликвидировать это предместное укрепление и не смогли.

11-го апреля Буняченко дал приказ начать артиллерийскую подготовку и вслед за этим двумя назначенными полками начать наступление. И опасения Буняченко сбылись; местность заболочена и ровна, как на ладони, а пулеметный

и минометный огонь противника уничтожающ. Наступление захлебнулось. Каждая новая попытка развить наступление вызывала новый шквал советского огня. Видя бесцельное истребление людей, Буняченко дал приказ полкам отступить и выйти из под советского огня. Генерал Буссе пришел в ярость и потребовал немедленно начать наступление.

Но прежде чем принять решение, Буняченко собрал командиров полков на совещание и все высказались за отказ снова повести бессмысленное наступление, тем более, что эта задача не имеет ничего общего с той идеей, из-за которой они взяли в руки оружие. Буняченко довел решение командиров полков до сведения Буссе. Буссе потребовал Буняченко к себе. Буняченко под предлогом болезни не явился. Взбешенный Буссе пригрозил расстрелом самого Власова и Буняченко. Буняченко со своей стороны пригрозил Буссе, что если с генералом Власовым чтонибудь случится, то он за последствия не отвечает, и одновременно сказал, что он со своей дивизией тронется на юг и просит распорядиться его не трогать. Однако Буссе приказал не отпускать дивизии снаряжения, питания, бензина и фуража, но Буняченко предупредил Буссе не принуждать его прибегнуть к мерам самообеспечения, и снабжение дивизии было продолжено. Тут нужно упомянуть о том, что на одном из переходов дивизии Буняченко на юг, в нее влился полк полковника Сахарова, и дивизия возросла до двадцати тысяч прекрасно вооруженных бойцов, что заставляло с собою считаться.

Спрашивается, можно ли в этом возникшем между Буссе и Буняченко скандале винить кого либо из них? Ведь каждый из них на своем посту был прав в своих требованиях. На фронте, в самое тяжелое время в распоряжение Буссе назначают дивизию, а она отказывается от исполнения его приказов. По законам любой страны такого командира дивизии предают военно-полевому суду и расстреливают. Но что было делать Буняченко, когда и он сам, и его люди вошли в состав дивизии РОА во имя идеи освобождения своей родины от диктатуры коммунистов? Глава правительства обещает КОНРу и тем самым всем примкнувшим к нему участникам целый ряд прав и преимуществ и вдруг все обещанное и данное игнорируется и обманным способом, заманив 20.000 человек под ружье, превращает их в обыкновенное пушечное мясо, да еще от них требуется безоговорочное повиновение. Тут поневоле поставишь свою жизнь на карту, что Буняченко и сделал. И если Буссе и другие военачальники, имевшие отношение к Первой дивизии РОА не расстреляли Буняченко, то только потому что в этой обстановке Буняченко в

долгу не остался бы, и неизвестно еще, кто бы кого расстрелял. В этом трагическом деле виноваты те, для которых честь и обещание являлись пустым звуком. Эти люди во всей их практике считались только с голой силой и на этот раз про считались.

15-го апреля, с наступлением темноты Буняченко дал дивизии приказ с соблюдением мер осторожности и выставив походное охранение, форсированным маршем двинуться на юг. В обстановке угроз и опасностей состав дивизии подтянулся и точно священнодействовал, выполняя приказания своего командира. По пути маршрута встречные немецкие части дивизии не трогали, а с местным гражданским населением дивизия была предупредительна. Через два дня, проделав больше ста километров, дивизия стала на отдых в местечке Клеттвиц.

На следующее утро в штаб дивизии прибыло несколько офицеров из штаба командующего группой «Север», генерала Вейса с приказом командующего Буняченко занять позицию на новом участке фронта.

Буняченко принял их, пригласил и своих штабных офицеров и обратился к приезжим с обстоятельной и обвинительной речью. Он перечислил им обманы, издевательства и над Власовым и над всеми русскими, которые честно протянули руку для совместной борьбы, а их правительство издевалось и насмехалось над ними, стараясь закабалить их родину их же руками. Гиммлер сам пригласил Власова и разрешил ему развернуть Освободительное движение, а когда у него оказалось 40.000 человек под ружьем, решил использовать их в своих целях, как пушечное мясо. «Поймите, что ваш фюрер вас уже погубил, и дальнейшие ваши жертвы напрасны, а у нас есть своя задача, свой долг перед нашей родиной и теперь мы пойдем своим путем. Приказа генерала Вейса не принимаю, и прошу его вернуть генералу, — сказал он. На прощание Буняченко предупредил приезжих не трогать наших людей, пребывающих у них в плену, не трогать Власова, чтобы не вызвать лишнего кровопролития, и с этими словами покинул помещение. Делегацию провожал полковник Николаев. Один из приезжих смущенно сказал ему, что если ваш командир и дальше не будет повиноваться, то он будет расстрелян. Когда Николаев передал эти слова Буняченко, тот спокойно сказал: пока Первая дивизия цела, не беспокойтесь.

На следующий день вечером дивизия, пополнив свои запасы из местных складов, выступила в поход и проделав за два дня 120 километров, 23-го апреля остановилась на отдых недалеко от Дрездена. Это был средний участок фронта, рай-

он генерал-фельдмаршала Шернера. Фельдмаршал, человек экспансивный, решительный и строгий, был уже информирован о Первой дивизии РОА, и, с ее появлением в его районе послал своего офицера к Буняченко с приказом выйти на фронт и занять позицию. В ответ на это Буняченко обратился к нему с письменной просьбой дать ему разрешение двинуться дальше на юг. Разрешения не последовало, но дивизия двинулась на юг, и с хитростью Буняченко переправилась через уже заминированный мост через Эльбу и в районе Ноеберг-Баденбах остановилась. У нее кончились все запасы, дальше двигаться она не могла. На следующий день фельдмаршал Шернер заявил, что он придет к Буняченко в штаб, но вместо него приехал его начальник штаба. (Перед этим были посланы две эсэсовские дивизии для разоружения Первой дивизии, но Буняченко ловко вышел из их окружения и добрался до Ноеберг-Баденбаха).

Начальник штаба Шернера, генерал фон Нацмер принес категорический приказ фельдмаршала Буняченко, во избежание репрессий пойти в наступление против советских войск в районе Брно. Буняченко был прижат в угол и вынужден был дать свое согласие. После этого генерал фон Нацмер написал приказ отпустить дивизии полное снабжение и улететь обратно. А Буняченко пригласил командиров частей и объяснил им положение. Каждому было ясно, что пойти на фронт, это значит отказаться от своей прямой миссии, ради которой, начиная с Одера, перенесли столько мук, чтобы спасти дивизию. А теперь пришли к такому же исходному положению. Картина ясна. Немцы не выдерживают советского наступления и отходят на запад, чтобы капитулировать у американцев, а мы должны прикрыть их отход, жертвуя собою. Обсудив всестороннее создавшееся положение, командиры частей высказались за продолжение движения дальше на юг.

Тут позволю себе обратить внимание читателя на следующее: командир дивизии, которая вышла из повиновения, снялась с фронта и совершила поход, начиная с Франкфурта на Одере и до самой чешской границы, конечно ходил по острию ножа и для этого требовалась колоссальная выдержка. Но я хотел бы обратить внимание читателя на дух и решимость 20.000 его солдат и офицеров, которые, поддерживая решение своего командира, совершали чудеса. Где это видно, чтобы дивизия в два дня походным порядком проделала 100 и 120 километров? Такие походы в истории вождения войск являются примерными. Мало того, эти 20.000 солдат в общей сложности в Германии пережили не мало горя,

но когда Буняченко отдал строгий приказ местного населения не трогать, они его не трогали, если даже и голодали. Честь освободительной армии должна остаться незамазанной — написал в приказе Буняченко, и она осталась незапятнанной. Дивизия до конца высоко держала знамя РОА.

(Не то в 1964, не то в 1965 году мне позвонил фельдмаршал Шернер и выразил желание встретиться со мною и поговорить о Власовском движении. На его предложение я ответил, что если бы фельдмаршал согласился поужинать у нас, моя жена и я были бы очень рады. Фельдмаршал охотно согласился и в назначенный день посетил нас. За столом, вспоминая прошлое, Шернер отдавал должное Буняченко, как умному и решительному командиру. Он сказал, что очень жалел и Власова и Буняченко и всех, кто с ними погибли, но просил понять его самого в его тогдашнем положении: «Погибала Германия и я спасал ее. Пока я не узнал подробности о власовской дивизии, я не уничтожил ее только потому, что у меня не было авиации, а когда узнал, в чем дело, то предпочел закрыть глаза на то, что делал Буняченко».

На прощание, в память прошлого, он оставил мне самим написанную свою визитную карточку).

Буняченко решил перебраться через чешскую границу и выяснить обстановку. Сделав за два дня 120 километров, дивизия расположилась на отдых в Чехии, в районе Лаун-Шлена-Ракониц. Сюда с разных сторон прибыли фельдмаршал Шернер и генерал Власов в сопровождении целого ряда немецких офицеров. Фельдмаршал рвал и метал по адресу Буняченко, но в этот день у него был на приеме полковник Крегер, который осведомил фельдмаршала о всей трагедии Власова и его движения, а также о надежде продолжать борьбу против коммунизма вместе с англичанами и американцами. Для Шернера все сказанное Крегером было откровением. На следующий день он встретился с Буняченко в присутствии Власова и его обвинения Буняченко носили чисто формальный характер, и фельдмаршал, отменив свое распоряжение о разоружении дивизии и подтвердив ее дальнейшее снабжение, покинул дивизию. Генерал Власов остался при дивизии.

На этом совещании Андрей Андреевич иногда присоединялся к обвинениям, высказываемым Шернером по адресу Буняченко, но на следующий день в присутствии всех старших офицеров дивизии поблагодарил Буняченко за столь блестяще выполненную задачу, и при этом дал понять, что его обязанности далеко выходят за рамки Первой дивизии. Она воо-

ружена и в предстоящие страшные дни предкапитуляционного хаоса сама может отстоять себя. «Но миллионом наших не вооруженных и беспризорных соотечественников грозит большая опасность и я о них обязан позаботиться» — сказал Власов.

С приходом дивизии в Чехию, местная партизанщина подняла голову, до нее дошли сведения, что пришедшие власовцы хотят вести борьбу против немцев. Чехи заволновались и умоляли власовцев помочь им. Партизанские представители каждый день по несколько раз приходили в штаб Буняченко просить то вооружения, то снаряжения. Буняченко запрашивал Власова, а Власов заявлял, что нам не нужно вмешиваться в немецко-чешские дела. Однако, антинемецкие настроения у солдат и офицеров в дивизии усиливались, и похоже было на то, что автоматически произойдет взрыв. Чехи уговаривали Буняченко поддержать их предстоящее восстание против немцев, а они обеспечат им у себя приют. Они даже предлагали Власову (он категорически отказывался от встречи с чехами) возглавить их восстание. Власов предложение отклонил. Мало того, Власов до последнего момента уверял немцев, что дивизия против них не выступит. И несмотря на то, что в Чехии политическая обстановка вот-вот доходила уже до точки кипения, при Буняченко все еще оставался немецкий офицер связи, майор генерального штаба Швенингер, и Власов все еще был окружен немецкими офицерами, которые сопровождали его повсюду. Взрыв произошел автоматически и предотвратить его никто не мог.

Дело было в том, что в Чехии дивизия Буняченко стала выставлять свои посты и патрули как для самообороны, так и для поддержания порядка в районе их расположения. Один из постов дал сигнал проходящей машине остановиться, но она проехала мимо. Постовой открыл огонь и пробил кузов и шину. Из машины выскочил немецкий офицер, и достав револьвер, выстрелил в постового. Тот открыл огонь из автомата и убил офицера. Не успели это дело разобрать, как на вокзале возникла перестрелка между группой эсэсовцев и власовцев, было убито и ранено по несколько человек с обеих сторон. Оставшихся эсэсовцев власовцы обезоружили и привели в штаб Буняченко, где жил Власов и где происходило общее заседание вместе с немецкими офицерами. Последние пришли в ужас при виде своих, и не знали, как реагировать на такой вызов. Первым опомнился Власов и приказал вернуть эсэсовцам оружие. Однако те от оружия отказались и попросили доставить их до германской границы, что и было сделано. Это было началом, после чего никто не мог гаранти-

ровать, что в дальнейшем подобных эксцессов не будет. Уж слишком много горя и обиды накопилось у власовцев. Видимо, это понимали и немецкие офицеры, сопровождавшие Власова и они попросили доставить и их до германской границы. Расстались они с Власовым дружелюбно, без каких бы то ни было упреков, да и в чем его было упрекать, когда над ним довлела задача спасти свое начинание и своих людей.

С этого момента кончились взаимоотношения Власова с немцами.

4-го мая в Праге началось восстание чехов против немцев. Повстанцы сначала действовали довольно успешно, но потом им пришлось плохо и Центральный партизанский штаб, организовавший и руководивший восстанием обратился к Власову и Буняченко с просьбой оказать помощь против немцев, одновременно обещая дивизии приют в свободной Чехии. Но ни Власов, ни Буняченко решения вынести не могли, им трудно было перешагнуть через границы допустимого. А чехи умоляя, просили о помощи, да и для них самих свет сошелся клином. В последний раз Буняченко, посоветовавшись с Власовым, дал приказ дивизии атаковать Прагу. Бои шли целый день и город был очищен от немцев, но на окраинах еще шли бои. Местное население ликовало, благодарило власовцев, осыпало их цветами, власовцев угощали, кто чем мог, зазывали в гости, как освободителей.

На следующий день в Праге собралось временное чешское правительство и Власов послал туда для информации несколько человек своих офицеров, в том числе и капитана Антонова. Там члены правительства (Рады) — коммунисты встретили власовцев враждебно со словами: «Вам что нужно здесь, кто вас позвал? Мы ждем русских, но не вас — немецких наймитов. Советуем убрать ваше командование и перейти в Красную Армию».

Чехи-националисты, полюбившие и приветствовавшие власовцев, отстаивать их не стали. Видимо, побоялись репрессий со стороны приближающейся Красной Армии. Узнав о случившемся, Центральный партизанский штаб принес свои извинения Власову и Буняченко, с просьбой продолжать с ними борьбу и дальше, но Буняченко дал приказ полкам сняться с позиций и двинуться навстречу американцам. По иронии судьбы дивизии пришлось уходить туда, куда уходили и отступали немцы. Другого пути не оставалось.

В связи с уходом дивизии РОА чешский Центральный партизанский штаб обратился за помощью к Красной Армии, но Конев двигаться на Прагу не торопился. Советчики спустили парашютистов-инструкторов для партизанских отрядов,

но двигаться вперед медлили. Надо полагать, что под Прагой они собирались повторить Варшавский пример — то есть дать немцам подавить восстание, перебить чешские национальные силы патриотов и тем самым обеспечить захват власти местными коммунистами. Если так, то Первая дивизия, вмешавшись в это дело, нарушила план большевиков, и только в 1968 году очередным захватом Праги они наверстали тогдашнюю упущенную возможность. (Дело в том, что хотя спущенные на парашютах советские инструкторы для коммунистических отрядов организовали их хорошо, но по сравнению с партизанами-националистами они были в значительном меньшинстве и состязаться с ними не могли).

Тут я должен заметить, что зная моральный облик Власова и его взгляды на вещи, и несмотря на все невзгоды, пережитые им и его окружением в Германии, могу с уверенностью сказать, что только крайне безвыходное положение могло вынудить Власова дать согласие на выступление в Праге против немцев. Ему нужно было со своими войсками перейти Рубикон, а тут Красная Армия шла по пятам, и могла перехватить их до встречи с американцами. И все же было уже поздно.

9-го мая Первая дивизия, двигаясь по Чехии, дошла до района Розенталь-Бойшин. Здесь она вошла в район разведывательных танков 3-й американской армии, а на следующий день встретилась с ее передовыми частями. Рядовые американские офицеры не могли понять, что это за русские, когда русские являются их союзниками, а эти почему то воюют на стороне немцев! Они троекратно приказывали сложить оружие и пройти к ним в тыл, а Буняченко отказывался, и добивался переговоров со старшим начальством. Однако, узнав, что генерал Власов и его подчиненные поднялись на борьбу исключительно ради того, чтобы освободить свою родину и свой народ от невыносимой коммунистической тирании, они меняли свое отношение и старались, в рамках своих прав и возможностей, помочь им чем могли, пока сверху не поступали к ним явно противоположные директивы. Так было в Пильзене, так было в Шлюссельбурге. И тем не менее многие офицеры из строевого состава старались облегчить судьбу Власова и его людей. Особое внимание в этом отношении проявил комендант Шлюссельбурга капитан Донахю, который до конца пытался помочь Власову, неоднократно предлагая ему вывезти его в тыл; кроме того, он отстаивал дивизию от захвата ее советской танковой бригадой. И тем не менее дивизия была выдана по распоряжению сверху.

Тут мы подходим к очень сложному сплетению событий,

и чтобы остаться в дальнейшем на позициях правильного и точного освещения фактов, я предпочитаю дать слово очевидцам и участникам тогдашних событий — адъютанту генерала Власова капитану Антонову и лейтенанту Виктору Ресслеру. Оба они тогда находились в непосредственном распоряжении генерала до момента его выдачи. Что касается лейтенанта В. Ресслера, он добровольно пошел со своим генералом в плен.

Так решилась судьба генерал-лейтенанта Власова и его Первой дивизии. От нее тогда уцелело, то-есть спаслось, очень мало людей. Командиры и бойцы, несмотря на их критическое положение, продолжали оставаться на своих местах и ждали распоряжения начальства. А американцы тянули со своим ответом и только в самый последний момент, когда советская танковая бригада уже хозяйничала в районе частей РОА, сказали Власову, что они не могут гарантировать, что дивизия не будет выдана. Только после этого Буняченко объявил дивизию распущенной, но мало кто смог уйти от красных. Да и американцы сами стали препятствовать уходу людей к ним в тыл. И Первая дивизия, почти целиком, с поднятой головой и с проклятием на устах по адресу западных демократов пошла навстречу новым испытаниям.

Капитан Ростислав Антонов.

ПРАГА — ПИЛЬЗЕН — ШЛЮССЕЛЬБУРГ

Утром 8-го мая стало известным, что к Праге приближаются советские войска. Так как к этому времени пути для продвижения Первой дивизии на юг оказались уже перекрытыми, было принято решение двигаться на запад в направлении Пильзена. Это была ближайшая точка, которую должны были занять американские войска. Дивизия начала отход, но связи с американцами еще не было. Власов находился в пражском замке. Прибывший к нему начальник штаба Первой дивизии подполковник Николаев предложил попытаться вступить в контакт с командованием американских войск. Решено было послать адъютанта генерала капитана А. (здесь и дальше автор говорит о себе в третьем лице). Власов сказал Антонову: «Попробуй. Если к вечеру не вернешься, пошлем другого.»

Ехать надо было километров 60. Впереди ехали чехи, которых попросили быть сопровождающими (это были связные от

повстанцев. Потом капитану А. по дороге встречались чешские партизаны. Узнав, что едет представитель Власова, они всячески старались выразить ему свою признательность. Кстати, они сообщили, что к ним в отряды сброшены на парашютах советские инструкторы. У деревни Бенешау, километрах в 15 от Пильзена, мы были остановлены заставой: два американских танка и сидящие в них чехи. Оказывается, в Пильзене был создан тогда чешский корпус в несколько тысяч человек — жители Пильзена хотели идти на помощь восставшей Праге. Но американцы их не пустили.

Капитана Антонова пропустили в Пильзен. Сначала приехали в чешский штаб. Здесь о Власове знали и говорили о нем с восторгом. Потом провели к американцам. Первый американец, видимо, дежурный офицер, говорил по-немецки. Антонов объяснил ему, что он — представитель Власова и хотел бы говорить с представителем командующего. Тот провел капитана к своему полковнику. Полковник долго не понимал разницы между русскими и большевиками. Потом сказал, что он не может принимать какие либо решения, касающиеся русских, и должен переговорить с командующим армией. Через два часа полковник передал следующее заключение командующего: раз РОА враждебна по отношению к Красной Армии, то есть их союзнику, то ее дивизия должна безоговорочно сдаться американцам. Капитан Антонов заявил, что Власов таких условий принять не может, и попытался снова объяснить характер и цели РОА. Полковник опять связался с командующим, и вернулся с ответом: разбирать характер и цели РОА — это дело американского правительства, командующий может лишь принять Первую дивизию в плен; он сообщит обо всем представителю правительства генералу Айзенхауэру однако лично он хотел бы, чтобы дивизия оставалась на месте и не шла бы в место расположения его армии — это может вызвать ряд неприятных для него осложнений. Капитан Антонов ответил, что Первая дивизия все равно будет двигаться к Пильзену, что о переговорах он должен доложить Власову и что видимо, представители Власова еще раз приедут в американский штаб.

Все это было доложено Власову и тот, посоветовавшись с Буняченко, решил сам ехать к американцам.

При выезде из Праги к Власову с сопровождающими его присоединилась группа подполковника Тензорова (нач. отдела безопасности КОНРа). В ней было два переводчика. Вся колонна двинулась по дороге на Пильзен. Туда же двигалась и дивизия. Путь лежал через местечко Пшибрам. Чехи сообщили, что в районе этой дивизии действует недав-

но брошенный туда советский парашютный десант, и что советские партизаны настраивают население против власовцев, называя их немецкими наймитами. Чехи советовали ехать другой дорогой. Но Тензоров почему то настаивал ехать прямо. (Кстати, как оказалось впоследствии, именно в Пшибраме попали в руки советских партизан генералы Боярский и Шаповалов, а потом генерал Трухин). Но пока решали, как ехать, нас нагнала немецкая колонна с танками (в ней, как будто бы находились командующий немецкими войсками в Чехии и сам Франк). Мы втиснулись в эту колонну.

По дороге встретились американцы. Они разделили всех проезжающих — «СС — налево, Вермахт — направо». Подойдя к машине Власова, они спросили: «А вы — кто?» Но, увидев, генеральскую форму, сказали: «Генералы — отдельно». И мы поехали за американским джипом.

В Пильзене привезли к дежурному гарнизона. Переводчиков не было. (Наши переводчики где-то застряли по дороге). Переводили сначала на чешский, потом на английский. В первую очередь дежурный по гарнизону потребовал, чтобы Первая дивизия не шла на Пильзен, который, по договоренности с советским командованием, является американской территорией, и русским войскам в нем делать нечего. Власов заявил, что его дивизия — не советская дивизия. Но переводчик повидимому не понял, что хотел сказать генерал Власов. Начальник гарнизона пригрозил, что дело дойдет до вооруженного столкновения. Появился американский генерал и повторил то же самое. Но Власов в свою очередь твердо сказал, что дивизия будет продолжать свое движение к Пильзену, ибо иного пути для нее нет.

Нам отвели место для ночевки в гостинице.

На другой день утром, когда Власов вышел на улицу, собралась толпа чехов, восторженно приветствовавшая его. Появились чешские полицейские, которые торжественно вручили генералу ключи от лучшей квартиры в городе. Власов направился туда. На городской площади образовался стихийный митинг. Собралось до тысячи человек. Выступил старик-чех, поблагодарил Власова за спасение Праги и преподнес ему цветы и бюст Масарика. Во время этих торжеств на площади присутствовали советские офицеры связи. Они отъехали в угол площади и наблюдали оттуда. На противоположной стороне площади чехи водружали портреты Рузвельта, Сталина, Черчиля и Масарика. Подъехали американцы и стали все фотографировать. Потом к Власову подошел американский офицер и от имени коменданта Пильзена пригласил на банкет в честь «освободителя Праги — генерала Власова».

На банкете не было переводчиков. Американцы поздравили с освобождением Праги. Потом мы вернулись на квартиру, а оттуда поехали в американский штаб. Там произошел обстоятельный разговор о том, за что и почему борется РОА. Судя по внешней реакции американцев на слова Власова, они поняли, что допустили оплошность с банкетом. Тем временем перед штабом собралась новая толпа чехов. Американцы сказали им, что Власов выйти к ним не может, так как он занят, а Власову предложили отправиться к себе на квартиру и ждать там, пока сверху не придет распоряжение о Первой дивизии.

На квартире Власова расположились, кроме самого генерала, капитан Антонов, подполковник Тензорев, его адъютант подпоручик Доноров, медсестра из Первой дивизии и шофер генерала. Наши автомашины оставались при нас. Американцы сказали, что всем, что находится в квартире мы можем распоряжаться по своему усмотрению, и добавили: если нужен бензин, его дадут. Мы поняли это, как намек на то, что лучше выехать из Пильзена. Тензорев предложил — Власова не было в комнате — переодеться в штатское и попытаться пробраться в Германию.

Обедали в казино американского штаба. Во время обеда Власов продолжал настаивать, что ему необходима встреча с Айзенхауером. Американцы сказали, что постараются этому помочь, и опять прибавили: машины, мол, находятся в вашем распоряжении, вы можете делать, что найдете нужным, бензин дадим. Переводила Рождественская.

Вернувшись домой, мы сразу же переоделись в штатское. Увидев это, Власов спросил: «Что это за маскарад?» Когда ему изложили план Тензорова, он отверг его и сказал, что надо ждать ответа относительно всех войск РОА.

Около трех часов пополудни пришел офицер американского штаба и спросил: «Здесь ли генерал?» На ответ, что генерал на месте, офицер задал новый вопрос: «Что он намерен делать?» Сказали, что Власов ждет ответа относительно свидания с Айзенхауером. Американец ответил «О-кей», и ушел. Часов в шесть он снова появился и пригласил всех на ужин.

На ужин Власов пошел один. Остальные под разными предложениями остались и стали готовиться к побегу. Через час все было готово: машины, одежда для Власова и другое. Но вернулся Власов и сказал, что по предложению американского командования мы выезжаем в Первую дивизию, которая подошла уже к границе американской зоны. Он приказал нам снова облачиться в форму. Выехали на площадь. Там

к нам присоединились супруги Рождественские. Всего собралось три машины. Подъехали два американских броневика, и мы тронулись по направлению в Шлюссельбург, близ которого была остановлена Первая дивизия.

Были уже сумерки, когда мы подъехали к Шлюссельбургу. Навстречу шла советская моторизованная колонна. Увидев нас и приняв за немцев, солдаты кричали: «Что, фрицы, навоевались?» В городке расположился также партизанский отряд капитана Голикова, о чем говорила соответствующая надпись на борту стоявшего грузовика. Пропустив советскую колонну, мы въехали в крепость.

Комендантом крепости был американский капитан. У него находились немецкий полковник и майор СС. Они втроем обсуждали вопрос о перемещении немецких пленных вглубь Германии. Нас капитан принял очень хорошо. Он сообщил нам, что Первая дивизия находится в нескольких километрах от крепости, что она будет направлена с немецкими частями вглубь Германии, а пока она разоружается, оставляя одну винтовку на десять человек и пистолеты при офицерах. Власов стал настаивать на возвращении оружия и на немедленной переброске дивизии вглубь Германии. Американец ответил, что в отношении разоружения дивизии он имеет точные инструкции и нарушить их не может, что же касается ускорения отправки дивизии, то он постарается.

Мы отправились опять в отведенное нам в крепости помещение, этажом выше капитана Голикова.

Утром Власов послал капитана Антонова к генералу Буняченко. Буняченко по сути дела сказал то же самое, что и американский капитан. Он лишь добавил, что рядом с Первой дивизией стоит советская танковая бригада, советские машины свободно разъезжают кругом, хотя это и американская территория, а советские агитаторы стараются проникнуть в дивизию и вести там агитационную работу за возвращение на родину.

Капитан Антонов доложил обо всем Власову. Вскоре к Власову явился Буняченко. Между тем у Власова состоялся новый разговор с американским капитаном. Американец предложил составить план эвакуации дивизии с заявкой на автомашины и бензин. Буняченко уехал в свой штаб и часа через два вернулся с нужными документами. Генералы пошли к коменданту крепости. Тот сказал, что бензин есть, но автомашин нет, поэтому дивизии придется эвакуироваться на своих машинах несколькими рейсами; эвакуация начнется на следующий день. Американец подчеркнул, что Первая дивизи-

зия рассматривается как плененная американской армией. Буняченко уехал в дивизию.

Американец предложил Власову не ждать эвакуации дивизии, а составить колонну, не более трех машин и отправиться в Германию вместе с возвращающимися на родину английскими военнопленными. До пределов вверенного ему района американец обещал дать в сопровождение своих подчиненных, но далее, мол, придется ехать только с англичанами. Однако, Власов отказался от этой любезности, заявив, что выедет вместе с дивизией. Американец пожал плечами: «Смотрите как бы не было поздно». Между тем количество советских подразделений в Шлюссельбурге увеличилось. Партизаны, находившиеся в замке, совсем распоясались, с ними были уже стычки. Во избежание дальнейших эксцессов, комендант крепости предложил Власову выехать из замка и расположиться на опушке леса, близ подготовленных к эвакуации немецких частей. Мы так и сделали. Вечером на опушку леса приехал комендант крепости. Он сказал, что район Шлюссельбурга отходит к советским войскам. Но он попросил у своего начальника три дня, чтобы за это время завершить эвакуацию всех пленных, в том числе и власовскую дивизию. Он добавил, что старается делать все возможное для ускорения эвакуации власовцев. Потом он опять предложил Власову не ждать начала эвакуации дивизии и ехать в Германию хотя бы с колонной эвакуируемых немецких гражданских беженцев. Но Власов опять отказался, сказав, что разделит судьбу со своими войсками.

Ночью снова вернулись в замок, так как партизаны, окаживаются из него выехали. Туда же прибыл начальник штаба дивизии Николаев, и сообщил, что в распоряжение дивизии вошли советские танки и принуждают идти к советским частям. Об этом сообщили американцу. Тот сел в джип, накрыл его американским флагом и поехал в советскую бригаду. Там он предложил командиру бригады немедленно отвести танки из расположения власовской дивизии, добавив, что если это не будет сделано, то будут пущены в действие американские танки. Командир советской бригады попытался было сослаться на то, что власовцы, мол тоже советские люди, все равно они будут возвращены в СССР. Но американец прервал его: «Меня это не касается. Вы заняли нашу территорию и должны оттянуть свои танки». Комбриг выругался, но танки оттянул назад.

На утро, 12 мая американец сообщил, что никаких приказов об эвакуации дивизии нет. Он расценивает положение, как безнадежное. Поэтому он выставляет свои танки между

советскими частями и дивизией и предлагает личному составу дивизии просачиваться на запад мелкими группами. На это он может дать три часа. За это время можно достигнуть территории американской оккупации.

Власов немедленно же отдал соответствующий приказ генералу Буняченко. Тот отдал нужные распоряжения по дивизии, а потом со своим штабом прибыл в крепость.

Вокруг крепости расположились отдельные советские машины. Кое-где появлялись люди в форме НКВД.

Крепость была взята под наблюдение. В 3 или 4 часа дня пришел американец и сказал, что из штаба американской дивизии поступил запрос, где находится ген. Власов. Американец спросил, что ему ответить. Власов сказал: «Отвечайте, что здесь». Хотя все, в том числе видимо и американец, считали правильным ответить, что Власова в замке нет. Через некоторое время из дивизии поступило распоряжение: Власов должен быть переброшен в распоряжение американской дивизии.

Вместе с Власовым решил ехать и Буняченко со своим штабом. Тензор со своими людьми остался в крепости (кстати, в ночь на 12 мая Тензор со своей группой тоже «отстал» от нас). Составилась колонна: машина Буняченко, машина штаба Первой дивизии, затем две машины Власова. Тронулись. Впереди ехал американский джип...

В. Ресслер. (Записано П. Кружиным).

ВОТ ЧТО СОХРАНИЛОСЬ В ПАМЯТИ

Когда начался отход Первой дивизии РОА из Праги, Власов послал своего адъютанта, капитана Антонова в Пильзен — посмотреть, что там. Антонов вернулся и сказал, что в Пильзене американцы. Тогда Власов решил ехать туда сам, чтобы лично вступить в переговоры с американским командованием относительно судьбы его войск. Выехали небольшой колонной. В числе сопровождающих Власова был и я. Американская комендатура Пильзена отвела нам место для ночлега (дело было уже к вечеру). На другой день американский начальник, кажется в чине полковника, пригласил нас всех на завтрак. Выпивали, закусывали американскими консервами. Атмосфера была непринужденной. Переводчиками были супруги Рождественские. Разговора я не помню, но помню, что впечатление от него было благоприятное: каза-

лось, что наши надежды на благоприятный исход нашей эпопеи сбываются.

Однако, вскоре — в какой форме уже не помню, американцами был сделан намек, чтобы Андрей Андреевич скрылся. Когда я спросил генерала, не лучше ли будет нам всем поближе к чешско-германской границе, он ответил: «Нет. Я не могу оставить своих солдат на произвол судьбы.»

На другой день нам сказали, чтобы мы на своих машинах, в сопровождении американского конвоя, направились в Шлюссельбург, куда к этому времени подошла Первая дивизия РОА. По прибытию туда нас встретил американский капитан. Видимо, это был комендант местечка, так как он там всем распоряжался. Он отвел нам место в замке. Андрей Андреевич получил отдельную комнату.

Утром следующего дня в замок прибыл немецкий генерал авиации. Он, оказываясь, отвечал за разоружение немецких частей. Американцы и нам предложили сдать свое личное оружие. Все было в вежливой форме. Обыска не было. Принимая от нас оружие, американцы хотели приобрести чтонибудь в качестве сувениров, предлагая за это деньги, сигареты.

Власов в это время находился в своей комнате. У него видимо уже появились сомнения относительно того, что все кончится хорошо. Помню, оглядывая свою комнату, он сказал: «Если дело дойдет до выдачи, то нам и деться некуда.»

12 мая после обеда американский капитан вдруг сказал, что Власову нужно ехать в близ расположенную американскую дивизию для разговоров с американским генералом. К этому времени в замке появился генерал Буняченко со своей женой и другие офицеры его штаба. Выехали вместе. Машина Власова ехала примерно седьмой. Это была немецкая машина марки «Вандерер», весьма некомфортабельная и рассчитанная всего лишь на четверых. Упоминаю об этом на тот счет, что в советской печати были высказывания, будто бы в машине Власова были женщины, а сам он, завернутый в ковер, лежал на дне кузова. Власов, с его почти двухметровым ростом никак не мог бы разместиться, лежа в такой машине. Что же касается лиц, ехавших в этой машине, то ими были впереди за рулем шофер Власова, рядом с ним капитан Антонов, на заднем сиденьи — Власов и я. Впереди колонны шли два американских танка. Колонну замыкал джип. Гензорова с его людьми в этой колонне не было; он по неизвестной мне причине остался в замке.

При выезде нашей колонны из местечка с места сорвался какой-то мотоцикл, умчавшийся куда-то в сторону.

Проехали на запад километра три. Вдруг, на развилке, колонна остановилась. Произошла какая-то заминка. Послышался возбужденный разговор. Я сказал: «Андрей Андреевич, что-то неладно. Не лучше ли повернуть назад? Но шофер Лукьяненко и Антонов в ответ: «Нельзя развернуться». А тут уже к нашей машине с левой стороны подошли два советских автоматчика. Открыли дверцу. Лукьяненко и Антонов сидят. Я сидел слева и вышел первым. Как вышел Власов, не видел — может быть сам, может быть попросили выйти. Власов пошел в сторону американских танков. Я с ним. Когда мы шли, в стоящих впереди машинах уже никого не было. Подошли к американцам. Они ухмыляются, жуют резинку, на слова Власова не реагируют. Тут же торжествующий советский капитан. Он вскинул автомат. Власов повернулся к нему, распахнув отвороты шинели: «Что ж, стреляйте!» Наперерез к Власову кинулась молодая женщина. «Что вы делаете! Не стреляйте! Это хороший человек!» Капитан оттолкнул ее и обращаясь к Власову, сказал: «Что ж — стрелять! Тебя будет судить Сталин.»

И тут я увидел, как наша машина, с Лукьяненко и Антоновым, развернулась и помчалась обратно, в сторону замка. Я побежал вдоль колонны, надеясь хоть кого-то найти. Машины стояли с распахнутыми дверцами, кругом ни души. Но в этот момент я услышал голос Андрея Андреевича: «Ресслер! Где же вы, Ресслер?» Я подбежал к генералу. Кажется, сказал: «Подождите, Андрей Андреевич, сейчас Антонов вернется с нашими людьми». Советский капитан заволновался, начал торопить, угрожая опять автоматом.

Нас посадили в машину, которая стояла около танков. Открытая военная трофейная машина. За руль сел шофер в мундире РОА. Рядом советский капитан. Мы сзади. Машина быстро поехала к Шлюссельбургу. Когда проезжали Шлюссельбург, Власов попросил остановиться, чтобы он мог захватить свои вещи, оставленные в замке. Но советский капитан скомандовал шоферу: «Жми, не останавливайся!»

Проехали через передовую линию советских войск. Там шел «брудершафт» с американскими солдатами. Пили, пели, орали. Машина подъехала к какому-то штабу. В саду были накрыты столы с остатками выпивки и закуски. За ними сидело несколько офицеров. Андрей Андреевич пошел к столу. Сидевшие встали. Старший вышел навстречу. «Вы — Власов?» Генерал с достоинством ответил: «Да, я — Власов». Спрашивающий предложил генералу сесть за стол.

О чем шел разговор за столом, я не знаю. Мне сначала предложили отдохнуть на лужайке, недалеко от стола. Потом

забрали и отсюда. Андрея Андреевича я больше никогда не видел. Меня привели к походной кухне и здесь дали поужинать. Во время ужина советские солдаты и офицеры расспрашивали меня о Власове и РОА. Без какой бы то ни было злобы. Наоборот, с интересом и доброжелательностью. После ужина направили на ночевку вместе с солдатами. Потом посадили в подвал. Через день или два повели на допрос в отдел контрразведки. У дома контрразведчиков, в саду, я увидел Буняченко, Николаева, начальника разведки Первой дивизии (фамилию не помню, высокий, с острым носом), и еще каких то офицеров РОА. Потом мне удалось спросить Буняченко, при каких обстоятельствах он оказался здесь же. Но тот не стал рассказывать, лишь коротко бросил: «Надоело блуждать». Через день или два нас всех посадили в грузовик и отвезли в штаб советской армии. Здесь опять допросы. Потом привезли на дрезденский аэродром. Здесь была другая атмосфера. Советские офицеры плевали в лицо, обзывая нас последними словами. Посадили всех — набралось человек 25 — в «дуглас». Без сидений, но с полом, устланным коврами (видимо, трофейными). И... повезли на родину.

На первых допросах в Москве следователь хотел приписать мне активную роль в установлении связи Гестапо с западными союзниками. По версии этого следователя Власов, выполняя желание своих немецких «хозяев», посылал меня в Швейцарию. Но потом этот вариант видимо отпал, и другой уже следователь «натаскивал» меня на какую то другую несуряцицу. На какую, уже не помню. Кстати, в этот период, когда меня вели по коридору следственной тюрьмы, я видел повернутого лицом к стене человека, который всей фигурой (высокий, сухопарый и чуть сутулившийся) напоминал генерала Трухина. Был ли этот человек действительно Трухин, сказать не могу.

Вторая серия допросов началась в январе-феврале 1946 г., перед выборами в Верховный Совет. На эти допросы меня привезли из Каргопольских лагерей. Сначала привезли на Лубянку, но потом оказалось, что ошиблись — повезли в Лефортово. Здесь я понял, что меня хотят сохранить для какого-то показательного процесса. Один раз даже стали меня прихорашивать. Потом все замерло. Были допросы и позже. Последние не то в конце 1951 года, не то в начале 1952. Но на них о Власове и о РОА уже не было речи. Мне инкриминировали шпионаж в пользу Англии. Осудили меня по статье 58-6.

Кстати, когда я был в Каргопольских лагерях, зимой 1946 года, я встретился там с заместителем командира Пер-

вой дивизии по пропаганде майором Боженко. Был он доходягой. Но держался еще бодро. Считая меня немцем, он как то с укором сказал: «Ну вот, — довели таки; и вы и мы сидим теперь за проволокой».

Теперь, после того, как эти же самые демократы выдали на съедение большевикам пять восточно-европейских стран, а потом восставших берлинских рабочих, повстанцев Будапешта и Праги, тогдашние надежды Власова кажутся довольно наивными, но тогда еще на них смотрели другими глазами, им верили, их уважали, как носителей и блюстителей права и справедливости.

Что происходит в это время со второй группой войск РОА во главе с генералом Трухиным и его штабом?

18 апреля Вторая дивизия, Запасная бригада и Офицерская школа вышли из Мюнзингена походным порядком через Линц, по направлению Первой дивизии, но она все время меняла свое местопребывание и дойти до нее было трудно. Экипировка же и снабжение людей были до того отвратительными, что люди в походе переносили не только трудности, но и голод. И несмотря на эти трудности, поход шел нормально, эшелон добрался до города Киплиц, в Чехии. В это время Первая дивизия находилась в районе Бурга, и Власов был при дивизии. Между ними было расстояние километров в шестьдесят. Видя повальное отступление немцев, генерал Трухин решил на этой линии остановить свой эшелон и попробовать связаться с Власовым, и эту задачу поручил генералу Боярскому.

5 мая Боярский выехал на автомобиле и пропал без вести. Потом выяснилось, что его путь лежал через район, занятый чешскими коммунистами-партизанами, которыми командовал советский капитан. Партизаны задержали Боярского и повели его к капитану. Увидев генерала РОА, капитан обрадовался и стал ругать пленного площадной бранью, а Боярский, не долго думая, дал капитану оплеуху. Тот рассвирипел, и приказал пленного повесить (показания самих партизан).

Обеспокоенный исчезновением Боярского, генерал Трухин 6 мая сам выехал к Власову со своим адъютантом Ромашкиным и генералом Шаповаловым. Поехали они той же дорогой. Доехали до города Пшибрам, уже занятого партизанами-коммунистами (это был коммунистический район). Там их задержал коммунистический отряд и доставил к тому же капитану, к которому накануне доставили Боярского.

Выяснилось происшедшее с Трухиным, Шаповаловым и Боярским в связи с тем, что 7 мая через Пшибрам проходила походным порядком Запасная бригада, и захваченный вместе со своим генералом адъютант Ромашкин, разбив окно тюремной камеры, окликнул своих. Части бригады захватили тюрьму и освободили поручика Ромашкина, но генералов Трухина и Шаповалова не нашли. Рано утром советский капитан увез их и сдал своим.

После исчезновения генерала Трухина и Боярского, в командование оставшимися частями РОА — Второй дивизией, Запасной бригадой и Офицерской школой вступил начальник Офицерской школы, генерал-майор Михаил Алексеевич Меандров. Идеологические установки у Меандрова были те же, что у Власова. Вступив в командование и видя повальное отступление немцев, и не зная точно, что происходит впереди, Меандров принял решение увести свои войска из Чехии поближе к немецкой границе. Он это должен был сделать, поскольку войска были окружены и при любых условиях отстоять себя не могли бы, а к тому же у них кончились продукты питания, и людей кормили кониной, зарезав обозных лошадей.

Эти три колонны РОА на путях отступления между двумя почти встретившимися фронтами, американским и советским, не раз натыкались на красных, которые цеплялись за них, не желая выпустить из рук, но упорное отстаивание американцев избавляло их от советского плена. И тем не менее беда приключилась с самим командиром Второй дивизии, генералом Зверевым. Советская разведка захватила и увела его из собственного штаба.

С большими трудностями части добрались до зоны американской оккупации, до Крумау. Отсюда людей стали переводить временно из одного лагеря в другой, и в людском составе происходило сравнительно небольшое отсеивание. В конечном итоге 4.000 человек было доставлено и накрепко замкнуто в лагерь военнопленных в Платлинге, который и стал потом местом их выдачи советам. Однако, еще в Регенсбурге весь старший командный состав, в том числе и ген. Меандрова, из лагеря РОА увезли и содержали в лагере военнопленных в Ландау, откуда их в 46 году выдали большевикам.

Тут мы вплотную подходим к тому психологическому непониманию, которое возникало с первой же встречи между неискушенными рядовыми американцами и частями РОА. Встретив русских со стороны немцев, они приходили в недоумение, ибо русские воюют на их стороне. Когда же им

объясняли задачу освободительной борьбы от коммунизма, у них возникали симпатии и жалость к этим людям и они предлагали им сдать оружие и мелкими частями уйти к ним в глубокий тыл. Но власовцы не собирались сдать оружие и рассеяться. Они ждали результатов переговоров Власова с американским командованием (Власов просил приема у Айзенхауера). Американцам приходилось за разрешением такого серьезного вопроса обращаться к высшим властям, а отсюда давались следующие инструкции: Все, кто с оружием в руках и в немецкой форме попали в плен, должны быть выданы советам, если же они окажут сопротивление, применить к ним силу. После этого начиналась не только наша трагедия, но трагедия и тех американских офицеров, которые должны были проводить предписанную им экзекуцию над безоружными людьми, и тогда им бывало стыдно смотреть людям в глаза.

Этим объясняется, что за день до выдачи Первой дивизии американский комендант Шлюссельбурга защищал власовцев от наседавших на них советчиков и даже потребовал отвести назад зарвавшуюся вперед советскую танковую бригаду, но когда пришло распоряжение сверху, не только Айзенхауер не захотел видеть Власова и ему объявили, что они не гарантируют ему и его частям безопасность, но когда советские танки врзались в расположение дивизии, американские посты выставили вперед пулеметы и не разрешали власовцам скрыться у них в тылу.

В заключение должен заметить, что потеряв своего председателя и вдохновителя и весь свой президиум, за исключением профессора Богатырчука, КОНР был лишен возможности влиять на ход событий. В обстановке, где победители-демократы превратились в карающий меч, разбитые и преследуемые члены КОНР ничего сделать не могли и отошли в сторону. И тем не менее, из всех членов КОНРа только один профессор в Платлинге принес повинную и вернулся в Советский Союз, все остальные и по сей день преданы идее освободительной борьбы.

RUSSIAN COMMITTEE OF LIBERATION.

Комитет Освобождения Народов России

Фл № 67 295

HEADQUARTERS.

CERTIFICATE

This is to certify that Colonel Constantin G.Kromiadi is assistant member of the Russian Committee and is authorized to get in touch with British, American and French authorities on my behalf.

W. A. L. W.

General-Lieutenant.

Вместо эпилога

ДЕПОРТАЦИЯ

Приход американцев в Фюссен был ознаменован полным прекращением движения по железнодорожным и автомобильным дорогам. Только с разрешения американского коменданта городская управа посылала в Кемптен грузовики за продуктами питания для населения. В городе магазины были открыты, но товаров в них бывало очень мало (еще при нацистах торговцы прятали свои товары в подвалах, так как их стало трудно доставать). А в ночь между уходом нацистов и приходом американцев были открыты все склады товаров и люди таскали оттуда все, что могли и сколько могли. В этой акции одинаково принимало участие как местное население, так и заброшенные туда беженцы (потом, как я узнал, то же самое было в Кемптене, Вангене и Равенсбурге. Очевидно, так происходило всюду).

По распоряжению коменданта, все офицеры и другие ответственные служащие должны были зарегистрироваться в комендатуре, а кто этого не сделает, будет караться, как шпион. (Не помню, в какой срок зарегистрировались и мы, власовцы, но я об этом упомянул в предыдущей главе.)

Сразу же после прихода американцев, в городе началось сведение личных счетов между немцами. Доносчики приходили в комендатуру доносить на своих врагов, как на нацистов, а любители доносов приходили с целыми списками нацистских аппаратчиков. Наконец они довели коменданта до того, что когда приходил очередной доносчик со списком, он выискивал в имевшихся уже у него списках его фамилию и привлекал его самого к ответственности. После такого оборота дела, у всех пропала охота доносить на своих горожан.

Первые три дня на улице шел разгул пьяных солдат с автоматами через плечо и девицами под руку. Было и немало случаев насильного увода девиц из дому. Там же, где их не находилось, портили картины на стенах и били всякую утварь. На четвертый день настал порядок, хотя бывали еще отдельные случаи бесчинства.

В городе был установлен и строго соблюдался полицейский час. Заезавшихся арестовывали. Но даже и в разрешенные часы люди предпочитали сидеть дома, чтобы не

наскочить на неприятности. В связи с таким тревожным положением, я беспокоился о нашей Тане, сестре милосердия, которая несмотря ни на что продолжала приходить менять мне компрессы на ноге, но Бог хранил ее. После регистрации нас, власовцев, никто не трогал, и только когда мадам Малышкина пошла к коменданту спросить, где ее муж и что с ним, капитан обещал навести о нем справки и заодно сказал, что он знает, что в Фюссене половина беженцев — власовцы, но он дал приказ их не трогать. И действительно: как было сказано выше, он нас не только не трогал, но и опекал и защищал от советчиков.

С прекращением существования Третьего Рейха всему населению надо было получить в полицейском участке новые документы личности — Кеннкарте. К счастью процедура получения нового документа оказалась очень простой: нужно было предъявить старый паспорт или удостоверение личности. А так как тогда беженцами были не только мы, иностранцы, но и сами немцы, то беженцы, у кого не было документов, представляли двух свидетелей и получали новый документ. Вот эта последняя лазейка очень быстро была учтена и через несколько дней и бывшие военнопленные и остовцы, и те, кого немцы вывозили, отступая, и те, кто сами бежали от наступавших красных (я знал людей, которые выехали из Киева на своих телегах и своих лошадях продавали за ненадобностью в Баварии) — стали старыми эмигрантами и позже избавились от репатриации. Таким образом беженцы, уже получившие документы, что они старые эмигранты, являлись свидетелями для своих знакомых и друзей, что ускоряло процесс оформления.

Но это была лишь одна сторона судьбы и жизни миллионов вольных и невольных изгнанников, плотной массой заполнивших города и села западной части Германии, оккупированной западными демократиями. Второй вопрос — чем эти люди питались и где ютились. Это зависело от находчивости, изобретательности и виртуозности каждого. Жили в гостиницах, в частных пустых домах и в полуразвалинах, в сараях и на сеновалах. Еду тоже добывали сами, они были беспризорными. К счастью, этот период продолжался недолго. Судьбоносные дни проходили, а мы сидели отрезанными от внешнего мира и ничего не знали. Первой ласточкой, залетающей к нам, был Митя Граббе. При строгом запрещении передвигаться с места на место, этот молодой человек добрался каким-то образом из Крумау до Фюссена, чтобы выяснить обстановку для генерала Меандрова. От него мы узнали о судьбе генералов Трухина, Боярского и Шаповалова, и о том,

что Вторая дивизия и Запасная бригада, добравшись до Чехии, отступили и находятся в Германии, в Крумау. О генерале Власове и Первой дивизии у него ясных данных не было.

Прошло опять какое-то время, и вдруг через открытое окно слышу внизу голос капитана Антонова. Я его окликнул. Было странно видеть его одного, без генерала, которого он всегда сопровождал. Первым моим вопросом был: а что с Андреем Андреевичем? И услышал убийственный ответ: выдан. Я точно получил удар по голове, и не совсем соображая, что говорю, переспросил: то-есть как — выдан? А окончательно удрученный и прибитый Антонов молчал, опустив голову. Потом, оправившись, рассказал мне, как все произошло.

Сколько планов строилось на этот последний и решительный момент, сколько вариантов было намечено, а в заключение все кончилось безумием тех, кто мог спасти нас и себя. Мало того, к этому примешивался еще обман и недостойное их положения поведение. Итак все кончилось неожиданно и для меня, ибо я предложил Андрею Андреевичу оставить меня в Фюссене для переговоров, полагая, что тем самым я заслоняю его собою, что я принимаю первый удар на себя. Кто думал, что дело обернется совсем иначе? Такой оборот дела был для меня равносителен смерти. Я не мог примириться с мыслью, что такой человек, как Власов и такое многообещающее движение, вопреки всему погибли. Казалось, все расчеты были правильны, да и идея была святая и вытекала из жертвенного порыва освободить Родину и окончательно замученный коммунистами народ. Казалось бы, западные демократии, поднявшие меч против агрессора Гитлера во имя свободы и прав угнетенных им народов должны были понять и достойно оценить выступление Власова. Ведь они знали, что у Власова с Гитлером ничего общего не было и быть не могло, поскольку у последнего были противоположные идеи и цели. В то же время Власов поднялся на борьбу не только против врага и угнетения русского народа, но и угрозы для всех народов мира. Как это могло случиться? Что привело к такому печальному концу — безумие или дьявольщина? И что это за демократы, которые не задумываются над дальнейшей судьбой своих народов? Ведь сегодня они собственными руками надели петли на шею собственных детей, и если не сегодня, то завтра они это почувствуют.

Мне трудно было освоиться с тем, что произошло и я искал лазейку, чтобы опровергнуть действительность. Порою казалось, что Антонов разнервничался и утверждает то, чего не было. Ведь он и шофер Лукьяненко повернули обратно в

Бург за помощью, и что произошло дальше, не видели. Эти сомнения продолжались до тех пор, пока Владыко Анастасий, вернувшись из Женевы, не сказал мне, что в Женеве он встретился с одним профессором из Москвы, который сообщил ему, что Власов сидит в Москве в тюрьме. После этого я окончательно убедился в том, что западные демократии действительно погубили и нас, и себя (жаль только, что тогдашние вершители судеб народов мира ушли уже из жизни и не увидели последствий своих деяний).

Не успели мы освоиться с болью от выдачи Власова и Первой дивизии, как дошли новые катастрофические сведения о выдаче казаков большевикам в Австрии — сначала корпус фон Паннвица, а потом казачий стан генерала Доманова. Это был очередной тяжелый удар. Создавалось впечатление, что англо-американцы с побежденными немцами ведут себя гуманнее, чем с нами. Позже мы с женой поехали в Лиенц узнать, что там произошло. Казаки — супруги Гордиенко повели нас на кладбище (Иван Гордиенко был церковным старостой). «Вот все, что осталось от всего стана в 12 тысяч человек — сказал он — эти 156 могил, убитых англичанами. Осталось нас тут небольшая группа уцелевших от выдачи. Вот и ютимся здесь в бараках, рядом с нашими покойниками.» На кладбище госпожа Гордиенко припала к кресту небольшой могилки и безутешно расплакалась. Мы молча стояли над нею, и прочли на кресте, что это могила четырехлетнего малютки. Все стало понятно. Когда она встала и стала вытирать слезы, жена смущенно спросила ее, как это могло случиться. Та в свою очередь спросила: а вы кто будете? На что моя жена ответила, что она тоже казачка. «Так слушайте», — сказала Гордиенко. «Мы выехали сюда из Италии всем станом и расположились здесь на привал. Мы заполнили всю эту долину. Накануне англичане вызвали всех наших офицеров на совещание, а вместо совещания повезли и выдали их большевикам. Мы этого не знали, но когда вечером они не вернулись, мы заподозрили нечто страшное. А на следующий день пришли английские войска с грузовиками вывезти нас. Мы поняли, что нас выдают, и что офицеров наших уже выдали. Собрав женщин, стариков и детей в середину лагеря, мужчины взяв друг друга за руки, образовали круговую цепь, чтобы не пропустить англичан в стан. Англичане попробовали разорвать цепь, но это им не удалось. Тогда был дан приказ прибегнуть к оружию. Солдаты стали прикладами проламывать казакам черепа, других прокалывать насквозь штыками. Разорвали цепь, завязалась драка между казаками и англичанами, кое кого из англи-

чан казаки обезоружили, но их прикончили другие. Поднялась паника, все хлынуло к центру. В центре, под тяжестью нахлынувшей толпы, провалился помост вместе со священником, который стоял в облачении с крестом в руке, и под помостом было ранено много людей. Одни плакали, другие молились, третьи проклинали англичан. Все эти крики, стоны, женские завывания и слова молитвы вместе с проклятиями сливались в одно светопреставление. В давке во время паники многих задавили, задавили и моего малыша. В давке его оторвали от меня. Обезумевшая пожилая женщина с двумя дочерьми бросилась в Драву, за ней бросались и другие. А англичане не унимались и силой грузили раненых и здоровых на грузовики и увозили к красным. Вот мы сироты и остались от всего стана.»

Перед этим в районе Клагенфурта сначала обезоружили Казачий корпус фон Паннвица, а потом целиком выдали его красным. Тогда генерал фон Паннвиц (немецкий офицер) отказался оставить своих казаков и разделил их судьбу, его потом повесили.

Мы слушали бедную женщину и про себя думали — да, у достопочтенных джентельменов культура оказалась амальгамой. Такое «геройство» и самому страшному зверю не по плечу.

С самого начала капитуляции, в Дахау стояла одна рота РОА. Вела она себя образцово. Летом американец, в ведении которого она находилась, разрешил командиру повести свою роту на лето к крестьянам на работу. Отпустил он их под честное слово вернуться осенью обратно. Рота, покинув свои бараки, с песней ушла к окрестным крестьянам на уборку сначала сена, потом и хлеба. По окончании работ, с песнями же вернулась обратно на свое место. Все шло нормально и спокойно, и вдруг в начале января 46 года приезжает в лагерь американская команда с грузовиками отправить роту на родину. Рота оказала сопротивление и заперлась в бараках. Не долго думая, американцы разбили оконные стекла и забросали солдат слезоточивыми бомбами. Тогда открылись двери и одни выскакивали из бараков прямо в руки американцев, другие резались бритвенными лезвиями, ножами, оконными стеклами, или же душили себя полотенцами. Однако, все это американцев не смutilo — здоровых, избитых раненых и полуживых всех без исключения погрузили в грузовики и отвезли к большевикам.

После этого случая мы стали беспокоиться за судьбу четырех тысяч наших солдат и офицеров, сидевших в Платлинге в лагере военнопленных. Это были остатки Второй

дивизии и Запасной бригады. Назначили инженера А. А. Неллина и Квоченко держать лагерь под постоянным наблюдением, чтобы знать, что там происходит. Оказалось — удвоена охрана лагеря и у входа поставлены два танка. Картина стала ясна, нужна наша помощь. Поднялась на ноги почти вся мюнхенская эмиграция. Некоторые горячие головы предлагали совершить нападение на лагерь с разных сторон, но это значило бы бросить вызов американской армии и дать ей повод расправиться со всеми русскими. Вопрос отпал. Остановились на том, чтобы помочь пленным бежать. В лагерь ввозились сотнями ножницы, чтобы прорезать проволоку и лопаты для подкопа, а для беглецов были приготовлены документы и местожительство. К сожалению, беглецов было мало, и несколько человек было подстрелено. Большую энергию и оперативность проявили тогда члены организации молодежи при КОНРе — братья Крыловы, Кружин, Комар, Русанов и другие. Квартира К. Попова была превращена в штаб, где мы систематически собирались решать, что предпринять. Сколько раз этим бедным юнцам с полными рюкзаками всевозможного пропагандного материала и документами для оформления людей приходилось переходить австро-баварскую границу туда и обратно для поддержания связи между Мюнхеном и Зальцбургом, где осело немало наших людей. Без визы, истощенные, зачастую голодные, под носом пограничников им приходилось переплывать холодные воды горного Зальцаха в обе стороны, чтобы помочь нашим соотечественникам.

В Мюнхене у нас образовалось несколько штаб-квартир, откуда веером распространялась помощь нуждавшимся, сначала военнопленным, а потом и гражданским беженцам. Так например: главными пунктами сосредоточения власовцев были квартира инженера К. Попова, квартира К. Крылова, лагерь Шлейсхейм, где образовалась целая сеть, помимо власовцев. Нельзя умолчать и о той громадной работе, которую там проделали помощник директора лагеря Александр Иванович Никитин, полковник Гегелашвили, семья Николая Александровича Цурикова и многие другие. И все таки центральное положение и там занимали власовцы, работая сначала под руководством П. Будкова, а потом князя Кудашева. Со временем выяснилось, что то же самое происходило на севере, где обосновался НТС, и во французской зоне, где колоссальную работу проделал полковник Сахаров со своими людьми. Все эти люди, частично организованные, частично по собственному почину провели гигантскую работу по делу оформления людей для устройства в лагерях и избавления от советских репатриационных комиссий. Ведь на ялтин-

ской конференции было решено вернуть каждой стране не только военнопленных, но и гражданских лиц, которые жили в границах этой страны до 39 года. Благодаря этой громадной работе, все официальные беженские инстанции были наводнены всевозможными образцами разных документов довоенного времени. Интереснее всего то, что всевозможные комиссии при проверке беженцев брали, как образец для сравнения и достоверности именно наши бланки, крыловского производства.

Но я забежал далеко вперед, вернемся к Платлингу.

Большую моральную помощь оказало пленным наше духовенство, выхлопав себе разрешение каждую неделю слушать в лагере всенощную и литургию. Помимо этого отец Георгий Граббе часто бывал там и помогал людям, чем мог. Особую услугу тогда оказал пленным и Архиепископ Автономов. Дело в том, что будучи по происхождению донским казаком, он получил назначение в Германию для католиков восточного обряда непосредственно от самого Папы, и поэтому легко получил аудиенцию у командующего Третьей американской армией генерала Трускотта, в ведении которого находились наши пленные. Собравшись на прием у командующего, Автономов предложил мне сопровождать его, на что я охотно согласился и таким путем получил возможность информировать генерала о личности самого Власова и о его движении. Автономов очень хорошо построил свою речь духовного лица, которое хорошо знает страшную действительность в Советском Союзе и просит генерала дать ему возможность быть духовником для людей, которых посылают на смерть. После этого он передал слово мне. Я постарался коротко обрисовать личность генерала Власова и идею его освободительной борьбы, и попутно бросил англо-американцам укор в их неожиданно враждебном отношении к Власову и его последователям. Генерал Трускотт терпеливо выслушал не только наши пояснения, но и обвинения, поблагодарил нас за столь смелые и откровенные слова, сказав, что американскому народу очень приятно будет услышать мнение русских патриотов, и если бы судьба пленных зависела бы от него, он сегодня же дал приказ выпустить их на волю, но он солдат и получил приказ выдать их советам. «Обратитесь к Главнокомандующему, может быть он сможет вам помочь». Вслед за тем американский офицер, стоявший тут же, спросил меня по русски: «Вы тоже власовец?» Я ему ответил, что на этот вопрос я отвечу только генералу, но генерал не счел нужным спросить, кто я такой. Прием кончился

приглашением нас начальником штаба командующего на обед в офицерской кантине, а затем приглашением на кофе у армейского каплана, где присутствовал и армейский раввин.

Практическая сторона этого посещения заключалась в том, что генерал сказал, что он получил приказ пленным в Платлинге и других лагерях выдать советам, но он назначит комиссии в лагерь для опроса людей, и если среди них есть пострадавшие от советского режима, то те не будут выданы, а нас он просит направить переводчиков для комиссий, если таковые найдутся. Что мы тогда и сделали.

В заключение по просьбе Автономова Трускотт дал разрешение ему и двум сопровождающим посещать лагеря для военнопленных на территории, занятой Третьей армией. Благодаря этому, мы два раза были у Меандрова в Ландсхуте (с ним сидели советские генералы Айсберг и Севастьянов и три генерала старой царской армии, которых потом освободили), и два раза побывали в Платлинге, где я давал инструкции начальникам блоков в духе высказываний командующего армией. К моему несчастью, люди стали относиться скептически к моим словам и когда их допрашивали комиссии, большинство отвечало в духе власовских установок: что мол пошел к Власову для борьбы за освобождение моей родины от коммунистической диктатуры. Все эти идейно честные люди, у которых язык не повернулся, хотя бы на словах отказаться от своей идеи, были рыцари и за это потом их выдали. Тогда мне было стыдно за себя, что я кривил душою, а они твердо защищали свою идею, но ведь я кривил душою, чтобы их спасти. Если бы я очутился в их положении, и я бы отвечал, как они, потому что никогда не уклонялся от ответственности, да и Власову предложил оставить меня в Фюссене для переговоров с американцами, как его уполномоченного, думая, что тем самым заслоню и спасу его.

Но вернемся к кошмарной выдаче людей в Платлинге:

23 февраля, с наступлением рассвета, когда люди еще спали, американская команда с белыми дубинками в руках ворвалась в бараки и сонных и полусонных людей вытаскивали из постелей. Пытавшихся что-то сказать и сопротивлявшихся лупили почем зря. В суматохе здесь и там образовались группы самоубийц, ждавших очереди получить бритвенный нож; заливаясь кровью падали вскрывшие себе вены, иные пытались задушить себя полотенцами. Крики, моления, побои. Все это человеческое месиво — раненых, мертвых, и обезумевших от переживаемого в грузовиках отвозили на вокзал и загоняли в товарные вагоны с переплетенными колю-

чей проволокой окнами и запирали их на замок. Буквально по-чекистски. Вся экзекуция проводилась на глазах жен, подруг, сестер и знакомых заключенных, которые месяцами, в дождь, снег и стужу маячили вокруг лагеря, ища возможности перекинуться со своими близкими и родными хоть двумя словами. Теперь эти бедные женщины наседали на охрану лагеря, пробиваясь к выходу из лагеря, и все угрозы охраны на них не действовали. Под дулами автоматов они перебегали с одной стороны дороги на другую, надеясь увидеть своих близких, чтобы выкрикнуть им свою боль на прощание. Каждый из них понимал, что это было прощанием навсегда. А по улицам Платлинга немки стояли шпалерами по обеим сторонам дороги, и провожая окровавленных и истерзанных русских пленных, заливались слезами. Даже они понимали, что людей везут туда, откуда нет возврата. Команды экзекуторов, с жестокостью гангстеров проводившие репатриацию вошли в лагерь с белыми дубинками в руках, и покидали его с красными от крови.

В этот день было выдано 2.000 человек и 2.000 было отставлено и после долгих волокит, выпущено на волю. Спасибо генералу Трускотту и за это.

Накануне выдачи граф протоиерей Георгий Граббе, Ганжук и я поехали в ставку генерала Айзенхауера просить отложить выдачу русских пленных и пересмотреть их дело, но генерал был в гостях у Жукова и приказал передать нам, что люди, о которых мы хлопочем, выдаются по распоряжению американского правительства, к которому нам надлежит обратиться по дипломатической линии... а в этот день рано утром производилась выдача.

Что касается генерала Меандрова и пяти других генералов РОА, живших с ним в одной комнате, то и их судьба тоже плачевна. Этот лагерь был исключительно немецкий. В один прекрасный день Меандрова вывели в лагерную комендатуру. Там оказался полковник советской репатриационной комиссии. Для Меандрова это было неожиданностью и он заявил, что не желает с ним разговаривать, но тот старался успокоить Меандрова и уговорить его согласиться вернуться домой. На что Меандров сказал, что возвратиться в Москву можно только его труп. Тогда разозленный полковник сказал, что он доставит в Москву Меандрова хоть и с веревкой на шее. Так же враждебно отнеслись к советскому полковнику и генералы Айсберг и Севастьянов. (Остальные трое были старыми эмигрантами и их не тронули). Все трое влазовских генералов отказались добровольно вернуться домой. В тот же день Меандров пошел в уборную и вскрыл себе вены

на шею. Его вовремя обнаружили и спасли. В то же время администрация лагеря усиленно убеждала его, что его никто не собирается выдавать. Несмотря на все заверения, — раны его еще не зажили, когда посадили в машину его, Айсберга и Севастьянова, и отвезли и сдали их большевикам.

А какое варварство было допущено по отношению к доктору Быстролетову, который при выдаче в Платлинге вскрыл себе вены. Его тоже спасли, но он объявил голодовку, а приставленный к нему американский солдат хлестал его по щекам, заставляя есть. Но эта мера не помогла, и тогда храбрый воин стал таскать раненого за волосы и подносить к его лицу револьвер, грозя прикончить его. Быстролетов прекратил голодовку, но перед его повторной выдачей повесился в уборной.

Да, страшны и кровавы были пути репатриации. Тогда англо-американцы точно старались не отставать в зверствах от своих советских союзников. И все это усугублялось тем, что упомянутые зверства происходили через год, а то и два после войны, когда все солдаты вернулись с фронтов к своим семьям, когда казалось бы было покончено с теми, кто вызвал это кровавое международное побоище и следовало бы успокоиться и образумиться. Вместо этого экзекуция над советскими беженцами, как выходцами из Советского Союза после 39-го года, все еще продолжалась. Их выдавали Сталину не только в Германии, Австрии и Италии, но и у себя, во Франции, Англии и в Соединенных Штатах Америки. И как потом выяснилось, и там выдачи русских военнопленных и восточных рабочих сопровождалась не только обманом и коварством, но и жестокими мероприятиями, не уступавшими мероприятиям их восточного союзника, как было упомянуто выше.

Формы и места выдач были тогда слишком разнообразны и слишком многочисленны, и трудно было их все тогда учесть и упомянуть. Я коснулся здесь только кратко крупных ошеломивших нас выдач, чтобы отдать дань прошлому и заклеить укором тех, у кого могла подняться рука на такое страшное злодеяние. В связи с вышеизложенным, невольно вспоминаются слова Ачесона, когда раздосадованный бесконечным «вето» Молотова, которые тот накладывал на общие решения, сказал своему коллеге Бевену: «Мы, кажется, не ту свинью зарезали». Я удивляюсь, что Ачесон пришел к такому выводу с таким большим опозданием, а не после Дахау, Лиенца и Платлинга, когда англо-американцы, выполняя волю Сталина, принуждены были покрыть себя несмываемым позором.

Однако, я уклонился от своего повествования и позволю себе еще раз вернуться к нашим беженцам в Фюссене и его окрестностях. Итак Сталин после того, как одних своих бунтовщиков схватил на полях сражений, других ему выдали союзники, а третьи потянулись к нему с повинной, знал, что осталось еще около семи с половиной миллионов, успевших скрыться на оккупированных зонах западных демократий, и их нужно было во что бы то ни стало заполучить. Не заботой о застрявших на чужбине беженцах руководствовался Сталин, посылая свои комиссии на Запад, а желанием покарать бежавших, чтобы другим повадно не было. Я бы сказал, что советская власть открыла новый беженский фронт, разослав свои репатриационные комиссии во все три оккупированные западными демократиями зоны, и беженцы в этих зонах не были гарантированы от насилия со стороны советчиков, но и не только советчиков. Так, например, во французской зоне они свободно ходили по адресам эмигрантов и принуждали их пойти в советский лагерь. Летом 46 года в деревне Кнолленграбен, под Равенсбургом, с наступлением темноты приехали на автомобиле вывезти семью Шатова (Шатов, он же Каштанов, бывший начальник охраны генерала Власова). Дома была Шатова с ребенком. Она вовремя заметила незваных гостей и скрылась, заперев за собою двери. Три советских офицера, входя в дом, увидели входящего в калитку самого Шатова, но и он их увидел, и повернул обратно. Они окликнули его, но он убежал. Тогда один из них дал ему вслед два выстрела, но не попал. После этого вошли в дом. Квартира Шатовых оказалась запертой. Они приставили револьвер к виску старика хозяина дома, требуя сказать, куда девалась Шатова, но старик и его старуха сказали, что они ничего не знают. Тогда они сломали замок и ограбили квартиру, забрав все носильные вещи. Это были члены советской репатриационной комиссии, а французские власти отказались принять жалобу на грабителей.

Случай с Шатовым не был единственным. Советская репатриационная комиссия выезжала на ловлю своих жертв на автомобиле, а за машиной следовал большой омнибус для добычи. В таком составе были и у нас и спрашивали, где я, но жена сказала, что я в отъезде, а на вопрос, куда поехал, сказала, что это их не касается, достаточно и того, что мы — старые эмигранты. Люди стали бояться оставаться днем дома, чтобы не попасть экзекуторам в руки. И тем не менее попадались.

В Равенсбурге одна бывшая советская девушка панически боялась репатриантов. Как то она шла по улице и не

заметила как перед нею очутились члены советской репатриационной миссии. Мало того, они обратились именно к ней, спрося по-немецки где такая-то улица. Она не растерявшись, вытянула руку вперед и повернув ее направо, произнесла — «зо, үнд зо», бедная девушка побоялась сказать лишнего слова, чтобы не быть опознанной, а те были ее ответом удовлетворены и пошли дальше.

А в Кемптене одна одинокая советская девушка была принята в семью бездетными пожилыми старыми эмигрантами. Она полюбила своих новых родителей, те — ее. Както, когда она одна была дома, советчики ввалились к ней. Она перепугалась, но твердо заявила, что они старые эмигранты. И на все их вопросы отвечала «не знаю» и опрашиваемое ее не интересуется. Тогда один из них спросил, почему она не топит печь и сидит в холодной комнате (дело было зимою) и она ответила, что она не умеет топить печь, что скоро вернется папа и затопит ее. Тут советчики поднялись и со словами: «И чему вас старых эмигранток учат?», — покинули помещение.

И все-таки такие курьезные случаи и некоторые другие, им подобные, тогда составляли исключение, а нормально, людей вытаскивали из их домов, хватали их на улицах и не к кому было обратиться за помощью, их судьба никого не интересовала. Кроме того, нередко и немецкая полиция вытаскивала скрывавшихся русских парней и девушек и доставляла их на сборный пункт, ибо советчики пригрозили немцам расправой за укрывательство своих людей.

Но это конечно были пустяки по сравнению с тем, что имело место в кемптенском лагере летом того же года. Приехал из Мюнхена в Кемптен какой то американец изъять по советскому списку якобы засевших в лагере военных преступников. Совершенно неожиданно лагерь был оцеплен американскими солдатами, а офицер с командой и другие вошли в помещение изъять людей. Перепуганные люди хлынули в церковь, где священник служил службу. Американский офицер вошел в церковь, но ничего не сказавши, ушел. Через 20 минут пришла команда МП, они ворвались в церковь и стали оттуда выволакивать обезумевших от страха людей. Поднялась паника, крики, женский вой, но их вытаскивали за руки, за волосы и за ноги. Священник вышел на амвон в облачении с крестом в руке, чтобы усюветить насильников, но подошедший к нему солдат так сильно ударил его по лицу, что он упал в одну сторону, а крест полетел в другую. Люди бежали в алтарь, пытались спастись от преследо-

вателей, но их вытаскивали и из алтаря, причем свалили престол и растоптали антими́с, чашу, скинию со Св. Дарами. Короче говоря, доблестная команда устроила в церкви мамаево побоище. У дверей здания стоял часовой. К нему подошел вышедший из церкви пожилой человек и взволнованно сказал: «Ах ты, демократ!» Но демократ стоял красный как рак и не шевельнулся — может быть ему было так же противно смотреть на это.

Не обошлась кемптенская экзекуция и без казусов. В тот момент, когда свалка в церкви дошла до своего апогея, экзекуторы, не разобравшись в жертвах, схватили и француженку из лагерной администрации. Та стала отбиваться и кричать, тогда ее повалили и схватив за волосы и за ноги вытащили в коридор, где выяснилось, что она не из унтерменшей. Пришлось им извиниться перед нею.

И еще одно: громадный, почти двухметровый негр из лагерной американской администрации, глядя на происходящее, молча стоял в стороне и заливался слезами. Когда же изъятие подошло к концу и комиссия, погрузив свои жертвы на грузовики, собиралась отъехать, стоявшие и наблюдавшие за тем, что творилось, латыши, литовцы и эстонцы, жившие недалеко от русского лагеря, шпалерами легли на дорогу перед машинами. Американцам стало стыдно. Они стали уговаривать балтийцев открыть дорогу и обещали возвращения всех задержанных. И действительно: они были возвращены.

В этот же день, в отделении лагеря, в одной из школ, беженцы под руководством полковника Сахарова забаррикадировали входы в здание школы и подняли над зданием черный флаг. Но экзекуторы туда не сунулись.

Осенью, когда должны были начаться в школах занятия, бургомистр Кемптена просил очистить школы от беженцев, и их перевели в Фюссен, в помещения бывших эсэсовских казарм. В Фюссене лагерь превратился одно время в сборный пункт; там жили те, кто противился депортации и те, кто собирался вернуться домой добровольно. Но и те и другие жили в отдельных помещениях. Уехала тогда от нас группа парней и девушек. Уж больно противно им стало скрываться и пресмыкаться. А кроме того — тяга домой, к родным, к друзьям. С этой группой уехал и фельдфебель Д., студент. Я его не стал отговаривать, по опыту зная, что эмиграция — тяжелый, порою невыносимый путь. А он на прощание сказал: господин полковник, если меня не расстреляют, все остальное готов перенести, ради того, чтобы попасть

домой. Перед отъездом группы все парни и девушки пришли со мной прощаться и принесли мне много съестного из того, что им дали на дорогу. Должен тут заметить, что среди советской группы сразу же завелись чекисты, которые установили свои порядки — когда они уехали, в подвале их помещения было найдено несколько трупов.

Итак, советская группа из Фюссена уехала, и остались одни антикоммунисты в лагере. Жизнь пошла веселее, тем более, что обитатели лагеря жили на всем готовом. Вдруг приезжает из Мюнхена очередной американец со списком военных преступников, живущих в лагере. Он обратился к местному коменданту, к которому пригласили и коменданта лагеря, чтобы вместе организовать экзекуцию. Составили план действий и разошлись. А через час все население лагеря покинуло лагерь и разбежалось — кто по лесам, кто приютился у местных жителей. К чести фюссенцев нужно сказать, что они принимали к себе ночью просивших приюта, а немецкая полиция бродила по лесу и уводила людей к крестьянам с поручением кормить и приютить их. Одна женщина тогда родила сына под елью. Лагерная же администрация увозила еду в лес и там ее разбирали. Бывали и смешные моменты. Когда люди замечали приближающегося к ним полицейского, они кричали: Шпион идет, бежим! А полицейский в свой черед кричал им: «Нихт шпион, нихт шпион!

Так прошло три дня и на четвертый день все вернулись в лагерь. Прошло несколько недель, народ успокоился и стал вспоминать о своих приключениях со смехом. И вдруг просыпаются утром, а лагерь еще с ночи был оцеплен американскими войсками. Пришла комиссия, заняла школьное помещение, села за стол и стала по списку вызывать и задерживать людей. Поднялась паника. Женщины стояли перед школой толпой и плакали. Вдруг подходит к ним стоявший у двери американский часовой и что-то им говорит, а они не понимают. Тогда он наклонился, взял камушек и показал, что надо швырнуть его в окно. Тут женщины подбодрились, собрали камни и стали швырять в окна зала заседания комиссии. Перепуганные члены комиссии выскочили на улицу, но разошедшиеся женщины не переставали атаковать их и окна. Тогда приезжий американец (родом из Польши) вышел и обратился к атакующим по-русски, прося их успокоиться, и сказал, что дает честное слово, что все задержанные завтра вернутся домой.

Увезли тогда пятьдесят человек. Среди увезенных был и летчик Кравец, который еще задолго до войны на почтовом

аэроплане из Ленинграда в Москву свернул на Запад и попросил в Эстонии убежища. Аэроплан был тогда эстонским правительством возвращен советам, а Кравеца, главным образом и старались заполучить советчики. Людей доставили в Хоеншвангау, в шести километрах от Фюссена, и допрашивала их там смешанная комиссия из американцев и советчиков по одинаковым спискам. Американцы вызывали каждого в отдельности, а советский полковник оглашал обвинение. Но все обвинения были липовые и все задержанные были освобождены. Их в тот же день привезли обратно в лагерь.

Тут я хотел бы сказать несколько слов о роли власовцев в жизни беженцев в лагерях. Еще в Кемптене, когда в лагере их было много, они жили неорганизованно, но когда в первой школе началась экзекуция, полковник Сахаров во второй школе собрал своих и организовал сопротивление: заперли двери, устроили баррикады, подняли черный флаг на здании. В Фюссене уже организованно, под руководством Павла Будкова власовцы работали вместе с русской администрацией лагеря, а в Шлейсхейме, после отъезда Будкова его место заступил князь Кудашев — «поэт-пулеметчик», как он тогда представился. Власовцы всегда помогали там, где было тяжело. Они и организовали бегство жителей лагеря накануне выдачи.

Но вернемся к деятельности советчиков среди беженцев. Их неудача в фюссенском лагере несколько их не смутила и они бродили по деревням и отдельным крестьянским дворам выискивать и забирать в свои лагеря скрывавшихся от них беженцев. Через некоторое время началась эвакуация в Союз.

Не лишено будет интереса сказать несколько слов о порядке эвакуации, имевшей место во французской зоне. Она характерна для всех зон, и примерно одинаково проходила везде.

В Равенсбурге и его окрестностях работало очень много иностранных рабочих обоого пола и разных национальностей. Когда прошла капитуляция, прибыли комиссии от разных стран разбирать своих людей. Прибыла и советская комиссия. Французы, бельгийцы, датчане и т. д. накануне отъезда в лучшей гостинице устроили самый настоящий бал с выпивкой и танцами до утра. На следующий день стали разъезжаться. Людей разместили в пассажирских вагонах и знакомые с цветами пришли провожать своих приятелей и приятельниц. Тут было все, как обычно бывает — радость и смех, песни и слезы.

Настало время эвакуации наших парней и девушек, которые добровольно и недобровольно возвращались домой. Всех их из сборного лагеря на окраине города повели на вокзал, где на площади перед вокзалом они без еды целые сутки сидели и спали на голой земле. Между ними бродил какой-то мрачный рыжий тип в военной форме и с пистолетом на боку. При нем боялись говорить, а со знакомыми с воли говорили тихонько и просили принести им хлеба. Наконец посадили их в товарные вагоны, отвезли куда-то и посадили за проволоку, где раньше сидели пленные (видимо, собирали с разных концов для отправки домой.). Обращение с людьми было грубое и хамское, в лагере установлены чекистские порядки. Трое французов и двое барышень, в том числе и моя дочь, поехали в этот лагерь навестить своих приятельниц и отвезти им еду, там их в лагерь впустили, но чтобы выбраться оттуда, нужно было ночью выбрать темное место и перерезать проволоку.

Однако много позже мы узнали о судьбе этих парней и девушек на промежуточных лагерях по дороге домой; их встречали враждебно, как пособников оккупантов, их третировали и оскорбляли; на бесконечных допросах, стараясь выведать подноготную каждой и каждого, их буквально грабили, отобрав последний, их нищенский скарб.

Женщины, у которых на чужбине родился ребенок, должны были доказать, что он от советского отца, в противном случае их насильно стригли наголо, иногда и голову мазали дегтем. И таковые с болью и стыдом на сердце должны были ходить вдоль проволочных заграждений мужских лагерей, прося чужих незнакомых мужчин признать себя отцами их ребят.

В то же время вернувшиеся из плена немцы рассказывали в каких тяжелых условиях работали осужденные и посланцы на принудительные работы военнопленные и «остовные», вернувшиеся домой из Германии. За малым исключением, получив по десять лет, они в концлагерях применялись на самых тяжелых работах. Многие из них там и погибли.

Но не у всех чекистов выдерживали нервы. Так например:

1) В Мюнхене, на Херкоменнплатц, один из новых домов был отведен под репатриационные комиссии. Не то в партере, не то в первом этаже размещалась и советская комиссия, и из окна часто выглядывал средних лет полковник. Он раз даже что-то мне крикнул, но я притворился непонимаю-

щим и прошел мимо. Этот полковник вдруг пошел к американцам и попросил убежища, но те ему отказали, тогда он сунулся к немцам, и те от него шарахнулись в сторону. Тогда он пришел к себе и застрелился.

2) В Фюссене офицер репатриационной комиссии выискивал спрятавшегося у бауера русского художника, привез его в Фюссен и держал с собою в гостинице, пока не наберется группа, чтобы отвезти и сдать в сборный советский лагерь в Аугсбурге. Продержал у себя несколько дней и повез его с вещами на вокзал. Там сунул ему билет, препроводительные бумаги и адрес лагеря, а сам, не дождавшись отхода поезда, уехал домой. Само собою разумеется, что художник поехал в другое место. Этот же молодой офицер подружился с вестовым генерала Малышкина, который решил вернуться домой, и держал его у себя. Как-то я шел по улице и навстречу мне шли они оба, вестовой четко взял под козырек, а офицер сделал вид, что не видит.

В Равенсбурге на допросах ДП комиссии советский офицер часто уходил, прося продолжать работать без него и часами не возвращался. Во главе комиссии стоял майор Рош, родившийся и кончивший гимназию в Москве. Он был женат на кубанской казачке и часто говорил, что не знает, кто он больше: русский или француз. Так вся проверка беженцев, а она нужна была для получения статуса ДП и права на выезд в заокеанские страны, прошла без сучка без задоринки и все стали ДП — перемещенными лицами.

Так продолжалось до 47 года, пока большевики, с их аморальными и бесчеловечными выходками не набили оскомину их союзникам и те стали им отказывать в дальнейших претензиях на беженцев, а со временем постепенно и вытеснять их из своих зон. Только тогда настала жизнь для опекаемых в лагерях беженцев и они стали жить лучше и тех, кто жил на частных квартирах, и лучше самих голодавших тогда немцев. Лагеря стали заметно распухать, переполняться людьми, жившими до того на положении бесправных: до того их преследовали, депортировали; немецкой полиции советчики грозили расправой, если она не выдаст им скрывающихся. Бывали и курьезы: вчерашний тиролоец, в своем национальном костюме, ежедневно проезжавший мимо дома, где я жил — вдруг заговорил по русски — на единственном языке, который он знал. Люди вздохнули свободно. А американцы усердно фотографировали русских-баварцев в их новых, «национальных нарядах».

К тому времени фюссенский лагерь перевезли в Мюнхен,

в Шлейсхейм, а недалеко от него был такой же лагерь ДП в бывших эсэсовских казармах. В каждом лагере жило свыше шести тысяч человек. Были открыты гимназии и начальные школы, ряд прикладных курсов. Собрали педагогический совет и совет профессоров, который допрашивал и выдавал соответствующие документы окончившим в Советском Союзе высшие учебные заведения, но не имевших, в силу обстоятельств документов об этом. За короткое время жизнь в лагерях закипела и мюнхенцы довольно часто стали посещать лагерь ДП, чтобы приобрести что-нибудь из продуктов питания. Так продолжалось до тех пор, пока не стала развиваться немецкая экономика, а с другой стороны и беженцы стали постепенно переселяться в заокеанские страны.

Переселение началось по афидевитам и по набору рабочей силы представителями заокеанских стран. Народ валом валил в приемочные учреждения, помогавшие выбраться подальше от большевиков. Психоз был до того велик, что люди даже не задумывались, куда они едут и что там их ожидает, лишь бы уехать подальше от советской чумы. Уезжали главным образом в Соединенные Штаты, в Канаду и в Австралию, но не мало и в страны Латинской Америки. На приемочных комиссиях некоторые приемщики вели себя, как торговцы живым товаром, так, например, позволяли себе сосчитать, сколько во рту осталось зубов, и есть ли смысл везти к себе такого работника. Был случай в Равенсбурге, когда на работу в Бразилию приняли молодую семью — мужа с женой и дочерью, а мать жены отказались принять. На просьбы взять и ее, приемщик заставил старуху присесть — а она присевши, не могла подняться, и мужу с женой пришлось после долгих уговоров приемщика дать ему расписку, что они обязываются содержать мать, чтобы она не легла обузой на бразильскую республику.

В самом худшем и бесправном положении находились бывшие советские люди. Как международная помощь этим новым издержкам войны пришла организация УНРРА, переименованная затем в ИРО, спасшая миллионы беженцев от голодной смерти, вопреки советским требованиям, помогая им также устроить свою дальнейшую жизнь в странах свободного мира. Громадную работу выполнил Толстовский Фонд, оказавший сотням тысяч наших соотечественников очень большую помощь; графиня Александра Львовна Толстая и Татьяна Алексеевна Шауфус этой своей работой вписали свои имена на одной из страниц истории нашего российского лихолетья.

Мы, власовцы, этим двум русским женщинам особенно признательны, ибо тогда некоторые страны западных демократий, в том числе и США, запретили власовцам переселение в их страны (к стыду им!) и только благодаря Толстовскому фонду, каждый власовец смог выехать куда он хотел.

Спасибо им за это!

Со времени описанных событий прошли десятилетия и многое изменилось, в какой то мере унялись боли и зарубцевались раны на душе, но вечный позор и проклятия пострадавших по адресу органов советской репатриации останутся в истории навсегда.

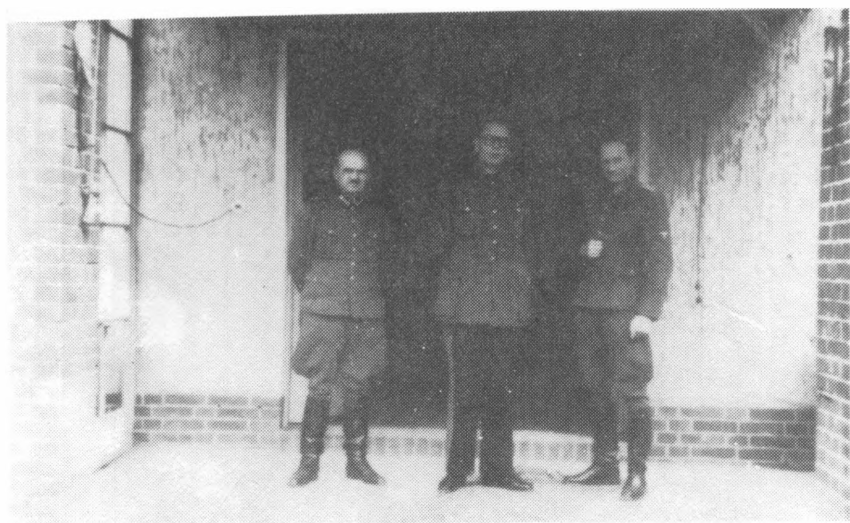

В групповых снимках имена лиц указаны слева на право

- I Генерал А. А. Власов.
- II Генерал А. А. Власов.
- III а) Полковник К. Кромиади Генерал А. Власов и Полковник С. Фрелих.
б) Генерал А. Власов и Полковник К. Кромиади в штабе.
- IV Полк. К. Кромиади, Ген. А. Власов, Полк. С. Фрелих, чины штаба Антонов и Мельников.
- V Генерал В. Ф. Малышкин.
- VI Генерал М. А. Меандров.
- VII Генерал В. И. Мальцев.
- VIII а) Смоленский Кафедральный Собор.
б) Псков 1943 г. Рота Гвардейского Батальона РОА.
- IX а) Полк. Боярский, Полк. Кромиади и Ген. Желинков.
б) Полк. Сахаров, Полк. Кромиади и Генерал фон Шенкендерф.
- X а) РННА — Осинторф 1942 г. Полковник Кромиади в канцелярии.
б) Лейтенант Ресслер с чинами Санчести.
в) Лейт. Ресслер, Полк. Кромиади и старший врач Разумовский.
- XI а) Псков 1942 г. РННА. Комбриг Иванов принимает Князя Голицына.
б) Полковник Сахаров, Комбриг Иванов, Генерал Желинков.
в) Полковник К. Кромиади и Лейтенант А. Воронцов-Дашков.
- XII а) РННА 1942 г. Комбат Головинкин со своим Нач. штаба Соколовым.
б) Инт. офицер Кукушкин, Полк. Кромиади, Полк. Бочаров.
- XIII а) Прием в Штабе Ген. А. Власова.
б) Священник РННА о. Гермоген.
в) Осинторф — Барачная церковь.
- XIV Обнародование Манифеста КОНР в Праге.
- XV Обнародование Манифеста КОНР в Берлине.
- XVI а) Кемптен, Германия 1946 г. Церковь после выдачи советам.
б) Памятник власовцам погибшим в борьбе за Освобождение России. Монастырь Новодивеево около Нью Йорка, США.

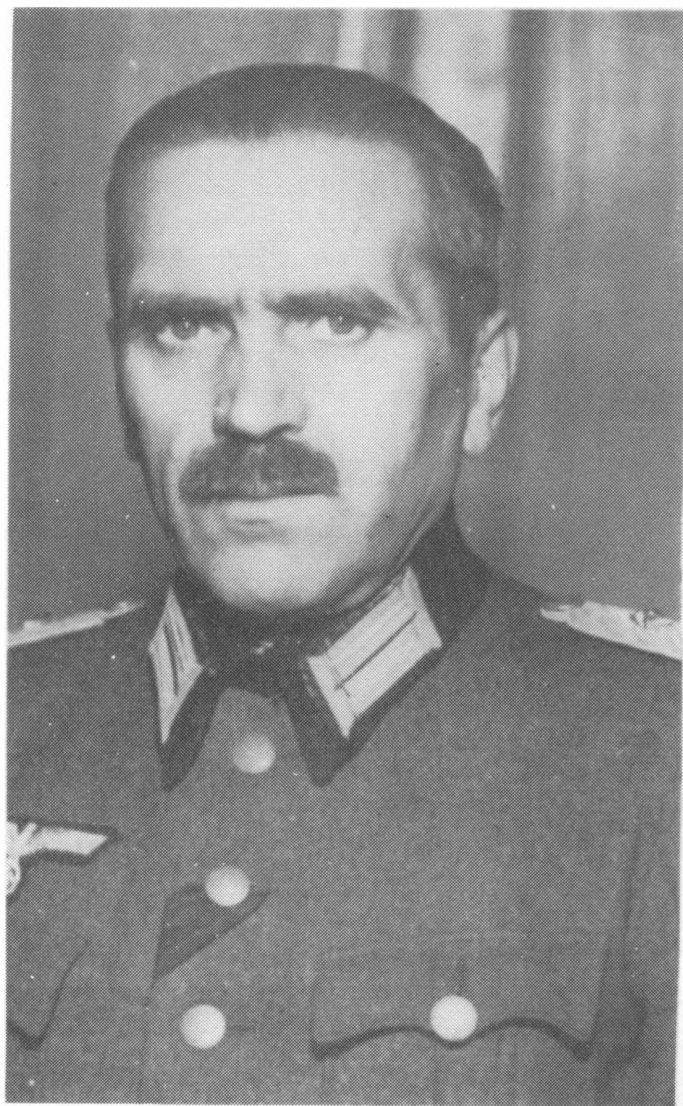

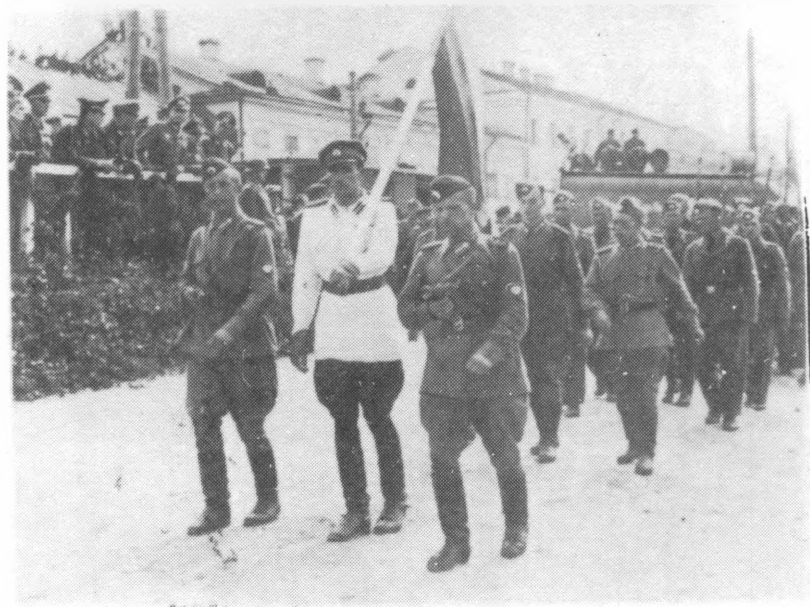

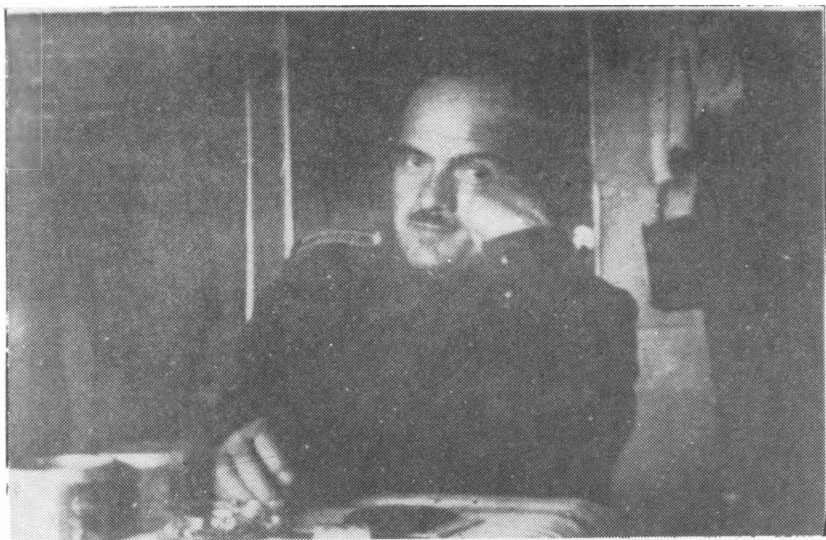

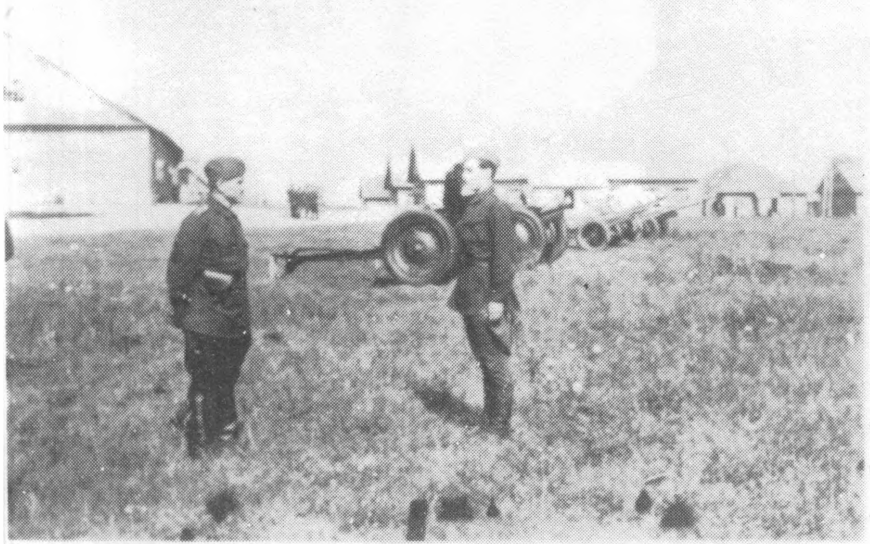

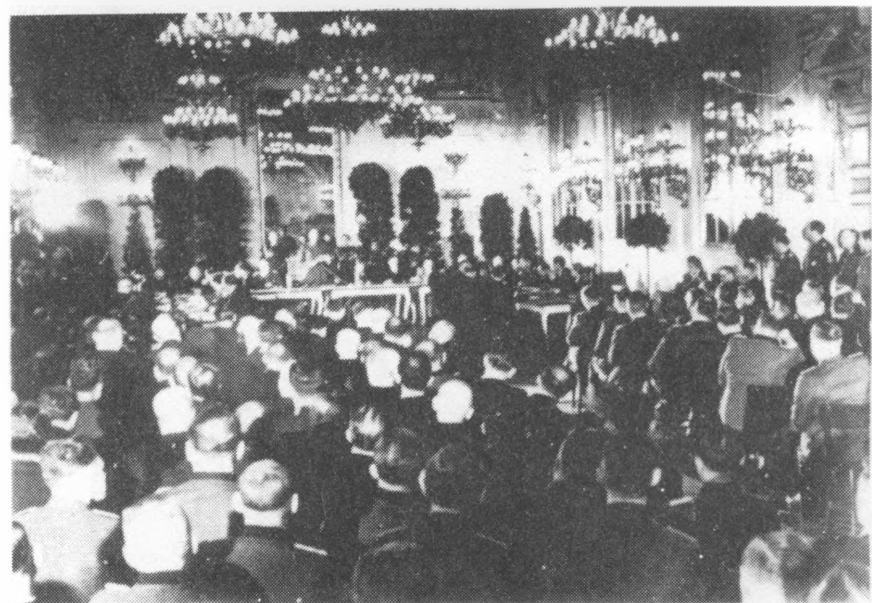

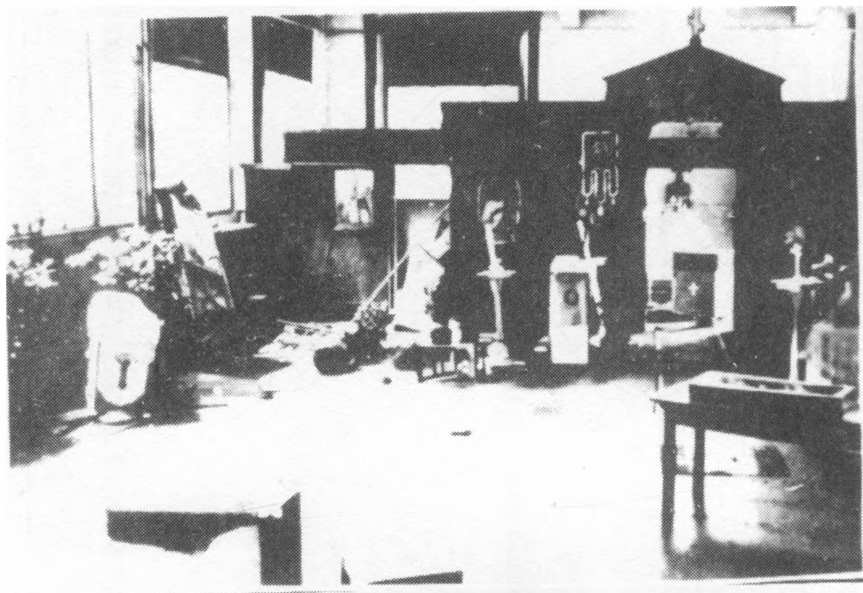

ПРИЛОЖЕНИЯ

- 1. Манифест Комитета Освобождения Народов России**
- 2. Манифест Смоленского Комитета**
- 3. На чьи деньги создавалось Русское Освободительное Движение?**
- 4. Выступление К. Кромиади перед генералом Трускотгом.**
- 5. Суд или расправа? Ответ на статью А. В. Тишкова.**
- 6. Вместо венка погибшим героям!**
- 7. Марш РОА.**

М А Н И Ф Е С Т КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и Сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней своё счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войны народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государствен-

ные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель её — ещё больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всём мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революцию 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоёванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на социальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять своё место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоёванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно

пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетённых.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилем, террором и подкупами сделать её оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Всё это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остаётся при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — её бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими

народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоёванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почётного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу государственности народов России Комитет кладёт следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние; установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициа-

тиве права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вёл ли он её по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сёл, фабрик и заводов за счёт государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединённые усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость.

Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революции 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооружённых сил — Русской Освободительной Армии, Украинско-

го Вызвольного Войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооружённых сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в **объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков**. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооружённую борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших своё мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск!

Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть наши усилия. **Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе**. Не выпускайте полученного оружия из рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. **Освободите их!**

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе!

Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом.

Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии!

Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

(Следуют подписи)

М А Н И Ф Е С Т СМОЛЕНСКОГО КОМИТЕТА

Манифест Смоленского Комитета содержит в себе 13 пунктов, выпущен он был в начале 43 года и получил довольно широкое распространение.

Пункты его следующие:

1) Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние.

2) Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам.

3) Восстановление ремесла, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативе участвовать в хозяйственной жизни страны.

4) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

5) Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации.

6) Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость.

7) Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища.

8) Гарантия национальной свободы.

9) Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма.

10) Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства.

11) Восстановление принадлежащих государству разрушенных во время войны фабрик и заводов.

12) Отказаться от кабальных договоров, заключенных Сталиным с англо-американскими капиталистами.

13) Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

По заданию партийной клики, листовки с вышеуказанным текстом должны были быть заброшены только на советской территории, но своевременно информированные летчики, будто по ошибке, разбросали их и на оккупированной немцами территории.

НА ЧЬИ ДЕНЬГИ СОЗДАВАЛОСЬ РУССКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ?

Помещаемые в нашем журнале статьи о Русском Освободительном Движении и о генерале Андрее Андреевиче Власове обратили на себя внимание многих читателей. На столе редакции лежат письма, пришедшие из самых разных стран мира, в них не только хвалят наш журнал, но и ставят вопросы, выражают пожелания. Не имея возможности ответить на все эти письма, редакция благодарит всех за проявленный интерес и обещает по мере возможности удовлетворить их пожелания. Сегодня мы займемся одним из наиболее часто предлагаемых нам вопросов: «На чьи деньги создавался и работал Комитет Освободительного Движения Народов России (КОНР), включая формирование Русской Освободительной Армии (РОА)?»

Чтобы авторитетно ответить на этот вопрос, редакция связалась с бывшим начальником «Отдела внешних сношений КОНР-а» Юрием Сергеевичем Жеребковым, которому мы приносим благодарность за предоставленные из принадлежащего ему архива сведения.

Комитет Освободительного Движения Народов России (КОНР), обычно называемый сокращенно «Освободительным Движением» или же по имени его основателя — «Власовским Движением», работал не на немецкие деньги, как часто предполагают и даже ставят в тяжелую вину некоторые, а на русские.

Руководство КОНР с самого начала считало невозможным финансирование русского национального дела — освобождение России от диктатуры большевиков — иностранным государством. Поэтому уполномоченные представители КОНР-а, по поручению Президиума, вели переговоры с германским министерством иностранных дел, так как только это учреждение рассматривалось как компетентное для обсуждения и заключения какого-либо соглашения или договора с КОНР-ом, выступавшим в роли возможного будущего национального правительства России. КОНР отклонил все предлагавшиеся немцами подобные соглашения с другими министерствами, их департаментами или организациями.

КОНР строго соблюдал свое юридическое положение

самостоятельной, даже можно сказать суверенной русской организации, заключающей договор на равных началах с союзным государством.

Нужно сказать, что эта точка зрения всегда разделялась и активно поддерживалась не только друзьями Освободительного Движения в ОКВ, но и экспертами по русским делам в министерстве по иностранным делам. Последние вполне разделяли мнение представителей КОНР-а о том, что отсутствие договора или заключение его с недостаточно авторитетным партнером могло бы скомпрометировать все движение.

Переговоры велись с русской стороны самим А. А. Власовым, начальником финансового управления КОНР-а профессором С. Андреевым и членом КОНР-а Ф. Ф. Шлиппе; с немецкой стороны представителями министерства иностранных дел — советником посольства Хильгером и тайным советником Танненбергом, а также представителем министерства финансов статссекретарем Рейнгардом.

Текст договора, который составили вышеуказанные лица, был одобрен Президиумом КОНР-а и отличался своею краткостью. На одном листе было точно сформулировано на каких условиях германское правительство предоставляет КОНР-у неограниченный кредит.

Эти средства предназначались исключительно на нужды административной работы КОНР-а и на формирование и вооружение Русской Освободительной Армии (РОА).

КОНР обязывался вернуть эту беспроцентную ссуду германскому правительству немедленно после образования в России национального правительства, от имени которого подписывался договор.

17 января 1945 года договор был подписан в помещении министерства иностранных дел А. А. Власовым, как представителем КОНР-а и государственным секретарем бароном фон Стеенграхтом, как представителем германского министерства иностранных дел и уполномоченным германского правительства. При подписании договора присутствовали: со стороны русских председатель президиума КОНР-а генерал-лейтенант А. А. Власов, член президиума генерал-майор В. Ф. Малышкин, начальник финансового Управления профессор С. Андреев, член финансового Управления КОНР-а Ф. Ф. Шлиппе и начальник отдела внешних сношений при германском министерстве иностранных дел, член КОНР-а Ю. С. Жеребков; с немецкой стороны государственный секретарь барон фон Стеенграхт, государственный секретарь Рейнгард, шеф протокола министерства иностранных дел фон Дюрен-

берг, тайный советник Танненберг, советник посольства Хильгер и посланник фон Типпельскирх.

В государственном банке был открыт счет на имя КОНР-а и образована смешанная финансовая комиссия с двумя кассирами — Риппель с немецкой стороны и Ф. И. Головин с русской (Ф. И. Головин потом был назначен помощником начальника финансового управления). Денежные требования банку должны были быть подписаны обоими кассирами или их заместителями.

Созданный таким образом финансовый аппарат прекрасно функционировал до капитуляции Германии. Первый перевод на банковский счет был произведен на основании требования, приготовленного в личной канцелярии генерала, проверенного юристконсультom КОНР-а профессором Гриммом, подписанного генералом А. А. Власовым и скрепленного полковником К. Г. Кромиади.

С. Орлов.

«Зарубежье»
февраль - апрель 77 года.

ТЕКСТ МОЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПЕРЕД ГЕНЕРАЛОМ ТРУСКОТТОМ

Командующему Третьей американской армии.
Господин Генерал!

Люди, сидевшие в лагерях военнопленных, являются участниками Русского Освободительного Движения, которое возглавлял в свое время генерал-лейтенант Власов, и ни в коем случае не являются военными преступниками, как нас называют представители советской власти, или изменниками и предателями, как нас называют союзники советов.

Разве они договаривались с германским правительством напасть на Польшу, и не на советском ли бензине летали германские аэропланы, когда они громили все государства Европы? Мы немцам не служили и никому служить не собираемся, кроме нашей родины и нашему народу.

Генерал Власов, демократ по убеждению, начал борьбу против советского правительства, после того, как Америка вступила в войну и когда ясно было, что Германия войну проиграет.

Власов строил свои планы в надежде на то, что в будущем западные демократии, решив уничтожить фашизм и национал-социализм, уничтожат и еще большее зло, грозящее всему миру — коммунизм. Только этим объясняется то, что Власов свои части старался перебросить на запад.

Воевать против союзников мы не собирались. Мы видели, что германское правительство нас обманывает, и что оно национальной России боится больше, чем коммунистической. Все свои надежды мы возлагали на Англию и Америку. Нам тогда не приходило в голову, что вы, уничтожив фашизм и нацизм, откроете широкую дорогу коммунизму в Европу.

Вам, господин генерал, известно, что советское правительство за 25 лет своего существования в России уничтожило около 40 миллионов ни в чем не повинных русских людей? Если германские концентрационные лагеря являются ужасным злом нашего времени, то советские концлагеря являются злом гораздо худшим, и в них советское правительство сгноило более 10 миллионов.

Вам известно, что в Советском Союзе каждый четвертый человек сидел в тюрьме от двух до десяти лет, и что в России

большевиками было настроено тюрем больше, чем во всей Европе, вместе взятой?

Нет, мы не изменники и не предатели своей родины, и нас можно винить только в чрезмерной любви к ней. Не удивительно, что мы, оказавшись вне пределов советского правительства, поднялись на борьбу против него.

Наша совместная борьба с немцами против советов объясняется только нашим пребыванием во время войны на территории Германии, а не общностью наших целей. Мы добились освобождения нашей родины и нашего народа, а немцам нужен был разгром России.

Надеюсь, господин генерал, что события, разыгравшиеся в Дахау, можно объяснить только простым недоразумением, ибо мы свою судьбу и свою жизнь вверили Вам, и многие из наших товарищей, проработав летом у крестьян, осенью добровольно возвращались в свой лагерь. Эти люди пойдут с Вами и будут исполнять по Вашему приказу любую тяжелую работу. В лице этих людей в Дахау Вы предали лучших своих друзей.

По какому праву советское правительство требует нашего возвращения на родину, когда оно само отказалось от нас в 1941 году? Тогда миллионы русских военнопленных томились при самых тяжелых условиях в немецких лагерях без куска хлеба и под открытым небом. В течение только этой зимы 87% этих людей умерло от голода и холода, и не нашлось ни одного человека во всем мире, который заступился бы за нас. Ни Америка, ни Англия, ни Советский Союз нам не помогли.

В культурной Европе среди христианских народов в муках и страданиях на глазах у всех умирали миллионы наших товарищей, а теперь нас же предают нашим политическим врагам на растерзание.

Зная, господин генерал, что это не Ваше решение, но прошу Вас довести нашу просьбу до сведения вышестоящих властей, и мы надеемся, что они найдут возможность пересмотреть свое решение.

Знаем, что решение это состоялось на Ялтинской конференции, но в истории Европы еще не было случая выдачи политических борцов на растерзание.

31. I. 1946 г.

К. Кромиади.

К. Кромнади

СУД ИЛИ РАСПРАВА

Ответ на статью А. В. Тишкова

В советском ежемесячнике «Советское государство и право» за февраль 1973 помещена статья А. Тишкова под заглавием: «Предатель перед советским судом». Под словом «предатель» автор подразумевает бывшего возглавителя Освободительного Движения Народов России, генерал-лейтенанта А. А. Власова. В этой статье автор пользуется следственным материалом из суда над ген. Власовым и его сподвижниками, причем главное место отводится Власову, показаниями же остальных подсудимых (генералов В. Ф. Малышкина, Ф. И. Трухина, Г. Н. Жиленкова, В. И. Мальцева, М. А. Меандрова) автор пользуется только поскольку они направлены против Власова.

По данным автора следствие продолжалось 16 месяцев, и материал его составил целых три тома, но сам автор написал на десяти страницах все выявленные и зафиксированные следствием грехи и прегрешения подсудимого. Тут и переход на сторону врага, и измена Родине, и предательство, и шпионаж в пользу врага. Подсудимые, пишет он, признались в своей вине и «Первого августа 1946 года Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла свой приговор. Подсудимые были лишены воинских званий и приговорены к смертной казни».

«Таков был конец одного из самых гнусных предательств, которые знает история» — пишет автор.

В мае 1945 года, после разгрома германской армии, никто из близкого окружения ген. Власова, никто из случайно уцелевших и мысли не допускал, что Власова, добровольно сдавшегося со своим штабом американцам, могут выдать большевикам на расправу. Правда, перед тем были обнародованы заключения Ялтинского договора и все таки не верилось, чтобы западные демократии, воспитанные на принципах свободы, равенства и братства, могли пойти на столь аморальный и недостойный поступок. Мы тешили себя

надеждой, что в старой Европе не принято было выдавать политических борцов на расправу их врагам... И тем не менее, когда пришлось убедиться в том, что Власов и его сподвижники все таки были выданы, каждый из нас уже знал, какой жуткий путь предстоял им в застенках уже давно прославившейся своими зверствами Лубянки. Но все таки статья Тишкова произвела на меня теперь ужасное впечатление и заставила еще раз с укором обратиться к памяти тех, кто тогда одним росчерком пера выдали на страшные муки и страдания не только Власова и чинов его штаба, но и сотни тысяч солдат и офицеров, вся вина которых заключалась в том, что они решили отдать борьбе за свободу и счастье своей Родины и своего народа последнее, что у них осталось — свою жизнь. Тогда же народы Восточной Европы предавались в кабалу коммунистам и создавались предпосылки к возникновению в мире сегодняшнего политического и экономического ералаша.

Но вернемся к статье Тишкова. Я бы сказал, что с одной стороны она весьма тенденциозна, как и любая другая коммунистическая пропаганда, а с другой — ординарна и шаблонна. Впечатление от откровений автора получается удручающее, но в то же время, если в ней вычеркнуть все имена, и заменить их другими, то она могла бы относиться к сотням и тысячам других аналогичных дел, когда арестованных так же терзают и пытаются в застенках Лубянки, или других таких же мясорубках, когда так же доводят их до полного истощения физических и духовных сил и добившись от них признания всех совершенных и не совершенных ими преступлений (люди ищут спасения в смерти), их выводят в расход. Разница только в именах и вариантах, а во всем остальном аппарат власти работает бесперебойно по раз и навсегда налаженной конвейерной системе. В результате этой налаженной работы — десятки миллионов жертв. Стоит только вспомнить расстрелы золотопогонников, буржуев, «псов» (ленинская гвардия), раскулаченных, — насильный загон в колхозы, подавление крестьянских и рабочих восстаний, ликвидацию десятков тысяч комсостава Красной Армии. Чего только не натворило это так называемое советское правосудие? Каких только дьявольских ухищрений оно не применяло к своим узникам, чтобы заставить их наговаривать на себя? Каких только преступлений органов власти не прикрыло именем закона?

Об этом ужасе свидетельствуют тысячи бывших советских граждан, переживших страшные застенки ЧК, НКВД, КГБ и из-за военных обстоятельств очутившихся за рубежом.

Стоит только прочесть Гинзбурга, Кузнецова, Шаламова и др., переживших ужасы советских тюрем и концлагерей.

Вот почему статья Тишкова не только не сказала нам ничего неожиданного, но лишний раз подтвердила наше мнение о мероприятиях и методах действий в застенках Лубянок, которые ожидали и наших замученных героев. Однако, зная довольно хорошо подсудимых, я утверждаю следующее:

1) Неправда, что Власов якобы перешел на сторону врага. После разгрома Второй Ударной армии, не сумевшей прорваться к Ленинграду, он в течение двух недель скрывался в лесах, стараясь пробиться к своим и не смог; немцы его усиленно разыскивали. Со своей группой он скрывался в лесах, и когда его одолел голод и он пробрался в деревню за хлебом, крестьянин, к которому он обратился, и выдал его немцам.

2) Неправда и то, что якобы Власов выдал немцам военные тайны. Во время минувшей войны обстановка быстро менялась и сегодняшняя тайна завтра становилась всем известной, а Власов сидел в окружении и мог знать лишь только то, что окружало его армию, и что немцам было известно и уже ликвидировано.

3) Неправда и то, что якобы Власов и его сподвижники шпионили в пользу немцев. Это самая гнусная ложь, которою его клеветники пытаются запачкать честное имя Власова и его сподвижников. Власов скорее пошел бы на смерть, чем стал бы на такой позорный путь.

4) Власов никогда и никому не обещал ни одной пяди русской земли. Он всегда говорил, что никому из нас не дано право распоряжаться русской землей. «И если бы вы — говорил он, обращаясь к немцам — принудили бы меня дать вам какие бы то ни было обещания, то за мною не пошел бы ни один человек. Наша задача — говорил он — помочь нашему народу избавиться от постигшего его несчастья. Тогда и каждый из нас сможет высказать свое личное мнение». Кроме того, Власов был достаточно умен, чтобы таких глупостей не говорить.

Да и вообще Власова винить не в чем, разве только в том, что он изменил коммунистической партии. Во всем остальном он чист до конца. Он стал на путь возглавления Освободительного Движения Народов России только для того, чтобы иметь возможность помочь своей Родине избавиться от какой-бы то ни было неволи. Он вполне отдавал себе отчет в том, на какой тяжелый жертвенный путь он стал, и понимая свое положение, не раз говорил: «Нужно считаться с тем, что на

путях нашей борьбы мы погибнем, но мы уже пожили и с нас довольно, зато наша идея приведет к крушению коммунизма; и если даже мы погибнем, на наше место придут другие и доведут наше дело до конца».

И я бы сказал, что не только Власов, но и Малышкин, и Трухин и Жиленков, и Боярский, и Мальцев и Меандров всегда смело смотрели смерти в глаза и были к ней готовы. Эти люди знали, на что пошли, и их не так легко было утратить. Вот почему я утверждаю, что то «недостойное» их поведение и роль, которые приписывает им А. В. Тишков — есть чистейшая клевета. Приписанное им поведение не было им свойственно ни в какой степени. Нельзя забывать также, где они пребывали, и что над ними вытворяли в течение шестнадцати месяцев чекистские заплечных дел мастера. Ведь их судьба заранее была predetermined, но их томили в застенках Лубянки 16 месяцев и потому я допускаю мысль, что если из всего написанного Тишковым хоть что-нибудь отвечает истине, то можно придти в ужас от степени невыносимости тех мер воздействия, которые применялись к ним, чтобы сломать их волю, выколотить из них желаемые следователями признания. Таких случаев в практике советского правосудия было не мало.

Судя по статье Тишкова, на Лубянке следователи добивались от подсудимых признания, подтверждающего не только степень их виновности в предъявленном им обвинении, но еще и данных для того, чтобы запачкать их, их же собственными признаниями, чтобы опозорить все дело, которое они возглавляли, и которое по сей день является бельмом на глазу советских властей.

Я думаю, что для тех, кто пережил советскую действительность, или более или менее знаком с нею, действия Тишковых далеко не новы и не убедительны. Они скорее всего наталкивают читателей на более правильный путь мышления.

Но оставим Власова в покое. Во время минувшей войны на стороне немцев в фронтовых и тыловых частях работали один миллион двести тысяч советских граждан (исключая так называемых «остарбайтеров»). Возникли их мелкие, а иногда и крупные подразделения примерно весной 1942 года, стихийно и повсеместно. Что-то не слышно было, чтобы в тогдашних фронтовых частях фигурировали имена каких-либо известных политических или же военных деятелей; все шло самотеком, и повсеместно. Даже немцы не в состоянии сказать, как все это дело возникло, как могло возникнуть такое, на первый взгляд, противоестественное явление? Сам генерал Власов

тогда еще сражался в рядах Красной Армии и никакого отношения к русским делам в Германии не мог иметь. Что же — эти один миллион двести тысяч русских людей пошли на измену родине???

А не скажут ли Тишковы, как могло случиться то, что через три месяца после начала войны немецкие войска стояли уже под Ленинградом и Москвой, а в германских лагерях военнопленных томилось 4,5 миллиона советских солдат и офицеров? Знала ли история русской армии нечто подобное? А не скажут ли новоиспеченные советские патриоты и блюстители «советской» морали, чем объяснить то, что несмотря на строгие приказы властей населению эвакуироваться вместе с отступавшей армией, от 50-60 миллионов населения осталось на своих местах на милость наступавшего врага? Или же то, что в том же 1942 году на Винницком направлении, когда немцы оказались в окружении, и пока кольцо не замкнулось, из брошенного ими на произвол судьбы лагеря военнопленных, множество их бросилось к выходу и бежало вслед за уходившими немцами?

Да мало ли чего было, о чем можно было бы написать? Тогда на помощь Сталину во-время подоспел Гитлер, тоже со своей партией, которая своей жестокостью и отвратительными мероприятиями колонизаторов новой эры очень быстро отрезвила народ и привела его к необходимости бороться, и бороться не на жизнь, а на смерть. Люди поняли, что ошиблись в своих надеждах, что Запад идет им на помощь. Но оставим этот вопрос: эта тема слишком обширна и сложна. Я позволил себе коснуться ее слегка только для того, чтобы подчеркнуть, что фронтовые и тыловые формирования из советских граждан на стороне Германии, охватывавшие один миллион человек, назывались вспомогательными войсками, и ни в своем возникновении, ни в своей деятельности с ген. Власовым ничего общего не имели. Попытка же ген. Власова всю эту политически и идеологически аморфную массу объединить под знаменами КОНР и направить ее в русло общей освободительной борьбы, до самого конца войны встречали упорное сопротивление со стороны нацистского руководства. Следовательно, напрасно Тишков и иже с ним думают, что если им удастся опорочить Власова и его сподвижников и свалить всю вину за происшедшее на них, то вопрос будет исчерпан.

Напрасный труд! В этом большом и исключительно своеобразном деле Власов, власовцы и власовство являлись всего лишь одним из эпизодов. Здесь речь идет о том, что

во время минувшей войны миллионы советских граждан искали спасения от невыносимого режима коммунистической диктатуры. Кто и как проявил свое стремление? Кто как мог.

И наконец позволю себе сказать несколько слов по поводу заключения, сделанного Тишковым:

«Первого августа 1946 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла свой приговор. Подсудимые были лишены их воинских званий и приговорены к смертной казни.

Таков был конец одного из самых гнусных предательств, которые знала история» — пишет он.

Видимо, у А. Тишкова память слишком коротка, вследствие чего он может сделать такое смелое заключение. Ему следовало бы вспомнить о той роли, которую в 1917-ом году сыграл Ленин, получив от Людендорфа десятки миллионов марок золотом, приехав в Россию, как германский агент (тогда Временное правительство распорядилось арестовать его и он со своими единомышленниками вынуждены были скрыться в Финляндии); это тогда он со страхом твердил: «Они, т. е. органы Временного правительства, продырявят нам головы!»! Он должен был вспомнить и то, что тогда Ленин со своими единомышленниками развалили фронты русской армии, не считаясь с тем, что таким образом вся страна подпадет под удар врага. Он должен был бы вспомнить и о том, что власть над страной коммунистами была захвачена силой, после того, как они довели ее до состояния хаоса и анархии. Он не должен был бы забывать и того, что, чтобы удержать захваченную власть, коммунисты уничтожили десятки миллионов ни в чем неповинных людей. Можно ли представить себе предательство страшнее и гнуснее этого?!

К. Кромиади.

ВМЕСТО ВЕНКА ПОГИБИШИМ ГЕРОЯМ!

Со времени описываемых событий прошло больше тридцати лет и мы, оставшиеся в живых власовцы, во всех местах нашего великого рассеяния свято носим в сердцах наших скорбь по гибели наших вождей и боевых товарищей. И не зная точной даты совершения над ними злодеяния, мы приняли за основу день объявления об этом злодеянии, 2-ое августа 1946 года. Каждый год, в этот день, где бы мы не находились, в своих молитвах к Господу Богу просим об упокоении их душ в селениях праведных. В то же время, этот день стал для нас традиционным днем переклички наших кадров. Я бы сказал, этот день стал символом нашего духовного объединения. В этот день перед каждым власовцем мысленно проходят былые дни борьбы и его соратники с их идеями, порывами и молодецким задором. Среди них не было таких, которые бы кланялись пуле, это были добровольные бойцы.

В этот исторический день, день объявления о гибели наших вождей, мне хочется оглянуться назад и вспомнить физический и духовный облик каждого из них. С болью на душе вспоминаю с каким спокойствием стали они на тернистый путь освободительной борьбы и с какой уверенностью каждый из них шел к своей цели. Компромиссов не было и быть не могло. Решение было принято: свобода или смерть! И чашу горечи им пришлось выпить до дна и сколько горячих сердец, жертвенных идей и несбывшихся надежд ушло с ними в могилы...

Тяжелое поражение в 1945-ом году нанесли западные демократы-победители Русскому Освободительному Движению! Вспоминая теперь те далекие сокрушительные дни, представляю себе какое презрение и омерзение должны были питать Власов и его соратники к тем безумцам, которые своих же единомышленников и благожелателей выдавали на растерзание своим потенциальным врагам. Что думали предатели о свободолюбии своих собственных народов, о своих вековых гуманных традициях, которыми они так кичились перед остальными народами, подписывая презренное ялтинское соглашение? Они не задумались над тем, что подписывают смертный приговор борцам за свободу, в уго-

ду палачам и инквизиторам двадцатого века, что своей подписью под соглашением они стали соучастниками большевистских злодеяний и толкнули на гибель не только тех, кто пытался вырваться из коммунистической неволи, но и целый ряд народов Европы. Мало того — чтобы оправдать себя, они заклеили свои жертвы ярлыком «изменника родины» и тем самым совершили двойное преступление по отношению к людям, которые в 1943-м году в Париже и в 1944-м году в Праге открыто и во всеуслышание декларировали свои освободительные идеи. Наклеивая этот ярлык союзники Сталина знали к тому же, что обвиненные не смогут опровергнуть обвинение, ибо они очутились уже в руках Сталина. Но сказано в Священном Писании: кто сеет ветер, пожинает бурю. Сразу же после поражения Германии, на глазах у своих союзников, большевики коммунизировали треть Европы и вышли на новые исходные позиции. Не помогло союзникам и то, что они так услужливо поставляли Сталину его взбунтовавшихся подданных, выдавая их на расправу. Страшные картины выдачи людей в Платтлинге, в Дахау, Кемптене и Лиенце да будут вечным укором как для тех, кто продиктовал их, так и для тех, кто приложил к ним руку.

(Да простят мне эти упреки те офицеры американской, английской и французской армий, которые тогда, вопреки приказам своих правительств, помогали подлежащим репатриации, чем могли. О них мы помним и всегда будем вспоминать с благодарностью).

22 февраля 1946 года, когда предстояла очередная выдача власовцев в Платтлинге, отец Георгий Граббе, Г. Ганзюк и пишущий эти строки поехали во Франкфурт к главнокомандующему ген. Айзенхауэру просить отложить выдачу власовцев и пересмотреть их дело. День был воскресный и генерал был в отъезде. На запрос дежурного по штабу полковника генерал приказал передать нам, что выдача людей, о которых мы хлопочем, производится по распоряжению американского правительства, к которому мы и должны обратиться по дипломатической линии. В день выдачи генерал Айзенхауэр был в Берлине, в гостях у ген. Жукова на торжествах Красной Армии, а в Платтлинге с раннего утра команда Эмпи с белыми дубинками в руках проводила выдачу людей на репатриацию. Люди кончали с собой, резались бритвенными ножами и оконными стеклами, а их сваливали в грузовики и в товарные вагоны и по счету сдавали большевикам. В тот день было выдано две тысячи власовцев, и Эмпи, произво-

дившие ее, выходили из лагеря с уже покрасневшими от крови дубинками. И это только один пример из очень многих результатов альянса демократий с большевиками...

Но в заключение я хочу сказать, что как бы ни были тяжелы наши потери, никому из нас не следует гнаться под их тяжестью. Жертвы наши не пропали даром. Какие бы конференции мира не созывались в Европе и Америке, агрессия коммунистов на свободный мир продолжается и будет продолжаться. А на фоне трагического положения народов свободного мира пример Власовского движения и через тридцать лет светлым маяком указывает людям путь к спасению.

К. Кромиади.

Июль 1976 г.

МАРШ РОА

Отступают небосводы
Книзу клонится трава
То идут за взводом взводы
Добровольцы из РОА.

Шаг ровней и тверже ногу
Грудь вперед, тесней ряды.
Мы пробьем себе дорогу
Где не торены следы.

День грядущий для нас светел,
Пусть извилисты пути,
Каждый сам себе наметил
С кем, куда, зачем идти.

Перед нами будь в ответе
Кто народ в войну втравил
Разнесем, как тучи ветер,
Большевицских заправил.

Нету к прошлому возврата,
В сердце кровь кипит ключем.
Все мы русские солдаты
Счастье Родине несем.

Февраль 1977 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	1
Введение. Начало Германо-Советской войны	3

Часть I.

НАСТРОЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЦЕВ И РУССКИХ ГРУППИРОВОК 1941 - 1945 гг.

Настроения берлинских обывателей во время войны.	17
Положение русской эмиграции в Берлине.	22
Положение русских военнопленных в 1941 году.	25

Часть II.

РУССКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1942 - 1945 гг. Русская Народная Национальная Армия (РННА)

Осинторфская эпопея.	51
Поездка на Родину	53
Начало формирований.	58
Прием добровольцев.	60
Взаимоотношения между РННА и местным населением РННА и партизаны.	65
Прощальный приказ	69
	82

Формирование РОА на фронте	87
Власовцы и народ.	101
В штабе Ген.-Лейт. А. А. Власова.	107
Власов о себе.	115
Ген.-Майор В. Ф. Малышкин.	122
Наши будни.	126
Русские добровольческие формирования и Ген. Власов	130
Прием Митрополита Анастасия	133
Взаимоотношения Ген. А. А. Власова с немцами.	135
Положение Ген. А. А. Власова.	151
М. А. Зыков.	157
Гитлер у разбитого корыта	158

Освободительное Движение Народов России

Прием у Гимmlера и начало активной деятельности.	165
Подготовка к оформлению структуры Движения.	171
Подготовка к созыву КОНР.	174

(Письмо Ген. П. Н. Краснова)	180
Обнародование Манифеста.	187
Уход из Берлина.	203
Приход американцев	218
Первая Дивизия РОА на фронте.	223
Прага — Пильзен — Шлюссельбург. (Кап. Р. Антонов).	233
Вот, что сохранилось в памяти. (В. Ресслер).	239

Вместо эпилога

Депортация.	247
---------------------	-----

Приложения

Манифест Комитета Освобождения Народов России	269
Манифест Смоленского Комитета.	277
На чьи деньги создавалось Русское Освободительное Движение?	279
Текст выступления Полк. Кромиади перед Генералом Трускоттом.	283
Суд или расправа.	285
Вместо венка погибшим героям.	291
Марш РОА.	245

Иллюстрации

Письмо Ген. А. А. Власова Полковнику К. Г. Кромиади	14
Пригласительный билет. № 18 Полковнику К. Кромиади.	164
Новогоднее поздравление Ген. А. А. Власова.	195
Полномочие Полковнику К. Кромиади для переговоров с Западными Союзниками.	246

Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азар.

Технический редактор А. В. Гибанов.

SBONR PUBLICATIONS
P.O. BOX 411, STATION "B"
LONDON, ONTARIO
CANADA N6A 4W1

Русское Национальное Издательство
и книжное дело «ГЛОБУС».
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

GLOBUS PUBLISHERS